

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Кутеко Д.А. Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века	1
Соловьева А.Е. Английская терминология авиационных двигателей: лексико-семантические, структурно-грамматические и прагматические особенности.	17
Кондрашева Е.В. Концепт «любовь» в художественном мире В. Токаревой: специфика воплощения, образное наполнение и связь с концептосферой А. П. Чехова	27
Ха Ц. Актуальные понятия политического дискурса современных российских и китайских СМИ	38
Шагбанова Х.С. Бинарная оппозиция небо-земля в русском и английском языках	47
Гусева Е.В. Поэтика авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А. М. Ремизова	57
Ильин А.А. История и модификация современной кинематографической лексики	68
Чередниченко Л.В. Интерактивная документалистика: определение понятия в российских и зарубежных исследованиях	79
Саввинова Г.Е. Мифопоэтика образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и П. Ойунского	95
Приходько К.О. Образ фонтана в избранной лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева	108
Писаренко А.Ю. Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева	119
Кирова М.М. Жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Ф. А. Искандера	127
Павлов Д.Н., Голованов А.Н., Тыркалова В.В. Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях	141
Былевский П.Г. Культурологический подход к развитию общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций	157
Тюняева О.Д. Рецепция книги рассказов «Записки охотника» в США, или И. С. Тургенев против рабства	168
Балабаева А.С. Творчество М. Ю. Лермонтова в религиозно-философской критике В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова	176
Куц Н.В. Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"	189
Ал-Лами Ф. Языковая картина мира на примере дипломатического дискурса русского и арабского языков	198
Иванова Е.В. Грецизмы в маргиналиях к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким	206
Гаипова Н.У. Женские образы в пьесах А.Н. Островского	219
Сюцин Ч. Роль когнитивной метафоры в китайском и русском языках	226
Артамонова М.В., Мамбетов А.А., Тулина Е.В. Чат-бот как инструмент в работе	235

переводчика

Ян Ю., Митрофанова И.И. Представление о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках 254

Герасимова А.А. Современные арабские лингвисты об ударении 262

Студеникина Д.Г. Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Названия общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984») 281

Англоязычные метаданные 289

Contents

Kuteko D.A. Italian «erudite comedy» in the sociocultural and linguistic context of the 16th century	1
Solovyeva A. English terminology of aircraft engines: lexical-semantic, structural-grammatical and pragmatic features.	17
Kondrasheva E.V. The concept of "love" in the artistic world of V. Tokareva: the specifics of the embodiment, varieties and connection with the conceptual sphere of A. P. Chekhov	27
Kha T. Current concepts of political discourse in modern Russian and Chinese media	38
Shagbanova K.S. Binary opposition heaven-earth in Russian and English	47
Guseva E.V. The poetics of the author's situativeness in the story "The Sisters of the Cross" by A.M. Remizov	57
Ilin A.A. History and modification of modern cinematic vocabulary	68
Cherednichenko L. Interactive documentaries: definition of the concept in Russian and foreign studies	79
Savvinova G.E. Mythopoetics of Images in Olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by K. Orosin and P. Oyunsky	95
Prikhod'ko K.O. The Image of a Fountain in the Selected Lyrics of Pernette du Guillet and Maurice Scève	108
Pisarenko A.Y. Motives and Images of Medieval Mysticism in the Works of Nikolai Gumilyov	119
Kirova M.M. Genre-Thematic Originality of F. A. Iskander's Animalistic Works	127
Pavlov D.N., Golovanov A.N., Tyrkalova V.V. Media Narrative: On the Question of Structure and Functions	141
Bylevskiy P.G. Culturological approach to the development of a general civil culture of Internet communications security	157
Tyunyaeva O.D. The reception of "Sketchers of a hunter" in USA, or I.S. Turgenev against slavery	168
Balabaeva A.S. The works of M. Y. Lermontov in the religious and philosophical criticism of V. S. Solovyov, D. S. Merezhkovsky and V. V. Rozanov	176
Kuts N.V. E. F. Rosen in Pushkin's <i>Sovremennik</i>	189
Al-Lami F. Linguistic picture of the world on the example of the diplomatic discourse of the Russian and Arabic languages	198
Ivanova E.V. Greek borrowings and glosses in the translation of "Epitomy" by Constantine Harmenopoulos, made by Epiphanius Slavnetsky	206
Gaipova N.U. Images of women in the plays of A.N. Ostrovsky	219
Xiuqing C. The Role of Cognitive Metaphor in Chinese and Russian Languages	226
Artamonova M.V., Mambetov A.A., Tulina E.V. Chatbot as a translation tool	235
Yan Y., Mitrofanova I.I. The concept of "glory" in Russian and Chinese proverbs and	254

sayings

Gerasimova A.A. Modern Arabic Scholars on Stress	262
Studenikina D.G. Linguacultural prerequisites for the creation of new lexical units in dystopias (on the example of the lexical-thematic group "Names of socio-political organizations" in George Orwell's dystopian novel "1984")	281
Metadata in english	289

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кутеко Д.А. — Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века //

Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43686 EDN: VJNVPA URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43686

Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века

Кутеко Дарья Андреевна

ORCID: 0000-0002-0918-602X

аспирант, кафедра романского языкознания, Московский Государственный Университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, строение 51

✉ kuteko_darja@rambler.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43686

EDN:

VJNVPA

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2023

Дата публикации:

08-08-2023

Аннотация: Итальянская «учёная комедия» была важным этапом в становлении западноевропейского театра, своеобразным посредником между античной драматургией и драматургией Нового времени и, хотя её художественные достоинства оцениваются неоднозначно, её появление и расцвет в эпоху формирования литературного итальянского языка дают современному исследователю счастливую возможность познакомиться с разными регистрами итальянского языка в этот период. Таким образом, предметом работы является развитие и особенности жанра «учёной комедии» в Центральных областях, на Севере и на Юге Италии в XVI веке, а целью – выявление основных тенденций его становления. Главными методами исследования служат сопоставительный метод, метод лингвокультурной интерпретации, а также совокупность социолингвистических методов. Новизна заключается в выбранном для работы материале: ранее комедии нередко становились предметом литературного анализа, однако не привлекались в качестве полезного для социолингвистического исследования

источника, с помощью которого впоследствии можно получить новые данные о языке. Результаты работы заключаются в обобщении существующих и получении новых сведений о развитии «учёной комедии» в разных регионах Италии и могут быть применены в дальнейшем социолингвистическом исследовании, поскольку, чтобы представить языковую ситуацию XVI века во всей её полноте, требуется принимать во внимание как её участников, так и данные о них – территориальные особенности, региональные характеристики, уровень образования.

Ключевые слова:

итальянский комический театр, учёная комедия, театр XVI века, эволюция жанра комедии, итальянский язык, *parlato-recitato*, диалектная литература, речевая характеристика персонажей, социолингвистический анализ, социолингвистическая ситуация

Введение

Как писал М.Л. Андреев, «итальянская комедия XVI века оставляет впечатление разнообразия, почти феерического, и монотонности, почти удручающей. Оба впечатления верны... Разнообразие ренессансной комедии заложено в её стиле и её слове – это тот уровень, где она позволяет себе быть вполне свободной и вполне индивидуальной» [\[1, с. 176\]](#).

Всем известно об итальянской комедии масок (*commedia dell'arte*), однако мало кто знает об истоках этой разновидности комедий – так называемых «учёных комедиях» (*commedia erudita*). К их возникновению привело обращение гуманистов к античности, интерес к античному театру, первые публичные постановки пьес Плавта и Теренция, осуществленные студентами «*Studium urbis*» под руководством Помпония Лето в 1470-х годах.

Целью данной работы служит выявление основных тенденций становления жанра учёной комедии, обобщение существующих и получение новых данных о развитии комического театра: сведения могут быть полезны не только с литературоведческой точки зрения, но и в области социолингвистики. Новизна работы заключается в выбранном для рассмотрения материале: ранее комедии нередко становились предметом литературного анализа, однако их тексты несправедливо обходили вниманием лингвисты. Важно, что для формирования наиболее полного представления об итальянском языке XVI века необходимо комплексное рассмотрение как языкового материала (непосредственно текстов комедий), так и социокультурного контекста (данных об анализируемом жанре, информации о биографии комедиографов, их уровне образования), что является одним из основополагающих принципов социолингвистического исследования.

Истоки и особенности «учёной комедии»

Название «*commedia erudita*» («учёная комедия») возникло из-за того, что латинские источники были доступны только «учёным» авторам и читателям, обладающим достаточным уровнем образования. В связи с этим такие комедии обычно показывали светской публике, при дворе, но не на площадях.

Конфликтом в учёных комедиях чаще всего был любовный: например, юноша боролся за возможность быть с любимой, как правило, зорко охраняемой опекунами или

оберегаемой родителями. Главным помощником и пособником в этой борьбе становился верный слуга. Слугам в целом отводилась достаточно важная функция: во время действия они практически не уходили со сцены и были самыми колоритными персонажами, выразителями динамики быта, исполняющими трюки и проделки [\[2, с. 56\]](#).

Разновидностью учёных комедий была комедия интриги, в которой присутствовали мотивы переодевания девушки в юношу и наоборот, что позднее мы увидим у Шекспира в комедии «12 ночь». Несмотря на то, что интрига была сложной, она повторялась из пьесы в пьесу: подмененные дети, разлученные брат с сестрой, любовные неудачи стариков и плутоватые слуги были отличительными чертами таких комедий. Частотными являлись обращения к телесному низу и низменным желаниям людей (по этой причине сквозным мотивом и предметом осмеяния и порицания становится супружеская измена).

Другим источником вдохновения учёной комедии, помимо античности, стала новелла: этот жанр привнёс близость к реальной жизни, использование живой разговорной речи, а также помог найти свой собственный, особый, путь развития. Но несмотря на то, что авторы XVI века стремились максимально приблизить конфликт к современным им реалиям и поднять в комедиях злободневную проблематику, персонажи были скорее лишены индивидуальности и представляли собой лишь типы, придуманные авторами ещё древнеримских комедий. Разве что к традиционным образам иногда добавлялись новые, «списанные с натуры», – например, куртизанка или доктор-педант. Также комедиографы XVI века придумали и совершенного нового персонажа, задача которого заключалась в выступлении с прологом в самом начале пьесы, чтобы привлечь внимание зрителей, кратко рассказать о сюжете комедии и предоставить ценную для понимания пьесы информацию.

Основательное отношение к театру проявляется и в технических аспектах: так, именно в XVI веке появился занавес, отвлекающий актёров от зрителей в течение антракта и помогающий не выйти из роли за небольшой перерыв. Впрочем, действие не прекращалось и во время антракта – популярны были мифологические или античные интермедии. В них уже отсутствовали отсылки к современности и ценилась прежде всего максимальная ориентация на прошлое [\[2, с. 89\]](#).

Комический театр и лингвистическая ситуация

Период расцвета комического театра совпадает с постепенным отказом от идеи относительно равного положения всех итальянских вольтаре, выдвижением флорентийского диалекта в качестве общенационального идиoma и появлением иерархии, в которой литературный язык занимает несравнимо более высокое положение по сравнению с диалектами [\[3, с. 18\]](#). Такая лингвистическая ситуация находит отражение в ренессансной драматургии: использование диалектов становится ярким средством речевой характеристики персонажей [\[4, с. 105-110\]](#).

Итальянский философ и историк Бенедетто Кроче предложил специальный термин для осознанного употребления диалектных черт в комедиях – «*dialettalità riflessa*», противопоставив это явление «спонтанной диалектной литературе» («*letteratura dialettale spontanea*»), то есть произведениям на диалекте более ранних периодов, когда литературным языком выступала латынь, а итальянский ещё не имел кодифицированной формы [\[5, с. 235\]](#). Использование диалекта отсылало к современному разговорному языку – неслучайно Никколо Макиавелли был убеждён, что языком «трёх венцов» можно писать документы, но для искусства (прежде всего комедийного, ведь в

комедиях особенно важна естественность) он не подходит: «коль скоро все лица представлены в смешном виде, то и употребляемые ими слова и выражения должны вызывать смех, для чего должны быть взяты все до единого, без примеси, из родного местного наречия, и тотчас узнаваемы» [6, с. 22-23]. Фальшь на языковом уровне губит всю идею комедии, и она становится непонятной зрителю. Поэтому нередко авторы прибегали к вкраплениям диалекта в тех жанрах, где было с идейной точки зрения важно использование естественной разговорной речи.

Следует учитывать, что диглоссийная ситуация сосуществования литературного языка и диалекта характеризовала итальянский язык на протяжении всей его истории [7, с. 500], однако важно понимать, что комедиографы Чинквеченто не писали на диалекте во имя «его защиты и прославления», а благодаря диалектным вкраплениям лишь сохраняли вариативность в диамезии (вариативность по каналу коммуникации – устному или письменному), диастратии (классовой стратификации) и диатопии (территориальной вариативности) и решали проблему адекватной стилистической передачи разговорной речи персонажей.

В XVI веке процесс кодификации и унификации языка приводит к тому, что многие диалекты Тосканы постепенно утрачивают свои индивидуальные черты и своеобразие, становясь всё более и более похожими на флорентийский [8, с. 89]. Так, по мнению Пьетро Трифоне, сиенские комедиографы XVI века пользовались «усреднённым тосканским диалектом с отдельными сиенскими вкраплениями, по большей части никак не маркированными в качестве просторечных» [4, с. 110]. Причём это выравнивание тосканских диалектов по флорентийскому образцу никак не регламентировалось государством, не ограничивалось исключительно письменной сферой употребления и не насаждалось извне принудительно, представляя собой феномен естественного языкового развития.

Сведения не только об общих тенденциях развития комического театра в разных регионах Италии, но и о жизни конкретных авторов очень важны, поскольку для наиболее полного представления языковой ситуации (а именно – характеристики социально-коммуникативной системы в определенный период её функционирования [9, с. 19]) необходимо принимать во внимание социолингвистические данные о её участниках – территориальные особенности, региональные характеристики, уровень образования.

Комический театр в центре Италии

Лучше всего театр был развит в центральных регионах Италии. Благодаря «трём венцам» Тоскана стала центром культурного и литературного притяжения и оставалась им на протяжении многих веков. Немаловажным фактором был и престиж тосканского наречия, на которое равнялись все остальные регионы Италии. Вероятно, по этим причинам число сохранившихся и дошедших до наших времён комедий итальянских авторов центральных регионов гораздо выше по сравнению с северными и южными. Кроме того, именно в центре создавались и развивались творческие объединения и театральные труппы.

«Академия Оглушённых» (Accademia degli Intronati) была основана в 1525 году «шестью благородными сиенцами» и состояла из представителей интеллектуально-элитарных слоев общества. В своих программных заявлениях отрекалась от любой политической и идеологической направленности, с чем и связано её название, выражающее желание основателей уйти от суеты и «шума мира», потрясавшего всех современников, посвятив себя комедиям «для отдохновения» и изучению языка и литературы [10, с. 129].

Театральным дебютом «Оглушённых» стала комедия «Gl'ingannati» («Обманутые»), изданная в 1531 году анонимно: возможно, за анонимностью кроется не один автор, а целый творческий коллектив [\[1, с. 250\]](#). Это комедия положений, продолжающая традиции Плавта. Помимо ориентации на античные образцы, в «Обманутых» присутствуют и другие характерные для жанра «учёной комедии» элементы: мотив переодевания (чтобы избежать брака по договорённости, главная героиня Лелия переодевается в юношу по имени Фабио и сбегает из монастыря, в котором была заперта отцом Верджинио), крайне сложный и запутанный любовный конфликт (Фабио-Лелия становится пажом Фламминьо, в которого влюблена Лелия, а тот, в свою очередь, влюблён в Изабеллу и использует Фабио для передачи ей нежных писем, но Изабелла, не подозревая истинную личность Фабио, влюбляется в него), обращения к телесному низу (многочисленны и подробны описания любовных сцен между разными парами влюблённых, вложенные в уста слуг).

Въезд в Сиену императора Священной Римской империи Карла V в 1536 году «Академия Оглушённых» отметила постановкой комедии **Алессандро Пикколомини** «L'amor costante» («Постоянство в любви»). Комедия была издана в 1540 году и переиздавалась вплоть до 1611 года. Это происходило не только и не столько потому, что Пикколомини («Signor Stordito», то есть «Господин Оглушённый», как именовал себя сам автор и другие литераторы) был одним из основателей Академии, но по причине большой популярности постановки. Сюжет «Постоянства в любви» во многом похож на комедию «Обманутые», что наводит на мысли о предположительном авторстве или по крайней мере причастности Пикколомини к коллективу её создателей. Пролог снова выступает в качестве полноценного героя комедии, но, в отличие от «Обманутых», первое действие предваряет не его монолог, а диалог Пролога с Испанцем. Обилие языков и наречий в тексте комедии порождает герои, принадлежащие к разным культурам (например, капитан-испанец не только говорит по-испански, но и является носителем многочисленных стереотипов, приписываемых персонажам-чужестранцам), тем самым отражая итальянскую социолингвистическую ситуацию той эпохи.

Флорентийские комедиографы также представляют собой достаточно многочисленную группу. Писал комедии даже член знаменитой семьи **Медичи Лоренцино** (1513-1548). Конечно, для историков и литературоведов Лоренцино известен в первую очередь убийством своего двоюродного брата Алессандро Медичи (за что в 1548 году Лоренцино будет казнён), а также работой «Апология», где получают развитие политические идеи Никколо Макиавелли и раскрываются интриги и тайны Италии той поры. Впрочем, и единственная пьеса Лоренцино «Аридозия» («Aridosia», 1535) заслуживает не меньшего внимания: она с большим успехом была поставлена во Флоренции – сначала в Spedale dei Tessitori, а затем в Палаццо Медичи. Текст содержит все характеристики жанра «учёной комедии», однако примечательно, что у сюжета комедии не один, а три античных источника: с комедиями Плавта «Горшок» и «Домовой» перекликаются образ обокраденного скупца и ситуация с духами, которые якобы украли припрятанные им деньги, а из комедии Теренция «Братья» Медичи заимствует героев-братьев, получивших разное воспитание. Любопытно, что впоследствии под влиянием Медичи на итальянском языке, а не на латыни, начнут писать многие его современники: например, поэт Анджело Полициано, основатель Платоновской академии Марсилио Фичино, мыслитель-гуманист Кристофоро Ландино [\[12, с. 80\]](#).

Знаменитый флорентиец, философ, политический деятель и автор военно-теоретических трудов **Никколо Макиавелли** (1469-1527) тоже писал комедии. Комедия «Мандрагора» («La Mandragola», 1514) считается примером не только «учёной комедии», но и первым образцом комедии характеров — такой разновидности комедий, в которой источником

комизма являются гиперболизированные пороки. Так, в «Мандрагоре» доктор права мессер Нича измеряет собственные достоинства исключительно наличным капиталом, а о лицемерном монахе Тимотео говорится «узнай одного из них, и ты узнаешь всех».

Кроме того, новаторство Макиавелли заключается в постоянных отсылках к современности: например, персонаж пьесы Каллимако утверждает, что на десятый год его пребывания в Париже начался итальянский поход Карла VIII на Италию и война тянется вот уже как 20 лет (следовательно, время действия комедии датируется 1514 годом). Значение и популярность «Мандрагоры» настолько высоки, что и в XXI веке комедию ставят на подмостках мировых сцен, а также по произведению было снято несколько фильмов.

Важно отметить, что Николо Макиавелли принимал активное участие в так называемом «споре о языке» и был убеждён, что в вопросах языкового нормирования следует равняться на флорентийский диалект, поскольку территориальная база нормы превалирует над любой другой.

Другой известный комедиограф (в частности, незаконченный перевод его комедии «Арцигоголо» принадлежит А.Н. Островскому), который жил и работал во Флоренции в XVI веке, — **Антонио Граццини** (1503-1584). В 1540 году вместе с Джованни Маццуоли Граццини основал «Академию мокрых» (Accademia degli Umidi), которая впоследствии была переименована во Флорентийскую академию. В 1582 году Граццини вышел из неё, чтобы совместно с Леонардо Сальвиати принять участие в создании Академии делла Круска.

Прежде всего Граццини прославился новеллистической книгой «Вечерние трапезы» («Le Cene», 1547), написанной в традиции «Декамерона», однако был и плодовитым драматургом – автором семи комедий, среди которых самой успешной оказалась «Ведьма» («La Strega», 1582). Её новаторство заключается в прологе: если обычно пролог учёной комедии кратко описывает её сюжет и предвещает события, о которых пойдёт речь, пролог «Ведьмы» посвящён высмеиванию механического перенесения античных ситуаций в современные реалии. Также интересен язык комедии: в тексте используется множество характерных для Флоренции выражений.

Об одном из наиболее известных римских комедиографов **Франческо Бело** («Il pedante», «Il besco») сохранилось довольно мало сведений: годы жизни автора неизвестны, оппозиционный характер его творчества можно объяснить не только и не столько идеологическим выбором, сколько социальными причинами – Бело всю жизнь оставался изгоем, не был вхож в интеллигенцию и не имел доступа к сферам и областям, порождающим культуру исключительно ради престижа [\[1, с. 164\]](#).

«Педант» («Il Pedante») – комедия Франческо Бело, написанная в 1529 году. Основным посылом комедии является критика социальных институтов через критику культуры, непосредственно связанной с ними. Её носителем выступает главный герой произведения – первый образ педанта в итальянской комедиографии.

Лудовико Ариосто (1474-1533) посвятил себя изучению классической литературы и с лёгкостью писал стихи на латыни. Благодаря своему таланту Ариосто стал придворным комедиографом в Ферраре. Предметом осмеяния в его комедиях становились пороки современников — чрезмерная страсть к наживе или к плотским удовольствиям (при этом герцог Феррары всегда оставался вне критики).

Важно, что именно благодаря комедиям Ариосто, например, комедии «Чернокнижник»

(«Il Negromante», 1520), установилась традиционная для комического театра структура и его творения послужили своеобразным канон для последующих работ — пятиактных, с продуманными декорациями и обращением к латинским образцам [\[5, с. 411\]](#).

Комический театр на севере Италии

В XVI веке север Италии являлся крупнейшим центром книгопечатания: в Венеции выпускали больше книг, чем в совокупности во всех остальных итальянских городах. Именно там находились важнейшие типографии, в частности издательский дом Альда Мануция. Он получил известность благодаря выпуску «карманных» книг, набранных мелким шрифтом (курсивом), а также ввёл издательскую марку для борьбы с подделками своих изданий. Любопытно, что и эмблему (изображение дельфина, обвивающего якорь), и девиз типографии («Festina lente», что значит «Поспешай медленно») Мануций позаимствовал с реверса римской монеты, подаренной ему Пьетро Бембо [\[5, с. 398\]](#).

Прежде всего Мануций стремился сохранить античную греческую литературу, поэтому издавал древнегреческих авторов (Аристотеля, Аристофана, Фукидида, Софокла, Еврипида, Плутарха, Платона и многих других), но практически все комедии XVI века тоже рано или поздно оказывались в венецианской типографии [\[13, с. 411\]](#). Однако, помимо издателей, на севере было и немало талантливых авторов.

Например, писатель, критик и драматург **Лодовико Дольче** (1508-1568), принадлежавший знатной, но обедневшей венецианской семье. К сожалению, точных биографических данных о жизни Дольче не сохранилось. Предположительно, получив образование в Падуанском университете, Дольче поступил на работу к известному издателю Джолитто де Феррари, для которого редактировал статьи и сочинения современных авторов, а также переводил античных мыслителей: Вергилия, Горация, Цицерона. Особое внимание Дольче привлекали проблемы изобразительного искусства: он тесно общался с Пьетро Аретино, сравнивал флорентийские и венецианские школы живописи, публиковал работы, посвященные искусству (наиболее значительной считается «Dialogo della pittura intitolato l'Areino» / Диалог о живописи, посвященный Аретино), однако размышлял также о народном языке («Osservationi nella volgar lingua» / Наблюдения о народном языке) и писал трактаты, рыцарские романы, трагедии и комедии [\[5, с. 310-311\]](#). Так, комедия «Юноша» («Il ragazzo», 1541) соответствует всем основным характеристикам жанра «учёной комедии». В пьесе присутствует образ влюблённого старика (мессер Чезаре), любовный конфликт (мессер Чезаре страдает от любви к возлюбленной своего сына), мотив переодевания (мессер Чезаре подстраивает так, чтобы к сыну приходил юноша, похожий на его возлюбленную), через которые происходит осмеяние и порицание современного Дольче общества.

Писал комедии и сам **Пьетро Аретино** (1492-1556). Несмотря на то, что родной регион творца – Тоскана, а в юности комедиограф некоторое время жил в Риме, самым плодотворным периодом его творчества стал венецианский. Аретино был одним из известнейших авторов XVI века, заработавшим славу в первую очередь своими язвительными сатирами и памфлетами, высмеивающими папский клир. В 1559 году все сочинения Пьетро Аретино были включены в Индекс запрещённых книг, а сам писатель был обвинён в ереси. Тем больший интерес представляют сочинения, опубликованные уже после смерти автора: например, комедия «Таланта» («La Talanta», 1588) [\[13, с. 275\]](#). Вероятно, несмотря на то, что обращения к телесному низу характерны для учёных комедий, а сюжет пьесы вдохновлён комедией Теренция «Евнух», темы, поднимаемые в «Таланте», оказались чересчур скандальными для своего времени: достаточно того, что

главной героиней, по имени которой и названа пьеса, стала куртизанка, рассуждающая о том, что не испытывает чувств ни к одному из своих четырёх любовников, отождествляя любовные и деловые отношения. Язык комедии представляет особый интерес, поскольку, следуя потребности писать о бытовых ситуациях и межличностных отношениях, Аретино использовал максимально приближенный к разговорному идиом.

Комический театр на юге Италии

В XVI веке юг Италии и, в частности, Неаполь не посещали крупные и известные по всей стране театральные сообщества. Происходило скорее наоборот: если актёр-неаполитанец добивался успеха в родном городе, он отправлялся покорять северные города [2, с. 112]. Так, например, сделал карьеру актёр, исполнявший роль Капитана Коккодрилло, **Фабрицио де Форнарис** (1550-1637). Он получил признание в Неаполе, после чего принял предложение от труппы Доверенных (*compagnia dei Confidenti*) отправиться в Париж, где стал одним из самых любимых как публикой, так и критиками актёром.

Однако де Форнарис прославился не только как актёр, но и как комедиограф. Так, в 1585 году он опубликовал пьесу «Анжелика» («L'Angelica», 1585), которая была поставлена в резиденции герцога Жуайеза. Главная героиня комедии – венецианка, чьи отец и брат были похищены турками. Анжелика и молодой неаполитанец Фульвио любят друг друга, но мать пообещала выдать Анжелику замуж за Капитана Коккодрилло. Любопытно, что Капитан объясняется по-испански, а не по-тоскански, как это было в комедии Джамбаттиста делла Порта «Олимпия», послужившей основой работы де Форнариса.

Из доступных нам источников комический театр южных регионов Италии представлен прежде всего неаполитанскими авторами, которые были не только гуманистами и комедиографами, как в случае с де Форнарисом, но в первую очередь оккультистами, философами, алхимиками и мистиками.

Как раз к таким авторам относится один из самых таинственных героев Средневековья **Джамбаттиста делла Порта** (1535-1615). По всей Европе делла Порта собирает тайные знания учёных и находит редчайшие книги в крупнейших библиотеках своего времени, организует первую в Неаполе физическую академию – «Академию тайн природы» (*Academia Secretorum Naturae*), которая, впрочем, в год создания упраздняется и запрещается указанием папы римского, составляет довольно подробное описание камеры обскура, ставшей предшественницей современного фотоаппарата, пишет ряд работ, посвящённых сельскому хозяйству, а также ставит многочисленные физические опыты.

Алхимические эксперименты и интерес к магии приводят к тому, что Святейшая инквизиция начинает следствие против исследователя. К счастью, расследование завершается без каких-либо последствий для учёного, но после этого делла Порта всё больше и больше времени уделяет литературно-драматургической деятельности, в частности, пишет комедии [5, с. 648].

«Служанка» («La Fantesca», 1592) считается одной из самых известных комедий делла Порта. В духе эпохи пьеса имитирует латинскую комедию: переодевания, обманы, каламбуры строятся вокруг Эссандро (он же Фиоретта) и его слуги Панурга, которые стремятся помешать любимой Клерии выйти замуж за другого. Однако у делла Порта мы видим более проработанные и сложные характеры, нежели в античных пьесах, и,

конечно, очень осовремененный язык, употребляемый по тосканской модели.

Другой таинственный и не менее известный персонаж – монах-доминиканец и философ **Джордано Бруно** (1548-1600). Из-за своего увлечения оккультизмом навлек на себя подозрение в ереси и был вынужден покинуть Италию. Впоследствии, вернувшись на родину, Бруно был арестован в Венеции и передан инквизиционному суду в Риме. Отказавшись отречься от своего вероучения, после семилетнего заточения Бруно был сожжён.

Джордано Бруно оставил богатое наследие трудов на самые разные темы, однако всего одну комедию, - «Подсвечник» («Il Candelaio», 1582), на титульном листе которой назвал себя «Академиком ни одной из Академий, прозванным Вызывающим скуку, в печали весел, в радости печален». Работа над пьесой велась во Франции, где Бруно надеялся найти отличное от Италии научное сообщество, однако ситуация была схожа с Неаполитанским королевством. В почёте были чернокнижники и астрологи, влиятельные члены общества мечтали выведать секреты магии и активно интересовались алхимией. Поэтому в комедии Бруно изобразил знакомую с детства «неаполитанскую улицу» (неслучайно это словосочетание является другим вариантом перевода названия) и высветил актуальные для современности темы: любовь, алхимию и педантство [\[2, с. 163\]](#).

Обращает на себя особое внимание то, как Бруно высмеивает и обличает педантство в лице руководителя гимназии и доктора множества наук («философии и теологии, медицины и всяческих прав») Манфурио. Речь этого профессора древней словесности представляет собой смесь итальянского языка и латыни (к тому же полную цитат и аллюзий на античных авторов), которую с большим трудом понимают простые неаполитанцы. Даже когда у Манфурио вырывают деньги, он не кричит «обокрали», поскольку высокообразованному человеку следует избегать обыденных слов. Бруно показывает совершеннейшую несостоятельность той книжной учёности, которая не имеет никакой пользы, кроме как дать мнимое основание ставить себя выше других, менее образованных, людей [\[15, с. 347\]](#).

Язык комедий

Ценный материал для исследования представляет также язык комедий, поскольку имитирует спонтанную устную речь с целью создания комического эффекта [\[16, с. 74\]](#). Данный феномен получил название *parlato-recitato* – термин был предложен Джованни Ненчони для обозначения имитации разговорной речи в сценическом исполнении [\[17, с. 151\]](#). Кроме того, среди персонажей комедий можно найти представителей практически всех слоёв населения, таким образом, читатель не сталкивается с рафинированным вариантом итальянского, который фактически не использовался в ситуациях повседневной коммуникации [\[18, с. 979\]](#). Соответственно, комедии XVI века являются чуть ли не единственным источником, позволяющим проанализировать разговорную речь пятивековой давности.

Любопытно, что уже в текстах XVI века можно найти явления, считающиеся инновативными на современной стадии развития языка. Можно выделить следующие особенности, которые обнаруживаются во всех комедиях, независимо от родного для автора работы региона:

- 1). употребление местоимений *lui/lei/loro* в синтаксической функции подлежащего:

Mi vien voglia di far quel conto di lui che lui fa di me. [\[19, с. 73\]](#) / Мне хочется отплатить ему

тем же, чем и **он** оплатит мне.

Ma ricordatevi che lei è donna ed è bella e giovane... [20, с. 133] / Но помните, что **она** женщина, и она красива и юна.

bene che loro mi potessero fare. [19, с. 12] / хорошо, что **они** смогли мне сделать.

2). использование безударного косвенного местоимения *gli* в значении косвенного дополнения 3 лица мужского и женского рода, т.е. способного заменять конструкции *a lui, a lei, a loro*:

Messer Giannino. <...> E, se trovi lo Sguazza, gli dirai dove io sia. [19, с. 13] / Мессер Джаннино. <...> И, если найдешь Сгуацца, скажи **ему**, где я.

Se io gli prometto ciò ch'ella vole, noi stiam concì! [20, с. 91] / Если я пообещаю **ей** то, чего она хочет, мы будем держаться вместе!

Ma voi mi parete uno di quelli che aspetta che il confessore gli addimandi i peccati. [19, с. 214] / Но вы мне кажетесь из таких, кто ждёт, когда исповедник начнёт **их** спрашивать о грехах.

3). двойной дательный, а именно – сочетание ударной и безударной форм косвенного местоимения:

Sguazza. <...> Che diavolo mi fa, a me, questo? [19, с. 53] / Сгуацца. <...> Что, чёрт возьми, это **со мной** делает?

4). упрощение характерной для Тосканы трёхчастной системы указательных местоимений и распространение усечённых форм *'sto* и *'sta*:

voio andare de sto mistro... [20, с. 125] / я хочу пойти и говорить с **этим** господином.

Mi sé tanto innamorao in sta donna mia vicina... [20, с. 149] / Я так сильно влюбился в **эту** женщину рядом со мной...

5). полифункциональный союз *che*, выступающий в роли универсального коннектора и вводящий целевые, причинные и ряд других придаточных, а также заменяющий конструкции с предлогами и местоимениями – *di cui, del quale, dei quali* и т.п. [21, с. 70]:

Essandro. Entratevene, che vostro padre non vi veggia [22, с. 13] / Эссандро. Входите же, **чтобы** вашотец вас не увидел.

Curzio. <...> Ma non curare, che gli trattano bene! [20, с. 91] / Курцио. <...> Но не беспокойтесь, **потому что** с ним хорошо обращаются!

6). реализация вторичных функций времён, например, появление у имперфекта оттенка значения вежливости – так называемый Imperfetto di cortesia:

Malfatto. Volevo toccare un po' qua dentro [20, с. 103] / Мальфатто. **Я бы хотел** потрогать немного тут внутри.

7). замещение конъюнктива индикативом:

Vergilio. Se gli è così, dubito che cotesto Lorenzino ci arà fatto su disegno per sé [19, с. 50]

/ Вергилио. Если так, то **сомневаюсь, будто бы** этот Лоренцино **сделал** по рисунку для себя.

8). многочисленные эмфатические конструкции (например, *dislocazione a destra*, *dislocazione a sinistra*, *frase scissa*):

*Messer Ligdonio. <...> Dimme: credi **le** piacerá **a Margarita**?* [19, с. 18] / Мессер Лигдонио. <...> Скажи мне: думаешь, **Маргарите, ей** понравится?

*Belcolore. **Di che** ve **ne** ridete voi?* [23, с. 275] / Бельколоре. **Ну над чем, над чем же** вы смеетесь?

*Cesare, O Lucido, **quanto è che** tu sei qui?* [24, с. 144] / О Лучидо, сколько времени, как ты здесь?

9). обилие дискурсивных маркеров (то есть единиц, которые разграничивают и структурируют отдельные части дискурса, выражают отношение говорящего и способствуют обеспечению логической внутритекстовой связи [25, с. 1]):

*Ché non lo dici, **adunque**?* [20, с. 127] / Почему же ты тогда этого не скажешь, **ну**?

*Narticoforo. **Ascolta**, che non so come puoi tu vivere senza saper questo* [22, с. 51] / Нартикофоро. **Послушай**, я не знаю, как ты живёшь, не ведая этого.

10). местоименный актуализатор *ci* – десемантизированная частица, которая теряет своё исходное локативное значение, но подчёркивает связь сообщения с текущим моментом и повышает степень эмоциональной вовлечённости:

*Fulvia. E che **ci** potevo fare?* [20, с. 93] / Фульвия. И что **же** я могла сделать?

11). активная прономинализация глаголов с использованием частиц *ci* и *ne*:

*Panurgo. Troppo tempo **ci vuole*** [22, с. 39] / Панурго. **Нужно** слишком много времени.

*Ceca. <...> El bello è che poi **se ne vanno** come se gli fosse un grande onore* [20, с. 95] / Чека. <...> Прекрасно, что они **уходят** так, будто для них это великая честь.

12). употребление партитивного артикля с предлогом:

*Agnoletta. <...> E io ancora ho avuto pratica **con degli** altri, e so quanto pesano a ponto a ponto.* [19, с. 28] / Аньолетта. <...> А я **со всякими** водилась и знаю, до чего они в печёнках сидят.

Таким образом, итальянские «учёные» комедии XVI века являются источником информации о языковой норме и разговорном узусе XVI века, который отражается в имитации разговорной речи в сценическом исполнении. Указанные феномены не являются диалектально маркированными, поскольку встречаются в текстах комедий уроженцев как центральных, так северных и южных регионов. Однако рассматриваемые явления принадлежат преимущественно представителям низших социальных слоёв: слугам, параситам, кормилицам. Следовательно, проанализированные контексты дают основание полагать, что, во-первых, явления, подвергающиеся стандартизации на современном этапе развития итальянского языка, бытовали в языке неформального общения носителей в разных областях Италии в течение более, чем 500 лет, а, во-вторых, на данном этапе итальянский язык претерпевает процесс рестандартизации, при

котором нормируются феномены, характерные ранее для сниженного узуса (биографии комедиографов демонстрируют, что все творцы владели достаточным уровнем образования, чтобы прерватить использование различных языковых регистров в средство художественной выразительности и сделать просторечные реплики одним из способов речевой характеристики персонажей).

Заключение

К середине XVI века «учёные комедии» в постановках интеллектуалов-любителей начинают уступать место профессиональному импровизационному театру «комедии дель арте»: влияние «учёной комедии» дало импульс к его развитию, широкому распространению во всей Европе и за её пределами, а также его популярности на долгие столетия. Кроме того, разрабатывая национальный язык, ренессансное театральное искусство внесло свою немаловажную лепту в формирование национальной идентичности итальянского народа.

Библиография

1. Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. Москва: Наука, 1988.
2. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. *Commedia dell'arte*. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
3. Cerruti M. Il parlato regionale oggi: un italiano composito? *LId'O XV*, 2020. P. 15-31.
4. Trifone P. L'italiano a teatro // Seriani L., Trifone P. (a cura di) *Storia della lingua italiana*. Vol. II. Torino: Einaudi, 1994. P. 81-161.
5. De Sanctis F. *Storia della letteratura italiana*. Milano: BUR, 1994.
6. Machiavelli N. *Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua*. Torino: Einaudi, 1976.
7. Жолудева Л.И. К вопросу о понятии *italiano neostandard*. Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22. №2. 2020. С. 499-506.
8. De Mauro T. *Storia linguistica dell'Italia unita*. Laterza. 20216.
9. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. Москва: ФЛИНТА, 2021.
10. Marcucci M. *Accademia Senese degli Intronati // Accademie e istituzioni culturali in Toscana*. Florence, Leo S. Olschki, 1988.
11. *Dizionario Biografico degli Italiani* <https://www.treccani.it/biografico/index.html> [дата последнего обращения 03.08.2023]
12. Шишмарёв В.Ф. Очерк истории итальянского языка: от истоков до XIX столетия. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2022.
13. Contini G. *Letteratura italiana delle origini*. Firenze, 1970.
14. Ghirlanda D., Collarile L. *Parabosco, Girolamo // Dizionario biografico degli italiani*, vol. 81, Roma, Istituti dell'Enciclopedia Italiana, 2014.
15. Tomasin L. *Tracce napoletane nella lessicografia veneziana // Saggi di linguistica e storia della lingua italiana per Rita Librandi, a cura di D. D'Aguzzo, M. Fortunato, R. Piro, C. Tarallo, Cesati*, 2022. P. 345-352.
16. Кутеко Д.А. Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами *italiano neostandard* // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. №3. С. 73-78.
17. D'Onghia L., Marinai E. *Ripensare Dario Fo. Teatro, lingua, politica. Con una testimonianza di Eugenio Allegri e Matthias Martelli*. Milano, Mimesis, 2020.

18. Кутеко Д.А. Эмфатические конструкции *dislocazione a destra* и *dislocazione a sinistra* в комедиях тосканских авторов XVI века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Удмуртский государственный университет (Ижевск). 2022. Том 32. №5. С. 978-983.
19. Piccolomini A. *L'Amor Costante* // *Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 1-123.
20. Belo F. *Il Pedante* // *Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. P. 83-163.
21. Мельникова Л.С., Кашина Е.А. Типичные черты нового стандарта итальянского языка на синтаксическом уровне // Романия: языковое и культурное наследие: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., БГУ, 2021. С. 30-34.
22. Della Porta G. *La Fantesca*. Sessa, Venezia, 1597.
23. Dolce L. *Il Ragazzo* // *Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 205-295.
24. De' Medici L. *L'Aridosia* // *Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 125-205.
25. Шугаева А.С. Дискурсивные маркеры как механизм текстопостроения [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. – 2020. – №6.
– URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroeniya> [дата последнего обращения 03.08.2023]

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Итальянская «учёная комедия» в социокультурном контексте XVI века», безусловно, интересна и содержательна, но она оставляет двойственное ощущение. С одной стороны, в ней обобщен значительный эмпирический материал, представлены «территориальные» типы «ученой комедии», показано ее значение в становлении жанра комедии, отчасти охарактеризованы жанровые особенности. Вместе с тем не создается впечатления о том, что статья обладает существенной научной новизной. Причина этого, вероятно, заключается в способе подачи материала. Статья носит обзорно-информативный характер, в ее основной части автор перечисляет имена авторов, работающих в этом жанре, и не столько представляет их творчество, характеризует их новации в жанре «ученой комедии», сколько дает биографические сведения. В результате большей частью характеризуется «социокультурный контекст», чем «ученая комедия» как таковая. Безусловно, положение спасает раздел «Истоки и особенности «ученой комедии»», в котором объясняется происхождение термина, тип сюжета, типажи героев, связь «ученой комедии» с античной комедией и новеллой, поэтому представление о жанровых особенностях создается, но хотелось бы более развернутого иллюстрирования этих особенностей при анализе конкретных произведений. Сам автор так объясняет необходимость развернутого обзора персоналий: «Сведения не только об общих тенденциях развития комического театра в разных регионах Италии, но и о жизни конкретных авторов очень важны, поскольку для наиболее полного представления языковой ситуации (а именно – характеристики социально-коммуникативной системы в определенный период её функционирования) необходимо принимать во внимание социолингвистические данные о её участниках – территориальные особенности, региональные характеристики, уровень образования». С этим нельзя не согласиться, но

такой обзор, в основном содержащий уже известные сведения, не должен доминировать в статье, тем более что целью исследования (которая в статье не сформулирована, но она ясна из общего хода рассуждений, и именно это приращение знаний и должно было стать научной новизной исследования) стал анализ «ученой комедии» как лингвистического источника для изучения языковой ситуации в Италии XVI века, когда происходил процесс кодификации и унификации языка. Автор статьи высказывает продуктивную мысль о том, что «ученая комедия» может стать важным источником для изучения итальянских диалектов XVI в., так как в репликах персонажей были вкрапления диалектов, которые «решали проблему адекватной стилистической передачи [их] разговорной речи ...», имитировали спонтанную устную речь. И в последнем разделе своей статьи он дает хорошо структурированный перечень «явлений, считающихся инновативными на современной стадии развития языка». Но именно эта – на мой взгляд, главная часть – выполнена конспективно.

В целом статья написана интересно, даже увлекательно. В ней систематизированы сведения об «ученой комедии» и языковой ситуации в Италии XVI века, очерчивается предыстория «комедии дель арте». Работа будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей. Ее материалы могут быть использованы в учебном процессе, при издании «ученой комедии».

Безусловно, статья должна быть опубликована, но после исправления опечаток и небрежностей. В частности, необходимо исправить:

«Сведения не только об общих тенденциях развития комического театра в разных регионах Италии, но и о жизни конкретных авторАХ очень важны»; «Тщательная работа с языком и большое внимание к его стилистическим возможностям характернО для творчества...»; «...но скорее отдавал предпочтение живому...» (выделить запятыми «скорее»); «...даже после создания Академии ДЕЛАЛА Круска не изменил своё академическое имя...»; «...то дало еГО возможность лучше узнать различные диалекты Италии...»; «...благодаря комедиям Ариосто установилась традиционная для комического театра структура и послужилИ своеобразным канонОм для последующих работ...»; «... по этой причине в 1559 все сочинения Пьетро Аретино..» (вставить «г.»); «...в течений более, чем 500 лет» (предлог пишется с Е на конце).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область данной статьи ориентирована на нетривиальный жанр – это т.н. «учёная комедия», или «*commedia erudita*». Целью рецензируемой работы служит выявление основных тенденций становления жанра «учёной комедии», обобщение существующих и получение новых данных о развитии комического театра. При этом сведения могут быть полезны не только с литературоведческой точки зрения, но и с позиций социолингвистики. Работа грамотно сформирована, ее основные части логически последовательны. Как отмечает автор, «новизна работы заключается в выбранном для рассмотрения материале: ранее комедии нередко становились предметом литературного анализа, однако их тексты несправедливо обходили вниманием лингвисты. Важно, что для формирования наиболее полного представления об итальянском языке XVI века необходимо комплексное рассмотрение как языкового материала (непосредственно текстов комедий), так и социокультурного контекста (данных об анализируемом жанре, информации о биографии комедиографов, их уровне образования), что является одним из основополагающих принципов

социолингвистического исследования», стоит согласиться с этой позицией, ибо она достаточно верна. Текст информативен, точка зрения исследователя аргументирована, считаю, что данный материал конструктивно верифицирован. Стиль сочинения ориентирован на собственно научный тип. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «название *«commedia erudita»* («учёная комедия») возникло из-за того, что латинские источники были доступны только «учёным» авторам и читателям, обладающим достаточным уровнем образования. В связи с этим такие комедии обычно показывали светской публике, при дворе, но не на площадях. Конфликтом в учёных комедиях чаще всего был любовный: например, юноша боролся за возможность быть с любимой, как правило, зорко охраняемой опекунами или оберегаемой родителями. Главным помощником и пособником в этой борьбе становился верный слуга. Слугам в целом отводилась достаточно важная функция: во время действия они практически не уходили со сцены и были самыми колоритными персонажами, выразителями динамики быта, исполняющими трюки и проделки», или «в XVI веке процесс кодификации и унификации языка приводит к тому, что многие диалекты Тосканы постепенно утрачивают свои индивидуальные черты и своеобразие, становясь всё более и более похожими на флорентийский. Так, по мнению Пьетро Трифоне, сиенские комедиографы XVI века пользовались «усреднённым тосканским диалектом с отдельными сиенскими вкраплениями, по большей части никак не маркированными в качестве просторечных». Причём это выравнивание тосканских диалектов по флорентийскому образцу никак не регламентировалось государством, не ограничивалось исключительно письменной сферой употребления и не насаждалось извне принудительно, представляя собой феномен естественного языкового развития» и т.д. Статья обладает должной научной новизной, она обладает должной аналитикой вопроса. Большая часть тезисов правомерна, точна. Работа ориентирована как на практический, так и теоретический ценз. Привлекает контекст, который дан в перспективе: это и Алессандро Пикколомини, Лоренцино Медичи, Никколо Макиавелли, Антонио Граццини, Лудовико Ариостои т.д. Вопрос, выбранный для анализа, полновесно рассмотрен; автор обратил внимание как на формальную сторону «учёной комедии», так и содержательную. В тексте работы много примеров, иллюстрирующих суть указанного жанра: «1) употребление местоимений *lui/lei/loro* в синтаксической функции подлежащего: *Mi vien voglia di far quel conto di lui che lui fa di me.* / Мне хочется отплатить ему тем же, чем и он отплатит мне. *Ma ricordatevi che lei è donna ed è bella e giovane...* / Но помните, что она женщина, и она красива и юна. *bene che loro mi potessero fare.* / хорошо, что они смогли мне сделать. 2). использование безударного косвенного местоимения *gli* в значении косвенного дополнения 3 лица мужского и женского рода, т.е. способного заменять конструкции *a lui, a lei, a loro*: *Messer Giannino. <...> E, se trovi lo Squazza, gli dirai dove io sia.* / Мессер Джаннино. <...> И, если найдешь Сгуацца, скажи ему, где я. *Se io prometto ciò ch'ella vole, noi stiam concì!* / Если я пообещаю ей то, чего она хочет, мы будем держаться вместе! *Ma voi mi parete uno di quelli che aspetta che il confessore gli addimandi i peccati.* / Но вы мне кажетесь из таких, кто ждёт, когда исповедник начнёт их спрашивать о грехах» и т.д. Отметим, что «новизна работы заключается в выбранном для рассмотрения материале: ранее комедии нередко становились предметом литературного анализа, однако их тексты несправедливо обходили вниманием лингвисты». Следовательно, материал актуален, интересен, научно нов. Выводы по тексту заключают, что «к середине XVI века «учёные комедии» в постановках интеллектуалов-любителей начинают уступать место профессиональному импровизационному театру «комедии дель арте»: влияние «учёной комедии» дало импульс к его развитию, широкому распространению во всей Европе и за её пределами, а также его популярности на долгие столетия. Кроме того, разрабатывая национальный

язык, ренессансное театральное искусство внесло свою немаловажную лепту в формирование национальной идентичности итальянского народа». Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую статью «Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Соловьева А.Е. — Английская терминология авиационных двигателей: лексико-семантические, структурно-грамматические и прагматические особенности // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43736
EDN: UDICIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43736

Английская терминология авиационных двигателей: лексико-семантические, структурно-грамматические и прагматические особенности

Соловьева Александра Евгеньевна

преподаватель, кафедра иностранных языков, Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
в г. Сызрань

446007, Россия, Самарская область, г. Сызрань, ул. Маршала Жукова, 320, кв. 66

✉ sandraS91@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43736

EDN:

UDICIS

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2023

Дата публикации:

09-08-2023

Аннотация: Данная статья посвящена анализу английской терминологии авиационных двигателей. Предметом исследования стали структурно-семантические и прагматические особенности терминов. Соответственно, цель статьи - проанализировать терминологию в семантическом, синтагматическом и прагматическом аспектах. Задачи могут быть сформулированы следующим образом: 1. Определить структуру терминологических единиц, выяснить, из каких компонентов она формируется. 2. Выявить, насколько присущи терминологии синонимия и многозначность. 3. Выделить прагматическую составляющую, основываясь на структурных компонентах терминов. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом общества к авиационной отрасли. Работа велась с использованием статистических методов, а также методов анализа и синтеза. Новизна исследования заключается в попытке использования комплексного (три аспекта) подхода к исследованию узкоспециализированной группы терминологической лексики. В ходе анализа было установлено, что терминология,

описывающая авиационные двигатели (виды и конструкцию) представлена многокомпонентными (преимущественно трех- и четырехкомпонентными) терминологическими словосочетаниями. В их образовании участвует ряд синтаксических моделей, каждая из которых является тем или иным вариантом сочетания прилагательных, существительных и числительных. Прилагательные, существительные и числительные следует признать носителями терминологической информации, которая обладает прагматической значимостью. Эта значимость заключается в том, что информация, будучи правильно ориентирующей, направляет специалистов в их профессиональной деятельности и способствует эффективной коммуникации.

Ключевые слова:

терминология, термин, газотурбинный двигатель, авиационный двигатель, терминология авиационных двигателей, авиация, семантика, синтактика, прагматика, английская терминология

Описание сущности термина представляет собой одну из наиболее актуальных задач современной лингвистики. Попытки дать точное определение понятию "термин" предпринимались многократно. В работах таких ученых, как Авербух К.Я., Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю., Гринев С.В., Даниленко В.П., Канделаки Т.Л., Лейчик В.М., Суперанская А.В., Ахманова О.С., Володина М.Н. рассматриваются различные стороны вопроса, но всех их объединяет одно - признание термина сложным и многоаспектным явлением, требующим комплексного подхода к изучению.

Размышления на тему "Что есть термин?" привели к возникновению целого ряда отличающихся друг от друга в разной степени определений. Приведем некоторые из них. Термин - это:

- "элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания" [\[1\]](#);
- "слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции" [\[3\]](#);
- "вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингво-когнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации" [\[4\]](#);
- "слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научно- и профессионально-технических объектов и отношений между ними" [\[5\]](#);
- "номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий" [\[6\]](#);
- "слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции" [\[7\]](#);

- "слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции" [\[8\]](#);
- "лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности" [\[9\]](#);
- "специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; основной понятийный элемент языка для специальных целей; для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного научного определения)" [\[10\]](#).

Все перечисленные выше формулировки, без сомнения, обладают высокой научной ценностью, вносят значительный вклад в развитие теории термина. В качестве основы нашего исследования мы выбрали определение (предложенное С.Д. Шеловым), в соответствии с которым:

- "языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), выражающий понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение), на которую сознательно ориентируются использующие этот языковой знак, является термином;
- "языковой знак (словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.) является термином, если он выражает понятие какой-либо области знания и мотивируется языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетанием слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), хотя бы один из которых является его (лексикосинтаксической) частью, выражает специальное понятие той же области знания и признается термином в силу п. 1." [\[11\]](#).

На наш взгляд, данное определение наиболее полно характеризует сущность термина в контексте анализируемой нами терминологии авиационных газотурбинных двигателей. Последняя представляет собой весьма специфический пласт терминологии, в структуре которой можно выделить следующие семантические группы:

1. Виды газотурбинных двигателей (одновальные, двухвальные, трехвальные, подъемные, маршевые, подъемно-маршевые, вспомогательные, турбореактивные, турбовальные, турбовинтовые).
2. Конструкция газотурбинных двигателей (редукторы и приводы, воздухозаборник, компрессор и турбина, камера сгорания, системы автоматического управления, системы смазки, система охлаждения, пусковая система) [\[12\]](#).

В рамках данного исследования было проанализировано 309 терминологических единиц. Они представлены как однословными терминами, так и терминами - словосочетаниями. Рассмотрим структурные, семантические и прагматические особенности терминологии в каждой семантической группе.

1. Виды газотурбинных двигателей.

Термины данной группы представляют собой многокомпонентные (двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные) словосочетания, которые состоят из существительных, прилагательных и числительных. Двухкомпонентные термины образованы по модели NN

(noun+noun), например, turboshaft engine (турбовальный двигатель), turboprop engine (турбовинтовой двигатель), turbojet engine (турбореактивный двигатель) и др. Их доля в общем числе многокомпонентных терминов группы составляет 20 %.

Для образования трехкомпонентных терминов (20% в общем числе терминов группы) используются модели:

1. NNN (noun+noun+noun) - gas turbine engine (газотурбинный двигатель), afterburning turbojet engine (турбореактивный двигатель с форсажной камерой сгорания) [\[12, 13\]](#) и др.
2. ANN (adjective+noun+noun) - pure turbojet engine (турбореактивный одноконтурный двигатель) [\[12, 13\]](#) и др.

Четырехкомпонентные термины в рамках данной группы составляют большинство (35%). Структурно они оформлены следующим образом:

1. NNNN (noun+noun+noun+noun) - lift gas turbine engine (подъемный газотурбинный двигатель), cruise gas turbine engine (маршевый газотурбинный двигатель) [\[12, 14\]](#) и др.
2. ANNN (adjective+noun+noun+noun) - auxiliary gas turbine engine (Вспомогательный газотурбинный двигатель) и др.
3. NumNNN (numeral+noun+noun+noun) - three flow turbojet engine (турбореактивный трехконтурный двигатель) [\[12, 14\]](#) и др.

Второе место по численности в группе "виды газотурбинных двигателей" занимают пятикомпонентные терминологические словосочетания (25%). В их образовании участвуют следующие модели:

1. NumNNNN (numeral+noun+noun+noun+noun) - one shaft gas turbine engine (одновальный газотурбинный двигатель) [\[12, 15\]](#) и др.
2. NNNNN (noun+noun+noun+noun+noun) - lift cruise gas turbine engine (подъемно-маршевый газотурбинный двигатель) и др.
3. NANNN (noun+adjective+noun+noun+noun) - aircraft auxiliary gas turbine power plant (вспомогательная силовая установка летательного аппарата) [\[12, 15\]](#). Анализ показал, что трех-, четырех- и пятикомпонентные термины-словосочетания образуются на основе исходных двухкомпонентных, функционирующих как самостоятельные термины, путем добавления к ним определяющих компонентов (turbine engine→gas turbine engine→regenerative gas turbine engine→one shaft gas turbine engine).

Далее остановимся на вопросах синонимии и многозначности терминов данной группы. Исследование позволило заключить, что терминология, которая используется для описания видов авиационных двигателей, соответствует требованию однозначности. На настоящем этапе аналитической работы не удалось выявить случаи терминологической многозначности в данной группе лексики. Более того, не было установлено и наличие синонимических отношений между единицами. Можно сказать, таким образом, что термины близки к идеальным, если основываться на тех критериях "идеальности" термина, которые постулируются во многих работах, посвященных вопросам терминологии [\[6\]](#).

В плане прагматики необходимо отметить следующее. Во-первых, термины данной группы

представляют собой способ реализации научного знания [2], отражающего сущностные характеристики различных видов двигателей. Во-вторых, в терминах заложена информация, которая регулирует и направляет деятельность специалистов в области эксплуатации и производства двигателей конкретного вида. В-третьих, эта информация кодируется с помощью конкретных терминологических элементов, образующих сложные многокомпонентные эквиваленты слов - терминологические словосочетания.

Анализ структуры терминов данной группы показал, что такими терминами являются существительные, прилагательные и числительные. Ряд существительных (turboprop, turbojet, turboshaft) указывают на то, что в основе типологии двигателей лежит принцип их работы. В случае с турбореактивным (turbojet) энергия топлива преобразуется в кинетическую энергию струи газа, вытекающего из реактивного (jet) сопла [12]. Турбовинтовой (turboprop) двигатель - это двигатель, в котором мощность на выводном валу используется для привода тянущего винта (prop - сокращение от propeller) [12]. В турбовальном (turboshaft) двигателе преобладающая доля энергии сгорания топлива преобразуется в работу на выводном валу (shaft) [12].

Существительные lift, cruise кодируют информацию о том, что двигатели классифицируются по назначению, в зависимости от участков траектории полета, которые они обеспечивают. Так, lift gas turbine engine (подъемный газотурбинный двигатель) предназначен для обеспечения переходных участков траектории полета, а маршевый газотурбинный двигатель (cruise gas turbine engine) - для обеспечения маршевого участка траектории полета [12].

Прилагательное auxiliary (вспомогательный) указывает специалисту на то, что двигатель (auxiliary gas turbine engine) предназначен для вспомогательных целей. Что касается числительных, то они кодируют особенности конструкции различных видов двигателей: one shaft (одновальный, с одним валом), two shaft (двухвальный, с двумя валами), three shaft (трехвальный, с тремя валами) [12].

Считается, что терминологическая информация может быть ложноориентирующей [2] в связи с тем, что лексическое и понятийное значение термина не всегда совместимы. В контексте терминологии группы "виды авиационных газотурбинных двигателей" подобных случаев выявлено не было. Терминологическую информацию, заложенную в двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентных словосочетаниях можно считать правильно ориентирующей, что, в свою очередь, способствует ее адекватному усвоению, интерпретации и использованию при достижении конкретных целей в процессе профессиональной коммуникации и деятельности.

2. Конструкция газотурбинных двигателей.

Терминология данной группы представлена как однословными терминами, так и терминами - словосочетаниями. Однословные термины составляют 4,6% от общего числа единиц группы, многословные - 95,6%. Однословные термины, как правило, представляют собой заимствования из автомобильной терминологии (например, compressor - компрессор). Многословные термины представлены двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентными словосочетаниями. Среди них доминирующее положение (39%) занимают трехкомпонентные единицы. В их образовании участвуют следующие модели:

1. ANN (adjective+noun+noun) - variable-geometry inlet (регулируемый воздухозаборник),

subsonic compressor stage (дозвуковая ступень компрессора), centrifugal compressor stage (центробежная ступень компрессора) [\[12, 13\]](#) и др.

2. NAN (noun+adjective+noun) - turbine transonic stage (трансзвуковая ступень турбины), turbine partial stage (парциальная ступень турбины) [\[12, 13\]](#) и др.

3. NNN (noun+noun+noun) - combustion chamber diffuser (диффузор камеры сгорания), flame tube head (фронтное устройство камеры сгорания), sound suppression nozzle (реактивное сопло с шумоглушителем) [\[12, 13\]](#) и др.

4. NumNN (numeral+noun+noun) - two spool compressor (двухкаскадный компрессор), one stage turbine (одноступенчатая турбина) [\[12, 13\]](#) и др.

Двухкомпонентные терминологические словосочетания занимают второе место по распространенности (25,5%). Они образованы по моделям:

1. AN (adjective+noun) - subsonic inlet (дозвуковой воздухозаборник), supersonic inlet (сверхзвуковой воздухозаборник), centrifugal compressor (центробежный компрессор) [\[12, 15\]](#) и др.

2. NN (noun+noun) - compressor stage (ступень компрессора), combustion chamber (камера сгорания газотурбинного двигателя), nozzle vane (сопловая лопатка) [\[12, 15\]](#) и др.

Четырехкомпонентные термины - словосочетания (21,3%) структурно оформлены следующим образом:

1. NNAN (noun+noun+adjective+noun) - turbofan engine primary flow (внутренний контур турбореактивного двухконтурного двигателя), turbofan engine secondary flow (наружный контур турбореактивного двухконтурного двигателя) [\[12, 15\]](#) и др.

2. AANN (adjective+adjective+noun+noun) - supersonic external compression inlet (воздухозаборник внешнего сжатия сверхзвукового потока), conical supersonic jet nozzle (коническое сверхзвуковое реактивное сопло) [\[12, 15\]](#) и др.

3. ANNN (adjective+noun+noun+noun) - axial compressor stage rotor (рабочее колесо ступени компрессора), direct impingement starting system (пусковая система с непосредственной подачей сжатого воздуха) [\[12, 15\]](#) и др.

4. NNNN (noun+noun+noun+noun) - compressor stage guide vanes (направляющий аппарат ступени осевого компрессора), compressor inlet guide vanes (входной направляющий аппарат компрессора), combustion chamber transition liner (газосборник камеры сгорания) [\[12, 15\]](#) и др.

5. ANAN (adjective+noun+adjective+noun) - centrifugal compressor vaneless diffuser (безлопаточный диффузор ступени центробежного компрессора), centrifugal compressor varied diffuser (лопаточный диффузор ступени центробежного компрессора) [\[12, 15\]](#) и др.

6. NNwithAN (noun+noun+with+adjective+noun) - turbine stage with subsonic rotor (дозвуковая ступень турбины), thrust reverser with rotating cascade (реверсивное устройство с отклоняющими решетками) [\[12, 15\]](#) и др.

7. NNinNN (noun+noun+in+noun+noun) - fan turbine in turbofan engine (турбина

вентилятора двухконтурного газотурбинного двигателя) [\[12, 15\]](#) и др.

Для образования пятикомпонентных терминов (7,8%) используется 5 моделей:

1. NNNNN (noun+noun+noun+noun+noun) - turbofan engine add compressor stage (подпорная ступень двухконтурного газотурбинного двигателя), inlet boundary layer control system (система управления пограничным слоем в воздухозаборнике) [\[12, 15\]](#) и др.
2. NNofANN (noun+noun+of+adjective+noun+noun) - afterburning channel of augmented turbojet engine (форсажный контур турбореактивного двигателя с форсажной камерой) [\[12, 15\]](#) и др.
3. NANNN (noun+adjective+noun+noun+noun) - compressor variable inlet guide vanes (регулируемый входной направляющий аппарат компрессора) [\[12, 15\]](#) и др.
4. ANNNN (adjective+noun+noun+noun+noun) - variable compressor stage guide vanes (регулируемый направляющий аппарат ступени осевого компрессора), cold gas turbine engine start (запуск холодного газотурбинного двигателя) [\[12, 15\]](#) и др.
5. AANNN (adjective+adjective+noun+noun+noun) - solid propellant gas turbine starter (твердотопливный турбостартер) [\[12, 15\]](#) и др.

Структура шестикомпонентных терминов (1,6%) может иметь вид:

1. NNofNNNN (noun+noun+of+noun+noun+noun+noun) - cooling system of gas turbine engine component (система охлаждения узла газотурбинного двигателя) [\[12, 15\]](#).
2. NNNNNNN (noun+noun+noun+noun+noun+noun+noun) - gas turbine engine air gas channel [\[12, 15\]](#) (проточная часть газотурбинного двигателя).
3. ANofNumNNN (adjective+noun+of+numeral+noun+noun+noun) - intermediate flow of three flow turbojet engine (промежуточный контур турбореактивного трехконтурного двигателя) [\[12, 15\]](#).

Анализ показал, что двух-, трех-, четырех-, пяти-, и шестикомпонентные терминологические словосочетания группы образованы на основе исходных однокомпонентных терминов - слов, функционирующих самостоятельно, путем добавления к ним определяющих компонентов (inlet→supersonic inlet→supersonic external compression inlet; vanes→guide vanes→inlet guide vanes→compressor variable inlet guide vanes). Кроме того, необходимо отметить, что подобно терминам первой группы, термины, которые используются для описания конструкции двигателей, являются однозначными. На данном этапе исследования случаев многозначности установить не удалось. Что касается синонимии, то во второй группе терминов нами было выявлено всего лишь 3 примера, иллюстрирующих наличие данного типа семантических отношений в терминологии: vane=blade; cold gas turbine engine start=cold gas turbine engine starting; hot gas turbine engine start=hot gas turbine engine starting.

Прагматические особенности терминологии группы можно свести к нескольким положениям:

1. Термины представляют собой способ реализации научного знания, отражающего специфику конструкции газотурбинных двигателей и их компонентов.

2. В терминологии заложена информация, которая направляет деятельность специалистов в области производства и эксплуатации компонентов двигателей.
3. Данная информация кодируется с помощью терминологических элементов, в качестве которых (как и в первой группе) выступают прилагательные, существительные и числительные.

Так, прилагательные *external*, *internal*, *mixed* указывают специалисту на то, в каких частях сверхзвукового воздуховоронника происходит сжатие потока воздуха. В случае с воздуховоронником внешнего сжатия (*supersonic external compression inlet*) сжатие осуществляется перед плоскостью входа. В воздуховороннике внутреннего сжатия (*supersonic internal compression inlet*) оно происходит внутри канала. Воздуховоронник смешанного сжатия (*supersonic mixed compression inlet*) предполагает сжатие и перед плоскостью входа в воздуховоронник, и внутри его канала [12]. Прилагательные *subsonic*, *supersonic* кодируют информацию о скоростях набегающего воздушного потока, при которых работает тот или иной тип воздуховоронника. Дозвуковой воздуховоронник (*subsonic inlet*) предназначен для работы при дозвуковых (*subsonic*) скоростях, сверхзвуковой (*supersonic inlet*) - для работы при сверхзвуковых (*supersonic*) скоростях [12]. Сочетания числительных с существительными (*two spool compressor*, *three spool compressor*, *one stage turbine*) предназначены для обозначения особенностей конструкции главных частей двигателя: *two spool compressor* (двухкаскадный компрессор, т.е. состоящий из двух (*two*) каскадов (*spool*)), *three spool compressor* (трехкаскадный компрессор, т.е. состоящий из трех (*three*) каскадов (*spool*)), *one stage turbine* (одноступенчатая турбина, т.е. турбина, имеющая одну (*one*) ступень (*stage*)) [12].

Важно отметить, что в контексте терминологии группы "конструкция газотурбинных двигателей" (также как и в терминологии группы "виды газотурбинных двигателей") случаев ложно ориентирующей информации выявлено не было. Терминологическая информация, заложенная в одно-, двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентных терминах, является правильно ориентирующей. Это, в свою очередь, означает ее адекватную интерпретацию и эффективное использование для решения профессиональных задач.

Таким образом, проведенное нами исследование английской терминологии авиационных двигателей позволило сделать ряд значимых выводов:

1. Терминология представляет собой совокупность, которая включает в себя как однословные, так и многокомпонентные термины. Последние составляют большинство (с доминированием трех- и четырехкомпонентных словосочетаний).
2. Явления синонимии и многозначности не получили широкого распространения в исследуемой терминологии.
3. Многокомпонентные термины - словосочетания образованы от однокомпонентных и двухкомпонентных единиц, функционирующих как самостоятельные термины, путем присоединения определяющих компонентов, выраженных прилагательными, существительными и числительными.
4. С помощью последних кодируется терминологическая информация о видах и конструктивных особенностях авиационных двигателей. Эта информация является правильно ориентирующей, она направляет деятельность специалистов, занятых в сфере производства и эксплуатации авиационных двигателей различных видов.

Библиография

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново. 2004.-324 с.
2. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: Дисс. ... д-ра. филол. наук / М.Н. Володина.-М., 1998.-345 с.
3. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.-179 с.
4. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Наука, 2014.-221 с.
5. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987.-103 с.
6. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Моск. Лицей, 1993.-309 с.
7. Даниленко В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического описания). М.: Наука, 1977.-246 с.
8. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.-167 с.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS, 2007.-254 с.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: URSS, 2012.-243 с.
11. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «Термин» // Вестник ННГУ. 2010. №4-2.-с.795-799
12. ГОСТ 23851-79 Двигатели газотурбинные авиационные. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1980.-101 с.
13. Crane D. Dictionary of Aeronautical Terms. Washington:Aviation Supplies & Academics, Inc., 2018. 805 p.
14. De Remer D. Aircraft Systems for Pilots. Washington:Aviation Supplies & Academics, Inc., 2018. 450 p.
15. Gunston B. The Cambridge Aerospace Dictionary. New York:Cambridge University Press, 2009. 816 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Английская терминология авиационных двигателей: лексико-семантические, структурно-грамматические и прагматические особенности», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей термина. Обращение автора к вопросам профессионального английского языка является важным не только для лингвистического исследования, но и методологического – в целях языковой профессиональной подготовки будущих специалистов.

Исследование выполнено в русле лексикологии и лексикографии, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на английском языке.

К сожалению, автор не приводит точного описания объема отобранного для исследования корпуса и методов его обработки.

В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ.

Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Выводы, представленные автором, не отображают проведенной работы и не подводят итога исследования и его дальнейших перспектив.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин на языковых факультетах, так и в практике подготовки по профессиональному языку. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Английская терминология авиационных двигателей: лексико-семантические, структурно-грамматические и прагматические особенности» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кондрашева Е.В. — Концепт «любовь» в художественном мире В. Токаревой: специфика воплощения, образное наполнение и связь с концептосферой А. П. Чехова // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43741 EDN: ULXLLB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43741

Концепт «любовь» в художественном мире В. Токаревой: специфика воплощения, образное наполнение и связь с концептосферой А. П. Чехова

Кондрашева Екатерина Владимировна

ORCID: 0000-0002-9990-3351

старший преподаватель, кафедра журналистики, Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ 000555@pnu.edu.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43741

EDN:

ULXLLB

Дата направления статьи в редакцию:

09-08-2023

Дата публикации:

17-08-2023

Аннотация: Цель исследования – анализ концепта ЛЮБОВЬ как макроконцепта художественного мира В. Токаревой, включающего в себя множество пластов и разновидностей, что способствует более глубокому проникновению в художественную концептосферу писателя, помогает понять внутренние законы, по которым живут и действуют персонажи произведения. Исследование проводится на материале рассказов писателя, опубликованных в разные годы. Методология исследования опирается на компонентный анализ текста, концептуальный и функциональный методы, присутствуют элементы сопоставительного и описательного методов. Актуальность определяется интересом современного литературоведения к художественному концепту, а также тем, что творчество В. Токаревой с точки зрения наполнения художественного концепта ЛЮБОВЬ изучено неполно и требует дальнейшей разработки. Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые предпринимается попытка анализа художественного концепта ЛЮБОВЬ в творчестве В. Токаревой с точки зрения его

наполнения и разновидностей, а также прослеживаются преемственные связи с концептосферой А. П. Чехова на уровне данного концепта. Полученные результаты показали, что концепт ЛЮБОВЬ исследуется писателем не только на разных уровнях человеческих взаимоотношений, но и на уровне любви к творчеству. В концепте ЛЮБОВЬ органично соединено индивидуально-авторское восприятие с представлениями автора-предшественника. Практическая значимость заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания специальных курсов, посвященных проблеме функционирования художественных концептов в произведениях отечественных авторов второй половины XX – первой четверти XXI вв., а также при ведении семинаров, посвященных истории отечественной литературы.

Ключевые слова:

Виктория Токарева, Антон Чехов, художественный концепт, концепт ЛЮБОВЬ, образное наполнение, художественная концептосфера, специфика воплощения, преемственные связи, концептообразование, связь творчества

Введение

Многие рассказы и повести Виктории Токаревой посвящены любви в разных ее проявлениях. Это любовь между мужчиной и женщиной, любовь к матери, к родным и семье, любовь к вещам материальным и к творчеству. Концепт ЛЮБОВЬ в произведениях В. Токаревой доминирует и служит способом постижения истинной сути человека [\[5; 9\]](#).

Немаловажную роль играет этот концепт и в художественной концептосфере А. П. Чехова [\[3\]](#), чье творчество оказало значительное влияние на формирование писательских предпочтений В. Токаревой.

В. Г. Зусман писал, что при анализе художественного концепта «литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [\[4, с. 3-17\]](#). Именно концепты соотносятся «с единицами художественного мышления – образами» [\[13, с. 744\]](#), и это позволяет приблизиться к пониманию художественной концептосферы, создаваемой писателем в своих произведениях. Примечательно, что на формирование художественной концептосферы оказывает влияние творчество предшественников, так как писатель, являясь одновременно и читателем, пропускает произведения других авторов через свой эстетический и житейский опыт. Не стала исключением и В. Токарева, познакомившись в юности с творчеством А. П. Чехова, которое стало для нее в дальнейшем ориентиром в поисках новых форм отражения сначала советской, а потом и современной российской действительности. Сама писательница неоднократно говорила о своей близости к Чехову [\[17, с. 247\]](#), о том, что не только продолжает «учиться у Чехова писательскому мастерству», но и делит людей «на своих и чужих. Те, кто любит Чехова, – мои» [\[15, с. 249\]](#). Продолжая мысль В. Г. Зусмана, можно сказать, что В. Токарева в своем творчестве подключается к чеховской ассоциативно-вербальной сети концептов и по-своему интерпретирует ее. В произведениях В. Токаревой частотны элементы внутреннего творческого диалога с А. Чеховым. Она постоянно вступает в дискуссию с писателем, ссылаясь на его произведения или на факты его биографии. Примечательно определение Ю. С. Степанова: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то,

в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с. 43]. В этом контексте интересно сопоставление образов художественного мышления авторов, разделенных веком, в плане установления диапазона творческих связей и преемственности.

В ходе исследования предполагается решение следующих задач:

- анализ специфики воплощения и образного наполнения многомерного концепта ЛЮБОВЬ в прозе В. Токаревой;
- определение преемственности и осмысление творческой связи с концептосферой А. П. Чехова.

Теоретическую базу исследования составляют труды Н. В. Володиной, посвященные концепту в системе когнитивного литературоведения [1]; исследования Т. Б. Зайцевой Т. Б. о концепте ЛЮБОВЬ в творчестве А. П. Чехова [3]; работы по теории и анализу художественного концепта, предпринятые В. Г. Зусманом В. Г. [4], Ю. С. Степановым [12], В. А. Масловой [7], И. А. Тарасовой [13], Я. А. Саморуковой [10]; монография Т. Н. Марковой, посвященная конструкции и смыслу современной прозы [6]; труды В. Е. Хализева по теории литературы [20]; исследования М. В. Селемёновой [11], Н. Н. Тертычной [14], Чжан Шаопин [23], О. В. Шестых [24] о разных аспектах творчества В. Токаревой.

Концепт ЛЮБОВЬ и чеховские мотивы в творчестве В. Токаревой

В прозе В. Токаревой можно найти много отсылок к текстам А. П. Чехова. Это явление на разных уровнях в своих работах подмечали исследователи Д. Д. Жирков, М. В. Гуляева [2], О. В. Шестых [24], Т. Б. Зайцева [10], Чжан Шаопин [23]. Необходимо отметить, что в творчестве обоих писателей широко представлены малые жанры. По словам Т. Н. Марковой, «малые жанры выражают потребность современной прозы в эффективном и мобильном освоении переломной, изменяющейся реальности в наиболее адекватных ей формах – динамичных, раскованных и в то же время емких и экономных» [6, с. 13]. А. П. Чехов и В. Токарева в малой прозе отражают повседневную жизнь человека.

В произведениях Чехова герой – обычный человек, у которого «из мелкого каждодневного состоит жизнь» [14, с. 161]. Предмет изображения – повседневные события в их незатейливости, предстающие перед читателем без пафоса и нравоучений. Герой В. Токаревой тоже «маленький человек», только современный нам; чаще всего это житель мегаполиса, в котором «уживаются романтические мечты и мелочные поступки, свободолюбие и формализм, мудрость и инфантильность» [11].

Человек у Чехова причудливо объединяет в себе самые разные черты – мелочность и великодушие, обыкновенность и индивидуальность. Человек у Токаревой очень напоминает чеховского героя, с одним лишь уточнением, что это чаще всего женщина и выражается ее индивидуальность через эмоции, через превратности любви.

Взаимодействие чеховских мотивов и художественной концептосферы В. Токаревой идет как постоянный внутренний диалог, отсылки к творчеству классика встречаются в цитатах, аллюзиях, мотивных реминисценциях, прямых упоминаниях, например в очерке

«Мой Чехов», в рассказах «Розовые розы», «Маша и Феликс», «Можно и нельзя», «Странности любви», «Перекресток», «Своя правда», интервью «Между прочим»). Внутренний диалог, даже прямое обращение к классику отечественной литературы, продолжается и в названиях произведений (например, рассказ «Антон, надень ботинки») [2]. В рассказе «Маша и Феликс» героиня говорит о том, что в творчестве важна «чеховская простота» [19, с. 152].

В нашем исследовании проблема преемственности анализируется в системе отношения художника к миру через его художественную концептосферу и концепт ЛЮБОВЬ, так как «художественный концепт в первую очередь нужно рассматривать как единицу индивидуального сознания» [10, с. 84]. Именно художественные концепты, «сохраняя в творчестве конкретного писателя свой доминантный смысл <...>, актуализируют <...> дополнительные, 'скрытые' внутри них значения, характеризующие авторскую индивидуальность» [1]. Безусловно, каждый концепт имеет черты индивидуальные, которые формируются «под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей» [7, с. 45]. Тем интереснее проследить эволюцию художественного концепта ЛЮБОВЬ, его наполнение в творчестве современного писателя.

Для Чехова любовь – это в некотором образе идеалистическое чувство, оно показывает, каким должен быть человек. Но это чувство не может существовать в браке, так как в браке человек не свободен, связан. В рассказе А. П. Чехова «Володя большой и Володя маленький» героине вскоре после замужества становится понятно, что «мужа своего она не любит и любить не может, что все вздор и глупость. <...> Если бы она могла предположить, когда выходила, что это так тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какие блага в свете не согласилась» [22, с. 220]. Несчастливы в браке и многие другие герои Чехова. В рассказе «Ариадна» герой так говорит о любви и браке: «Когда мы молоды, то поэтизируем и боготворим тех, в кого влюбляемся; любовь и счастье у нас – синонимы. У нас в России брак не по любви презирается, чувственность смешна и внушает отвращение, и наибольшим успехом пользуются те романы и повести, в которых женщины красивы, поэтичны и возвышенны, и если русский человек издавна восторгается рафаэлевской мадонной или озабочен женской эмансипацией, то, уверяю вас, тут нет ничего напускного. Но беда вот в чем. Едва мы женимся или сходимся с женщиной, проходит каких-нибудь два-три года, как мы уже чувствуем себя разочарованными, обманутыми; сходимся с другими, и опять разочарование, опять ужас, и в конце концов убеждаемся, что женщины лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки, – одним словом, не только не выше, но даже неизмеримо ниже нас, мужчин. И нам, неудовлетворенным, обманутым, не остается ничего больше, как брюзжать и походя говорить о том, в чем мы так жестоко обманулись» [21, с. 108]. В своих произведениях А. П. Чехов «ставит под сомнение сложившуюся форму брака как устаревшую и нередко связывающую человека отношениями пустоты и несвободы» [3, с. 709]. Исследователь Т. Б. Зайцева считает, что «любовь в жизни героев Чехова нередко остается в сфере идей, тщательно избегает действительности. Концепт ЛЮБОВЬ раскрывается в творчестве писателя прежде всего как любовь-воспоминание» [там же, с. 705]. Исследователь выделяет у Чехова, кроме любви-воспоминания, любовь-повторение, любовь-деяние. И подчеркивает, что концепт ЛЮБОВЬ является одним из значимых концептов художественного мира Чехова [там же, с. 709].

Эту проблему продолжает рассматривать и современный писатель В. Токарева, препарировав любовь не только во внутрисемейных связях, но и во всех проявлениях

этого чувства. Современного писателя интересуют варианты чувства любви: от житейски приземленного до одухотворенно-приподнятого, от чувства любви между мужем и женой в браке до чувства случайных встреч.

Концепт ЛЮБОВЬ и его дополнительные концептообразования в прозе В. Токаревой

Концепт ЛЮБОВЬ – макроконцепт и в художественной концептосфере В.Токаревой, любовь ее героев парит над жизнью или погружена в действительность, в быт, претерпевает различные испытания; порой герои теряют ее, а иногда преодолевают все трудности и обретают вновь. В своем творчестве В. Токарева по-своему разрабатывает и наполняет дополнительными смыслами этот концепт: это и любовь-необходимость, любовь-испытание, любовь-ненависть.

Женщины в прозе В. Токаревой сосуществуют в двух мирах – вещном и чувственном, и второй часто оказывается важнее. Важнее карьеры, личных амбиций, успеха. В рассказе «Система собак» любовь – необходимое условие жизни: «Я знаю, что без тебя я ничто. Аш-Два. Выдох. А с тобой я молекула воды. Вода – жидкий минерал. Значит, я из неощутимого газа превращаюсь в минерал?». Если нет любви, то нет и жизни: «Жизнь удастся, если удастся ЛЮБОВЬ», а без нее «пусто и черно, как в космосе» [\[16, с. 176–180\]](#). Повествование в рассказе ведется от лица диегетического повествователя, что еще больше вовлекает читателя в происходящее.

Иногда чувства оказываются важнее всего остального не только для женщин, но и для героев-мужчин; обычно это происходит в конце жизни, при подведении итогов, когда человек потерял любовь, не пройдя испытание верностью: «Руслан не мог жить без Ляльки. Он ждал, когда закончится жизнь и паромщик в черном плаще перевезет его на пароме через Лету. А на том берегу его будет ждать Лялька. Они обнимутся и зарыдают. И не расстанутся больше никогда. НИКОГДА» [\[18, с. 17\]](#).

Любовь – это нечто живое, которое вместе с человеком проживает жизнь и в мучениях умирает. И, умирая, иногда превращается из «любовь-любовь» в «любовь-ненависть». Любовь сравнивается с плодом, «который уже не уместится во чреве и задыхается, а ему все не дают родиться» [\[16, с. 187–190\]](#). Любовь как мифологическая нить Ариадны ведет человека через жизнь. Если не удержишь, не выдержишь испытание любовью, предашь или откажешься от нее, то судьба может восполнить потерю деньгами: «Срабатывал закон компенсации. Судьба отняла тебя, а за это дала денег. Заплатила» [там же, с. 192]. Материальное добавляет комфорта, но радости жизни не дает, потому что все остальные любви, случающиеся в жизни, несерьезны: «Меня постоянно кто-то любит, но уже никто не мучает. Вернее, так: я не мучаюсь. И не задерживаюсь подолгу на одной любви. Перехожу к следующей» [там же, с. 194]. Однако люди, пережившие любовь, расстаются только на «каком-то внешнем, поверхностном уровне. А внутренняя связь не прервалась, в глубине мы неразделимы» [там же, с. 196].

Любовь в художественной концептосфере Токаревой осязаема, наполнена звуками, телесными ощущениями, страстями; она далеко не идеальна, но позволяет этому чувству, несмотря ни на что, помочь найти опору, преодолеть страх одиночества и смерти, дать смысл жизни, приподнимает над миром материального, при этом не отрывая от него.

Токарева, говоря о любви, находится рядом со своими героями: она, как всезнающий создатель, проговаривает жизненные законы, обобщает и подводит итог. Любовь

трагична, потому что не вечна. Это второй закон жизни, первый – конечность самой жизни: «Любовь всегда куда-то утекает. Это трагедия номер два. Быстротечность жизни и утеkanie любви» [\[16, с. 225\]](#).

Встречается и «двусторонняя идеальная, очищенная любовь» [\[16, с. 227\]](#), но это чаще не из мира взаимоотношений мужчины и женщины. Это о любви человека к собаке, лошади, к существу, которое отдает свою любовь без условий, не требуя ничего взамен. Подобную любовь мы встречаем, например, в рассказе «Выстрел», где героиня не может предать старую, списанную лошадь и подстраивает свою жизнь под ее интересы: «Она состарилась, ее списали. Я взяла ее себе. Не отправлять же близкого человека на колбасу» [\[18, с. 61\]](#).

Встречается в рассказах В. Токаревой и описание любви к своему делу, к творчеству. Когда человек творит, то эти жизненные законы (преодолеваемость любви и конечность жизни) как бы отходят на второй план, время щадит такого человека: «Я поняла: талантливый человек старым не бывает. Она – не старая. Просто давно живет» [\[16, с. 239\]](#); «талантливые люди <...> не бывают стариками. Они скорее большие дети. Талант – это отсвет детства в человеке» [\[18, с. 59\]](#). И такая любовь остается с человеком навсегда, она не подвержена коррозии временем: «Иногда у меня бывают особенно хорошие периоды, и тогда я поднимаюсь из-за стола и хожу с отрешенным лицом, счастливо-опустошенная, как после любви. Но эта любовь не уходит к другому объекту. В этом мое преимущество» [\[16, с. 241\]](#). Однако есть разница между мироощущением мужчины и женщины: «Мужчина в своем творчестве ориентируется на Бога. А женщина – на мужчину. Женщина восходит к Богу через мужчину, через любовь. Но, как правило, объект любви не соответствует идеалу. И тогда женщина страдает и пишет об этом» [там же, с. 241]. Потому что любить – вечный удел женщины, так как «инстинкт продолжения рода – любовь, инстинкт сохранения потомства – чадолюбие. Инстинкт самосохранения – страх смерти. И все, в сущности» [\[19, с. 47\]](#).

Любовь в художественной концептосфере писателя неидеальна, она проводит человека через большие испытания, требует жертв и служения, но она дарит человеку, пусть и временно, защиту от метафизических «сквозняков», делает его лучше, а мир вокруг него чище и ближе к Богу: «любовь обряжает человека, высаживает клумбы у него на голове. А ненависть раздевает догола, и человек становится серийный, заурядный, в общем ряду и даже в хвосте человеческого ряда» [\[19, с. 70\]](#). В любви герои В. Токаревой, как, пожалуй, и герои А.П. Чехова, «ближе всего к Богу. Когда человек любит – он в резонансе с Богом» [\[19, с. 41\]](#).

В. Е. Хализев писал, что под понятием «традиция» следует понимать «инициативное и творческое <...> наследование культурного <...> опыта, которое предполагает достраивание ценностей, составляющих достояние общества, народа, человечества». <...> Органически усвоенная традиция <...> становится для отдельных людей и их групп своего рода ориентиром, <...> некой духовно-практической стратегией» [\[20, с. 363-364\]](#). Подобное мы наблюдаем и в творчестве В. Токаревой. Она зорко смотрит на мир и обобщает все, что происходит с современным человеком, в том числе и в сфере чувств, в простой форме, называя вещи своими именами и не морализируя. Ф. Муртазаева замечает: «Для В. Токаревой характерны такие особенности стиля, как ирония, афористичность, простейшая разработка сюжета, простота синтаксических конструкций и проникновение во внутренний мир героя» [\[8, с. 98\]](#). И это "достраивание ценностей" в

художественном концепте ЛЮБОВЬ, как и другие особенности прозы В. Токаревой, приближают ее произведения к творчеству А. П. Чехова.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что художественный концепт ЛЮБОВЬ в концептосфере В. Токаревой на протяжении долгого творческого пути писателя развивается и наполняется новыми образами и смыслами. При анализе художественного концепта ЛЮБОВЬ мы выявили дополнительные концептообразования: любовь-необходимость, любовь-испытание, любовь-ненависть, идеальная любовь, любовь-созидание. Любовь наполняет новыми красками жизнь героев, проявляет их истинную суть, служит своего рода проводником в мире жизненных испытаний; сила любви в ее неуловимости и преходящести, в необходимости самоотверженности и отсутствии эгоизма.

При всей самобытности творчества писателя определенно чувствуется влияние творчества А. П. Чехова не только в создании образов, в особенностях композиции токаревских рассказов и повестей, но и в наполнении концепта ЛЮБОВЬ. Однако этот художественный концепт современный писатель наполнил актуальным содержанием и новыми концептообразованиями.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более внимательном изучении связи творчества В. Токаревой с наследием А.П. Чехова на уровне других художественных концептов, а именно ДОМ, СЕМЬЯ, ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО. Подобные сопоставления художественных концептов с целью обнаружения особенностей наполнения и продолжения художественной традиции способствуют актуализации изучения проблемно-тематического своеобразия писательского наследия, выявляют особенности индивидуально стилевой манеры, способствуют более внимательному и глубокому освещению различных аспектов произведений.

Библиография

1. Володина Н. В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. №2-1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-v-sisteme-kognitivnogo-literaturovedeniya-opyt-metodologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Жирков Д. Д., Гуляева М. В. «Чеховский текст» в рассказе В. С. Токаревой "Антон, надень ботинки!" // Наука без границ. 2019. №7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chegovskiy-tekst-v-rasskaze-v-s-tokarevoy-anton-naden-botinki> (дата обращения: 02.06.2023).
3. Зайцева Т. Б. Концепт «Любовь» в творчестве А. П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lyubov-v-tvorchestve-a-p-chehova-dlya-antologii-hudozhestvennye-konstanty-russkoy-literatury> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–17.
5. Кондрашева Е. В. Любовь как макроконцепт художественной концептосферы В. Токаревой (на примере сборников произведений «Короткие гудки», «О том, чего не было», «Сказать – не сказать...») // Litera. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-kak-makrokontsept-hudozhestvennoy-kontseptosfery-v-tokarevoy-na-primere-sbornikov-proizvedeniy-korotkie-gudki-o-tom>

- chego-ne (дата обращения: 12.07.2023).
6. Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): Монография. М.: Изд-во Моск. Гос. обл. ун-та, 2003. 268 с.
 7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. М.: Тетра Системс, 2004. 256 с.
 8. Муртазаева Ф. Художественный мир Виктории Токаревой // Иностранная филология: язык, литература, образование. 2019. №4 (73). С. 98–102.
 9. Русинова Л. В. Любовь как лингвокультурная доминанта современной женской прозы (на материале текстов В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой) / Л. В. Русинова // Русский язык и культура в пространстве Русского мира. Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 26–28 октября 2010 г. / Под ред. Е. Е. Юркова, Т. П. Поповой, И. М. Вознсенской, А. С. Шатилова. В двух частях. Т.2. СПб.: «МИРС», 2010.
 10. Саморукова Я. А. К вопросу об анализе художественного концепта // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-analize-hudozhestvennogo-kontsept> (дата обращения: 12.06.2023).
 11. Селеменова М. В. Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой // Litera. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-tema-i-tekst-v-proze-viktorii-tokarevoy> (дата обращения: 09.06.2023).
 12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп [Текст] / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 590 с.
 13. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. № 4 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-kontsept-dialog-lingvistiki-i-literaturovedeniya> (дата обращения: 11.06.2023).
 14. Тертычная Н. Н. Психологизм прозы В. Токаревой (о некоторых аспектах проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9 (27) 2013, часть 1. С. 161–165.
 15. Токарева В. Кругом один обман : Рассказы и очерки. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 256 с.
 16. Токарева В. Можно и нельзя : Повести и рассказы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.
 17. Токарева В. Мои мужчины: Повесть, рассказы, интервью. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.
 18. Токарева В. Сволочей тоже жалко : Рассказы, повести, киносценарий. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 240 с.
 19. Токарева В. Этот лучший из миров : Рассказы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.
 20. Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. Изд. 4-е, испр. и доп. Москва : Высш. шк., 2004. 404 с.
 21. Чехов А. П. Ариадна. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах : сочинения в 18 томах // А. П. Чехов ; АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького ; [редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. М. : Наука, 1983. Том 8. С. 107–132.
 22. Чехов А. П. Володя большой и Володя маленький. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах : сочинения в 18 томах // А. П. Чехов ; АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького ; [редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. М. : Наука,

1983. Том 8. С. 214–225.

23. Чжан Шаопин. Рецепция А. П. Чехова в русской «Женской прозе» конца XX–начала XXI веков // Научный диалог. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-a-p-chehova-v-russkoy-zhenskoj-proze-kontsa-xx-nachala-xxi-vekov> (дата обращения: 06.06.2023).
24. Шестых О. В. Чеховские традиции в рассказах Виктории Токаревой // Творчество А. П. Чехова: межвуз. сб. науч. тр. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2004. С. 100–103.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор статьи «Концепт ЛЮБОВЬ в художественной концептосфере В. Токаревой (на материале сборников прозы «Можно и нельзя», «Этот лучший из миров», «Сволочей тоже жалко»)» обращается к теме, которую можно назвать «вечной» в литературоведении. Ее раскрывают в разных аспектах на разном литературном материале. В данной работе рассматривается «концепт ЛЮБОВЬ» в творчестве В. Токаревой, что обусловлено стремлением «приблизиться к пониманию художественной концептосферы, создаваемой писателем в своих произведениях». Более того, задача усложняется тем, что один из ключевых концептов в творчестве В. Токаревой рассматривается в контексте художественного мира А.П. Чехова. Как замечает автор статьи, «В. Токарева в своем творчестве подключается к чеховской ассоциативно-вербальной сети концептов и по-своему интерпретирует ее».

Сразу стоит отметить, что в работе дан достаточно полный спектр смыслов и ассоциаций, который связан с концептом ЛЮБОВЬ в рассказах писательницы, показано, что он «на протяжении долгого творческого пути писателя развивается и наполняется новыми образами и смыслами». Наряду с традиционными, в работе выявлены такие типы этого чувства, как «любовь-необходимость, любовь-испытание, любовь-ненависть, идеальная любовь, любовь-созидание». При анализе акцент сделан и на специфике женского восприятия этого чувства. Таким образом, в целом, основная задача решена, выводы убедительны. Однако при чтении статьи возникает ряд вопросов. Прежде всего неясен выбор источников того литературного материала, который составил эмпирическую базу исследования. Обязательно надо было пояснить, почему именно эти сборники, а не более ранние издания или в целом творчество Виктории Токаревой стали материалом для исследования. Во-вторых, название не полностью отражает содержание статьи. Автор одну из задач формулирует так: «определение преемственности и осмысление творческой связи с концептосферой А. П. Чехова», а затем последовательно соотносит малую прозу В.Токаревой с творчеством А.П. Чехова. Но название статьи никак не отражает эту часть исследования. Более того, отсылки к Чехову понятны, но в том виде, как это представлено в работе, воспринимаются как избыточный материал. В целом, статья написана интересно, в ней последовательно выдерживается научный стиль. Однако неясна граница цитирования в следующем фрагменте: «В. Г. Зусман писал, что при анализе художественного концепта «литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [4, с. 3–17]. Именно концепты соотносятся с единицами художественного мышления – образами» [13, с. 744]». Во втором предложении есть кавычки, завершающие цитирование, но их нет там, где цитата начинается.

Есть неудачные в стилистическом отношении обороты. В частности, в предложении «Концепт ЛЮБОВЬ в произведениях В. Токаревой доминирует [5; 9] и служит своего рода «прокрустовым ложем», позволяющим понять истинную суть человека» лучше было бы обойтись без крылатого выражения, так как оно неточно выражает мысль.

В аннотации нужно исправить согласование в первом предложении: «...художественного мира В. Токаревой, включающИМ в себя...»

Таким образом, статья может быть опубликована после доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом профильного исследования рецензируемой статьи является концепт «любовь» в художественном мире Виктории Токаревой. Можно заметить, что данный вектор изучения не так нов, однако в работе осуществлена попытка установления связи текстов Токаревой с концептосферой А. П. Чехова, что дает основание данный материал оценить как новаторский. Работа достаточно интересна, оригинальна; автор стремится к совмещению т.н. теоретического звена и собственно практического, в принципе это удается неплохо. Теоретическую базу исследования составляют труды Н. В. Володиной, посвященные концепту в системе когнитивного литературоведения; исследования Т. Б. Зайцевой Т. Б. о концепте ЛЮБОВЬ в творчестве А. П. Чехова; работы по теории и анализу художественного концепта, предпринятые В. Г. Зусманом В. Г., Ю. С. Степановым, В. А. Масловой, И. А. Тарасовой, Я. А. Саморуковой; монография Т. Н. Марковой, посвященная конструкции и смыслу современной прозы; труды В. Е. Хализева по теории литературы; исследования М. В. Селемёновой, Н. Н. Тертычной, Чжан Шаопин, О. В. Шестых о разных аспектах творчества В. Токаревой. Систематизация данных сделана хорошо, что и позволяет автору сформировать собственный взгляд / точку зрения на предмет. Факторы компаратива поддерживаются на протяжении всего сочинения. Например, это манифестировано в следующих фрагментах: «в произведениях Чехова герой – обычный человек, у которого «из мелкого каждодневного состоит жизнь». Предмет изображения – повседневные события в их незатейливости, предстающие перед читателем без пафоса и нравоучений. Герой В. Токаревой тоже «маленький человек», только современный нам; чаще всего это житель мегаполиса, в котором «уживаются романтические мечты и мелочные поступки, свободолюбие и формализм, мудрость и инфантильность», или «любовь в художественной концептосфере писателя неидеальна, она проводит человека через большие испытания, требует жертв и служения, но она дарит человеку, пусть и временно, защиту от метафизических «сквозняков», делает его лучше, а мир вокруг него чище и ближе к Богу: «любовь обряжает человека, высаживает клумбы у него на голове. А ненависть раздевает догола, и человек становится серийный, заурядный, в общем ряду и даже в хвосте человеческого ряда». В любви герои В. Токаревой, как, пожалуй, и герои А.П. Чехова, «ближе всего к Богу. Когда человек любит – он в резонансе с Богом» и т.д. Стиль работа сориентирован на собственно научный тип, терминологический ряд используется с учетом семантики, серьезных разночтений не выявлено. Цитации по ходу анализа даются уместно, объективно: «В. Е. Хализев писал, что под понятием «традиция» следует понимать «инициативное и творческое <...> наследование культурного <...> опыта, которое предполагает достраивание ценностей, составляющих достояние общества, народа, человечества». <...> Органически усвоенная традиция <...> становится для отдельных людей и их групп своего рода

ориентиром, <...> некой духовно-практической стратегией». Подобное мы наблюдаем и в творчестве В. Токаревой. Она зорко смотрит на мир и обобщает все, что происходит с современным человеком, в том числе и в сфере чувств, в простой форме, называя вещи своими именами и не морализируя. Ф. Муртазаева замечает: «Для В. Токаревой характерны такие особенности стиля, как ирония, афористичность, простейшая разработка сюжета, простота синтаксических конструкций и проникновение во внутренний мир героя». И это "достраивание ценностей" в художественном концепте ЛЮБОВЬ, как и другие особенности прозы В. Токаревой, приближают ее произведения к творчеству А. П. Чехова». В целом можно констатировать, что работа имеет законченный вид, тема исследования раскрыта, цель достигнута; методология данного труда все же тяготеет к формату сравнительно-сопоставительного типа. Основные требования издания учтены; текст не нуждается в серьезной правке. В финальном блоке автор отмечает, что «художественный концепт ЛЮБОВЬ в концептосфере В. Токаревой на протяжении долгого творческого пути писателя развивается и наполняется новыми образами и смыслами. При анализе художественного концепта ЛЮБОВЬ мы выявили дополнительные концептообразования: любовь-необходимость, любовь-испытание, любовь-ненависть, идеальная любовь, любовь-созидание. Любовь наполняет новыми красками жизнь героев, проявляет их истинную суть, служит своего рода проводником в мире жизненных испытаний; сила любви в ее неуловимости и преходящести, в необходимости самоотверженности и отсутствии эгоизма», «при всей самобытности творчества писателя определенно чувствуется влияние творчества А. П. Чехова не только в создании образов, в особенностях композиции токаревских рассказов и повестей, но и в наполнении концепта ЛЮБОВЬ. Однако этот художественный концепт современный писатель наполнил актуальным содержанием и новыми концептообразованиями». Следовательно, выводы сориентированы на основной блок работы. Материал может быть полезен при изучении творчества Виктории Токаревой, истории русской литературы. Считаю, что рецензируемая статья «Концепт «любовь» в художественном мире В. Токаревой: специфика воплощения, образное наполнение и связь с концептосферой А. П. Чехова» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ха Ц. — Актуальные понятия политического дискурса современных российских и китайских СМИ // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43789 EDN: UMHTFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43789

Актуальные понятия политического дискурса современных российских и китайских СМИ

Ха Цун

ORCID: 0000-0001-9460-9957

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов

119361, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2А

✉ 1042218071@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43789

EDN:

UMHTFG

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2023

Дата публикации:

17-08-2023

Аннотация: Данная статья посвящена анализу наиболее важных для современного общества понятий политического дискурса российских и китайских СМИ. Рассматриваются различные подходы к трактовке политического дискурса в России и в Китае, выявляются черты их сходства и различия, анализируются ключевые понятия политического дискурса и делаются выводы о специфике их функционирования в контексте современных ведущих печатных изданий России и Китая. Актуальность данной темы обусловлена важностью изучения медийной среды, которая в современном мире играет заметную роль в формировании общественного мнения и трансляции государственной политики как внутри страны, так и за ее пределами. Предметом исследования являются наиболее актуальные для средств массовой информации РФ и КНР понятия, а также языковые средства, формирующие политический дискурс. В результате исследования предлагается перечень актуальных для современных российских и китайских СМИ концептов, приводится список общих и отличительных черт,

характеризующих политический дискурс России и Китая, а также указываются факторы, обуславливающие уникальность политического дискурса, такие как политическая система, идеология, национальные и культурные особенности. В то же время анализ публикаций современных ведущих СМИ Российской Федерации и Китая показал, что общими для них темами являются роль языка и государственной идеологии в жизни современного общества.

Ключевые слова:

политический дискурс, Китай, Россия, средства массовой информации, понятие, языковая единица, вербальные средства коммуникации, невербальные средства коммуникации, концепт, языковые контакты

Введение

Политический дискурс представляет собой самостоятельную составляющую общественно-политического взаимодействия, которая определяется как комплексная лингвистическая единица. Реализация политического дискурса подразумевает использование не только вербальных и невербальных языковых средств, но и экстралингвистических факторов, связанных с аксиологической природой коммуникации, а также когнитивных структур, которые регулируют условия существования самого дискурса.

Анализируя политический дискурс, следует учитывать его полифоническую природу, взаимосвязь с другими коммуникационными процессами и социокультурными феноменами. Важно отметить, что политический дискурс выступает как способ формирования общественных установок, создания социальных конструктов и ментальных моделей.

Актуальность данной темы обусловлена важностью понимания и анализа медийной среды в России и в Китае. Исследование позволяет осознать, какие ключевые концепции, сообщения и подходы применяются в политическом дискурсе в этих странах. Полученные в ходе исследования данные помогут обнаружить особенности информационной политики, специфику влияния СМИ на общественное мнение, а также выявить черты различия и сходства в информационных стратегиях России и Китая.

Понятие политического дискурса в Китае и в России

Рассмотрим основные подходы к понятию «политический дискурс» в работах российских и китайских исследователей. Так, Лю Юмэн рассматривает политический дискурс как неотъемлемый инструмент политической деятельности. Янь Хуэй подчеркивает, что политический дискурс обладает уникальными характеристиками, связанными с воплощением политической мысли в языке [\[1, с. 2\]](#). Тянь Хайлун выделяет лингвистические особенности политического дискурса, такие как «сильная цель», «ясные участники» и «различные жанры». Кроме того, ученые отмечают, что китайский политический дискурс ориентирован на общенародность (например, развитие идеи «трех представительств») и современность (например, продвижение инициативы «Один пояс, один путь») [\[2, с. 115\]](#).

Политический дискурс отражает социально-политическую жизнь страны, так как содержит в себе уникальные семантические и стилистические выражения. Важно понимать, что политический дискурс тесно связан с идеологией и является ключевым

элементом последней. Ван Шаохуа и Чжан Вэй подчеркивают необходимость построения стратегического, глобального и диалогичного политического дискурса [\[2, с. 146\]](#).

Построение системы политического дискурса — это неотъемлемое требование эпохи, которое лежит в основе развития современного Китая. Страна сталкивается с необходимостью адаптироваться к изменениям в мировом социальном устройстве и требованиям будущего экономического, социального и культурного развития. В этом контексте Чжан Шэнли подчеркивает, что современный политический дискурс Китая представляет собой систему, где господствует Коммунистическая партия Китая (КПК). Поэтому китайский политический дискурс отражает идеологическую линию, руководящие принципы и политику партии. В нем каждый член КПК взаимодействует с политическим партнером и участвует в обмене мнениями с читателем печатных изданий. Основной целью этого дискурса является забота об интересах широких слоев общества.

Центральными концептами в политическом дискурсе Китая являются «китайская мечта», инициатива «Один пояс, один путь» и идея «сообщества единой судьбы человечества». Эти концепты представляют собой основу китайского политического дискурса и способствуют дальнейшему развитию теории социализма с китайской спецификой. Это позволяет КПК, возглавляемой генеральным секретарем Си Цзиньпином, прогнозировать и формировать будущее Китая, а также играть роль лидера и защитника интересов мирового сообщества.

Важно отметить, что построение системы политического дискурса Китая предполагает применение марксистских принципов и методов в решении практических задач государственного масштаба. Жэнь Мэйи подчеркивает, что формулировать содержание политического дискурса необходимо с учетом объективных законов развития страны и роли КПК как субъекта дискурса, а также с опорой на теорию социализма, лежащую в основе политического пути Китая. С постепенным развитием страны встает амбициозная задача — расширить аудиторию СМИ, а следовательно — участников дискурса до международного уровня.

В современной российской лингвистике отсутствует общепринятое представление о типологии политического дискурса. Т. В. Шмелева выделяет три типа жанров политического дискурса: жанры представления обществу принятых решений, жанры обсуждения принятых решений и жанры публичных массовых действий [\[3, с. 55\]](#). Н. Н. Кохтев включает в понятие политического дискурса различные типы коммуникации, такие как дипломатический, политический, военно-патриотический, митинговый, агитаторский, парламентские речи, отчетные доклады и другие [\[4, с. 411\]](#).

Многие российские исследователи подчеркивают, что политический дискурс функционирует исключительно в сфере политики — он формируется в условиях деятельности политических институтов, осуществления политических актов. Политический дискурс — это дискурс политиков, сформированный в институциональной обстановке (дебаты в парламенте, обсуждения в правительстве, партийные съезды, речи политиков и др.) [\[5, с. 128\]](#). Однако некоторые ученые, например, П. Б. Паршин, сомневаются в существовании уникального феномена политического дискурса, утверждая, что языковые черты этого дискурса сложно идентифицировать и они в значительной степени соответствуют идиоэтническим («национальным») языкам. П. Б. Паршин предлагает использовать понятие идиополитического дискурса, которое отражает специфику того, о чем говорят политические деятели, кому и с помощью каких средств [\[6, с. 72\]](#).

Таким образом, вопросы построения политического дискурса в Китае и его типологии в российской лингвистике представляются актуальными, требующими дальнейшего изучения и обсуждения. Исследование основных понятий политического дискурса в российских и китайских СМИ имеет важное значение для понимания влияния медиа на общественное мнение и политическую активность в этих странах, а также для раскрытия особенностей идеологических и коммуникационных стратегий в данных государствах.

Разница подходов к пониманию политического дискурса российскими и китайскими учеными обусловлена различием исследовательских интересов и научных традиций, а также социокультурными особенностями каждой страны. Однако в них можно обнаружить некоторые общие тенденции и черты сходства.

1. Как российские, так и китайские ученые активно изучают политические тексты, содержание выступлений и особенности коммуникации политических деятелей для понимания политических процессов, идеологии и специфики влияния политических действий на общество.

2. Ученые России и Китая придают важное значение языку и риторике в политическом дискурсе, так как они являются ключевыми средствами формирования общественного мнения и убеждений.

3. Ученые обеих стран занимаются исследованием политической идеологии и ее влияния на формирование политического дискурса, а также на поведение политических акторов.

Наряду с указанными сходствами, существует и ряд отличий в трактовке политического дискурса и его роли в процесс общественной коммуникации.

1. Российские и китайские ученые применяют различные теоретические подходы к изучению политического дискурса. Российские исследователи чаще прибегают к западным теориям и методам, в то время как китайские специалисты склоняются к использованию собственных подходов и традиций.

2. Политический контекст в России и в Китае существенно различается, и это может сказываться на приоритетах и направлениях исследования политического дискурса. Например, российские ученые чаще акцентируют внимание на изучении российской политической системы и внутренних политических процессов, тогда как китайские ученые больше сосредоточены на исследовании китайской идеологии и внешней политики.

3. В России и в Китае наблюдается разная степень доступа к некоторым источникам информации или политическим данным, что влияет на возможности исследователей и на содержание их работ.

Таким образом, исследовательские подходы российских и китайских ученых к политическому дискурсу имеют свои особенности, но их научная деятельность может совпадать в определенных общих темах, таких как изучение роли языка, политической идеологии и влияния коммуникации на общество.

Ключевые понятия политического дискурса

в современных печатных изданиях России и Китая

С целью определения наиболее важных понятий политического дискурса российских и китайских СМИ в данной работе были проанализированы современные ведущие

политические издания двух стран. Среди российских изданий, в силу своей популярности и степени доверия экспертного сообщества и широкой читательской аудитории, наибольший интерес представляют «Экономика и жизнь», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Ведомости» и «Российская газета». В Китае к таким изданиям относятся «Пиплс дейли», «Глобал таймс», «Чайна дейли», «Синьхуа» и «Саутчайна морнинг пост».

Анализ данных, полученных благодаря национальному корпусу русского языка [\[7\]](#), показал, что центральными концептами российского политического дискурса являются следующие:

Путинизм. Это понятие описывает политическую систему и стиль лидерства, связанные с самой личностью президента РФ, Владимира Путина, который занимает этот пост с 2000 года. Лексема *путинизм* акцентирует внимание на таких смысловых компонентах, как «сильное личное руководство» и «ориентация на стабильность». Впервые данное слово появилось в национальном корпусе русского языка в 2000 году, и с 2018 по 2023 год частота его использования неизменно росла. Таким образом, в течение последних 20 лет оно встречается в различных публикациях обозначенных выше СМИ 49 раз.

Медведевская модернизация. Данный концепт относится к инициированным бывшим президентом России Дмитрием Медведевым усилиям по модернизации российской экономики и общества. Впервые это словосочетание появилось в 2010 году, и его популярность возросла в три раза за последнее десятилетие.

«Крым наш». Это понятие начало все чаще встречаться в СМИ после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. Оно отражает политические и общественные дискуссии вокруг этого события, а также общенародную позицию по данному вопросу. Однако впервые данное словосочетание появилось еще в 1997 году, и всего на данный момент оно встречалось в публикациях ведущих российских печатных изданий 193 раза. Из них наиболее часто оно использовалось журналистами в 2016 году (49 раз).

Санкции. Россия столкнулась с беспрецедентным объемом международных санкций со стороны стран коллективного Запада и ассоциированных с ним международных организаций в ответ на референдум и последующее присоединение Крыма, а также начало специальной военной операции на Донбассе. Частота употребления данного термина самая высокая. За весь XX век данное слово упоминалось 845 раз, но наибольшего количества упоминаний оно достигло в исследуемых нами СМИ в 2014 году (107 раз).

По статистике национального корпуса китайского языка [\[8\]](#), среди китайских медийных текстов ключевыми понятиями политического дискурса стали следующие:

Коммунизм с китайскими особенностями (中国特色社会主义). Это понятие описывает особую модель социализма, применяемую в Китае под руководством Коммунистической партии Китая.

Чжунгуомэн (中国梦). Этот термин можно перевести как «китайская мечта»; он стал популярным после того, как лидер Китая Си Цзиньпин начал активно использовать его в своих выступлениях. Данное понятие указывает на стремление нации к укреплению, процветанию и возрождению.

«Одна страна, две системы» (一国两制). Этот концепт отражает политическую идею, которая была применена в Гонконге и Макао после их возвращения Китаю. Эта

концепция предусматривает сохранение капиталистических и политических особенностей данных регионов в течение определенного периода времени после возвращения под юрисдикцию Китая.

Частота встречаемости трех перечисленных понятий политического дискурса в национальном корпусе китайского языка среди публикаций, отобранных в рамках данного исследования печатных изданий, за последние два десятилетия составляет 31 133, 12 582 и 16 668 раз соответственно.

Политический дискурс России и Китая имеет некоторые элементы сходства, но также демонстрирует существенные различия из-за уникальных политических систем, культурных особенностей и исторического контекста каждой страны.

К числу сходных черт относятся следующие:

1. Влияние правящей партии. Как в России, так и в Китае, политический дискурс в значительной степени зависит от доминирующей политической партии. В России это «Единая Россия», а в Китае — Коммунистическая партия Китая (КПК). Обе партии стремятся формировать и поддерживать свой политический дискурс, отражающий их идеологическую линию и цели.
2. Контроль над информацией. В обоих государствах правительства активно контролируют средства массовой информации и интернет-контент, что позволяет управлять распространением определенных политических сообщений и поддерживать желаемый дискурс.
3. Сила лидерства. В СМИ обеих стран поставлен акцент на силе политического лидерства. Президент России и Генеральный секретарь КПК в Китае обладают значительной властью и влиянием в сфере формировании политического дискурса.

Среди очевидных различий необходимо выделить следующие:

1. Тип политического устройства. Главное различие между Россией и Китаем заключается в политических системах. Россия — президентская республика, а Китай — социалистическая республика с коммунистической партией во главе. Это влияет на структуру политического дискурса и его цели.
2. Идеологические основы. В Китае доминирует идеология марксизма-ленинизма и социализма с китайской спецификой, которая определяет основные принципы и ценности политического дискурса. В России же политическая идеология выражена менее ярко и часто сфокусирована на поддержке правящей партии.
3. Культурные отличия. Россия и Китай имеют разные культурные традиции и ценности, которые отражаются в их политическом дискурсе. Например, в китайском дискурсе чаще уделяется внимание коллективизму и национальному единству, в то время как в российском дискурсе акцентируются исторические традиции и подчеркивается роль России в мире.
4. Взаимодействие с международным сообществом. Китай и Россия по-разному взаимодействуют с международным сообществом, что отражается в их политическом дискурсе. Китай активно продвигает инициативы, такие как «Один пояс, один путь» и «сообщество единой судьбы человечества», в то время как Россия в большей степени ориентируется на защиту своих интересов и национального суверенитета, а также на идею многополярного мира.

Таким образом, наряду с наличием общих черт, политический дискурс в России и Китае имеет существенные различия, обусловленные уникальными политическими, культурными и историческими особенностями двух стран.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Политический дискурс российских и китайских СМИ обладает уникальными национальными особенностями и характеристиками, отражающими политическую систему и идеологию каждой страны.
2. В российских СМИ присутствуют такие понятия, как «путинизм», «медведевская модернизация» и «Крым наш», которые воплощают важные политические события и характеризуют лидеров страны.
3. В китайских СМИ популярны понятия «коммунизм с китайскими особенностями», «чжунгуомэн» и «одна страна, две системы», которые отражают особенности китайской политической системы и идеологии.
4. Политический дискурс обеих стран характеризуются влиянием правящих политических партий, таких как «Единая Россия» и Коммунистическая партия Китая (КПК), которые формируют и поддерживают доминирующие политические сообщения.
5. В обоих государствах политический дискурс активно контролируется государством, что способствует управлению информацией и формированию желаемого образа государства как внутри страны, так и на международной арене.
6. Культурные отличия сказываются на акцентах в политическом дискурсе: в Китае уделяется больше внимания национальным ценностям и идеям, в то время как в России часто подчеркивается важность исторической традиции, но в то же время необходимость модернизации отдельных государственных структур и общественных институтов.
7. Политические дискурсы в обеих странах стремятся влиять на общественное мнение и поддержку политических лидеров и партий.
8. Исследователи обеих стран акцентируют внимание на различных аспектах политического дискурса, однако общими темами для них являются роль языка, идеологии и коммуникации в политической и общественной жизни.
9. Понимание основных концептов политического дискурса в российских и китайских СМИ позволяет лучше понять политическую динамику и процессы в этих странах, а также их влияние на мировую общественность.

Библиография

1. 吕文澎. 用中国政治话语解释中国实践 // 社会科学报, 2020-4-30(02). (Лю Вэньпин. Объяснение китайской практики с помощью китайского политического дискурса // Общественные науки. 2020. №2020-4-30.).
2. 汪少华, 张薇. 论中国政治话语体系的认知建构 — 以习近平 2017年瑞士两场演讲为例 // 南京师大学报(社会科学版), 2017(5): 146–153. (Ван Шаохуа, Чжан Вэй. О когнитивном построении системы политического дискурса Китая - на примере двух выступлений Си Цзиньпина в Швейцарии в 2017 году // Весник Нанкинского педагогического университета. 2017. №2017(05). С. 146-153.).
3. Шмелева Т. В. Жанровая система политического общения / Т. В. Шмелева //

- Политическое поведение и политические коммуникации: психологические, социологические и филологические аспекты. Красноярск, 1994. С. 55–57.
4. Кохтев Н. Н. Культура ораторской речи // Культура русской речи: учебник для вузов / С. И. Виноградов [и др.]; под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 56–88.
 5. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа [Электронный ресурс] / М. В. Гаврилова // Полис. 2004. С. 127–139. Режим доступа: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/3/Polis-2004-3-Gavrilova.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).
 6. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс] / Паршин П. Б. 1999. Режим доступа: www/elections.ru/biblio/parshin/htm/Архив (дата обращения: 20.06.2023).
 7. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.07.2023).
 8. Национальный корпус китайского языка. Режим доступа: <http://www.cncorpus.org> (дата обращения 20.07.2023).
 9. Пак Е. М. Особенности политического языка в КНР // Научный вестник Южного института менеджмента. 2017. № 1. С. 88–92. DOI: 10.31775/2305-3100-2017-1-88-92.
 10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. с. 326.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвистика последнего десятилетия активно ориентирована на изучение различных типов и видов дискурса, не является исключением и политический. Как отмечено в начале рецензируемой статьи, «политический дискурс представляет собой самостоятельную составляющую общественно-политического взаимодействия, которая определяется как комплексная лингвистическая единица. Реализация политического дискурса подразумевает использование не только вербальных и невербальных языковых средств, но и экстралингвистических факторов, связанных с аксиологической природой коммуникации, а также когнитивных структур, которые регулируют условия существования самого дискурса». Можно отметить, что природа дискурсивной практики не так прозрачна, следовательно, появление новых исследований вполне закономерно и оправдано. Да и сам автор обозначает, что «актуальность темы обусловлена важностью понимания и анализа медийной среды в России и в Китае. Исследование позволяет осознать, какие ключевые концепции, сообщения и подходы применяются в политическом дискурсе в этих странах. Полученные в ходе исследования данные помогут обнаружить особенности информационной политики, специфику влияния СМИ на общественное мнение, а также выявить черты различия и сходства в информационных стратегиях России и Китая». Работа имеет законченный вид, она правильно структурирована, дифференциация на смысловые блоки оправдана. На мой взгляд, автору удалось приблизиться к вероятной объективации политического дискурса Китая и России. Следовательно, вопрос решен конструктивно, концептуально. Хорошо, что встречаем в работе должную теоретическую оценку понятия «дискурс». Например, «построение системы политического дискурса — это неотъемлемое требование эпохи,

которое лежит в основе развития современного Китая. Страна сталкивается с необходимостью адаптироваться к изменениям в мировом социальном устройстве и требованиям будущего экономического, социального и культурного развития. В этом контексте Чжан Шэнли подчеркивает, что современный политический дискурс Китая представляет собой систему, где господствует Коммунистическая партия Китая (КПК). Поэтому китайский политический дискурс отражает идеологическую линию, руководящие принципы и политику партии. В нем каждый член КПК взаимодействует с политическим партнером и участвует в обмене мнениями с читателем печатных изданий. Основной целью этого дискурса является забота об интересах широких слоев общества», или «многие российские исследователи подчеркивают, что политический дискурс функционирует исключительно в сфере политики — он формируется в условиях деятельности политических институтов, осуществления политических актов. Политический дискурс — это дискурс политиков, сформированный в институциональной обстановке (дебаты в парламенте, обсуждения в правительстве, партийные съезды, речи политиков и др.). Однако некоторые ученые, например, П. Б. Паршин, сомневаются в существовании уникального феномена политического дискурса, утверждая, что языковые черты этого дискурса сложно идентифицировать и они в значительной степени соответствуют идиоэтническим («национальным») языкам. П. Б. Паршин предлагает использовать понятие идиополитического дискурса, которое отражает специфику того, о чем говорят политические деятели, кому и с помощью каких средств». Методология компаративной направленности вполне подходит для дешифровки проблемы, сопоставительный фактор поддерживается на протяжении всего сочинения. Спектр анализируемых изданий, из которых почерпнут материал также объемён: «с целью определения наиболее важных понятий политического дискурса российских и китайских СМИ в данной работе были проанализированы современные ведущие политические издания двух стран. Среди российских изданий, в силу своей популярности и степени доверия экспертного сообщества и широкой читательской аудитории, наибольший интерес представляют «Экономика и жизнь», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Ведомости» и «Российская газета». В Китае к таким изданиям относятся «Пиплс дейли», «Глобал таймс», «Чайна дейли», «Синьхуа» и «Саутчайна морнинг пост». Таким образом, полученные данные можно охарактеризовать как объективные. По ходу работы ощущается явная заинтересованность исследователя предметом изучения и это явно можно оценить положительно. В финале статьи приводятся выводы, хотя их сверхформальный вид мог быть сведен все же к расширительному конструкту. Однако и они не противоречат основной части: например, «6. Культурные отличия сказываются на акцентах в политическом дискурсе: в Китае уделяется больше внимания национальным ценностям и идеям, в то время как в России часто подчеркивается важность исторической традиции, но в то же время необходимость модернизации отдельных государственных структур и общественных институтов. 7. Политические дискурсы в обеих странах стремятся влиять на общественное мнение и поддержку политических лидеров и партий. 8. Исследователи обеих стран акцентируют внимание на различных аспектах политического дискурса, однако общими темами для них являются роль языка, идеологии и коммуникации в политической и общественной жизни» и т.д. Библиографический список актуален, в нем представлены работы разных типов; все основные анализируемые данные открыты. Материал может быть полезен при изучении курсов лингвистического характера. Общие требования издания учтены, цель исследования достигнута, задачи, поставленные в начале решены. Рекомендую статью «Актуальные понятия политического дискурса современных российских и китайских СМИ» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. — Бинарная оппозиция небо-земля в русском и английском языках // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43757 EDN: UQHJCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43757

Бинарная оппозиция небо-земля в русском и английском языках

Шагбанова Хабиба Садыровна

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки
сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации

625049, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.43757

EDN:

UQHJCE

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2023

Дата публикации:

20-08-2023

Аннотация: В статье автор исследует семантическое поведение репрезентантов таких основополагающих концептов, как «небо» и «земля» в русском и английском языковом пространствах. Данная бинарная оппозиция, несмотря на свое древнее происхождение, демонстрирует как взаимодействие с релевантными концептами, так и склонность к номинации феноменов универсального или частного характера. Прагматика каждой лексемы обусловлена не только реализацией коннотативного потенциала, но и проекцией актуальных смыслов на фрагмент мироздания. Следует отметить приоритет дифференциальных характеристик, вербализующих функционально востребованный спектр семантического поля. Каждый семантический дериват лексемы небо характеризуется набором импликационных связей, мотивированных явлениями гипо- и гиперонимии. В логико-содержательном пространстве английской лингвокультуры концепт «небо» реализует значения видимого пространства над землей и эквивалента-религиозного термина рай, что иллюстрирует объединение каждого случая развития исходного значения признаком высоты, расположения в надмирном пространстве.

Лингвосемиотическое варьирование концепта «земля» в английской языковой картине мира сопряжено с его функционированием в топографическом, юридическом и агрикультурном дискурсах. В концептосфере русского языка ментальная единица небо сообщает информацию религиозного, пространственного, физического или климатического характера, тогда как земля номинирует явления астрономического, административно-территориального, языкового, идеального характера. Данное поведение каждой из пар позволяет говорить о процессах номинации, мотивированных осмыслением процессов и явлений мироздания через призму наивного сознания, а также о стремлении языка использовать уже имеющиеся лексические единицы для выражения как можно большего числа значений посредством механизмов ассоциации.

Ключевые слова:

сравнительно-историческое языкознание, семантическое поведение, концептосфера, содержание, контрастивная лингвистика, метод сравнения, типология, лингвокультурология, вебализация концептов, бинарная оппозиция

Вебализация концептов «небо» и «земля» в русском и английском языках представляет собой одну из ключевых бинарных оппозиций в типологическом и сравнительно-историческом языкознании. Данное идеальное образование является одной из самых древних в системе мировосприятия и мироосмысления и служит отправной точкой для интерпретации таких категориальных противопоставлений, как низ-верх, много-мало, близко-далеко и т.п. Представленная оппозиция номинирует восприятие космоса, вселенной в языковой картине мира. Номинативное пространство небо-земля отражает экстралингвистическую значимость данной языковой пары, характеризующей как климатический и географический аспекты существования человека, так и знание о религиозной сфере и системе культурных ценностей.

Проблема функционирования оппозиции небо-земля в русском и английском смысловом пространстве обусловлена прагматикой нефиксированных показателей употребления слов (как правило, слов-партнеров), на основании чего осуществляется взаимодействие с релевантными концептами. В рамках представленной статьи автор преследует не столько цель глубокого анализа каждого приведенного случая употребления единицы языка, сколько проследить специфику реализации логических отношений между компонентами семантического поля, выражающихся в проецировании логической актуализации исходной идеальной модели на конкретную прагматику лексемы [\[3, с. 162\]](#).

Развитие выразительного потенциала семантически обусловленного содержания включает не только понимание значения слова и его соотношение с инвариантом, но и умение определить механизмы употребления того или иного значения. Однозначная интерпретация слова служит залогом верного понимания фрагмента высказывания и содержания сообщения в целом. Прагматический смысл в пределах субъективного отношения к единице языка способен быть истолкован довольно широко, но как только данная единица оказывается компонентом синтагмы, то нуждается в интерпретации в той степени, в которой характеризует объект. Прагматическая составляющая содержит информацию о том, каким образом вебализация концепта оформляет конкретный, обусловленный ситуацией смысл. Структуру и содержание концепта позволяет определить анализ его плана выражения [\[10, с. 99\]](#).

При этом, важно учитывать национально-культурную специфику концептов [\[13, p. 145-178\]](#). Мы осознаем, что концепт является выразителем национальной специфики языка. Как справедливо отмечает О.А. Михайлова, обращаясь к словарю, к составляющим содержание слова компонентам во всей их полноте, можно реконструировать национальную картину мира [\[7, с. 4\]](#). В русскоязычном лексиконе составителями толковых словарей отмечены следующие вариации семантической реализации семы небо: а) видимое пространство над землей; б) обитель Бога; в) фрагмент климатического пространства; г) верхняя часть, потолок; д) высшие силы; е) навес, шатер.

В английской языковой картине мира преимущественно употребляются лексемы sky/heaven, из которых первая характеризует нерелигиозную картину мира, а вторая номинирует религионим с семантикой и концептуальным наполнением рай.

Проекция актуальных смыслов, присущих лексеме земля, в толковом регистре русского языка довольно обширна: а) планета Солнечной системы; б) антипод воздушного или водного пространства; в) грунт; г) государство; д) территория с угодьями; е) единица административно-территориального деления; ж) фон, поверхность стены, ткани; з) древнее название буквы З; и) действительность, противоположная идеальному небесному миру; к) народ; л) название красок.

Логико-семантическое наполнение концепта «земля» в английском языке эксплицировано в следующих единицах: land/earth/ground/soil/ territory. Значение когнитивного образования land включает в английской лингвокультуре следующие элементы общей понятийной характеристики: а) объект собственности; б) материал для аграрной деятельности; в) субъект права; г) геологическое понятие; д) пространство расположения нации, народа; е) метафора чего-то единого, целостного; ж) метонимическое название народа, населяющего территорию; з) государственное устройство; и) номинация сельскохозяйственной деятельности.

Топонимический потенциал лексемы land реализован посредством приемов словообразования гибридного характера, рефлексии событий прошлого, оказавших впечатление на современников, восприятия земли в качестве субъекта юриспруденции. Доминирующим компонентом семантики является значение владения, объекта, которым можно распоряжаться, и лишь после этого земля воспринимается через призму эстетики, познания и аграрной деятельности [\[6, с. 314\]](#). Данный концепт иллюстрирует и универсальность, и специфику национального восприятия, проецируя на содержательное наполнение семантических вариантов фрагменты социально значимых процессов. Состояние вербального воплощения рассматриваемого феномена позволяет зафиксировать репрезентацию таких лингвосемиотических признаков, как образные, ценностные, предметные и ментальные. Territory происходит от лат. terra, что означало необработанную землю, а также выражало антонимию в отношении моря, воды.

Понятийная основа языковой единицы earth отображает принадлежность к его семантическому пространству следующих значений: а) планета, земной шар; б) верхний слой земной коры; в) почва; г) логово животного; д) «стихии»; е) заземление; ж) противопоставление божественному миру; з) значительная сумма денег; и) одна из четырех стихий; к) цвет; л) жители планеты Земля; м) место нахождения человека до ухода в мир иной. Концепт «земля», представленный лексемой earth, демонстрирует не только совокупность определенных значений, но и процесс мотивации от инварианта к абстрактным именам, реализующим в конкретном тексте образную, понятийную или символическую природу.

Семантика лексемы *ground* содержит значения а) верхний слой почвы, грунт с позиции состава; б) фон, нижний слой, основа для нанесения следующего слоя; в) основание, причина, мотив; г) житейское пространство, мир людей; д) территория, предназначенная для строительства дома и хозяйственных построек; е) поместье; ж) земля, на которой расположен парк или сад. Данная языковая единица характеризуется динамикой фактического наполнения в рамках рефлексии и рецепции действительности, расширение образного и понятийного содержания номинативных кластеров.

Таким образом, оппозиция небо-земля в русской и английской языковых картинах мира характеризуются процессами номинации, направленными на различные группы. Структурная организация представленных концептов фиксирует специфику осмысления мироздания наивным сознанием. Проявление развернутой полисемии является конститутивным свойством естественных языков и свидетельствует о стремлении языка к выражению наибольшего числа значений посредством ограниченного лексического инструментария на основе использования ассоциативных связей [\[8, с. 57\]](#).

В русской языковой картине мира наблюдается развитие содержательного потенциала концепта «небо» до нескольких значений. Данная лексическая единица не ограничена какими-либо пределами концептов, способных вступить во взаимодействие с ней. Как знак (или десигнатор) концепт «небо» репрезентирует информацию о настоящем ментальном образовании пространственного, религиозного, климатического и физического характера. Ядерным значением представленного ментального образования является пространственная характеристика фрагмента мироздания, обеспечивающая человеческий уровень восприятия и иллюстрирующая самодостаточную природу первичного содержания концепта [\[12, с. 376\]](#).

В своей логической структуре концепт соотносится прежде всего со знаком, но его содержательная компонента всецело определяется прагматикой, опытом употребления. Десигнатор концепта «небо» в русскоязычной лингвокультуре имеет системную организацию, сложившуюся в процессе интерпретации сознанием структуры познаваемого мира. Система значений концепта «небо» характеризует степень взаимодействия между означающим и означаемым, а также выражает ряд близких значений по признаку метафорического переноса. Классификационная схема создается преимущественно на основе формы, а не значения, значения же, в свою очередь, склонны к автономному от формы поведению [\[2, с. 475\]](#).

Содержательный аспект концепта «небо» сформирован действительностью и опытом восприятия, а актуализация одного значения из множества определяется задачей коммуникативного акта и соответствующей предметной областью. Число значений обусловлено их востребованностью в человеческой практике. Употребление словесного знака небо сопряжено с варьированием границ понятия, обнаруживающего в каждом случае употребления помимо характеристик узкого значения совокупность признаков, присущих контексту.

Валентные, дифференциальные и дистрибутивные характеристики позволяют судить о приоритете денотатов значений в коммуникативной практике, т.е. определенный спектр семантического поля, функционально востребованный в системе значений в пределах коллектива или общества [\[1, с. 159\]](#). Концепт «небо», вербализуясь в речи, иллюстрирует настолько существенное различие описываемых ситуаций, что в человеческом сознании данные случаи воспринимаются как употребление различных по семантическому наполнению понятий. Так, словосочетания голубое небо, небесные жители (один из

онимов святых в религиозном дискурсе), небо разразилось грозой, небеса не благоволят, раскинулся как небо позволяют установить ряд существенно различающихся значений, мотивированных логико-семантическим поведением слов-партнеров и семантических трансформациях. Структура лексической полисемии представлена сферой потенциально возможного семантического варьирования слова с исходным значением.

Импликационные связи каждого семантического деривата лексики небо характеризуются отражением сущностей, формирующих отношения причины-следствия, зависимости, соотнесенности по признаку времени, пространства, принадлежности к целому, актуализирующихся на регулярной основе или единовременно, одно- или взаимонаправленных, строго определенных или вероятностных [\[5, с. 218\]](#). Разнообразие связей онтологической структуры рассматриваемой ментальной единицы носит массовый характер, часто употребляемого до такой степени, что не воспринимается коммуникантом в качестве номинативного феномена, экстраординарного по своей природе, по причине заурядной и доведенной до автоматизма эксплуатации. Важным признаком концепта «небо» является наличие гипо-гиперонимических связей, направленных эксклюзивно и инклюзивно. Ядром системы гипо-гиперонимических отношений семы небо является семема со значением «видимое пространство над землей», а остальные значения представляют собой продукт развития генерального, т.е. наблюдается отношение более содержательного отношения к менее содержательному [\[11, с. 27\]](#). Однако возможен и обратный вариант, когда в генетико-динамическом плане диахроническое рассмотрение регистрирует инклюзию — отношение периферийного семантического образования к ядерному.

Итак, в английской языковой картине мира семантика концепта «земля» претерпевает развитие от значения топографического к юридическому и агрикультурному, сопровождаемого лингвосемиотическим варьированием. Употребление лексики в юридическом дискурсе обусловлено процессами пожалования королем и закреплением территории за определенным хозяином, не имевшим права распоряжаться землей (дарить и передавать другому лицу) без ведома короля. Данные исторические явления атрибутировали события купли, продажи, налогообложения, дарения, наложения штрафов. В семиотическом пространстве аграрной культуры функционирование концепта «земля» декларирует сопутствующие номинативные единицы, такие, как люди, принимающие участие в ее обработке; доход, от которого в значительной степени зависело удовлетворение жизненных потребностей; угоды, предназначенные для охоты; удел, в котором монарх является наместником Бога.

Концепт «небо», репрезентированный именем sky в английской лингвокультуре, в своем словарном значении не подвержен мутации, но генерирует актуальное значение в пределах лингвистического контекста посредством рематического выделения содержательных компонентов семантической структуры с целью достижения выразительности и художественной емкости. Набор качеств, присущих языковой единице, существует потенциально и обусловлен установкой на употребление в конкретном типе дискурса, где цель говорящего задает агрегатное состояние семантической структуры лексики в конкретном случае, в результате чего происходит концентрация выразительной функции, сопровождаемая мобилизацией смысловой связи между означающим и означаемым.

Так, экспансия означаемого приводит к гиперсемантизации и лимитированию возможной интерпретации в контексте. Отражение фактов существующей или мнимой действительности в знаке компонуется прагматическую и когнитивную составляющие

объективированных данных, где первая фиксирует оценочное отношение субъекта к денотату, а вторая — совокупность экстенциональных проекций. В речи лексема *sky* номинирует часть видимого пространства, существование которой в наивном сознании связано с рядом свойств: а) место, откуда можно упасть; б) источник дождя; в) тело, которое может расколоться и обрушиться; г) пространство, по которому можно плавать, летать и перемещаться; д) источник света, который не гаснет; е) степень измерения (напр., восхвалить до небес). Логическое понятие о небе, представленное словом *sky*, выражает не только семантически актуализированный фрагмент смыслодержательного пространства, но выводит на передний план в конкретной коммуникативной ситуации востребованный операциональный модус. Когнитивные модусы значения в процессе взаимодействия слов-партнеров участвуют в формировании совокупности семантических признаков, своей количественной мерой определяя границы нормы и релевантные понятию экстремусы.

Центральное звено семантического варьирования языковой единицы *sky* демонстрирует случай локальной тропеизации, когда структурный сдвиг семантической организации вербального образования происходит по деривационной модели на уровне лексической единицы, репрезентирующей определенный концепт. Формирование когнитивного значения сопровождается появлением ряда вторичных значений, обусловленных функциональными и парадигматическими связями и тяготеющими к некоему общему значению, смысловой доминанте [\[9, с. 174\]](#). Употребленный в контексте языковой знак иллюстрирует не только когнитивно-прагматическую нагрузку представленной семемы, но и ее коннотативный потенциал, в условиях сюжета продуцирующий условия для аллюзивного восприятия [\[4, с. 119\]](#).

Репрезентант *heaven* концепта «небо» в свою очередь фиксирует перечень проявлений семантической структуры слова, по которым оно взаимодействует с инвариантным пространством их логико-семантической структуры, реализуемого в качестве актуальной разновидности семантики в окружении контекста. Совокупность ассоциаций, присущих определенному случаю словоупотребления, мотивирует обращение к исходному значению, ставшего своего рода точкой отправки для развития семантико-деривационных связей и выделения компонента семантической структуры в пределах актуализации значения слова.

Heaven проявляет следующие свойства номинации: а) рай; б) метонимическое наименование Бога; в) место обитания Бога и ангелов; г) место, куда попадают души после смерти тела; д) пространство, на котором располагаются и перемещаются тучи; е) все святое (*for heaven!* — ради всего святого!). Как можно видеть, несмотря на множественность контекстов, в которых намеренно допускается возможность многозначной интерпретации, отчасти реализация полисемичного содержания обусловлена функциональным регистром, принадлежностью к определенному жаргону или стилю речи, а также присущей им системе когнитивных представлений. Доминирующим сегментом семантической структуры данной языковой единицы является значение мировосприятия через призму религии. Небо (или небеса) в данном случае самым тесным образом коррелируют с понятием «святости», поскольку в наивной картине мира происходит отождествление с Богом, святостью и ангелами. Данный ментальный конструкт, нормативно семантизированный, характеризуется нестандартностью выражения смысла, образностью и склонностью к метафорическому и метонимическому описанию реальности и продуцированию идеоматических конструкций. Модель семантической структуры слова *heaven* декларирует значение рая в качестве центрального, по отношению к которому остальные значения являются периферийными,

связаны друг с другом опосредованно и являются содержательно близкими.

В русской языковой картине мира концепт «земля», представленный одноименной лексической единицей, иллюстрирует совокупность признаков, позволяющих включать в содержание номинативные единицы, существенным образом отличающиеся планом содержания. Взаимодействие значения полисемантического образования с словозначениями, расположенными за орбитой семантического пространства, позволяет осязать те нормы, языковые принципы функционирования и пределы эксплуатации, которыми на уровне подсознания руководствуется говорящий. Если лексема земля употребляется в прямом значении, обозначая грунт или часть видимого мира, противоположного водному или воздушному пространству, то в переносном значении семантика начинает становиться менее стабильной, номинативные возможности становятся ограниченными и утрачивают изначальную, присущую инвариантному значению, степень свободы. Процесс вторичной номинации может быть результативен только в случае взаимодействия лексемы или со словом-уточнителем, или с логической организацией контекста, блокирующих более очевидные семантические значения.

Периферийные значения связаны с конкретной концептуальной сферой, которые наряду с ядерным позволяют осмыслить картину мира в ключе культурно значимой сущности. Специфическим признаком рассматриваемой лексемы является способность номинировать как объекты видимого мира, так и абстрактные, умозрительные. Диффузность значений семы земля обусловлена экстралингвистическими факторами, влияние которых позволяет языку выделить одно из значений в качестве ядерного компонента семантической структуры, а остальные — в качестве периферийных.

В английской лингвокультуре концепт «земля» репрезентирован лексемами *land/earth/ground/soil/ territory*. Вербализация данного концепта отражает не только сферы бытия, но и восприятие окружающего мира через призму профессиональной деятельности и должностных обязанностей, которые предполагают употребление конкретного слова, в процессе исторического развития, приобретшего конкретное значение. Основными сферами функционирования концепта «земля» в английском языке являются топографическая, институциональная, религиозная, философская, экономическая и сельскохозяйственная.

Рассматривая концептуальную бинарную оппозицию небо-земля в русскоязычном лингвокультурном пространстве, следует отметить ее высокую номинативную плотность и этнокультурную специфику, что выражается в лексической семантике. Данная оппозиция занимает ключевое положение в системе мировоззрения, поскольку активно задействована в образовании системы содержательных форм, чьи гиперсемантические компоненты антонимичны. Понятийный контраст данной оппозиции формируется совокупностью гипосем, вовлекающих в смысловое противопоставление актуальные дихотомически противопоставленные компоненты содержательного пространства. Реализация антиномии осуществляется, главным образом, по признаку расположения в пространстве: если небо – это понятие, описывающее фрагмент мироздания, характеризующийся расположением на определенной высоте, то земля номинирует материал, который является оболочкой земного шара и пространство, от плодородности которого зависит жизнь человека. Если земля воспринимается как очевидный объект, то небо ассоциировалось с чем-то таинственным и недоступным.

Ментальное оформление смысловой пары небо-земля отмечено развитием ядерного значения каждой языковой единицы в направлении номинации феноменов зрительно воспринимаемого, физического пространства и явлений, присущих миру религиозному,

духовному. Если конструктивно-логическое построение лексемы земля демонстрирует склонность к обозначению содержательного пространства вариаций по денотату, то культурно-исторический контекст употребления лексемы небо продуктивен в отношении поведения данной единицы в качестве концептуальной инверсии.

Таким образом, оппозиция небо-земля в русской и английской языковых картинах мира характеризуется процессами номинации, направленными на различные группы. Структурная организация представленных концептов фиксирует специфику осмысления мироздания наивным сознанием. Проявление развернутой полисемии является конститутивным свойством естественных языков и свидетельствует о стремлении языка к выражению наибольшего числа значений посредством ограниченного лексического инструментария на основе использования ассоциативных связей.

Библиография

1. Глебкин, В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 256 с.
2. Доброхотов, А.Л. Философия культуры. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 560 с.
3. Касевич, В. Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 185 с.
4. Келле, В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. – М.: ИФРАН, 2011. – 218 с.
5. Кудишина, А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. – М.: Академический Проект, 2005. – 504 с.
6. Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
7. Михайлова, О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.
8. Неретина, С.С., Огурцов А.П., Мурзин Н.Н., Павлов-Пинус К.А. Апории дискурса. – М.: ИФ РАН, 2017. – 119 с.
9. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и англ. лексикологии. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1974. – 222 с.
10. Шагбанова Х.С. Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира [Электронный ресурс] // Litera. 2023. № 6. – С. 98-106. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41025 (дата обращения: 12.06.2023).
11. Шиляев, К.С. Основные концепции когнитивной семантики. – Томск: Томский государственный университет, 2018. – 45 с.
12. Эванс, В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры. 2015. – С. 350-387.
13. Wierzbicka, A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9 (2–3). – Pp. 145-178.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Бинарная оппозиция небо-земля в русском и английском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к сравнительно-сопоставительному изучению языков и культур, а также вносит определенный вклад в изучение языковой картины мира. В рамках настоящей работы автор обращается к базовой оппозиции «небо- земля» в языковой картине носителей русского языка и носителей английского языка. Представленная оппозиция номинирует восприятие космоса, вселенной в языковой картине мира.

В рамках представленной статьи автор преследует не столько цель глубокого анализа каждого приведенного случая употребления единицы языка, сколько проследить специфику реализации логических отношений между компонентами семантического поля, выражающихся в проецировании логической актуализации исходной идеальной модели на конкретную прагматику лексемы.

Исследование является сопоставительным, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

К сожалению, автор не приводит данных о практическом материале, а именно отобранном языковом корпусе для проведения исследования. Также выводы автора не подтверждены языковыми примерами, взятыми из текстов или убедительными статистическими данными словоупотребления или данными, полученными в результате интервьюирования респондентов.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части не представлен обзор разработанности проблематики как в зарубежной, так и в отечественном языкознании. Данный факт не позволяет выделить научное приращение знания и оценить новизну исследования и авторский вклад.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и

может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и английской культур, практике английского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Бинарная оппозиция небо-земля в русском и английском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гусева Е.В. — Поэтика авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А. М. Ремизова // Litera. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43833 EDN: UTLXFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43833

Поэтика авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А. М. Ремизова

Гусева Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет

424002, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30

✉ ekatguseva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43833

EDN:

UTLXFN

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2023

Дата публикации:

21-08-2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению поэтики авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А. М. Ремизова. Методы (историко-литературный, структурный, семантический) и методологическая основа работы — труды российских и западных ученых в области филологии (М. М. Бахтина, Б. О. Кормана, Ю. М. Лотмана), русского богословия (Н. О. Лосского, П. А. Флоренского, Л. И. Шестова) и ремизоведения (И. А. Ильина, Греты Слобин, А. М. Грачевой, Е. В. Тырышкиной и др.). Результат работы заключается в том, что были выделены ситуации в повести «Крестовые сестры», сделана их классификация и подробный анализ поэтики авторской ситуативности А. М. Ремизова. Научная новизна работы заключается в том, что подробно проанализирована поэтика авторской ситуативности в рамках глобальной проблемы в творчестве А. М. Ремизова — авторского двоемирия. Все это позволяет сделать вывод, что авторская ситуативность А. М. Ремизова — это индивидуальный взгляд автора на мироустройство и человека, это отражение всех внетекстовых факторов, которые повлияли на писателя в разные

периоды его жизни и нашли художественное воплощение на страницах произведений писателя. Практическая область применения результатов работы видится в возможности использования этого материала для глубокого осмысления и изучения таких курсов, как «Литература русского зарубежья», вузовских историко-литературных курсов, при самостоятельной научно-исследовательской работе студентов, при написании курсовых и дипломных проектов.

Ключевые слова:

Ремизов, автор, авторская ситуативность, авторское двоемирие, поэтика, ситуация гадания, ситуация молитвы, ситуация чуда, хронотоп, повесть

Введение

Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957) талантливый русский писатель XX века. Его имя часто упоминают с именами И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, Л. Н. Андреева, В. В. Розанова, И. А. Ильина и других ярких представителей литературы русского зарубежья.

Иван Александрович Ильин — современник писателя, философ, тонкий знаток творческого наследия А. М. Ремизова, размышляя о его творческой манере отмечал:

«Своеобразны все люди. Все мы единственны в своем роде, неповторимы и, взятые в целом, ни на кого не похожи. Каждый рождающийся человек приносит с собою целый новый мир и каждый умирающий уносит с собою единственный в своем роде заряд энергии и неповторяющееся сочетание жизненных задач. Но все эти своеобразные личные миры одарены не слишком непохожими друг на друга органами телесного и душевного восприятия, созерцания и выражения, и потому они способны общаться и до известной степени понимать друг друга. Мало того, многие люди имеют дар улавливать чужое своеобразие и приспособляться к нему, как бы видоизменяя «на ходу» свои восприятия, созерцания и выражения. И вот, творчество Ремизова требует именно такого видоизменения и приспособления» {1, с. 271}.

И. А. Ильин пишет о том, чтобы читать произведения А. М. Ремизова нужно настроиться на особый лад, сконцентрироваться на его мировосприятии, а это непростая задача.

Феномен А. М. Ремизова и его творческое наследие вызывает неподдельный интерес до сегодняшнего дня, как у зарубежных исследователей (Каталин Сёке, Анна Восьняк, Антонелла д'Амелия, Халина Вашкелевич, Ольга Петровна Раевская-Хьюз и т. д.), так и у российских (А. М. Грачева, Е. Р. Обатнина, В. Н. Быстров, Е. В. Вахненко, Н. Ю. Грякалова, А. А. Данилевский, С. Н. Доценко, О. А. Линдеберг и т. д.) {2}.

Исследователей творчества А. М. Ремизова интересуют самые разные аспекты, которые нашли отражение в его произведениях. Так, Грету Слобин интересует вопрос становления жанра в произведениях писателя, написанных до 1921 года {3}. Каталин Сёке интересуют вопросы поэтики А. М. Ремизова {4}. А. М. Грачева исследует традиции Древнерусской культуры в текстах писателя {5}. Одна из последних работ посвящена проблемам языка и стиля писателя, где автор приходит к следующим выводам: «Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в 1930-е гг. Ремизов продолжал совершенствовать свою «теорию русского лада». В это время он четко сформулировал представление о том, что «русский лад» — это стиль писателя, представляющий собой

синтез лексики и синтаксиса. В 1940–1950-е гг. Ремизов не только пропагандировал “теорию русского лада” в собственных художественных произведениях, но также сделал ее основой своей практики в роли литературного “учителя”. В последние годы жизни писатель много размышлял над вопросом соотнесенности этой “теории” с историей развития русской литературы» {6, с. 370}. Н. Л. Блищ изучает автобиографические мотивы {7}. И. П. Карпов рассматривал творчество писателя в парадигме авторологии русской литературы {8}. Н. Н. Старыгина сделала акцент в своих работах, посвященных А. М. Ремизову, на комментарии текста {9}. Е. В. Гусева исследовала и продолжает заниматься изучением проблемы двоемирия и поэтики текстов писателя {10}.

Целью нашей работы в данной статье является исследование поэтики авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А. М. Ремизова.

Задачи, которые мы ставим: 1) выделить в повести ситуации, в которых пребывают герои; 2) классифицировать выделенные ситуации; 3) выделить несколько ситуаций и проанализировать поэтику авторской ситуативности.

Актуальность и научная новизна нашей работы заключается в том, что, несмотря на многочисленные исследования и работы, посвященные творчеству А. М. Ремизова, отсутствует единый подход к проблеме поэтики авторской ситуативности в рамках глобальной проблемы авторского двоемирия писателя. Поэтому, исследование поэтики авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» требует детального анализа.

Материалом исследования в данной статье является повесть «Крестовые сестры» А. М. Ремизова. Отметим, что произведение было опубликовано в 1910 году в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник». Р. В. Иванов-Разумник писал:

«Повесть Алексея Ремизова «Крестовые сестры» (1910 г.) обратила, наконец, внимание «читающей публики» на этого писателя – одного из самых крупных и оригинальнейших в современной русской литературе. И действительно – повесть прекрасная, к тому же во многих отношениях являющаяся «центральной вещью» творчества А. Ремизова, ключом к этому творчеству. Прочтя «Крестовых сестер», невольно возвращаешься к началу, чтобы еще и еще раз перечитать, и перечитываешь с радостным и с тяжелым чувством: гнетет тяжелое впечатление от содержания этой вещи, и в то же время радостно чувствуешь, что стоишь лицом к лицу с подлинно-крупным художественным произведением большого писателя» {11, с. 57}.

Повесть «Крестовые сестры» получила высокую оценку при жизни писателя. Современники пытались осмыслить художественный текст, спорили, рассуждали о написанной книге. Обратимся к анализу и мы.

Подробно понятие ситуативность и авторская ситуативность было представлено в научных работах профессора И. П. Карпова {12}. Мы будем опираться на определение, данное в «Словаре авторологических терминов» (Йошкар-Ола, 2012). Отметим, что, несмотря на неоднократный анализ повести «Крестовые сестры» исследователями, эта работа требует детального и дальнейшего изучения.

Обратимся к понятию ситуация. «Ситуация (*франц.* Situation) – положение, обстановка, совокупность обстоятельств» {13, с. 25}. Авторская ситуативность в нашем понимании — это набор ситуаций, которые использует автор при создании художественного произведения.

Так, повесть «Крестовые сестры» композиционно состоит из шести глав. В каждой главе

можно выделить ту или иную авторскую ситуацию: ситуация работы, ситуация убийства, ситуация переезда, ситуация болезни, ситуация сновидений, ситуация гадания, ситуация путешествия на тот свет, ситуация моления, ситуация чуда, ситуация поездок, ситуация смерти.

Авторская ситуативность тесно соотносится с глобальной проблемой творчества А. М. Ремизова авторским двоемирием. Поэтому мы классифицируем все ситуации по принадлежности и соотносённости их с миром феноменальным и миром ноуменальным. Между этими мирами, как правило женщина. «Вечная Женственность в русской классической литературе, основными чертами которой являются самопожертвование, терпение, реализует себя в различных вариантах любви: это и любовь-жалость (Катерина Кабанова — Тихон), любовь-забвение себя (Вера — Печорин), любовь-терпение, любовь — безумная страсть. Все эти виды любви мы находим и в творчестве А. М. Ремизова. Но, кроме этого, в его женских образах присутствуют и черты идеальной женственности эпохи Серебряного века. Ремизовских героинь отличают загадочность, тайна, мистичность, красота, инфернальность, они существуют как бы на пересечении мира реального и ирреального» {14, с. 10}.

Поэтика ситуации гадания

Акумовна и Адония Ивойловна

В русской литературе одним из лейтмотивов является традиция гадания. «Ремизов обратился к традиции русской народной веры, устные тексты которой были зафиксированы в собраниях XIX века. Среди его источников были "Отреченные книги древней Руси" Тихонравова, "Духовные стихи", собранные Киршей Даниловым, былины, эпос и дешевые издания типа сонников и гадательных книг.

Лотман считает, что каждый художественный текст строится на структурном напряжении между двумя аспектами повествования: мифологизирующим, в свете которого текст является моделью вселенной, и фабульным, который изображает частный эпизод реальности» {15, с. 109}. А. М. Ремизов в повести «Крестовые сестры» неоднократно моделирует авторскую ситуацию гадания. Акумовна — это героиня, которая гадала жителям Буркова дома.

Во второй главе повести автор сначала просто указывает на ситуацию гадания: *«Всякий день Акумовна сны толкует, а по вечерам за чаем на картах гадала. Акумовна могла гадать и на вербе и на каретных свечах, а в зимнее время по узору на стекле — на цветах морозных, но всего вернее она на картах гадала»* {16, с. 120}.

Автор не случайно изображает в повествовании ситуацию гадания и всевозможные его варианты. Главная героиня может предсказать судьбу и по веточкам вербы, и, используя свечи, и разглядеть в узорах на стекле тайные знаки, но больше всего она доверяет картам. Все это представляет собой магический обряд и желание заглянуть в будущее, получить тайные знания. Так, ситуация гадания напрямую соотносится с проблемой авторского двоемрия писателя.

Авторская ситуация гадания подробно изображена во второй и четвертой главе повести. Во второй главе автор изображает, как Акумовна гадала Адонии Ивойловне. В четвертой главе Маракулину. В шестой главе автор снова лишь кратко упоминает о том, что героиня за любимым занятием: *«Акумовна любовно раскладывала карты на Сергея Александровича»* {16, с. 190}.

Ситуация гадания имеет в повествовании свою структуру. Это вход героинь в ситуацию, пребывание и выход. Особенность заключается в том, что Ремизов использует кольцевой прием. Вход в ситуацию полностью соответствует выходу: *«Осенний вечер. На дворе петербургский дождик. Из желобов глухо с собачьим воем стучит вода по камням. Бельгийский электрический фонарь сквозь туманы и дым, колеблясь, светит, как луна. В окне Обуховской больницы один огонек»* {16, с. 120-121}.

Осенний хронотоп, дождливый вечер, туман, дым, сравнение фонаря с луной — символом потусторонних сил и лишь маленький огонек — все является своеобразной рамкой, для магического обряда гадания.

В центре ситуации гадания, в моменте пребывания две героини: Акумовна и Адония Ивойловна. Авторский хронотопический взгляд на ситуацию сужается до пределов небольшой комнаты Адонии Ивойловны: *«В крайней комнате — в душной комнате у Адонии Ивойловны поет самовар — не выживает, он полон и горяч, пар выбивается, — певун заиграл игрою. Поет самовар на все комнаты.*

Акумовны нет в кухне, Акумовна с картами у Адонии Ивойловны, Акумовна гадают» {16, с. 121}. Как видим в центре внимания автора — предмет домашнего уюта — самовар, за чашкой чая, который предполагает откровенные беседы.

Автор изображает сам процесс гадания: *«Самовар гаснет и пение его тише и голос Акумовны глуше:*

— Для дома. Для сердца. Что будет. Чем кончится. Чем успокоится. Чем удивит. Всю правду скажите со всем сердцем чистым. Что будет, то и сбудется.

А карта, должно быть, выходит нечистая, все неважная, все темная» {16, с. 121}. Эмоциональный фон в момент ситуации гадания у героинь усиливается. Автор употребляет прием градации, голос у Акумовны становится все глуше и своего рода эмоциональной разрядкой являются слезы Адонии Ивойловны, так как результат гадания получился не таким, как хотелось героине.

«Плачет Адония Ивойловна. Да и как ей не плакать? Похоронили мужа на Смоленском кладбище, а она хотела положить в Невской лавре: родственники настояли, не послушали ее. Он ко всем добрый был, помогал много, а они его не любили. Она одна любила его, и ее не послушали. А на кладбище земля под ним уходит, обваливается земля» {16, с. 121}.

Заканчивается пребывание двух героинь в ситуации гадания рефреном:

«— Обвиновать никого нельзя! — говорит вдруг Акумовна» {16, с. 121}.

Акумовна и Маракулин

«Крестьянка Акумовна, которую автор сам нарекает "божественная", — центральная фигура-антипод Маракулина, введенная в систему персонажей повести согласно композиционному принципу противопоставления двух образов друг другу» {17}. В четвертой главе повести «Крестовые сестры» автор изображает ситуацию, как Акумовна гадает главному герою Маракулину. Эта ситуация представлена намного объемнее, чем ситуация гадания Адонии Ивойловне.

Композиционно ситуация представляет собой кольцо. Вход и выход из ситуации обозначен следующими словами: *«Лето тянулось нескончаемо, томяще однообразно»*

{16, с. 149; с. 152}.

Время и место гадания — летние вечера в Бурковом доме: *«По вечерам за самоваром Акумовна гадала Маракулину, как Адонии Ивойловне зимой за самоваром. Гадала много и щедро, не только на нем трефовом или, как говорила Акумовна, крестовом короле, но и на других королях и дамах — крестовой, червонной, бубуновой, пиковой, на всех тех лицах, какие выходили ему по картам, чтобы и их судьбу узнать, и тем вернее дознаться, кто они такие, и что у них на мыслях»* {16, с. 149}.

Так, выстраиваются бинарные оппозиции в ситуации гадания: зима-лето и одновременно, мы понимаем, что процесс гадания Акумовной героям длится целый год.

В повествовании отмечается результат гадания: *«Карта не лгала. Одно и то же, какая-то бестолочь: немножко скука, немножко деньги, немножко перемена, немножко слезы, досада, молодая особа, собственный свой дом и вещь, благородный важный господин с бумагой, казенный дом, молодой особы скука, немножко неприятно, собственные свои хлопоты, собственный свой разговор. И оставался Маракулин постоянно при собственном разговоре»* {16, с. 150}. Это своеобразный мистический ответ карт на вопросы героя, причем он не всегда радостный.

«Разложит Акумовна в последний раз, зашепчет последние слова:

— Для дома. Для сердца. Что будет. Чем кончится. Чем успокоится. Чем удивит. Всю правду скажите со всем сердцем чистым. Что будет, то и сбудется.

И в последний раз все одно и то же — одна карта: какая-то бестолочь одна и собственный свой разговор.

Карта не легла. И только иногда, должно быть, надоедало картам и они сердились: начинали издеваться — покажут большую перемену или выйдет большая дорога, большие деньги, исполнение желаний» {16, с. 150}.

Ситуация гадания расширяется за счет вставных историй, которые рассказывает Акумовна Маракулину в процессе гадания: *«За картами нередко Акумовна вспоминала свою барыню, старого барина, брата барыни и своего сына, и какие сны кому снились, и перед чем снились, и что какой сон означает»* {16, с. 150}.

Итак, автор изображает в повести своих героев в трудных жизненных обстоятельствах. Ситуация гадания является для них возможностью заглянуть в свое будущее, поверить в то, что судьба будет благосклонна и все в дальнейшем будет хорошо, а Акумовна является своеобразным посредником этих знаний мира феноменального и мира ноуменального.

Поэтика ситуации чуда

В четвертой главе повести «Крестовые сестры» автор описывает ситуацию чудесного выздоровления девочки Веры. *«Чудо — сверхъестественное событие, действие, явление, нарушающее “законы природы” и не поддающееся рациональному объяснению»* {18, с. 506}.

В русской православной традиции ситуация чуда верующим человеком воспринимается как закономерное явление и одновременно святые отцы предупреждают, что чудеса имеют двойственную природу и специально человек не должен стремиться увидеть чудо.

Литературное наследие по этому вопросу огромно. Хочется лишь отметить, что и сегодня

выходят различные материалы и книги по данной теме. Одна из самых популярных книг за последнее время «Несвятые святые» и другие рассказы» архимандрита Тихона Шевкунова {19}.

Акумовна одна из первых героинь повести узнает о чудесной ситуации в жизни Верочки. Автор отводит этой героине роль носителя самых различных знаний.

«Приютив с улицы, Акумовна ревниво обороняла девочку от Бурковых шатунов — Станислава конторщика и Казимира монтера, и вечером нередко еще засветло запирала она кухню и укладывала девочку на свою постель под три неугасимые лампадки для безопасности. А называла она Веру чудотворною так потому, что совершилось чудо над нею» {16, с. 147}.

Семантика имени расширяется за счет прилагательного чудотворная. Так, в жизнь и судьбу героини закладывается элемент чуда.

«— Верушка, - отвечала Акумовна, и улыбаясь и поглядывая как-то по-юродивому из стороны, — чудотворная» {16, с. 147}.

Так, появление на Бурковом дворе чудотворной Верушки является входом в ситуацию чуда.

Пребывание — это рассказ Акумовны главному герою повести Маракулину истории чуда, которое случилось в жизни девочки.

«— Чудотворная она, — говорила Акумовна, — до пяти годов безъязычной была, не говорила, и доктору показывали Николаю Францевичу, нет пользы, и к Скорбящей ее водила мать, тоже посоветывали, к Матренушке — босиком ходит, а в темную пятницу пошли на Пороховые заводы, крестный ход в Ильинскую пятницу на Пороховых — двенадцать икон носят и до тысячи маленьких, всяких, отстояли они обедню, стали домой собираться, а она пить и просит: «Мама, дай мне пить!». С той самой поры и говорит» {16, с. 147-148}.

В данном эпизоде противопоставлены герой феноменального мира – врач, который не смог вылечить девочку и сокральные силы, благодаря к обращению к которым девочка исцелилась. Исцелению предшествует обращение к сакральным образам – Божьей матери, святой Матренушке, участие в крестном ходе и молитвенное обращение к высшим силам. Символичное упоминание двенадцати икон. Результатом такого соприкосновения с сакральными силами ноуменального мира, молитва перед предметами символами — иконами дала свой результат — девочка заговорила.

Выходом из ситуации является изображение автором ситуации, как два мира пересекаются в мире реальном. Безвыходная ситуация разрешается и высшие сакральные силы участвуют в судьбе героини.

Поэтика ситуации молитвы

В повествовании авторская ситуативность представлена неравномерно. Некоторые ситуации даются полными, развернутыми, а на некоторые только указывается. Например, ситуация моления, в центре которой домашняя молитва героинь. В православной литературе отмечается, что «Молитва — обращение человека к Богу, в котором он восхваляет и славословит Его величие, благодарит за явленные милости, исповедуется и кается перед Ним в своем недостойнстве, высказывает личные нужды и прошения. При совершении молитвы необходимо внимание к произносимым словам, заключающее в них

ум. Молитва имеет свои ступени: от внешней, гласной, т. е. произносимой устами молитвы до внутреннего безмолвного и нерассеиваемого мыслями предстояния перед Богом соединенными умом и сердцем. Вершина молитвы — богообщение и богосозерцание» {20, с. 300-301}.

Важно отметить, что в повествовании автор изначально упоминает о ситуации гадания, а это, как известно большой грех, а затем указывает на ситуацию моления.

« В крайней комнате — в душной комнате у Адонии Ивойловны три неугасимые лампадки. Адония Ивойловна долго молится. И в кухне — в насыщенной живучим стерляжьим духом и сушеным грибом кухне у Акумовны три неугасимые лампадки. Акумовна долго молится.

— Корабли, корабли! — доносится ночью голос сквозь слезливый храп.

А ему отвечает другой с другого конца глухо:

— Обвиноватить никого нельзя!» {16, с. 121-122}.

Заключение

Авторская ситуативность А. М. Ремизова — это объективация мироощущения писателя и отражение этих взглядов в произведениях писателя, в данном случае в повести «Крестовые сестры».

Маракулин — главный герой повести пребывает почти во всех ситуациях. Автор наделяет этого героя авторской способностью мировидения и мировосприятия.

Автор указывает или подробно изображает в художественном произведении самые различные ситуации: рождение и смерть, ситуация работы и ее утраты, ситуация переезда из одного пространства в другое. Одна из самых страшных ситуаций — это ситуация убийства и самоубийства, которая повторяется во многих произведениях писателя, например, в его первом романе «Пруд». Ситуация болезни и сновидений, ситуация гадания и моления, ситуация чуда и пожалуй, одна из самых ярких, ситуация пребывания одной из героинь повести Акумовны в потустороннем мире.

В пределах авторской ситуативности все изображенные в художественном тексте ситуации можно классифицировать как ситуации феноменального мира и ситуации, соотносящиеся с миром ноуменальным.

С миром ноуменальным соотносятся ситуации гадания, чудесного исцеления девочки и молитвы. Авторская ситуация гадания — это ситуация по своей сути inferнальная. Не случайно предметом изображения являются карты. Ситуации чудесного исцеления девочки Веры и ситуация моления Акумовны и Адонии Ивойловны — сакральные. Поэтому, автор в художественном тексте на эти ситуации просто указывает, нет подробных описаний домашней молитвы, так как это таинство.

Ситуация гадания, чуда и молитвы тесным образом связаны с проблемой авторского двоемирия писателя. В центре этой проблемы — персонаж, который всегда вынужден искать ответ на вопрос, как жить и что делать? Так, в ремизовской модели мира и авторской ситуативности переплетается земное и потустороннее. Герои всегда стоят перед выбором: грех или раскаяние?

Авторская ситуативность А. М. Ремизова — это своеобразный микс, в котором герои ищут свой путь и ответы на самые главные вопросы жизни.

«Психологическая разработка характера, психологическая мотивация поступков, особенно тонко раскрываемая в ситуациях нравственного выбора Ф. Достоевским, сменяется у Ремизова мифологической мотивацией. У него это отражается в настойчивых библейских мотивах, проецируемых на человеческие судьбы. Есть лишь две крайние точки — путь к Богу и путь к Дьяволу, выбор по сути дела предопределен фатально» {21, с. 70}.

Библиография

1. Ильин, И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1: О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев. — М.: Русская книга, 1996. — 560 с.
2. Алексей Ремизов. Исследования и материалы. *Aleksej Remizov. Studi e materiali inediti* / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит., Univ. degli studi di Salerno. Dip. di studi ling. e lett. ; Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. — СПб. ; Салерно, 2003. — 405 с. — (*Europa orientalis*; 4).
3. Слобин, Грета Н. Проза Ремизова 1900-1921 / Грета Н. Слобин. — СПб., «Академический проект», 1997. — 206 с.
4. Каталин Сёке. Судьба без судьбы. Проблемы поэтики Алексея Ремизова. / Сёке Каталин. — Budapest, 2006. — 154 с.
5. Грачева, А. М. Алексей Ремизов и Древнерусская культура. / А. М. Грачева. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 333 с.
6. Грачева, А. М. «Теория русского лада» Алексея Ремизова (1930–1950-е годы) / А. М. Грачева // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 347–374.
7. Блищ, Н. Л. Автобиографическая проза А. М. Ремизова (проблема мифотворчества) / Н. Л. Блищ. — Мн.: ЕГУ, 2002. — 116 с.
8. Карпов, И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов): монография / И. П. Карпов. — Йошкар-Ола, 2003. — 447 с.
9. Старыгина, Н. Н. «Петушок» А. М. Ремизова и народная религиозная культура / Н. Н. Старыгина // Андреев Л. Н. Красный смех. Ремизов А. М. Петушок: Тексты, комментарии, исследования, материалы для самостоятельной работы, моделирование уроков: науч.-метод. пособие для вуза и школы / под ред. И. П. Карпова, Н. Н. Старыгиной. — М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. — 384 с.
10. Гусева, Е. В. Роман «Пруд» А. М. Ремизова: Поэтика двоемирия: монография / Мар. гос. ун-т; Е. В. Гусева. — Йошкар-Ола: 2011. — 187 с.
11. Иванов-Разумник. Творчество и критика: Статьи критич. 1908-1922. / Иванов-Разумник. — Петербург: Колос, 1922. — 258 с.
12. Карпов, И. П. Авторологические парадигмы русской литературы (аспекты, парадигмы): монография / Мар. гос. ун-т; И. П. Карпов. — 2010. — 384 с.
13. Карпов, И. П. Словарь авторологических терминов (Учебно-методический вариант): Книга для учителей, студентов, преподавателей, аспирантов / Мар. гос. ун-т; И. П. Карпов. — Йошкар-Ола, 2012. — 212 с.
14. Жернова, Н. С. Образ женщины в произведениях А. М. Ремизова: к проблеме типологии: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Жернова Наталья Сергеевна; [Место защиты: Вологод. гос. ун-т]. — Вологда, 2018. — 29 с.
15. Слобин, Грета Н. Проза Ремизова 1900-1921 / Грета Н. Слобин. — СПб., «Академический проект», 1997. — 206 с.

16. Ремизов, А. М. Собр. соч.: в 10 т. / А. М. Ремизов. — М.: Русская книга, 2001. — Т. 4. — 560 с.
17. Кривошея, Н. А. Повесть А. М. Ремизова «Крестовые сестры» в аспекте идейно-художественного своеобразия творчества писателя и литературных традиций / Н. А. Кривошея // Вестник НВГУ. — № 4. — 2014. — С. 49-56.
18. Практическая энциклопедия. Православие от А до Я. — СПб.: САТИСЬ, ДЕРЖАВА. — 2005. — 509 с.
19. Архимандрит, Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы / Тихон (Шевкунов) Архимандрит. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. — 640 с.
20. Практическая энциклопедия. Православие от А до Я. — СПб.:САТИСЬ, ДЕРЖАВА. — 2005. — 509 с.
21. Тырышкина, Е. В. «Крестовые сестры» А. М. Ремизова: концепция и поэтика: Монография / Е. В. Тырышкина. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. — 234 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья ориентирована на анализ прозы Алексея Ремизова. Как отмечает автор, цель исследования ориентирована на дешифровку поэтики авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры». Поставленный ряд задач формирует канву логики – это 1) выделить в повести ситуации, в которых пребывают герои; 2) классифицировать выделенные ситуации; 3) выделить несколько ситуаций и проанализировать поэтику авторской ситуативности. Текст, на мой взгляд, продуман, авторская точка зрения конструктивна, концептуальна. Стоит согласиться, что «актуальность и научная новизна работы заключается в том, что, несмотря на многочисленные исследования, посвященные творчеству А. М. Ремизова, отсутствует единый подход к проблеме поэтики авторской ситуативности в рамках глобальной проблемы авторского двоемирия, поэтому, исследование поэтики авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» требует детального анализа». В статье дана оценка изученности текстов А. Ремизова; отмечено, что «феномен А.М. Ремизова и его творческое наследие вызывает неподдельный интерес до сегодняшнего дня, как у зарубежных исследователей (Каталин Сёке, Анна Возняк, Антонелла д'Амелия, Халина Вашкелевич, Ольга Петровна Раевская-Хьюз и т. д.), так и у российских (А. М. Грачева, Е. Р. Обатнина, В. Н. Быстров, Е. В. Вахненко, Н. Ю. Грякалова, А. А. Данилевский, С. Н. Доценко, О. А. Линдеберг и т. д.)». Однако исследование не является дублирующим, он обладает должной научной новизной. Текст полностью сориентирован на раскрытие основной темы, решение поставленных задач. Можно отметить, что автор данного труда не нарушает методологический уровень, принципы анализа современны и актуальны. Стиль работы соотносится с научным типом, термины / понятия вводятся в текст с учетом коннотаций. Например, «авторская ситуативность тесно соотносится с глобальной проблемой творчества А. М. Ремизова авторским двоемирием. Поэтому мы классифицируем все ситуации по принадлежности и соотносённости их с миром феноменальным и миром ноуменальным. Между этими мирами, как правило женщина. «Вечная Женственность в русской классической литературе, основными чертами которой являются самопожертвование, терпение, реализует себя в различных вариантах любви: это и любовь-жалость (Катерина Кабанова — Тихон), любовь-забвение себя (Вера — Печорин), любовь-терпение, любовь — безумная страсть. Все эти виды любви мы

находим и в творчестве А. М. Ремизова. Но, кроме этого, в его женских образах присутствуют и черты идеальной женственности эпохи Серебряного века. Ремизовских героинь отличают загадочность, тайна, мистичность, красота, инфернальность, они существуют как бы на пересечении мира реального и ирреального», или «автор не случайно изображает в повествовании ситуацию гадания и всевозможные его варианты. Главная героиня может предсказать судьбу и по веточкам вербы, и, используя свечи, и разглядеть в узорах на стекле тайные знаки, но больше всего она доверяет картам. Все это представляет собой магический обряд и желание заглянуть в будущее, получить тайные знания. Так, ситуация гадания напрямую соотносится с проблемой авторского двоемирия писателя», или «в повествовании авторская ситуативность представлена неравномерно. Некоторые ситуации даются полными, развернутыми, а на некоторые только указывается. Например, ситуация моления, в центре которой домашняя молитва героинь. В православной литературе отмечается, что «Молитва — обращение человека к Богу, в котором он восхваляет и славословит Его величие, благодарит за явленные милости, исповедуется и кается перед Ним в своем недостойнстве, высказывает личные нужды и прошения. При совершении молитвы необходимо внимание к произносимым словам, заключающее в них ум. Молитва имеет свои ступени: от внешней, гласной, т. е. произносимой устами молитвы до внутреннего безмолвного и нерассеиваемого мыслями предстояния перед Богом соединенными умом и сердцем. Вершина молитвы — богообщение и богосозерцание» и т.д. Автор дробит текст на т.н. смысловые части, которые соотносятся с основными вариациями ситуаций: это ситуация гадания, ситуация чуда, ситуация молитвы. Наличного текстового объема достаточно для достижения поставленной цели, тема как таковая тоже раскрыта. Выводы по работе полновесны: «авторская ситуативность А. М. Ремизова — это объективация мироощущения писателя и отражение этих взглядов в произведениях писателя, в данном случае в повести «Крестовые сестры». Маракулин — главный герой повести пребывает почти во всех ситуациях. Автор наделяет этого героя авторской способностью мировидения и мировосприятия. Автор указывает или подробно изображает в художественном произведении самые различные ситуации: рождение и смерть, ситуация работы и ее утраты, ситуация переезда из одного пространства в другое. Одна из самых страшных ситуаций — это ситуация убийства и самоубийства, которая повторяется во многих произведениях писателя, например, в его первом романе «Пруд». Ситуация болезни и сновидений, ситуация гадания и моления, ситуация чуда и пожалуй, одна из самых ярких, ситуация пребывания одной из героинь повести Акумовны в потустороннем мире...» и т.д. Основные требования издания учены, формально работа не нуждается в правке и коррективе; материал имеет практический характер, его уместно использовать при изучении творчества Алексея Ремизова. Библиографический список включает работы разных типов и разных временных периодов. Рекомендую статью «Поэтика авторской ситуативности в повести «Крестовые сестры» А.М. Ремизова» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильин А.А. — История и модификация современной кинематографической лексики // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43454 EDN: WGVXWQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43454

История и модификация современной кинематографической лексики

Ильин Александр Александрович

ORCID: 0000-0001-7084-8718

аспирант, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5, оф. Б

✉ sashailin98@yandex.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.43454

EDN:

WGVXWQ

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2023

Дата публикации:

30-08-2023

Аннотация: Настоящая статья посвящена диахронической модификации кинематографической лексики современного немецкого языка. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью формирования и развития немецкой кинолексики в XXI веке, что способствует новым исследованиям данного вопроса в современном языкознании; а также необходимостью изучения процесса становления и эволюции кинолексики немецкого языка для выявления лингвокультурологических особенностей данной области словарного состава. Цель исследования заключается в определении семантических особенностей лексических единиц немецкого языка, представляющих кинематографическую лексику в рамках исторического развития языка. Для достижения указанной цели исследования были поставлены и решены следующие задачи: 1) изучена и проанализирована современная научная лингвистическая литература с целью формирования теоретической основы по данной проблеме исследования; 2) рассмотрено семантическое поле кинопрофессии и осуществлён анализ отдельных лексических единиц кинематографа немецкого языка и

описана модификация лексем в контексте исторического развития языка в соотношении с современными трендами; 3) обоснована природа заимствования в немецком языке кинотерминов из других языков и произведён анализ их структуры. В статье рассматриваются толкования и определения смыслового содержания кинолексики немецкого языка. Научная новизна исследования заключается в том, что в отечественной лингвистике впервые описана грамматическая и лексическая модификация кинотерминологии немецкого языка на основе диахронического аспекта, а также прослеживается синхроническое соотнесение кинолексики с современными трендами. В результате было выявлено, что семантическая группа, обозначающая профессии исполнительского мастерства в современном немецком языке, представлена путем словосложения имён существительных, как правило, одно из которых является отглагольным существительным. Немецкий киноязык склонен к тенденции использования в коммуникации заимствованных синонимов к оригинальному слову, в подавляющем большинстве данные заимствования появились из латинского, французского и английского языков.

Ключевые слова:

лингвистика, немецкий язык, семантика, семантический анализ, диахрония, кинодискурс, кинолексика, кинотерминология, кинематограф, заимствования

Особенностью формирования любого языка является его стихийность, он неразрывно связан с мышлением, социумом, культурой и способностью людей распознавать объекты действительности, отождествлять их со знаковыми, языковыми обозначениями, а также устанавливать сложные связи между ними. При изучении смыслового содержания языковых единиц необходимо учитывать не только структуру языка, но и особенности психологии, культуры и исторического развития его носителей, поскольку именно эти факторы играют важную роль в происхождении слов, модификации их значений и особенностей употребления. Одной из отраслей культуры является кинематограф, в число задач которого входит создание кинокартин и демонстрация их зрителю через цифровое пространство. Согласно данным русскоязычного интернет-издания и базы данных о кинематографе «Кинопоиск» в 2022 году был осуществлён релиз 23990 кинокартин, за последние 3 года эта цифра составляет 97759 кинолент (<https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/year--2022/?b=films&sort=rating>). Расширение возможности Интернета в распространении современного кинопроката приводит к тенденции языковых изменений и активного использования заимствованных слов в контексте общей глобализации. Подход к изучению киноискусства может определяться в широком и в узком значениях, где в первом случае оно рассматривается как часть общественного целого, попавшее под влияние социума, а во втором случае оно подразумевает анализ фильма в пределах кинопроцесса [3, с. 247].

Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью формирования и развития немецкой кинолексики в XXI веке, что способствует появлению новых исследований по данному вопросу в современном языкознании; а также необходимостью изучения процесса становления и эволюции кинолексики немецкого языка для выявления лингвокультурологических особенностей данной области словарного состава.

Для достижения указанной цели исследования были поставлены и решены следующие **задачи**: 1) изучена и проанализирована современная научная лингвистическая

литература с целью формирования теоретической основы по данной проблеме исследования; 2) рассмотрено семантическое поле кинопрофессии и осуществлён анализ отдельных лексических единиц кинематографа немецкого языка и описана модификация лексем в контексте исторического развития языка в соотношении с современными трендами; 3) обоснована природа заимствования в немецком языке кинотерминов из других языков и произведён анализ их структуры.

Методика исследования определялась целью исследования и поставленными задачами. В работе были использованы следующие **методы**: 1) метод сплошной выборки; 2) структурный метод; 3) метод семантического анализа; 4) описательный метод; 5) словообразовательный анализ слов.

Справочным материалом работы послужили следующие электронные ресурсы: 1) крупнейшая мировая база данных о кинематографе «Internet Movie Database» (далее IMDb). URL: <https://www.imdb.com/>; 2) немецкоязычный интернет-портал, посвящённый новостям кинематографа и рецензиям кинокритиков «Film-Rezensionen.de. Popcornkino & Independent». URL: <https://www.film-rezensionen.de/>; 3) русскоязычное интернет-издание о кинематографе «Кинопоиск». URL: <https://www.kinopoisk.ru/>; 4) немецкая ежедневная онлайн-газета «Zeit Online». URL: <https://www.zeit.de/>; 5) корпус текстов немецкого языка «DWDS», представленный крупными ежедневными и еженедельными газетами общенационального распространения. URL: <https://www.dwds.de/>; 6) немецко-английский словарь интернет-портала «Educalingo». URL: <https://educalingo.com/en/dic-de/>; 7) электронный орфографический словарь немецкого языка «Duden». URL: <https://www.duden.de/>.

В качестве **материала** исследования выступил электронный специализированный словарь «Das Lexikon der Filmbegriffe», являющийся крупнейшим в мире сборником кинотерминов немецкого языка, который издаётся в сотрудничестве с университетами Киля, Мюнстера, Хагена, Люксембурга и Цюриха. URL: <https://filmlexikon.uni-kiel.de/>.

Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных лингвистов, в которых рассматриваются вопросы семантики, методы анализа лексических единиц и природа заимствования иноязычных терминов [\[1, 6, 10, 11, 12, 16, 18\]](#).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и результатов данного исследования в практике преподавания таких лингвистических дисциплин как введение в языкознание, семантико-стилистическая интерпретация текста, лексикология, сравнительная типология, профессионально ориентированный перевод, введение в теорию межкультурной коммуникации, совершенствование навыков речевого общения, практикум по культуре речевого общения, а также в практических курсах по методике написания диссертационных исследований, при написании курсовых, выпускных квалификационных работ по сопряженным проблемам.

Решением задач толкования и определения смыслового содержания слова занимается семантика. Одним из основных инструментов является семантический анализ, позволяющий декодировать заложенный смысл в зависимости от контекста, а также определять многозначность слова самого по себе, сопоставляя с максимумом контекстуальных указателей [\[1, с. 7\]](#). Лексема, как форма выражения слова, содержит одну или более семем, выступающих в качестве значения самой лексической единицы, т.е. семема – отдельное значение слова, а материальная его сторона – лексема. Рассмотрение данных понятий при лексическом анализе относится к методу

семасиологии, являющейся аспектом изучения семантики, которая в свою очередь исходит из науки о знаковых системах – семиотики [\[16, с. 3-6\]](#). Слово содержит в себе единство трёх элементов языкового знака: внешний, заключающийся в звуковом и графическом выражении, предметный, то есть определенный денотат, отражающий реальную вещь или предмет, и смысловой, отождествляющий объективно существующую вещь или предмет с его названием в сознании человека [\[22, с. 10-12\]](#). Семантический анализ предполагает установление взаимоотношения между всеми этими элементами слова. Так, многозначное слово – яркое проявление языковой вариативности, представляющей собой набор лексико-семантических вариантов, каждое значение которого реализуется лишь в определенном контексте речи в сочетании с другими лексемами.

В содержательном отношении система языка включает в себя два типа слов: обиходные, общеупотребительные и специальные, среди которых научные термины играют ключевую роль. Между обиходными словами и научными понятиями существует общая закономерность: обиходные слова, которые имеют сходные характеристики с научными понятиями, стремятся стать частью последних. Однако это стремление остается нереализованным, так как научные понятия опережают развитие обиходных слов, превосходя их и продвигаясь в своем развитии вперед. Особенностью семантических закономерностей слов общебытовой тематики является их тяготение к слиянию с научными понятиями, если они имеют какие-либо общие признаки, например, важные культурные термины, присущие определенной эпохе, как, например, «цивилизация», «революция», «демократия», «наука», «техника», «личность». Эти слова объединяют в себе значение обиходных слов языка и господствующие в обществе идеи времени, составляя семантическое содержание данных слов. [\[17, с. 625-626\]](#).

На основе изученной научной базы по семантике, разработанной отечественными и зарубежными лингвистами, было выявлено, что семантический анализ лексических единиц может быть произведён при помощи следующих методов: 1) классический [\[18\]](#); 2) синтагматический [\[4\]](#); 3) тематических групп [\[13\]](#); 4) семантических полей [\[21\]](#); 5) контекстный [\[7, 10\]](#).

Классический метод семантического анализа предполагает выявление значения слова по нормативным изданиям, энциклопедиям, словарям, справочникам [\[18, с. 66\]](#). Полный лексико-семантический анализ включает в себя использование эпидигматического анализа, предполагающего анализ структуры значения однозначного или многозначного слова, раскрывает его внутреннюю смысловую структуру, типы лексических и переносных значений, состав сем, а также виды и способы их взаимодействий; использование парадигматического анализа, позволяющего установить семантические отношения слов, а также их общность и различия; и использование синтагматического анализа для изучения лексико-семантических и синтаксических связей между словами [\[4, с. 308-309\]](#). В своей работе И.А. Мельчук [\[11\]](#) пишет, что лингвистическая семантика стала одной из центральных дисциплин современного языкознания благодаря широкому признанию её ведущей роли, а не по количеству проводимых исследований, и предлагает осуществлять семантический анализ через понятие лексической функции, а также синтаксической и семантической валентности. Он выявил, что семантика слова в языке отражается не через объективную реальность, а через представления носителей языка об этой реальности, то есть через своего рода концепт. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что семантический анализ должен выполняться после синтаксического. Например, в своей работе В.Ш. Рубашкин и Д.Г.

Лахути [\[15\]](#) делают акцент на иерархии синтаксических связей, помещая в основание ролевые, затем кореферентные, факультативные связи и лишь после всех этих уровней – предметно-ассоциативные. Некоторые ученые предлагают разделить понятия языка на семантические группы по принципу наличия у них общего смыслового компонента, например, за такое разделение выступает Е.В. Падучева. В своей работе [\[13\]](#) она сделала акцент на тематических классах слов, в частности, описав исходные значения глаголов и их семантические дериваты, где можно проследить значение глаголов восприятия, состояния, знания, движения, бытия. Однако, как заметила Т.В. Батура [\[2\]](#), основная проблема такого подхода заключается в том, что выделение тематических классов сильно зависит от индивидуального восприятия и интерпретации понятий конкретным человеком. Еще одним методом семантического анализа является компонентный анализ, построенный на анализе компонентов значения слова. Проведение данного анализа легче всего осуществлять на примере существительных и глаголов, чем наречий, прилагательных или слов, содержащих сильный эмоциональный окрас [\[9\]](#).

Понятие семантического поля было введено Г. Ибсенем и получило наиболее широкое распространение в лингвистике после выхода в свет его работы [\[21\]](#), где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением [\[20, с. 22\]](#). Метод семантических полей предполагает разделение лексики языка на определенные тематические и понятийные сферы по какому-либо общему принципу, например, семантическое поле эмоции, сферы деятельности, профессии. Данный метод тесно сопряжен с методом тематического описания лексики, широко применяемый в классической лексикологии [\[18, с.76-79\]](#). Для установления конкретного лексического значения применяют контекстный анализ. Как отмечает В.И. Заботкина, «...контекст рассматривается прежде всего как фрейм, который накладывает ограничения на содержание языковых единиц. В этом случае содержание единицы языка выступает в роли фигуры, а контекст – в роли фона» [\[7, с. 72\]](#). Э.М. Медникова делает акцент на различии узкого и широкого контекста, поскольку в первом случае предполагается исследование ближайшего окружения слова и словосочетаний с ним, а широкое понимание контекста дает представление не только о вербальном окружении языковой единицы, но и об условиях и особенностях ее функционирования в речи, связанных с историческими, культурными, социальными и ситуативными факторами [\[10, с. 96\]](#).

Такая тенденция хорошо прослеживается при анализе семантического поля кинематографической лексики, представленной такими понятиями, как кинопрофессии. Так, с появлением в Германии такого нового культурного явления, как кино, в языке появляются такие слова, как *der Filmregisseur* / *кинорежиссёр* (здесь и далее перевод на русский язык осуществлён автором лично – Ильин А.А.); *der Filmregisseur* / *кинорежиссёр*; *der Regieassistent* / *помощник режиссёра*; *der Kameramann* / *оператор*; *der Haupt Animator* / *главный художник-мультипликатор*; *der Sensationsdarsteller (der Kaskadeur, der Stuntman)* / *каскадёр*; *der Filmarchitekt* / *сценограф* и целый пласт понятий, относящихся к сфере кинематографических профессий.

Например, слово *der Filmschauspieler* / *киноактер* состоит из трёх основ *der Film* / *кино*, *die Schau* / *демонстрация, показ* и *der Spieler* / *игрок*, тот же принцип можно наблюдать и со словом *die Filmschauspielerin* / *киноактриса*, отличие заключается в использовании феминитивного суффикса *-in*. Но в большинстве случаев, говоря об актере кино, используется его сокращённая форма слова – *der Schauspieler* / *актер*. Стоит отметить,

что слово *der Schauspieler* появилось еще в античные времена с появлением театра.

Связь между кинематографической и театральной лексикой действительно существует и имеет ряд объективных причин.

Во-первых, кинематограф, как и театр, основан на драматургических произведениях и, следовательно, тесно связан с театром в плане наполнения лексикой. Во многих кинофильмах и телесериалах актеры играют сцены, которые имитируют театральное представление, и в таких случаях употребляются аналогичные термины и выражения.

Во-вторых, в кинематографе широко используется терминология, взятая из театральной лексики. Например, такие слова, как *der Regisseur* / режиссёр, *der Kostümbildner* / художник по костюмам; *der Bühnenbildner* / художник-декоратор, *Drehbuch* / сценарий, *die Rolle* / роль и т.д. являются универсальными понятиями и используются в обоих видах искусства.

Основываясь на частоте использования лексемы *der Schauspieler* в оцифрованных печатных изданиях за последние пятьсот лет (<https://educalingo.com/ru/dic-de/schauspieler>), можно сделать вывод о том, что пик частотности его употребления приходился на девятнадцатый век, что связано с расцветом культуры, театров и появлением кинематографа. В двадцатом веке наблюдается резкий провал в частоте использований, что связано с историческими военными событиями, а в послевоенные годы термин снова набирает популярность, однако с 2014 года вновь наблюдается небольшое снижение в его употреблении (<https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=> Данное снижение связано с набирающим популярность заимствованием из французского языка его синонима *der Akteur* и активное его использование в современных реалиях (<https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=> В свою очередь *der Akteur* происходит от латинского слова *actor*.

Другими примерами с аналогичным типом словообразования являются слова *der Kostümbildner* / художник по костюмам, образованное сложением слов *das Kostüm* / костюм, *der Bildner* / художник, который в свою очередь образован от глагола *bilden* / создавать, моделировать и *der Bühnenbildner* / художник-декоратор, также образованное путем сложения двух имён существительных, одно из которых является отглагольным: *die Bühne* / сцена и *der Bildner* / художник. Слово *der Regieassistent* / помощник режиссёра образовано схожим способом, где *die Regie* / режиссура, режиссёр и *der Assistant* / ассистент, помощник, образованное от глагола *assistieren* / ассистировать, помогать. На приведенных выше примерах разбора лексем *der Filmschauspieler*, *der Kostümbildner*, *der Bühnenbildner* и *der Regieassistent* видно, что слова, обозначающие профессии в сфере кинематографа, образованы в основном с использованием отглагольных существительных путём словосложения.

В современном немецком языке наблюдается также тенденция увеличения словарного состава языка путём использования заимствований из английского, французского, латинского и других языков, что связано с широкими международными, а, следовательно, и языковыми контактами. Жилюк С.А. подчеркивает, что немецкий язык обогатился большим числом заимствований, прежде всего из латинского и французского языков к первой половине XIX в., а с 1825 года начал активно заимствовать слова из английского языка, когда была открыта первая железная дорога, символизирующая техническое превосходство Великобритании [6, с. 35]. Так заимствования из других

языков не обошли стороной и кинематографическую лексику немецкого языка, Т.И. Щелок и Д.П. Гостищева, проанализировав материалы статей из рубрики «Kino» немецкоязычного интернет-издания «Spiegel», установили, что большая часть отмеченных заимствований относятся к английскому языку, но и присутствуют заимствования из французского языка [19, с. 171]. Среди кинопрофессий в немецком языке прослеживается аналогичная тенденция заимствования слов из английского, французского и латинского языков. В качестве авторитетных источников по данному вопросу в нашей работе выступают электронный орфографический словарь немецкого языка «Duden» (<https://www.duden.de/>) и электронный специализированный словарь кинотерминов «Das Lexikon der Filmbegriffe» (<https://filmlexikon.uni-kiel.de/>).

Так, слово *der Filmregisseur* / *кинорежиссёр*, образованное путем словосложения, имеет 2 основы, которые могут быть выражены двумя самостоятельными именами существительными *der Film* / *фильм, кино* и *der Regisseur* / *режиссёр*, где первое слово заимствовано из английского языка, а второе из французского. К французским заимствованиям относятся также слова *der Akteur* / *актёр*; *der Modist* / *модист*; *der Kaskadeur* / *каскадёр*. Слова *der Animator* / *художник-мультипликатор* и *der Assistent* / *помощник* имеют латинское происхождение. Англоязычные заимствования в немецком языке преобладают в семантическом поле кинопрофессии, к ним относятся следующие слова: *der Stuntman* / *каскадёр*; *der Greensman* / *зеленщик, озеленитель*; *der Gaffer* / *гаффер*; *der Produktionsdesigner* / *художник-постановщик*; *der Art-direktor* / *арт-директор* и другие. Такие иноязычные заимствования можно объяснить тем фактом, что для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей и понятий существующие в немецком языке слова значительно сложнее в словообразовании и употреблении, а порой и не существует специальных названий, а их обозначение происходит с помощью использования целого словосочетания [5]. Интересно в этом смысле сравнение лексемы *der Kassenschlager* / *блокбастер, бестселлер* (досл. перевод *кассовый хит, кассовый успех*), образованная путем сложения двух основ имён существительных *die Kasse* / *касса* и *der Schlager* / *хит, успех* и заимствованного варианта из англоязычного кинодискурса *der Blockbuster* / *блокбастер*. Первая лексема имеет среднюю частоту употребления, а вторая используется по всему миру и значительно популярнее среди самого немецкого населения. Так, слово *der Kassenschlager* за 2022 год встречалось в печатных периодических изданиях 316 раз (<https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=a>) а количество использования слова *der Blockbuster* составило 968 раз (<https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=a>) что на 652 словоупотребления выше национального аналога. Возразить вышеуказанному принципу заимствования может лексема *der Produzent* / *продюсер*, так как его англоязычный аналог в немецком языке *der Producer* / *продюсер* наименее употребим. Следует отметить, что слово *der Produzent* полисемично и лексикографическое значение данной лексемы в словаре «Duden» (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Produzent>) имеет следующее описание: «*männliche Person, die etwas produziert; Hersteller; Erzeuger*» / «*мужчина, который что-то производит; производитель; изготовитель*», однако при использовании его с лексемой *der Film* / *кино*, мы понимаем, что речь идет о производстве фильма, но и контекст, в котором употреблена лексема *der Produzent* имеет значение. Так, например, немецкий кинорежиссёр Тим Дюньшеде в интервью (<https://www.film-rezensionen.de/2023/01/tim-duenschede-interview-2022/>) использует феминитивный вариант слова *der Produzent* – *die Produzentin* в значении *продюсер*: «*Mein Co-Autor Anil Kizilbuga und ich haben uns mit der Produzentin Justyna Müsch*

*getroffen, um mit ihr über mögliche nächste Projekte zu sprechen» / «Мой соавтор Анил Кизилбуга и я встретились с продюсером Юстиной Мюш для того, чтобы поговорить с ней о возможных следующих проектах». А в статье «Eine Frage der Kohle» / «Вопрос угля» газеты «Zeit Online» немецкий журналист Штеффен Рихтер пишет: «China ist der weltgrößte Produzent von Treibhausgasen» / «Китай – крупнейший в мире производитель парниковых газов», где лексема *der Produzent* фигурирует в значении *производитель*.*

Однако англицизмы обширно используются при употреблении тематической группы слов, посвященной киножанрам. Так, например, обратившись к немецкоязычному интернет-порталу, посвящённому новостям кинематографа и рецензиям кинокритиков «Film-Rezensionen.de. Popcornkino & Independent», обнаружилось, что в кинодискурсе немецкого языка присутствует преобладающее большинство англицизмов в жанрах кино (<https://www.film-rezensionen.de/genres/>), например, *der Horror* / ужасы; *der Mockumentary* / псевдодокументальный фильм; *der Western* / вестерн; *die Action* / боевик; *die Fantasy* / фэнтези; *das Musical* / мюзикл; *die Mystery* / детектив; *das Roadmovie* / роуд-муви; *die Science-Fiction* / научная фантастика; *der Thriller* / триллер и т.д. Мы можем заключить, что немецкоязычная и англоязычная лингвокультуры имеют схожее формирование и развитие кинотерминологии, что связано с интернациональностью кинематографа, а также с авторитетностью англоязычных стран, в особенности США, в сфере кино. В языке кинокритиков присутствует выражение *классическое голливудское кино*, обозначающее определённый стиль кинопроизводства, который был присущ американским фильмам в начале и середине прошлого столетия, именно этим выражением IMDb озаглавила рекомендованную к просмотру подборку фильмов (<https://www.imdb.com/list/ls054738611/>). Русскоязычное интернет-издание «Кинопоиск» насчитывает 443697 кинолент американской индустрии кино ([https://www.kinopoisk.ru/lists/m_act\[country\]/1/](https://www.kinopoisk.ru/lists/m_act[country]/1/)) и 35952 немецкого кино ([https://www.kinopoisk.ru/lists/m_act\[country\]/3/](https://www.kinopoisk.ru/lists/m_act[country]/3/)), превалирующее количество американских фильмов тоже имеет влияние на развитие международной терминосистемы кино.

Историю немецкой лексикографии, по мнению Ю.В. Кобенко^[8], можно поделить на 2 глобальных этапа заимствования иноязычной лексики, проанализировав картографические сводки орфографического словаря «Duden»: 1) конец XIX – начало XX века, связанный с индустриальной революцией; 2) время после Второй мировой войны^[8, с. 36]. Пробел между данными этапами в тенденции языковой глобализации связан с национал-социалистической политикой Германии 1930–1940-х гг., распространение которой затронуло и язык^[8, с. 3]. В XXI веке и за последнее десятилетие XX века количество заимствований значительно увеличилось, в основном это связано с развитием новых технологий, с феноменом цифровой эпохи и желанием массмедиа перенимать большое количество ярких, привлекающих своей новизной и краткостью, легко запоминающихся слов, таких, как *der Camcorder* / видеокамера, *das Drive-in-Kino* / автокинотеатр, *das Happy End* / счастливый конец, *der Bluescreen* / монохром, *der Stream* / стрим, *der Soundtrack* / саундтрек, *der Trailer* / трейлер, *der Spot* / рекламный ролик, *der TV-Spot* / телевизионный рекламный ролик. Влияние новых технологических разработок на киноязык отмечают также и В.Ю. Прокофьева и М.А. Назаров, в общем труде они описывают феномен появления англоязычных заимствований в сфере кино и телеиндустрии, вызванный созданием новых явлений в экранном производстве, новых жанров или форматов аудиовизуальных произведений и т.п.^[14], так как данная сфера подвержена сильному влиянию английского языка.

Таким образом, можно предположить, что особенность немецкоязычного кинодискурса

обусловлена в большей степени направленностью к употреблению заимствованных синонимов к оригинальному слову и к использованию словосложения в образовании отечественной кинотерминологии.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к следующим результатам, касающимся специфики кинематографической лексики современного немецкого языка: так, проанализировав семантическое поле кинопрофессии, отобрав отдельно взятые лексемы немецкого кинодискурса, представленные такими понятиями, как названия профессий, причем, как связанные с исполнительским искусством, так и относящиеся к работе на площадке, лексические единицы, обозначающие различное жанровое представление фильмов, и слова, относящиеся к сфере медиа и кино, можно сделать вывод о том, что семантическая группа, обозначающая профессии исполнительского мастерства представлена в основном языковыми лексемами немецкого языка, полученными путем сложения основ существительных, причем одно из которых является отглагольным, и такой способ образования присущ как существительным, выражающим представителей профессии мужского пола, так и представителей женского пола через добавление к имеющейся мужской основе феминитивного суффикса *-in*, но стоит уточнить, что помимо основного маркера женского гендера возможно и добавление слова *die Frau* / женщина, например *der Kameramann – die Kamerafrau* / оператор, *der Stuntman – die Stuntfrau* / каскадёр. А в настоящий момент в развитии языка наблюдается значительная тенденция использования заимствованных синонимов к оригинальному слову. Это связано, прежде всего, с активной глобализацией и обогащением языка лексикой других культур для упрощения взаимодействия и работы на общемировом рынке. В основном используемые заимствования появились из латинского, французского и английского языков. Для профессий закадровой работы, напротив, характерно использование классических немецких основ.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что исследование рассматривает лишь отдельную часть кинематографической лексики, затрагивая в большей степени семантические поля кинопрофессий и киножанров. **Перспективы дальнейшего исследования** в этом направлении могут быть продолжены в более детальном изучении специальной кинотерминологии немецкого языка, исследовав, например, такие семантические поля как кинооборудование, киносюжет, монтаж и т.п. или в рассмотрении лингвопрагматического потенциала кинематографической лексики.

Библиография

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
2. Батура Т.В. Методы и системы семантического анализа текстов // Программные продукты, системы и алгоритмы. 2016. №4. С. 5.
3. Денисова, Г.В., Матасов Р.А. Искусство кино и вопросы интерпретации кинотекста // Теория и история искусства. – 2021. – № 1-2. – С. 246-255.
4. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. 2-е изд. М.: Академия, 2006. 480 с.
5. Евтихова И. М, Лебедева А. В "Denglisch" в современном немецком языке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. №1. С. 54–62.
6. Жилук С. А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. СПб. 2015. 231 с.
7. Заботкина В.И. Влияние когнитивно-дискурсивной парадигмы на развитие

- прагмалингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. №17. С. 69–76.
8. Кобенко Ю. В. "Волны" англоязычных заимствований в истории немецкого языка // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 36–39.
 9. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: ВГУ, 1989. 192 с.
 10. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. 202 с.
 11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
 12. Миронова А.А. Семантика и семасиология в современной научной парадигме. Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2021. 96 с.
 13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
 14. Прокофьева В. Ю., Назаров М.А. Профессиональная лексика в сфере кино-и телеиндустрии // Славянские чтения – 2022. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2022. С. 39-43.
 15. Рубашкин В.Ш., Лахути Д.Г. Семантический (концептуальный) словарь для информационных технологий: методы формирования и ведения словаря // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2000. № 7. С. 1–9.
 16. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Источники, 2011. 149 с.
 17. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
 18. Тарланов З. К. Методы лингвистического анализа. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 236 с.
 19. Щелок Т. И., Гостищева Д.П. Заимствованная лексика рубрики „Kino“ (на материале статей немецкоязычной интернет-версии журнала Spiegel) // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 2022. – С. 168-172.
 20. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
 21. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift fur W. Streiberg. Heidelberg: Winter, 1924. S. 200-237.
 22. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning: A Study of The Influence of language upon Thought and of The Science of Symbolism. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Co.; New York, Harcourt, Brace & Co., 1936. 363 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «История и модификация современной кинематографической лексики», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к исследованию развития немецкой кинолексики в XXI веке. Кроме того, важным также необходимо изучение процесса становления и эволюции кинолексики немецкого языка для выявления

лингвокультурологических особенностей данной области словарного состава.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также специальные методы, такие как метод сплошной выборки, структурный метод, метод семантического анализа, описательный метод, словообразовательный анализ слов.

Практическим материалом послужили 1) мировая база данных о кинематографе «Internet Movie Database»; 2) немецкоязычный интернет-портал, посвящённый новостям кинематографа и рецензиям кинокритиков «Film-Rezensionen.de. Popcornkino & Independent»; 3) русскоязычное интернет-издание о кинематографе «Кинопоиск»; 4) немецкая ежедневная онлайн-газета «Zeit Online»; 5) корпус текстов немецкого языка «DW DS», представленный крупными ежедневными и еженедельными газетами общенационального распространения; 6) немецко-английский словарь интернет-портала «Educalingo»; 7) электронный орфографический словарь немецкого языка «Duden».

Однако автор не указывает точный объем отобранного языкового корпуса и принципы его формирования.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим языковым материалом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и английском и немецком языках.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, усилило бы теоретическую составляющую исследования.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «История и модификация современной кинематографической лексики» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чередниченко Л.В. — Интерактивная документалистика: определение понятия в российских и зарубежных исследованиях // Litera. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43924 EDN: WNMANH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43924

Интерактивная документалистика: определение понятия в российских и зарубежных исследованиях

Чередниченко Людмила Викторовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры журналистики, Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

✉ chchenko@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43924

EDN:

WNMANH

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2023

Дата публикации:

01-09-2023

Аннотация: В статье дается обзор современных российских и зарубежных исследований, рассматривающих понятие «интерактивная документалистика» (interactive documentary, i-docs, айдок) и связанных с ним терминов: «веб-документалистика» (web documentary, web-doc, вебдок), «интерактивный документальный фильм». Приводятся теоретические основания, кратко описываются подходы к дефиниции названных понятий. В исследовании используется описательный, содержательный, сравнительный и структурно-функциональный методы для решения научной задачи. Материалом исследования послужили труды российских, американских, британских, испанских, турецких и китайских ученых 2011–2023 годов. Для обзора были выбраны наиболее распространенные, часто цитируемые и используемые определения. Автор статьи обращает внимание на терминологическую неопределенность в изучаемой сфере, обозначает проблемы, связанные с определением границ понятия «интерактивная документалистика», выделяет наиболее перспективные аспекты в выявлении характеристик этого нового явления и намечает направления дальнейших исследований.

В результате исследования автор приходит к выводу, что в силу мультимодальности, сложности, открытости и динамичности формы интерактивной документалистики, уместно было бы обозначать данное явление как метажанр. Предложенное вниманию исследование закладывает предпосылки для дальнейшего поиска наиболее точного, соответствующего современному уровню развития медиа, накопленному теоретическому и творческому опыту, определения интерактивной документалистики.

Ключевые слова:

интерактивная документалистика, айдок, веб-документалистика, вебдок, интерактивный документальный фильм, интерактивность, новые медиа, гибридные медиа, мультимедийность, метажанр

**Введение. Зарождение интерактивной документалистики
и формирование проблемного поля ее исследования**

Развитие информационных технологий, изменение медиапотребления, способов обработки и распространения информации привело к трансформации традиционных и появлению новых способов и приемов предъявления содержания в медиа. Одной из новых форм стала интерактивная документалистика (interactive documentary, i-docs, веб-документалистика, web-documentary, вебдок), объединившая возможности документального кино и новых медиа. Интерактивная документалистика – это новое явление современного медиaproстранства, появившееся в результате конвергенции новых информационно-коммуникационных технологий и документального кино как отклик на социальный запрос и изменение медиапотребления аудитории, в условиях повышения интереса к интерактивному контенту и снижения интереса медиапотребителя к большим массивам текста.

Развитие вебдока началось в 2010-м году, когда канадским режиссером Катериной Чижек был создан веб-документальный проект «Out my window» [\[36\]](#). Данный проект рассказывает о жизни людей в высотных зданиях на окраинах 13 городов. Герои материала – представители разных религий, рас и социального статуса. Пользователь может выбрать, с историей какого героя какой страны он хотел бы познакомиться.

Основной формой подачи информации в проекте является 3D навигационное видео с углом обзора 360 градусов. Этот прием позволяет зрителю почувствовать себя в центре событий (создает эффект присутствия и служит для придания материалу еще большей иммерсивности). Одним движением мыши пользователь способен поменять угол обзора и направление кадра, что является интерактивной опцией. Как отмечает один из первых исследователей веб-документалистики С. Бунтасанакул: «Режиссер проекта «Highrise / Out My Window» Катерина Чижек использовала новую технологию не во всех видео, а в тех случаях, когда свобода в выборе угла обзора помогала пользователю погрузиться в среду и усиливала его эмоциональный опыт» [\[7, с. 156\]](#). Новизна технологии подачи информации в этом документальном проекте заключалась в сочетании интерактивности (как игровое начало), нелинейности (как реализация пользовательского права на свободу выбора и предпочтений), мультимедийности, а также в отсутствии текстоцентричности (ядром повествования является видео).

Первый российский проект в форме интерактивной документалистики «Шестнадцать

минус» был создан в 2013 году творческой группой журналистов «РИА-новости». Автором проекта Дарьей Ярыгиной материал был обозначен как «веб-документальный фильм» [24]. Заместитель главного редактора «РИА-новости» Илья Лазарев в одной из публикаций, посвященных материалу «Шестнадцать минус», подчеркнул его уникальность: «На Западе технологии web documentary весьма распространены и веб-документальное кино уже получило мировое признание. В России мы будем первым серьезным СМИ, которое сделает этот жанр доступным массовой аудитории» [24].

Первый российский вебдок отличался нелинейностью структуры медиатекста, благодаря которой пользователь мог сам выбрать логику и порядок просмотра историй пяти главных героинь проекта. Нажав на соответствующее кликабельное окошко, зритель мог посмотреть видео-монолог выбранной им героини, статистические данные, фотографии, тексты, познакомиться с мнениями экспертов. Основной формой подачи информации стало видео, которому были подчинены все остальные элементы (короткие подписи, кликабельные кнопки и ссылки, а также графика).

Первые попытки применения новых приемов репрезентации реальности вызвали интерес научного сообщества. Новой форме репрезентации действительности и важных социальных проблем посвящено множество трудов. Значительное количество исследований проведено зарубежными учеными. Определению характеристик интерактивной документалистики (interactive documentary, i-docs) и веб-документалистики (web-documentary, web-doc), анализу документальных практик, методологии творчества посвящены работы А. Гифреу-Кастельса [34; 35; 49; 50; 51], С. Гауденци [26; 27; 31; 32; 33], Д. Астон [26; 28], К. Нэш [39; 40; 41; 42; 43], Д. О. Даулинга [29], П. Фаверо [30], Т. Перлмутера [44], А. Виль [48], Ч. Му [37], Л. Цао [28] и многих других. основополагающими и концептуальными в данной области являются труды А. Гифреу-Кастельса, С. Гауденци и К. Нэш.

Исследования С. Гауденци посвящены определению нового феномена [33], способам взаимодействия пользователя, видам интерактивности, таксономии интерактивной документалистики (interactive documentary, i-docs) [33], формам интерактивного повествования [27; 33], современным творческим практикам, этическим вопросам, связанным с формированием этой новой формы [27].

А. Гифреу-Кастельс разрабатывает концептуальную основу, позволяющую охарактеризовать и классифицировать интерактивную документалистику (interactive documentary, i-docs) как особый аудиовизуальный жанр, описывает, классифицирует и анализирует произведения, относящиеся к этой форме [49], изучает эффективность и потенциал интерактивной документалистики (interactive documentary, i-docs) в погружении и вовлечении пользователей в историю [51], форму и структуру повествования интерактивного документального фильма [50] способы навигации [49], сравнивает и разграничивает традиционные линейные видео и интерактивную документалистику [49], исследует историю развития новой формы [49].

К. Нэш рассматривает интерактивность как репрезентативную стратегию вебдока, его интерактивные структуры [42], анализирует особенности интерактивности [39; 40] и социальные функции вебдока [41; 43].

Данная тема неоднократно становилась предметом отечественных исследований.

Основным характеристикам интерактивной документалистики посвящены работы Н. И. Дворко [10; 11; 12], А. В. Екимовой [15], А. В. Антоновой [4]; инновационный характер интерактивной документалистики и роль новых технологий в создании документальных материалов отмечают С. Бунтасанакул [8; 9], П. Р. Шереметьева [23], А. Г. Качкаева [17], А. А. Никитенко [19]. В научных трудах таких исследователей, как Е. В. Шапкина [22] и Д. В. Зубко [16] сделан акцент на роли веб-документалистики в процессе формирования предпочтений аудитории. Особенности композиции и основные средства выразительности, используемые при создании веб-документальных проектов, были изучены С. Бунтасанакул [7], Н. И. Дворко [11] и В. С. Байдиной [5]. Отдельные формы и виды интерактивной документалистики обозначены в исследовании Н. И. Дворко [10].

Определение понятия «интерактивная документалистика»

зарубежными ученым

Одной из значимых проблем современных исследований интерактивной документалистики является определение границ названного понятия. Для обозначения новой формы отечественные и зарубежные исследователи и авторы документальных проектов используют широкий спектр наименований: интерактивная документалистика (interactive documentary, i-docs), веб-документалистика (web-documentary, web-doc), документалистика новых медиа (new media documentary), кросс-платформенная документалистика (cross-platform docs), трансмедийная документалистика (transmedia docs), документальные игры (docugames), локативная документалистика (locative doc), сенсорная документалистика (touch doc) [25], гибридная документалистика [15], мультимедийные приложения, гипермедийные приложения, гипердокументы, интерактивные мультимедийные приложения [34], интерактивный мультимедийный документальный фильм [20], коллаб-документалистика, гипертекстовые документальные фильмы, интерактивные факты (interactive factuals) [38], креативная документалистика (creative documentary) [14] и другие.

Использование этих понятия как синонимических, взаимозаменяемых является препятствием для терминологической четкости в сфере интерактивной документалистики. Наиболее широкий спектр наименований представлен в зарубежных исследованиях. В то же время наиболее частотными являются понятия «интерактивная документалистика» (interactive documentary, i-docs) и «веб-документалистика» (web-documentary, web-doc). В переводах зарубежных исследований и в российской академической среде слово «documentary» часто переводится как «документальный фильм», хотя многие исследователи отмечают неточность и неуместность использования слова «фильм» применительно к данной форме.

Дефиниция понятия «интерактивная документалистика» в зарубежном и отечественном академическом дискурсах выстраивается на основе разных подходов, теоретических оснований, выделения в качестве базовых разных характеристик.

А. Гифреу-Кастельс рассматривает интерактив документиари в сравнении с традиционным документальным фильмом. Обобщая некоторые идеи, высказанные разными исследованиями, и опираясь на подход С. Гауденци, А. Гифре-Кастельс определяет интерактив документиари как «интерактивные онлайн/оффлайн приложения, выполненные с намерением репрезентировать реальность с помощью собственных механизмов, которые мы будем называть модальностями навигации и взаимодействия, в зависимости

от рассматриваемой степени участия» [\[34, с. 372\]](#). В данном определении автономность размещения и функционирования айдок является ведущими типоформирующим признаком. Обращает также внимание, что автор относит к этой форме не только сетевые, но и оффлайновые проекты.

Интерактивную документалистику А. Гифре-Кастельс рассматривает в структуре жанра «документального и информационного интерактивного мультимедийного приложения» [\[34, с. 373\]](#), а также как «тип формата, относящийся к неигровым жанрам» [\[34, с. 374\]](#).

С. Гауденци описывает интерактив документари как реляционный объект, в котором, в отличие от кино или телевидения, текст не существует независимо, а скорее опирается на коллективную деятельность пользователя, автора и системы [\[31\]](#).

В статье, написанной в соавторстве с Д. Астон, С. Гауденци утверждает, что «любой проект, который начинается с намерения задокументировать «реальное» и использует цифровые интерактивные технологии для реализации этого намерения, может считаться интерактив документари» [\[26, с. 125\]](#). Авторы относят эту форму (interactive documentary, i-docs) к жанрам, значительно расширяют спектр произведений, попадающих в эту категорию, и подчеркивают возможность их производства и распространения на любых платформах, обеспечивающих интерактивность. Ведущим признаком подобных проектов становится интерактивность, взаимодействие «как средство, с помощью которого зритель позиционируется внутри самого артефакта, требуя от него или нее активной роли в согласовании «реальности», передаваемой через i-docs» [\[26, с. 126\]](#). На этом признаке построена и таксономия айдок С. Гауденци [\[33\]](#). Обращает на себя замечание исследователя, что разные термины, которые используются для интерактивной документалистики, «входят в семейство i-docs» [\[31\]](#) свидетельствуют о том, что «что i-docs уже разделились на жанры» [\[31\]](#).

С. Гауденци считает интерактив документари (interactive documentary, i-docs) самостоятельной формой, а не «продолжением линейных документальных фильмов», называет «формой фактического повествования», «цифровыми нелинейными повествованиями, в которых используются новые медиа для связи и описания реальности», «живой формой» [\[32, с. 9\]](#). Автор обращает внимание на реляционную основу interactive documentary и ее «способность порождать изменения» [\[32, с. 9\]](#). Для обозначения всех особенностей i-docs С. Гауденци предлагает использовать понятие «living documentary» (живой документальный фильм, живая документалистика) [\[32, с. 24-25\]](#) и определяет его как «сборку, состоящую из разнородных элементов, связанных модальностями взаимодействия. Она может иметь разные уровни аутопоэзиса и может быть более или менее открыта для трансформации» [\[32, с. 26\]](#). С этой точки зрения living documentary представляет собой динамическую структуру, которая «рождается» в процессе взаимодействия технологий и разных акторов.

М. Роуз определяет интерактивную документалистику как «интерактивный текст, в котором участники взаимодействуют с контентом», как «открытое пространство, где документалистика открывается для участия на разных уровнях: производство, рецепция (аудитория является активным агентом в процессе опыта) и др.» [\[46\]](#).

М. Роббинс ключевым понятием в определении интерактивной документалистики также считает взаимодействие. «Интерактивный документальный опыт — это платформа или медиа, которые позволяют потреблять другие медиа. Эволюция формата привела к тому,

что он стал метаформатом или метажанром, поэтому М. Роббинс рассматривает его как общую концепцию, включающую другие формы медиа, такие как книги, анимация, видео, аудио и тд.» [\[47\]](#).

Т. Перлмуттер считает айдок «совершенно новой формой искусства» [\[44\]](#). Для Б. Алкаримеха и Э. Бутина интерактив документари – новый тип документального кино, жанр, появившийся в результате развития информационных технологий. Характеристики айдока авторы рассматривают в сравнении с линейным (традиционным) документальным фильмом в аспекте трех компонентов: пользовательском, интерактивном и собственно документальном. Б. Алкаримех и Э. Бутин, как и С. Гауденци, понимают интерактивную документалистику «как реляционную концепцию через три основных аспекта: (а) интерактивность как характеристика среды и как коммуникативный процесс; (b) пользователь как воспринимаемая интерактивность и физическое участие; (с) и, наконец, документальный фильм как авторство и повествование» [\[25\]](#).

На реляционность как одну из ключевых характеристик айдока обращают внимание многие зарубежные исследователи [\[25; 31; 48\]](#). Эта характеристика предполагает значимость пользователя, его взаимодействия с содержанием произведения, его физическое участие, возможность почувствовать себя в роли автора и влиять на себя, окружающую среду и других людей, как условие существования произведений данного типа. Реляционность данной формы контента предполагает акцент в изучении интерактивной документалистики на системе взаимосвязей и отношений разного уровня: между входящими в него компонентами, между автором и аудиторией (пользователем), аудиторией (пользователем) и текстом, аудиторией (пользователем) и интерфейсом и др. Подобный подход расширяет контекст исследования айдока и позволяет рассматривать его в рамках реляционного искусства и реляционной эстетики.

Ч. Му также относит interactive documentary (i-docs) к жанрам и определяет его как «новый жанр, рассказывающий о реальном и позволяющий зрителям взаимодействовать с реальностью посредством интерактивных цифровых технологий» [\[37, с. 181\]](#). Автор разделяет / разграничивает понятия интерактивный документальный фильм и интерактивную документалистику («interactive documentary film» (I-Doc Film) и «interactive documentation») [\[37, с. 181\]](#).

А. Виль рассматривает interactive documentary в контексте акторно-сетевой теории, как «реляционные конфигурации, то есть как «узел» дискурсов и практик», как живые сборки и сети прагматичного сотрудничества» [\[48\]](#), то есть как структуру, в которой первичное значение имеет система взаимоотношений, формирующих воспринимаемую реальность.

А. Подара, Д. Гиомелакис, К. Николау, Мария М., Р. Коцакис определяют айдок как «жанр гибридных медиа, который использует полный набор мультимедийных инструментов для документирования реальности, обеспечения устойчивости производства и успешного вовлечения аудитории», объединяет «традиционные документальные фильмы и цифровые медиа». Авторы подчеркивают автономность I-docs и их сетевое расположение, а также обращают внимание на «сложный и постоянно меняющийся способ выражения», который является «ядром этого гибридного жанра» [\[45\]](#).

Д. О. Даулинг называет interactive documentary (i-docs) «новаторской гибридной формой на стыке кино, журналистики и цифровых игр», «иммерсивным медиа, расширяющим

эксперименты с нарративной журналистикой в сфере изобразительного искусства и социальной активности», «культурной формой, включающей множество жанров и технологий цифровых медиа» [\[29, с. 2–3\]](#).

Л. Цао также относит interactive documentary (i-docs) к гибридным формам, появившимся в результате конвергенции [\[28\]](#).

В зарубежных исследованиях интерактивная документалистика определяется либо как самостоятельная форма, вид искусства либо рассматривается как закономерный этап развития традиционного документального кино, как один из его видов. Вопрос жанрово-форматной принадлежности айдока не ставится и не решается западным научным сообществом. Одни исследователи оценивают интерактивную документалистику как жанр, другие – как формат, не определяя ни жанрообразующих, ни форматообразующих признаков. В научных трудах отдельных авторов понятие формата и жанра являются взаимозаменяемыми. В качестве ключевых признаков интерактивной документалистики выделяются интерактивность, мультимедийность, документальность.

Определение понятия «интерактивная документалистика» российскими учеными

В России одними из первых исследователей, комплексно анализирующих интерактивную документалистику, интерактивный документальный фильм (interactive documentary) является Н. И. Дворко и С. Бунтасанакул. По мнению Н. И. Дворко, интерактивная документалистика является «одной из успешно развивающихся форм цифрового повествования» [\[12, с. 116\]](#). В своих исследованиях этого явления автор обращает внимание на неоднозначность английского понятия «documentary» при переводе на русский язык. Исходя из этого, Н. И. Дворко предлагает внести в теорию айдока больше конкретики и, уточняя определение, данное С. Гауденци, предлагает использовать понятие «интерактивный документальный фильм» (ИДФ) как временное, определяя его как «документирующие реальность» аудиовизуальные произведения, создатели которых, ставя во главу угла значимый пользовательский опыт, стремятся использовать уникальные свойства интерактивных цифровых медиа для воплощения документального содержания в художественной форме [\[10, с. 306\]](#). Данное определение сужает поле исследования, подчеркивает новизну данной формы в рамках современной медиапрактики и отражает ее основные свойства.

С. Бунтасанакул характеризует интерактивную документалистику как «быстро развивающийся новый документальный жанр» [\[9, с. 5\]](#), формирование и развитие которого обусловлено конвергенцией цифровых медиа и документального фильма [\[9, с. 30\]](#). Одной из форм этого жанра, по мнению исследователя, является интерактивный документальный фильм (веб-документальный фильм) [\[9, с. 5\]](#). С. Бунтасанакул использует понятия «интерактивный документальный фильм» и «веб-документальный фильм» как синонимичные [\[9, с. 5\]](#), в определении первого автор опирается на трактовку понятия Н. И. Дворко [\[9, с. 41\]](#), в определении второго – на характеристику Д. Астон и С. Гауденци [\[9, с. 9, с. 42\]](#), согласно которой «к веб-документальным фильмам относятся интерактивные документальные фильмы, которые используют Web (англ. World Wide Web) в качестве платформы распределения и производства контента» [\[26, с. 126\]](#). Среди значимых характеристик интерактивного документального фильма на базе Web С. Бунтасанакул называет «использование разнообразных мультимедийных средств для передачи

информации», наличие разных видов контента, «программ и медийных данных», «представление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред, необходимость взаимодействия зрителя-пользователя с интерактивным повествованием влияют на процесс восприятия аудиторией документальной истории», внимание «к созданию интерфейса, позволяющего пользователю взаимодействовать с контентом на интуитивном уровне и не разрушать эффект присутствия» [9, с. 53]. Автор также подчеркивает взаимосвязь интерактивной документалистики с традиционным документальным кино и традиционными экранными медиа: «Веб-документалистика относится к экранным медиа. Поэтому она обладает общей с традиционными медиа системой выразительных средств, изобразительно-звуковых сигналов. Только эти сигналы могут быть зафиксированы камерой (в случае интерактивного видео) и собраны в единую композицию с использованием авторского инструментария» [7, с. 155]. С. Бунтасанакул, как и его зарубежные предшественники обозначает ключевое свойство нового явления – интерактивность и возможность пользователю взаимодействовать с контентом уникальным способом: «В интерактивном документальном фильме зритель взаимодействует с медийным контентом на физическом уровне» [8, с. 258].

Г. Амирханова, определяя веб-документалистику как «формат документального кино», как «документальное кино, снятое для трансляции в сети» [3]. Автор относит вебдок к интерактивным мультимедийным проектам [1], сравнивает эту форму с лонгридом и, отмечая сходство в использовании разных форм контента, выделяет в качестве отличительного признака вебдока нелинейность и автономность размещения [2]. Данный подход способствует еще большей путанице в понятиях, поскольку и наименование лонгрид является дискуссионным, в его определение так же нет единодушия.

Опираясь на терминологию, представленную С. Бунтасанакулом, Г. Амирханова характеризует веб-документальный проект сразу двумя релевантными друг другу терминами – «веб-документалистика» и «интерактивный документальный фильм»: «Веб-док – интерактивный документальный фильм, который отличается от традиционного документального кино использованием в производстве фильма мультимедийных инструментов» [3]. Г. Амирханова подчеркивает, что вебдок – это дорогостоящий формат, ключевым ядром которого является видео и нелинейная структура, что и отличает веб-документалистику от еще одного вида мультимедийного сторителлинга – мультимедийного лонгрида.

Е. Ф. Русакович также обращает внимание на автономность размещения данного вида произведений, использует для их обозначения понятие «интерактивный мультимедийный документальный фильм» (ИМДФ), акцентируя таким образом внимание на одновременном использовании в данной форме различных видов контента, медиа [20, с. 125]. Автор относит ИМДФ к проектам [20, с. 125], называет новым способом создания документального кинопроизведения [20, с. 132].

Д. В. Зубко определяет веб-документари, или веб-документалистику как «особым способом снятый документальный фильм, снабженный мультимедийными элементами, цель его – предоставить зрителю свободу просмотра, а автору – возможность соединить видеоматериалы, аудиозаписи, текстовые файлы, фотоизображения, анимацию, графические символы, не перегружая при этом зрителя информацией» [16, с. 118]. В представлении данного исследователя вебдок – это формат документального фильма, особенность которого заключается в совмещении основных признаков документалистики

и компьютерной игры [\[16, с. 118\]](#).

В. А. Бейненсон считает, что «такие материалы часто напоминают видеоигру с разветвленной навигацией, где пользователь имеет возможность смотреть видеофрагменты в произвольном порядке, изучать дополнительные «привязанные» к видео мультимедийные материалы (инфографику, фото, текст), где могут раскрываться детали, предлагаться предыстория. Зритель становится как бы соавтором материала, каждый раз по-разному «собирая» историю из ее элементов» [\[6, с. 81\]](#).

По мнению А. В. Антоновой, веб-документалистика унаследовала свои качества от традиционной, а приставка веб или использование слова интерактивный в названии подчеркивает ее новые возможности [\[4, с. 187\]](#). Оценивать вебдок как адаптацию к цифровой среде было бы неверно, развитие этой формы, считает автор, стало следствием процесса конвергенции, это трансформация «взаимоотношений и социальных ролей внутри кинематографа, изменение механизмов работы массовой коммуникации, а значит, существенное изменение функционирования кино и СМИ как социальных институтов» [\[4, с. 187\]](#). В то же время «веб-документальные проекты подчинены драме и логике кино» [\[4, с. 187\]](#). Согласно определению исследователя, вебдок – это документальный фильм, дополненный новыми приемами репрезентации реальности, которых ранее не было у авторов документального кино (кликабельными вставками, совмещением нескольких мультимедийных микроформатов, а также динамичной графикой), и адаптированный под потребности пользователя, а также под условия сети Интернет.

В понимании А. В. Екимовой «интерактивная документалистика – это программный продукт иммерсивных медиа, репрезентующий документы физической реальности посредством виртуальных технологий, ценность которых определяется не с позиций реальной организации, а с точки зрения возможных операций» [\[15, с. 97\]](#). Исследователь акцентирует внимание на том, что несмотря на внешнюю взаимосвязь айдока с традиционной документалистикой, заимствование из нее некоторых выразительных средств, интерактивная документалистика «не является закономерным продолжением киноискусства в цифровой среде» [\[15, с. 97\]](#) и сохраняет свою уникальность. Основу этой уникальности составляют виртуальность, особенности потребления и структуры [\[15, с. 98\]](#). Условия виртуальной реальности дают автору-документалисту новые уникальные возможности в репрезентации реальности: «В ИДФ документ погружается в виртуальную реальность, словно в своеобразное электронное паспарту: он сохраняет достоверность своего эмпирического происхождения, но теряет уникальность хроникального кадра и временную адекватность» [\[15, с. 98\]](#).

Согласно данному подходу, пользовательское внимание сфокусировано преимущественно на эстетичности и комфортабельности материала и в меньшей степени на достоверности информации. Такая позиция является потенциально дискуссионной, так как достоверность материала может быть для значительного количества пользователей не менее значимой характеристикой, чем удобочитаемость материала или его эстетическая составляющая. [\[15, с. 97\]](#).

А. С. Чернавский относит web documentary к мультимедийным форматам, считает, что он появился в результате «конвергенции цифровых сетевых технологий и жанра документального фильма» [\[21, с. 216\]](#), в то же время при определении данного понятия называет его жанром и отождествляет с interactive documentary [\[21, с. 217\]](#). Автор

согласен с определением, данным С. Гауденци, мнением что web documentary – это «любой проект, который начинается с намерения задокументировать "реальное" и который делает это с помощью цифровых интерактивных технологий» [\[21, с. 217\]](#).

Е. С. Дорожук относит интерактивную документалистику к «современному формату документального кинематографа» – креативной документалистике (creative documentary), «синкретическому продукту, объединяющему креативность, художественную сторону и технологии» [\[14, с. 64\]](#). Интерактивный документальный фильм «как форма цифрового нарратива» относится ко второму типу креативной документалистики – «креативному документальному кино», которое основано «на инновационных подходах к технологии создания фильма, «связанной с внедрением интернет-технологий», «переходом на новые парадигмы повествования, основанные на творческой интерпретации действительности: невымышленные события в выразительных средствах нового жанра (стратегии повествования, новые платформы создания контента и доставки пользователю)» [\[14, с. 66\]](#).

Отечественные исследователи продолжают тенденции изучения интерактивной документалистики, заложенные их западными коллегами, определяя границы понятия «интерактивная документалистика», опираются на зарубежных ученых, уточняют данные ими формулировки, выделяют схожие характеристики. В российской академической традиции сформировалось два основных подхода к определению этого понятия. Г. Амирханова [\[3\]](#), Д. В. Зубко [\[16\]](#), А. В. Антонова [\[4\]](#), С. Бунтасанакул [\[7\]](#), Е. Ф. Русакович [\[20\]](#) рассматривают интерактивные документальные проекты как результат конвергенции новых медиа, кинематографа с его традиционными нормами и формами подачи материала, а также документалистики, главная цель которой заключается в достоверном освещении событий реальности. В рамках другого подхода, представленного исследованиями Н. И. Дворко [\[10; 11; 12; 13\]](#), А. В. Екимовой [\[15\]](#), интерактивная документалистика рассматривается как самостоятельная форма.

Выводы. Перспективы дальнейшего исследования

Понимание интерактивной документалистики развивается по мере появления новых уникальных материалов, так как каждый автор привносит в практику использования этой формы новые приемы репрезентации реальности, чем и обусловлены различия в подходах к ее определению.

Разные понятия, используемые исследователями, акцентируют определенное свойство интерактивной документалистики: форма и глубина интерактивности, степень участия пользователя, особенности авторского контроля, используемую платформу и др. Признаки, которые становятся основой современных определений часто не позволяют точно классифицировать произведение. Например, интерактивность, нелинейность, иммерсивность свойственны множеству цифровых проектов, современных форм документального творчества. Многие определения включают широкий спектр произведений и не позволяют локализовать поле исследования нового явления. Некоторые авторы пытаются определить границы понятия «интерактивная документалистика» и характеристики произведений нового типа через соотношение с другими цифровыми формами, в осмыслении которых также не сформирован единый подход, или включая их в более широкий контекст.

Терминологическая неопределенность объясняется процессом развития интерактивной документалистики, накоплением опыта создания произведений данной формы, ее открытостью и сложностью. Дальнейшее развитие информационно-коммуникационных

технологий будет способствовать обновлению, развитию интерактивной документалистики, но уже сейчас имеется достаточный исследовательский и творческий опыт, чтобы обозначить границы понятия и основные типоформирующие признаки медиафеномена, а также сформулировать определения часто замещающих его или смежных категорий. Можно предположить, что такие понятия как веб-документалистика, локативная документалистика, трансмедиа документалистика, кроссплатформенная документалистика, документальные игры и многие другие являются обозначением различных форм или жанров интерактивной документалистики.

Теоретические наблюдения современных отечественных и зарубежных исследователей требуют обобщения и систематизации для выделения единого комплексного подхода и изучаемому явлению. Некоторые из них являются дискуссионными, требующими более глубокого обоснования и широкого иллюстрирования, привлечения эмпирического материала для подтверждения точки зрения. Не решенным остается вопрос о жанровой или форматной принадлежности интерактивной документалистики (одни исследователи относят ее к жанру, другие – к формату), ее родовой принадлежности (является ли айдок этапом развития традиционной документалистики или новой самостоятельной формой, использующей средства и приемы как традиционных, так и новых медиа).

Перспективным кажется подход к определению интерактивной документалистики как к метажанру [47], реляционной структуре [25; 31; 48], рассмотрения данного явления в контексте реляционного искусства/эстетики, акторно-сетевой теории [48] и процедурной риторики [18], с точки зрения дизайна и других элементов игр. Это обусловлено значимостью роли пользователя, разных уровней, видов и форм интерактивности подобных произведений, а также использованием иммерсивных и игровых технологий. Определение границ понятия «интерактивная документалистика» позволит выявить наиболее эффективные подходы к исследованию данного феномена, инструменты для его анализа и углубит исследовательские направления.

Библиография

1. Амирханова, Г. 3 простых объяснения, что такое web documentary / Г. Амирханова // Best app: блог Гулим Амирхановой. – 2015. – 21 апр. – URL: <http://bestapp.menu/3-prostyx-obyasneniya-cto-takoe-web-documentary/> (дата обращения: 08.07.2023).
2. Амирханова, Г. Web documentary – новый формат визуальных историй вебинар / Г. Амирханова // Best app: блог Гулим Амирхановой. – 2015. – 11 апр. – URL: <http://bestapp.menu/web-documentary-novyj-format-vizualnyx-istorij/> (дата обращения: 08.07.2023).
3. Амирханова, Г. Web documentary: вебинар / Г. Амирханова // Internews Kazakhstan: официальный канал на YouTube. – 2016. – 15 янв. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1mrXcoyPC8> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Антонова, А. В. Социальная сущность веб-документалистики в рамках теории новых медиа / А. В. Антонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2016. – №2. – С. 186–188.
5. Байдина, В. С. Создание документального фильма-портрета в дистанционном формате: парадигма и написание сценария / В. С. Байдина, В. В. Кишенько // StudNet. – 2020. – №10. – С. 154–164.
6. Бейненсон, В. А. Возможности интерактивных видеоформатов в формировании межнационального и межкультурного диалога / В. А. Бейненсон // Журналистика

- как важный фактор международного сотрудничества: векторы развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции кафедры журналистики. – Н. Новгород: ННГУ, 2018. – С. 80–89.
7. Бунтасанакул, С. Веб-документалистика: выразительный потенциал мультимедийной среды / С. Бунтасанакул // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – №9. – С. 155–157.
 8. Бунтасанакул, С. Интерактивная документалистика: новые возможности цифровой среды и особенности деятельности режиссера / С. Бунтасанакул // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №3. – С. 258–259.
 9. Бунтасанакул, С. Интерактивный документальный фильм: творческое использование мультимедийных средств экранной выразительности: дис... к-та искусствоведения / С. Бунтасанакул. – М., 2014. – 156 с.
 10. Дворко, Н. И. Интерактивный документальный фильм как феномен цифровой эпохи / Н. И. Дворко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №5. – с. 302–306.
 11. Дворко, Н. И. Интерактивный документальный фильм: творческая интерпретация действительности / Н. И. Дворко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №6. – с. 105–108.
 12. Дворко, Н. И. Современный интерактивный документальный фильм: мировой опыт в области теории и практики / Н. И. Дворко // Массмедиа в мультимедийной среде. Основные проблемы и зоны риска. Научный сборник под редакцией С. Л. Уразовой. Серия «Пространство медиа-коммуникаций». – М.: Академия медиаиндустрии, 2014. – 129 с. – С. 116–126.
 13. Дворко, Н. И. Современное состояние web-документалистики: мастер-класс / Н. И. Дворко // KiT TV: официальный канал Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. – 2020. – 16 нояб. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rd49yPgaVWc> (дата обращения: 12.07.2023).
 14. Дорошук, Е. С. Креативная документалистика как новый формат документального кинематографа / Е. С. Дорошук // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив : сборник статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 15 мая 2023 г.) / редкол.: Е.А. Астраханцева [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2023. – С. 64–68.
 15. Екимова, А. В. Интерактивный документальный фильм: документальность и виртуальность / А. В. Екимова // Наука телевидения. – 2019. – №15. – С. 97–98.
 16. Зубко, Д. В. Web-documentary в отечественной журналистике / Д. В. Зубко // Современная периодическая печать в контексте коммуникационных процессов. – 2016. – №3. – с. 118–119.
 17. Качкаева, А. Г. От редактора. Догоняя будущее / А. Г. Качкаева // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / А. Г. Качкаева, И. В. Кирия, К. Г. Коломеец, Н. Г. Лосева, О. М. Силантьева, Л. О. Телень, Т. Б. Тихомирова, М. Г. Филимонов. – Москва: ФОКУС-МЕДИА, 2010. – 200 с. – С. 5–11.
 18. Миловидов, С. В. Метод процедурной риторики для анализа трансмедийных произведений / С. В. Миловидов // Наука телевидения. – 2019. №15.3. – С. 147–168.
 19. Никитенко, А. А. Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность как детерминирующие типологические признаки сетевых изданий / А. А. Никитенко // Вестник ВГУ. – 2009. – №1. – С. 159–166.
 20. Русакович, Е. Ф. Интерактивный мультимедийный документальный фильм-новый

- способ рассказать историю / Е. Ф. Русакович // Инновационная деятельность. – 2015. – № 3(34). – С. 125–133.
21. Чернавский, А. С. Web documentary как особый потенциал развития новых медиа в начале XXI века / А. С. Чернавский // Медиа-2022: теория и практика: к 150-летию МПГУ : Материалы II международной научно-практической конференции, Москва, 03 марта 2022 года / Под общей редакцией Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной, Н.В. Кодола. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 216–219.
 22. Шапкина, Е. В. Интернет в системе средств массовой информации и особенности его восприятия в общественном сознании / Е. В. Шапкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2. – С. 94–98.
 23. Шереметьева, П. Р. Трансформация журналистики как профессии в современном информационно-коммуникативном обществе (на примере Франции) / П. Р. Шереметьева // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – №7. – С. 73–85.
 24. Ярыгина, Д. «Шестнадцать минус». Интерактивный фильм о раннем материнстве / Д. Ярыгина // РИА Новости. – 2013. – 29 апр. – URL: <https://ria.ru/20130429/934551592.html> (дата обращения: 12.07.2023).
 25. Alkarimeh, B., Boutin, E. Interactive Documentary: A Proposed Model and Definition / B. Alkarimeh, E. Boutin // French Journal for Media Research. – 2017. – V. 7. – URL: <https://frenchjournalformediaresearch.com/lodel-1.0/main/index.php?id=1062> (дата обращения: 12.07.2023).
 26. Aston, J., Gaudenzi, S. Interactive documentary: setting the field / J. Aston, S. Gaudenzi // Studies in documentary film. – 2012. – V. 6. – №. 2. – P. 125–139.
 27. Aston, J., Gaudenzi, S., Rose, M. (ed.). i-Docs: the evolving practices of interactive documentary. – Columbia University Press, 2017. – 312 p.
 28. Cao, L. When Documentaries Meet New Media: Interactive Documentary Projects in China and the West. Doctoral thesis. – Springer Nature, 2023. – 178 p.
 29. Dowling, D. O. Interactive documentary and the reinvention of digital journalism, 2015–2020 / D. O. Dowling // Convergence. – 2022. – V. 28. – №. 3. – P. 905–924.
 30. Favero, P. Getting our hands dirty (again): Interactive documentaries and the meaning of images in the digital age / P. Favero // Journal of Material Culture. – 2013. – Vol. 18. – Is. 3. – P. 259–277.
 31. Gaudenzi, S. The I-Doc as a Relational Object / S. Gaudenzi // I-Docs. – 2011. – 9 Aug. – URL: <http://i-docs.org/the-i-doc-as-a-relational-object/> (дата обращения: 12.08.2023).
 32. Gaudenzi, S. The interactive documentary as a living documentary / S. Gaudenzi // Doc On-line: Revista Digital de Cinema Documentário. – 2013. – №. 14. – P. 9–31.
 33. Gaudenzi S. The Living Documentary: From Representing Reality to Co-creating Reality in Digital Interactive Documentary. – In: Doctoral thesis Goldsmiths, University of London, Goldsmiths, 2013. – 308 p.
 34. Gifreu-Castells, A. The interactive documentary. Definition proposal and basic features of the new emerging genre / A. Gifreu-Castells // McLuhan Galaxy Conference, Conference Proceedings. – 2011. – P. 367–378.
 35. Gifreu-Castells, A. The interactive multimedia documentary. A proposed model of analysis / A. Gifreu-Castells // Arnau Gifro. – 2009. – 9 p. – URL: http://www.agifreu.com/web_dmi/articles/Interactive_multimedia_documentary_PrePH_D_Index_Arnau_Gifreu.pdf (дата обращения: 22.08.2023).

36. Hiller, F. Interview with Katerina Cizek: Out My Window / F. Hiller // Vervephoto. – 2012. – 13 Dec. – URL: <https://vervephoto.wordpress.com/2012/12/13/interview-with-katerina-cizek-out-my-window/> (дата обращения: 22.08.2023).
37. Mu, C. A Research on Storytelling of Interactive Documentary: Towards a New Storytelling Theory Model / C. Mu // Interactive Storytelling: 11th International Conference on Interactive Digital Storytelling, ICIDS 2018, Dublin, Ireland, December 5–8, 2018, Proceedings 11. – Springer International Publishing, 2018. – P. 181–184.
38. Munday, R. A Guide to Interactive Documentary: Structure, Tools and Narrative / R. Munday // Journalism Tips. – 2016. – URL: <https://directorsnotes.com/2016/08/08/interactive-documentary-guide/> (дата обращения: 22.08.2023).
39. Nash, K. Clicking on the real: telling stories and engaging audiences through interactive documentaries / K. Nash // Impact of Social Sciences Blog. – 2014. – P. 1–3. – URL: <https://eprints.lse.ac.uk/71175/> (дата обращения: 21.08.2023).
40. Nash, K. Clicking on the world: documentary representation and interactivity / K. Nash // New documentary ecologies: emerging platforms, practices and discourses. – London : Palgrave Macmillan UK, 2014. – 254 p. – P. 50–66.
41. Nash, K. i-Docs and the documentary tradition: exploring questions of engagement / K. Nash // i-Docs: The evolving practices of interactive documentary. – Columbia University Press, 2017. – P. 9–25.
42. Nash, K. Modes of interactivity: analysing the webdoc / K. Nash // Media, culture & society. – 2012. – V. 34. – №. 2. – P. 195–210.
43. Nash, K. What is interactivity for? The social dimension of web-documentary participation / / K. Nash // Continuum. – 2014. – V. 28. – №. 3. – P. 383–395.
44. Perlmutter, T. The Interactive Documentary: A transformative art form / T. Perlmutter // Policy Options: digital magazine of the Institute for Research on Public Policy. – 2014. – 2 Nov. – URL: <https://policyoptions.irpp.org/magazines/policyflix/the-interactive-documentary-a-transformative-art-form/> (дата обращения: 15.08.2023).
45. Podara, A. et al. Digital storytelling in cultural heritage: Audience engagement in the interactive documentary new life / A. Podara, D. Giomelakis, C. Nicolaou, M. Matsiola, R. Kotsakis // Sustainability. – 2021. – V. 13. – №. 3. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/3/1193/html> (дата обращения: 15.08.2023).
46. Video interview. Mandy Rose defines interactive documentary // Open Documentary Lab. – 2014. – 30 Jan. – URL: <http://opendoclab.mit.edu/video-interview-mandy-rose-defines-interactive-documentary/> (дата обращения: 15.08.2023).
47. Video Interview. Mike Robbins defines interactive documentary // Open Documentary Lab. – 2014. – 11 May. – URL: <http://opendoclab.mit.edu/video-interview-mike-robbins-defines-interactive-documentary/> (дата обращения: 15.08.2023).
48. Wiehl, A. Approaching Participatory documentary networks and networking From Actor Network Theory to Interventionist Networking Methodology // *Interfaces numériques*. – 2018. – V. 7. – №3. – URL: <https://www.unilim.fr/interfaces-numeriques/3635> (дата обращения: 15.08.2023).
49. Gifreu-Castells, A. El documental interactivo como nuevo género audiovisual. Doctoral thesis. – Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. – 2013. – 663 p.
50. Gifreu-Castells, A., Sánchez-Castillo, S., Galán, E. Aproximación al documental interactivo como formato nativo transmedia / A. Gifreu-Castells, S. Sánchez-Castillo, E. Galán // Pasavento. Revista de Estudios Hispánicos. – 2019. – V. 7. – №. 2. – P. 275–

302.

51. Zambrano, V. M., Castells, A. G. Aproximación al potencial colaborativo de la narrativa documental interactiva en los procesos de cambio social / V. M. Zambrano, A. G. Castells // Cultura, lenguaje y representación: revista de estudios culturales de la Universitat Jaume I. – 2016. – V. 15. – P. 153–169

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Материал, обобщенный в статье «Интерактивная документалистика: определение понятия в российских и зарубежных исследованиях» представляет интерес по ряду причин. Прежде всего, объектом исследования стала интерактивная журналистика – явление еще только формирующееся, становящееся, а потому требующее изучения, так как не до конца ясен его объем, специфика, разновидности. Научную дефиницию данного понятия без уточнения всех этих данных сформулировать невозможно. Между тем потребность в этом велика, так как интерактивная журналистика активно развивается, а в ее научном изучении намечается ряд дискуссионных проблем, что отчетливо показано в данной статье. Все вышесказанное обусловило теоретическую и практическую значимость исследования, его актуальность.

Цель статьи – обзор современных российских и зарубежных исследований, рассматривающих понятие «интерактивная документалистика» (interactive documentary, i-docs, айдок) и связанных с ним терминов: «веб-документалистика» (web documentary, web-doc, вебдок), «интерактивный документальный фильм». Установка на обобщение большого количества исследований таит опасность реферативности, однако автору данной статьи удастся этого избежать. Он системно и проблемно излагает существующие подходы к пониманию исследуемого явления, обозначившиеся в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Логичность и последовательность в представлении материала определили структуру статьи, которая имеет ряд разделов. Во Введении, в котором объясняется предмет исследования, приводятся термины, которые используются для обозначения явления «интерактивная журналистика», констатируется, что накоплен опыт ее изучения, рассматривается история ее зарождения, в том числе и в России, объясняются причины ее появления («это новое явление современного медиапространства, появившееся в результате конвергенции новых информационно-коммуникационных технологий и документального кино как отклик на социальный запрос и изменение медиапотребления аудитории, в условиях повышения интереса к интерактивному контенту и снижения интереса медиапотребителя к большим массивам текста»). Подробно представлены первые исследования интерактивной журналистики – труды А. Гифреу-Кастельса, С. Гауденци, К. Нэша, также упоминаются исследования отечественных ученых (Н. И. Дворко, А. В. Екимовой, А. В. Антоновой, С. Бунтасанакул, П. Р. Шереметьева, Д. В. Зубко и др.).

Затем следуют два раздела: «Определение понятия «интерактивная документалистика» зарубежными ученым» и «Определение понятия «интерактивная документалистика» российскими учеными», в которых с достаточной полнотой представлены основные идеи, подходы и направления исследований, выявлены спорные, дискуссионные моменты. В частности, показано, что нет единства в понимании сущности явления, так как зарубежные исследователи определяют интерактивную документалистику «либо как самостоятельную форму, вид искусства», либо как «закономерный этап развития традиционного документального кино, как один из его видов». В отношении

отечественных исследований делается вывод, что в них «отечественные исследователи продолжают тенденции изучения интерактивной документалистики, заложенные их западными коллегами, определяя границы понятия «интерактивная документалистика», опираются на зарубежных ученых, уточняют данные ими формулировки, выделяют схожие характеристики», и выделяются два основных подхода: одни исследователи рассматривают «интерактивные документальные проекты как результат конвергенции новых медиа, кинематографа с его традиционными нормами и формами подачи материала, а также документалистики», другие рассматривают интерактивную документалистику как самостоятельную форму.

Завершается статья развернутыми выводами, также обозначаются перспективы исследования.

Статью отличает аналитичность, проблемность. Автор в полной мере достигает поставленной цели. Таким образом, она может быть опубликована в журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Саввинова Г.Е. — Мифопоэтика образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и П. Ойунского // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.39030 EDN: WTVXGM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39030

Мифопоэтика образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и П. Ойунского

Саввинова Гульнара Егоровна

ORCID: ORCID0000-0001-9868-4962

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677009., Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ф.попова, 16, корпус 3, кв. 40

✉ savgul6767@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.39030

EDN:

WTVXGM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2022

Дата публикации:

03-09-2023

Аннотация: Статья посвящена мифопоэтике образов в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» - архаического варианта сказителя К. Г. Оросина и авторского варианта олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» якутского писателя, поэта П. А. Ойунского. Сравнительный анализ архаического и авторского текстов олонхо не предполагает рассмотрение объемов олонхо, которые сильно отличаются стилем изложения и детализацией в них; нет цели определить алгоритм сравнительной характеристики, так как у текстов разные хронологические, исторические условия создания. Цель исследования - определить роль и значение мифопоэтики образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина и П. А. Ойунского. Особое внимание уделяется интерпретации традиционных образов в олонхо. Научная новизна представленного исследования заключается в попытке анализа и сравнения образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина и П. А. Ойунского с определением их значения в концептуальной картине мира, отражающего этико-

эстетические представления народа, его этнокультурное сознание. Известно, что в эпосоведческой науке одноименные олонхо К. Оросина и П. Ойунского отнесены к группе центральной локальной традиции Якутии. Вместе с тем, проведенное исследование показало, что олонхо имеет сложное историческое происхождение, о чем свидетельствуют выявленные различия в создании мифологических образов-персонажей.

Ключевые слова:

олонхо, поэтика, мифологический образ, персонажи, мифы, картина мира, писатель, якутская литература, история, исследование

Одноименные олонхо К.Г. Оросина и П.А. Ойунского

В якутской филологической науке система образов, персонажей героического эпоса олонхо стала объектом исследований достаточно давно и представлены в трудах И. В. Пухова [1], Г. У. Эргиса [2], Н. В. Емельянова [3], А. Н. Даниловой [4], А. А. Кузьминой [5], Н. А. Оросиной [6] и др. В 1927 г. якутский писатель и поэт, литературовед, учёный-филолог П. А. Ойунский опубликовал статью «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание», Важность этой статьи заключается в том, что она представляла собой первый опыт научного осмысления якутского героического эпоса олонхо [7, с. 128-205]. В данной работе была дана общая характеристика основных образов в олонхо - богатырей трех миров, среди которых особое внимание было уделено рассмотрению образов богатырей из среднего мира. В статье представлены выводы о специфике этих образов, в которых отражено мифотворчество якутского народа, основанное на его представлениях о древнем мире.

В 1895 г. К. Г. Оросин, импровизатор и сказитель, письменно зафиксировал текст якутского героического эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Проработанная Э. К. Пекарским эта рукопись К. Г. Оросина была опубликована в 1911 году в издании серии «Образцы народной литературы» [8]. Э. К. Пекарский является составителем и редактором академического издания серии «Образцы народной литературы якутов» (том I, вып. 1 (1907), вып. 2 (1908), вып. 3 (1909), вып. 4 (1910), вып. 5 (1911); том II, вып. 1 (1913), вып. 2 (1918); том III, вып. 1 (1916). В «Образцы...» включены якутские тексты, собранные исследователем И. А. Худяковым. Тексты были сверены с оригиналом и отредактированы Э. К. Пекарским [8]. Эта публикация олонхо вызвала интерес и получила высокую оценку специалистов. Н. В. Емельянов назвал архаическое олонхо К. Г. Оросина наивысшей формой развития якутского эпоса и ее классическим примером [3]. Этой точки зрения придерживался и П. А. Слепцов, который писал: «язык знаменитого олонхо (К. Оросина – С. Г.) в целом отличается отработанностью, традиционностью, удивительной выразительностью и чистотой» [9, с. 228].

Якутский писатель П.А. Ойунский в 1930-х годах из всех известных ему 30 сюжетных типов создал художественный текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1929-1932) [10]. И. В. Пухов об олонхо П. Ойунского пишет следующее: «Стих, вообще стиль, традиционные изобразительные средства, архаический язык, всю мифологию и образы Ойунский не изменил, передав в полном объеме так, как поется в народе» [10]. Именно Ойунский, по мнению П. А. Слепцова, придал олонхо логическую завершенность. И как

заклучает ученый, «в обработке Ойунским устный литературный язык <...> стал образцовым и законченным. И само олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», воссозданное Ойунским, явилось высшим выражением этого языка» [11, с. 12].

Необходимо отметить, что фольклорный жанр олонхо рассматривается нами «через его литературную рефлексию» [12, с. 109]. О возможности подобного «двойного» подхода к тексту олонхо П. А. Ойунского указывал Г. У. Эргис: «К этому олонхо можно относиться и как к народному олонхо, потому что в нем сохранены особенности содержания и формы народного эпоса, и в то же время и как к литературному произведению, поскольку язык его обработан поэтом» [2, с. 75]. Вместе с тем очевидно, что Ойунский придерживается им же созданной историко-научной концепции в повествовательной последовательности произведения, системы образов и художественно-языковой традиции якутских олонхосутов.

Мифологические образы верхнего мира в олонхо К. Оросина и П. Ойунского

В вариантах олонхо К. Оросина и П. Ойунского представлена целая система образов верхнего, среднего и нижнего миров. «Многообразная система мифологических персонажей в олонхо свидетельствует о глубокой древности якутского эпоса, о том, что олонхо создавалось в период, когда художественное творчество было связано с мифотворчеством» [1, с. 25].

В якутской эпической традиции мифологические образы-персонажи делятся на различные категории в зависимости от их участия в судьбе главного героя. Именно они составляют сюжетную линию олонхо. Троемирие олонхо К. Оросина и П. Ойунского состоит из строгой иерархии: боги-айыы (с як. *айыы* – общее название добрых божеств, олицетворяющих собою начало творчества и добра) живут в верхнем мире, люди и духи – среднем мире, в нижнем мире обитают злые существа (абаасы). Так, в группе «Верховные божества» небесные боги относятся к первому (высшему) уровню в религиозно-мифологической системе.

У имени верховного божества *Үрүҥ Аар Тойон* (Юрюнг Аар Тойон / Юрюнг Айыы Тойон). Наиболее часто упоминается образ этого божества в трудах Н. П. Припузова [13], И. А. Худякова [14], В. М. Ионова [15], Н. А. Алексеева [16] и др. Традиционно во многих олонхо *Үрүҥ Аар (Айыы) Тойон* имеет эпитетику: «*үкээр куйаас тыыннаах*» ('с дыханием летнего зноя'), «*үүт-аас бэйэлээх*» ('белоснежно почтенный'), «*үүт күөл олбохтоох*» ('с основанием молочного озера'). В вариантах олонхо К. Оросина и П. Ойунского дается более подробное описание божества *Үрүҥ Аар Тойона*: «*Есть белый престарелый Юрюнг Аар Тойон с женой своей матушкой Аарлы Хотун, сам весь с молочно-пребелым телом, с дыханием из сильной жары, с седалищем на беломолочном озере*» [17, с. 71, 73]; у П. Ойунского: «*Нежным зноем дыша, В седирах белых, как молоко, Белый Юрюнг Аар Тойон*». *Үрүҥ Аар Тойон* изображается в образе старца, источающего свет и жару, одетого в белоснежные дорогие меха. Великий старец является высшим среди богов солнечным божеством. Как подчеркнул Н. В. Емельянов, в текстах олонхо «эпический образ Юрюнг Айыы Тойона статичен, одинаков и не разворачивается в действии» [18, с. 7].

Как показывает наш материал, в тексте олонхо К. Оросина *Үрүҥ Аар Тойон* изображен вместе со своей супругой *Үрүҥ Аарлы Хотун* (Юрюнг Аарлы Хотун), также и в варианте П. Ойунского супруга *Үрүҥ Аар Тойона* – *Адьыҥа Сиэр Хотун* (Аддынга Сиэр Хотун). В олонхо *хотун* (с як. *хотун* – госпожа), как и у других тюркских народов *хатун*, *хатын*, *хатан*, имеет титул, аналогичный мужскому титулу *тойон* (у др. тюркских *хан*). В олонхо К.

Оросина и П. Ойунского нет описаний их действий; поступков супруг-хотун верховных правителей. Упоминаются лишь их имена; не описывается их внешность, нет традиционных для женских образов, описаний их красоты. В олонхо *Хотуны Үрү Аарлы и Адьыа Сизэр* не вмешиваются в дела супругов-Тойонов; с их стороны характерна пассивность, созерцательность. При этом такое "отсутствие" *хотунов* ни в коей мере не умаляет значимость их положения. В описании царственности мужей *Үрү Аар Тойонов* очевидна дальновидность, мудрость их жен-героинь, в которых только подчеркивается их величие. Несомненно, здесь отражена общетюркско-монгольская традиция, в которой супруга правителя вместе с мужем показана объектом всеобщего почитания и является, как и властитель, основой единства народа.

Если в олонхо К. Оросина и П. Ойунского нижний мир описывается как страна без солнца, с отвратительным зловонием, выступает как место, представляющее опасность, то верхний мир показан структурно, подразделяется на несколько частей; и безусловно, является местом прекрасным, достойным для жизни богов: На широком нижнем кругу / Восьмислойных, огненно-белых небес, / На вершине трехъярусных / Светлых небес, / В обители полуденных лучей, / Где воздух ласково голубой, / Среди озера – никогда / Не видавшего ни стужи, ни льда...(*Айыс хартыгастаах / Араас маан халлаан / Аль кырыытыгар, / Үс хартыгастаах / Үрдүк мэпэ халлаан / Үрүт өтүгэр / Күлэр күөх салгыннаах, / Күндүл күнүс дойдулаах, / Үрүмэтийбэт үүт күөллээх...*). Наиболее значимыми персонажами, являющимися верховными божествами в вариантах К. Оросина и П. Ойунского, считаются боги судьбы Чынгис Хаан, Джылга Тойон, Сюгэ Тойон, также боги-покровители лошадей - Кюн Джесегей, Уот Джесегей. Названные боги выступают в роли исполнителей указов, взысканий по заданию верховного бога-правителя. Они даруют главному герою коня и богатырское снаряжение, наставляют их на путь истинный. Существуют здесь же небесные канцелярские служащие – *писари*, которые письменно закрепляют судьбу героя задолго до его рождения на *восьмигранном столбе небесного архива*.

Мифологические образы среднего, нижнего миров

Средний мир в олонхо К. Оросина и П. Ойунского представлен множеством мифологических персонажей. По представлениям якутского народа, средний мир населен большим количеством *иччи*-покровителей (*иччи* – духи); духами-хозяевами лесов, озер, деревьев, трав и др. Рассмотрим следующие примеры:

Божества среднего мира в олонхо «НюргунБоотур Стремительный» (НБС)		
Основные мифологические персонажи		
Божества, духи	НБС П. Ойунского	1.Чыыбыстаан Куо - богиня <i>айыысыт</i> при обращении к старухе Тимир Джэгэликээн (<i>айыысыт</i> - богиня-покровительница, которая дарит детей, плодovitости домашних животных). 2.Курагаччи Сюрюк, Куралай Бэргэн, Баай Барыылаах, Бардам Бэриилээх Баай Байанай — главный из богов-покровителей охоты и промыслов.

		3.Аан Алахчын Хотун (Манган Манхалыын) - богиня земли.
	НБС К. Оросина	1.«Иэйэхсит с благословенного восточного неба» - богиня, покровительствующая людям, лошадям и рогатому скоту. Живет на нижних ярусах восточного неба.
Священное дерево	НБС П. Ойунского	1. Священное дерево Аар-Лууп мас. Густые ветви его / Куполом высятся над землей. / Изгибаясь плавно вниз, / Тяжелые золотые плоды, / Как чороны огромные для кумыса, / Широкие листья его, / Словно конские чепраки... (чорон- кумысный кубок-сосуд; чепрак - конское убранство).
	НБС К. Оросина	1. Священное дерево Аар Кудук Мас. Растет, красуется, оказывается, / восьмиветвистое священное древо Аар Кудук Мас / с толстослойной корой, / громадным древом в этой местности / стоит, цветет, оказывается.
Другие мифологические персонажи		
Мифические птицы	НБС П. Ойунского	1.Ексею-громадный орел, в которого обращаются богатыри в олонхо. 2.Хотой Хомпоруун или: Хомпоруун Хотой Айыы. Предок орла и покровитель птиц. 3.Птица Бар. В тексте - Бар Кыыл (букв. <i>Зверь Бар</i>). Мифическая птица олонхо. Происходит от древнетюркского «барс» — тигр (алтайское «бар»). 4.Бар Джагыл - сказочная птица, в которую обращается шаманка Айыы Умсуур. 5.Кюлюгюр Хардааччы - ястреб, в которого превращается старуха Тимир Джэгэликээн, чтобы выкрасть ребенка. 6.Черно-лысый ворон - его облик принимает Илбис-Кыыса, когда показывается людям. 7.Кэй-Уорук - мифический зверь, чудовище (в некоторых олонхо чудовищная птица). 8.Стерх - белый журавль, наиболее популярная и любимая птица в олонхо.
	НБС К.	Громадная птица Ексею

Другие божества	НБС П. Ойсина Ойунского	1.Медная идолица Эмэгэт - или: Джэс Эмэгэт. В данном случае выступает в образе комической женщины нижнего мира. 2.Джэс Эмэгэт (букв. Медный Идол). Здесь Нюргун Боотур клянется шаманским изображением абаасы (чудовища), который должен отомстить ему, если он нарушит клятву. 3.Юноши Нилахсыны, девушки Кырбадысын - добрые духи деревьев и трав. 4.Муус Солуоняй - дух моря Муус-Кудулу. 5.Едүгэт Боотур - дух-хозяин водоемов. 6.Мангы Куогай - дочь духа-хозяина воды. 7.Хатан Джарылык - дух-хозяин скотного двора. 8.Чээкэй - дух, насылающий глазные болезни. 9.Буюмча Хотун - дух-хозяйка горных дорог. 10.Хаадыат Могол - дух-хозяин горного перевала. 11.Старуха Онолутта - дух-хозяйка местности Онолутта. Онолутта - место богатырского боя под южным небом. 12.Джэдэ Бахсыланы - дух-хозяйка юрты. 13.Няяджы Нянханы - дух-хозяйка хотона (хлева). 15. Аан Уххан, Хатан Тэмиэрийэ. Хатан Тэмиэрийэ— дух огня. Аан Уххан — один из его эпитетов.
	НБС К. Оросина	1.Дух-хозяин слов, в виде медного идола ростом с двухлетнего ребенка. 2.Медный идол ростом с кустарниковый лес 3.Идол величиной с мерзлую навозную глыбу; да ниспровергнет меня ниц лицом идол величиной с гнилое тюктыюэ (тюктыюэ - хранилище духа). 4.Идол, ставший злым духом юёр (юёр - в якутской мифологии вернувшиеся в мир неупокоенные души умерших неестественной смертью), в тюктыюэ, где уложены души

		девяти шаманов и восьми шаманок. 5.Духи-хозяева колючих трав и деревьев 6.Духи-хозяева трав и деревьев— идола в виде черных камней с треском покатились, прочь побежали. 7.Богатырская священная разукрашенная плетъ, данная богатырю айыы его старшей сестрой. Богатырь трижды помахал, говоря: «Будь кровожадным длинным мечом!» и др.

Как видим, с помощью сравнения П. Ойунский раскрывает образ священного дерева Аар-Лууп более ярко и полно, придает дереву большей глубины (ветви Аар-Лууп куполом высятся над землей, плоды - как чороны огромные для кумыса, листья его - словно конские чепраки). Следует отметить, что такие уподобления с предметами народного быта часто встречаются в устном творчестве народа. По якутским представлениям, *чороон* - это материнский грааль, откуда вкушаются молочные *илгэ* (материнское молоко) богини - хозяйки земли Аан Алахчын. Следующее, для Ойунского, как писателя, важны не только фольклорные наполнения, но и значимо насыщение эпитетами, метафорами и олицетворениями каждого средства выразительности. Так, помимо фольклорно-метафоричных, усиливают художественную выразительность дерева Аар-Лууп такие эпитеты, как: Тонкие ветки из серебра Звонко поют на ветру / Круглый год оно Зеленеет, цветет... / На могучем его стволе Темная золотая кора... / Желтая благодатная Аар-Лууп (*Чугдаарар тойуктаах / Чукунуур мутуктаах, / Хара көмүс хатырыктаах, / Алааркаан-тэтэгэркээн / Аар-Лууп маҕ*). Также можно заметить, что образам Ойунского характерно более объёмное описание. К примеру, если изображение дерева у К. Оросина составляет 9 строк, то у П. Ойунского – 159 строк. Как видно, по количеству строк описание у П. Ойунского достаточно большое, которое, несомненно, играет большую роль в раскрытии образа.

Традиционно, мифическая хищная птица-орел *Өксөкү* (Ексеку) выступает в роли вестника и помощника героя. Фантастична *өксөкү* в олонхо К. Оросина, П. Ойунского, в которых она показана в образе богини-илбис (*илбис* – в якутской мифологии божество войны). Вызывает интерес описание *өксөкү* у Оросина с использованием элементов, более характерных северной традиции: *с раздвоенным хвостом, словно сложенными в пучок кусками бересты с основания широкой урасы; с восемью черными скрюченными когтями, словно косы работы верхоянских кузнецов* [17, стлб.133]. Если в образной системе олонхо центрального и вилуйского регионов Якутии описание традиционное, которое состоит из устоявшихся эпических формул, то в северных олонхо создаются образы, присущие волшебной сказке. У Оросина наблюдается характерное северному олонхо изображение *өксөкү*: *с раздвоенным хвостом, с восемью скрюченными когтями* и др. Подобные описания с ярко выраженным локальным характером встречаются в северных среднеколымских героических сказаниях. Это - образы многоголовых *өксөкү*: девятиглавая птица *өксөкү* в олонхо «Богатырь Мас Батыйа», трехглавая *өксөкү* в «Кюн Мёнгюрён старик и Кюн Тэйгэл старуха» и др. [19]. При всем том, это наблюдение требует специального сравнительного исследования северных олонхо и эпических традиций вилуйских и центральных улусов в контексте исторического генезиса, что является весьма перспективным направлением в эпосоведческой науке.

Өксөкү в варианте Ойунского представлена в виде олицетворения неба, солнца, царя-птицы. Эта птица посажена кузнецами Баалтааны и Кюеттээни на: *столб-коновязь восьмигранный из красной меди, чтобы дом охраняла и недруга узнавала. Здесь өксөкү порой распахивала крылья, пронзительно кричала, издавала грозные клекоты, предвещала грядущие события* [10, 67-68]. В контексте данного представления хищной птицы необходимо указать, что в образах өксөкү проявляются воззрения об орнитологических образах, которые сохраняются на всех этапах культурогенеза якутов. Необходимо обратить внимание на то, что отдельное место П. Ойунским отводится в *пантеоне* (отмечено мною – Г. С.) птиц: Ексеку – громадный орел; Хомпоруун Хотой Айыы – предок орла и покровитель птиц; птица Бар Кыыл – мифическая птица; Бар Джагыл – сказочная птица; Кюлюгюр Хардааччы – ястреб; черно-лысый ворон – Илбис Кыыса; Кей-Уорук – мифический зверь – чудовищная птица; стерх – белый журавль и др.

На полях богатырских битв в вариантах К. Оросина и П. Ойунского немаловажную роль приобретает мифический образ *илбис*. «Они (*илбисы* – Г.С.) помогают, вселяясь в виде огней в острия орудий войны, придавая им большую разительность и интенсивность» [20, с. 22]. У П. Ойунского, в создании образа черно-лысого ворона Илбис Кыыса (букв. Дева Войны) большое значение приобретают не столько ее визуальный образ, сколько описание звуков – ее истошные вопли, приглушенный визг, также в действии чудовища Осол Уола показана картина, в которой стайка хищных птиц кружится над трупами и ландшафтами, исковерканными кровавой битвой, полями [10, с. 286]. В варианте К. Оросина Илбис Хаан показан в нарицательном значении: страсть к войне, к кровопролитию подчеркиваются метафорическими эпитетами, такими как: жаждущие крови и битвы; вожделеющие крови (*илбистээх киһи, илбистээх халлаан атамааннара, сэлпэрээк ойуур саҥа илбистээх*). Перед сражением с абаасы Уот Усутаакы Нюргун Боотур произносит слова: «...Мин аҥардас харахтаах абааһы уолаттарын кытта ... адьырҥалаһарга анаммыт киһибин. Онон мин уҥуо өттүбэр оһоллоох, хаҥас өттүбэ **илбистээх** киһи буоллум...» («Я был рождён и воспитан на видимом мною, якутом, сияющем пресветлом небе... я был предназначен всю жизнь бороться с этими одноглазыми сынами абаасы... Я такой человек, которого справа сопровождает несчастный случай, слева сопутствует дух кровопролития. Такой человек я») [17, стлб. 205].

В нижнем мире существует огромное количество всевозможных удивительных чудовищ-абаасы, которые поражают своим видом и своими изощрёнными действиями в сражении с богатырями *айыы*. Нижний мир в олонхо – это целая вселенная с самыми необычными представителями, которая ещё не полностью изучена. В представленном нижнем мире К. Оросина и П. Ойунского обитают не только богатыри абаасы, но и их родственники (преимущественно отец, мать, сестра).

Значительную группу составляют персонажи абаасы нижнего мира. В вариантах олонхо прозвища богатырей-абаасы нижнего мира начинаются со слов *Тимир* (Железный) и *Уот* (Огненный): *Тимир Дьигистэй* (Железный Содрогающийся), Тимир Долонунгса, Тимир Дьэгэликээн, Тимир Дыыбырдан, также *Уот* (Огненный) Усутаакы, Уот Усуму Тонг Дуурай [10]; Тимир Джэсинтэй, Уот Усутаакы (титан нижнего мира, дух-хозяин Огненного моря Кудулу) [17]. В прозвищах чудовищ и других представителей эпитеты *тимир* (железный) отождествляют с сумрачным, холодным нижним миром, а *уот* (огненный) со страхом и агрессией. Следовательно, «в именах заключены качества, символические знаки, характерные для представителей демонического племени» [21, с. 28-30].

Претерпевали значительную стилизацию в олонхо К. Оросина и П. Ойунского антропоморфные мотивы. Представители демонического мира абаасы – антропоморфы олицетворяют собой уродливость: они одноглазые, однорукие, с выраженной патологией спины, конечностей и др. При этом они наделены совокупностью лучших способностей от животного (обоняния, слуха, остроты зрения) и человека (мимики, способностью мыслить). С. Ю. Неклюдов отмечает, что в эпической традиции асимметрия частей тела характерна для описания внешности демонов [\[22, с. 71\]](#).

Также, физическая мощь, сила, громадный рост, опять же сущность их нечистой силы, выражены посредством прозвищ персонажей. К примеру, *Ап-Салбаныкы* (облизывающийся волшебник), *Үс Күлүк* (Имеющий Три Тени), *Хаан Харбыла* (Хватающий Кровь), Когтистая Кээдэлбэ и др. [\[10\]](#); *Ардыа Дуолай* (с редкими крупными зубами), *Ада-Алаах Ала Буурай* (с деревянной колодкой на ногах – старуха), *Ыйыста Хара*, *Алып Хара* (Волшебник Черный) [\[17\]](#). В сюжете олонхо богатыри – абаасы функционируют как создатели хаоса, нарушая взаимоотношение, гармонию в мироздании.

В олонхо П. Ойунского один из главных противников Нюргун Боотура богатырь абаасы *Уот Усуму То-Дуурай* (Огнедышащий Окоченелый Великан) обитает в верхнем мире. В олонхо К. Оросина и П. Ойунского особая роль отводится главе верхних абаасы – *Улуутуйар Улуу Тойону* (Возвеличивающемуся Великому господину) – владыке многолюдного племени, обитающему на нижних ярусах западного неба. По описанию злые чудовища-абаасы импульсивны, парадоксальны, непредсказуемы и агрессивны. Поведение абаасы подчинено, в основном, их эмоциональным порывам. Сущность характера небесных абаасы проявляется через их манеру поведения, образа и способа действий [\[23, с. 97\]](#).

Выводы

Таким образом, сравнительный анализ образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» – архаического варианта сказителя К. Г. Оросина и авторского варианта якутского писателя П. А. Ойунского позволил классифицировать мифологические образы-персонажи. В обоих вариантах олонхо изобразительные средства и приемы способствуют созданию ярких образов, событий и действий героев.

Вместе с тем сопоставительный анализ одноименных текстов олонхо К.Г. Оросина и П.А. Ойунского позволил нам сделать следующие выводы:

- выявлены отличия в описании образов-персонажей. Обнаружены различия, например, в описании внешнего вида одного и того же образа. Например, в образах мифических птиц *өксөкү*. Образы мифических птиц *өксөкү* у К. Оросина и П. Ойунского имеют несхожесть во внешнем виде. Если у Ойунского птица *өксөкү*: *Крыльями распахивает, / Пронзительно крича, / Грозно клекоча...*; то есть описание формульное традиционное, то у Оросина изображение эпической *өксөкү* выражено северными элементами, присущими волшебной сказке: *трехглавая, с двухразвилистым хвостом*. Здесь следует подчеркнуть, что наличие элементов северной традиции может свидетельствовать о том, что якутский героический эпос олонхо имеет сложный исторический генезис;

- определено, что в отличие от аутентичных изобразительных средств в описании образа священного дерева Аар Кудук у К. Оросина, у П. Ойунского Аар-Лууп важны не только фольклорные наполнения, но и использование средств художественной выразительности (эпитеты, метафоры, олицетворения). Писателю, также, важно более подробное

описание образа (изображение дерева у Оросина – 9 строк, у Ойунского – 159 строк), которое играет большую роль в раскрытии образа;

- замечено, что П. Ойунский вводит на основе аутентичного текста К. Оросина дополнительные образы–персонажи;

- выявлено, что в создании дополнительных образов-персонажей важную роль сыграла исследовательская работа писателя. В 1927 г. П. Ойунский как первый якутский ученый опубликовал научную статью «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» [Ойунский, 1962, с. 128-205], являющуюся фундаментальным исследованием в области не только эпосоведения, этнографии, но и литературоведения. Очевидно, что в творчестве писателя П.А. Ойунского истоки олонхо получили свое развитие как важнейший художественный прием в его писательской деятельности.

Проведенное исследование знаковых в якутском культурном наследии и эпосоведении текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина и П. А. Ойунского дает перспективы дальнейшего сравнительного изучения текстов олонхо. А также дает нам представление о направлении развития не только эпоса, но и развития современной литературы.

Библиография

1. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962.-256 с.
2. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 400 с.
3. Емельянов, Н.В. Сюжеты якутских олонхо о защитниках племени. Новосибирск: Наука, 2000. 192 с.
4. Данилова, А.Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
5. Кузьмина, А.А. Олонхо Вилуйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск: Наука, 2014. 160 с.
6. Оросина, Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 25 с.
7. Ойунский, П.А. Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание, Соч., т. 7. Якутск, 1962. С. 128-205
8. Пекарский, Э.К. Образцы народной литературы якутов. Ч. 1 Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1911. 475 с.
9. Слепцов, П.А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1986. – 260 с.
10. Нюргун Боотур Стремительный = Дьулуруйар Ньургун Боотур. Якутский героический эпос. Воссоздал на основе народных сказаний П. Ойунский. Перевел на русский язык В. Державин. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1975. — 432 с. (на рус. яз.)
11. Слепцов, П.А. Творчество П.А. Ойунского и литературный язык // Якутский язык: история и актуальные вопросы: Сб. научных трудов. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1986.- С. 12 (с. 3–16).
12. Макаров, С.С. Мифологические мотивы в олонхо П. А. Ойунского «НюргунБоотур Стремительный» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). С.109.
13. Припузов, Н.П. Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа //

- Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества. 1884, т. XV, вып. 3/4.-С. 43-65.
14. Худяков, И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969.-440 с.
 15. Ионов, В.М. Дух-хозяин леса у якутов. Петроград: Типография императорской академии наук, 1916.-45 с.
 16. Алексеев, Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008.-494 с.
 17. Нюргун Боотур Стремительный = Дьүлүрүйар Ньургун Боотур: [олонхо] / Текст К. Г. Оросина. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 409 с. (на якут. и рус. яз.)
 18. Емельянов, Н.В. Сюжеты якутских олонхо / Н.В. Емельянов. Москва: Наука, 1980.-375 с.
 19. Среднеколымские олонхо = Орто Халыма олонхолоро-Якутск: Бичик, 2016. – 277 с. (на як. яз)
 20. Кулаковский, А.Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979.-484 с.
 21. Кузьмина, А.А. Образы абаасы в якутском героическом эпосе. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. в 3-х ч. Ч. 3. № 7(61) Тамбов: Грамота, 2016. С. 28-30.
 22. Неклюдов, С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе / Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. М.: Наследие, 1998. С. 6-43.
 23. Саввинова, Г.Е., Жиркова, Е.Е. «Модель мира» небесных чудовищ-абаасы в якутском героическом эпосе олонхо // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4 М., 2019. С. 91-99

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Народный эпос неизменно привлекает внимание исследователей. Точечный анализ олонхо все чаще встречается в научной литературе. Это свидетельствует о том, что художественные достоинства, средства и приемы, сюжетики указанной формы все еще не до конца изучены. Как отмечает автор статьи, «в якутской филологической науке система образов, персонажей героического эпоса олонхо стала объектом исследований достаточно давно и представлены в трудах И. В. Пухова, Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, А. Н. Даниловой, А. А. Кузьминой, Н. А. Оросиной и др.». Весьма удачно в начале сочинения указано, что «важность статьи заключается в том, что она представляла собой первый опыт научного осмысления якутского героического эпоса олонхо. В данной работе была дана общая характеристика основных образов в олонхо - богатырей трех миров, среди которых особое внимание было уделено рассмотрению образов богатырей из среднего мира. В статье представлены выводы о специфике этих образов, в которых отражено мифотворчество якутского народа, основанное на его представлениях о древнем мире». Работа конструктивна, концепция анализа продумана, серьезных фактографических сбивов и нарушений не выявлено. Материал максимально информативен, его можно использовать в русле чтения курсов по фольклору Якутии, национальной культуре Севера. Большая часть суждений говорит о том, что автор старается объективно проанализировать проблему, дать ей полновесную оценку. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «якутский писатель П.А. Ойунский

в 1930-х годах из всех известных ему 30 сюжетных типов создал художественный текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1929-1932). И. В. Пухов об олонхо П. Ойунского пишет следующее: «Стих, вообще стиль, традиционные изобразительные средства, архаический язык, всю мифологию и образы Ойунский не изменил, передав в полном объеме так, как поется в народе». Именно Ойунский, по мнению П. А. Слепцова, придал олонхо логическую завершенность. И как заключает ученый, «в обработке Ойунским устный литературный язык <...> стал образцовым и законченным. И само олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», воссозданное Ойунским, явилось высшим выражением этого языка», или «В якутской эпической традиции мифологические образы-персонажи делятся на различные категории в зависимости от их участия в судьбе главного героя. Именно они составляют сюжетную линию олонхо. Троемирие олонхо К. Оросина и П. Ойунского состоит из строгой иерархии: боги-айыы (с як. айыы – общее название добрых божеств, олицетворяющих собою начало творчества и добра) живут в верхнем мире, люди и духи – среднем мире, в нижнем мире обитают злые существа (абаасы). Так, в группе «Верховные божества» небесные боги относятся к первому (высшему) уровню в религиозно-мифологической системе», или «Как показывает наш материал, в тексте олонхо К. Оросина Үрүҥ Аар Тойон изображен вместе со своей супругой Үрүҥ Аарлы Хотун (Юрюнг Аарлы Хотун), также и в варианте П. Ойунского супруга Үрүҥ Аар Т ойона – Адьыҥа Сиэр Хотун (Аджынга Сиэр Хотун). олонхо хотун (с як. хотун – госпожа), как и у других тюркских народов хатун, хатын, хатан, имеет титул, аналогичный мужскому титулу тойон (у др. тюркских хан). В олонхо К. Оросина и П. Ойунского нет описаний их действий; поступков супруг-хотун верховных правителей. Упоминаются лишь их имена; не описывается их внешность, нет традиционных для женских образов, описаний их красоты. В олонхо Хотуны Үрүҥ Аарлы и Адьыҥа Сиэр не вмешиваются в дела супругов-Тойонов; с их стороны характерна пассивность, созерцательность. При этом такое “отсутствие” хотунов ни в коей мере не умаляет значимость их положения» и т.д. Удачно автор дробит работу на т.н. смысловые звенья, это позволяет читателю двигаться вслед за автором, поддерживать некую логику доказательств и апелляций. Нарботанный материал систематизирован в табличную форму, на мой взгляд, визуальный тип действен. Стиль работы соотносится с научным типом, термины / понятия вводятся в текст правильно. Научеомкости работе придает большое количество цитаций и сносок. В заключительной части автор подводит правомерный итог, отчасти обозначая, что «сравнительный анализ образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» – архаического варианта сказителя К. Г. Оросина и авторского варианта якутского писателя П. А. Ойунского позволил классифицировать мифологические образы-персонажи. В обоих вариантах олонхо изобразительные средства и приемы способствуют созданию ярких образов, событий и действий героев», «выявлены отличия в описании образов-персонажей...», «определено, что в отличие от аутентичных изобразительных средств в описании образа священного дерева Аар Кудук у К. Оросина, у П. Ойунского Аар-Лууп важны не только фольклорные наполнения, но и использование средств художественной выразительности...», «замечено, что П. Ойунский вводит на основе аутентичного текста К. Оросина дополнительные образы-персонажи», «выявлено, что в создании дополнительных образов-персонажей важную роль сыграла исследовательская работа писателя», «исследование знаковых в якутском культурном наследии и эпосоведении текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина и П. А. Ойунского дает перспективы дальнейшего сравнительного изучения текстов олонхо. А также дает нам представление о направлении развития не только эпоса, но и развития современной литературы» и т.д. Автором проделана серьезная работа по систематизации данных, по обобщению имеющегося опыта, именно это позволяло полновесно раскрыть тему, достичь поставленной цели, выявить приметы

мифопоэтики образов в олонхо. Считаю, что статья «Мифопоэтика образов в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и П. Ойунского» может быть опубликована в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Приходько К.О. — Образ фонтана в избранной лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43942 EDN: WVLJCU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43942

Образ фонтана в избранной лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева

Приходько Ксения Олеговна

аспирант, кафедра истории зарубежной литературы, МГУ им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, строение 51

✉ beatraxter862@gmail.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.43942

EDN:

WVLJCU

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2023

Дата публикации:

04-09-2023

Аннотация: Статья посвящена образу фонтана, или источника, в лирике поэтов лионской школы Пернетты дю Гийе и Мориса Сева. Ясный источник как символ любви получил широкую известность благодаря «Роману о Розе» – французской аллегорической поэме XIII века. В статье проводится сравнительный анализ избранной лирики Пернетты дю Гийе и Мориса Сева, преимущественно из поэтических сборников «Рифмы» и «Делия». Цель исследования – сравнить художественные мотивы и образность, выстроенные поэтами вокруг «фонтана», значимого топоса куртуазной поэзии. Для этого проводится детальный сравнительный анализ лирики Мориса Сева, главы лионской поэтической школы, и Пернетты дю Гийе, его ученицы – на примере стихотворений с образом фонтана. Новизна исследования состоит в том, что лирика Пернетты дю Гийе и её проблематика и интерпретация являются в отечественном литературоведении темами практически неизученными. «Делия» Сева анализируется и интерпретируется в диссертации В.П. Авдонина от 2013 года. Изучение лирики лионских поэтов и сопоставление концепций любовной философии – актуальная тема в отечественном литературоведении. Фонтан в изученных стихотворениях выступает в

нескольких ипостасях. Первая – это исцеление от огня пагубной страсти, которое можно найти в его водах; при этом лирическую героиню Пернетты вода от зноя действительно исцеляет (как можно судить по сюжету элегии), у Сева – пламя неугасимо (и продолжает гореть даже в воде). Оба по-своему, исходя из своих гендерных ролей, обыгрывают мотив купания нагой дамы, восходящий к мифу об Актеоне. Вода фонтана выступает как зеркало души и сосуд божественной премудрости, она – посредник между любящим и предметом его обожания.

Ключевые слова:

Пернетта дю Гийе, Морис Сев, Лионская школа, Франческо Петрарка, Марсилио Фичино, Роман о Розе, Рифмы, Делия, Неоплатонизм, Петраркизм

Вода, наряду с другими природными стихиями, играет в любовной философии XVI века немаловажную роль. Это часть всеобщего жизненного круговорота, о котором теоретик неоплатонизма Марсилио Фичино пишет так: «...огонь, сообщая свое тепло, движет воздух, воздух — воду, вода — землю. И наоборот, земля притягивает к себе воду, вода — воздух, он же — огонь, всякие травы и деревья жадно порождают свои подобию, рассеивая свои семена. Животные же и люди увлечены соблазном той же страсти к порождению потомства...» [\[4, с. 162\]](#) Отдельные элементы бытия захвачены вселенским любовным влечением.

Мария Родригез-Наварра утверждает, что вода полиморфна и амбивалентна, и поэтому коннотации водной стихии могут быть как позитивными, так и негативными, в зависимости от того, какую функцию им придать. Всегда движущаяся, изменчивая, вода предстает как образ времени, как нечто, что невозможно постичь во всей полноте, и что неравномерно ускользает, как сама жизнь [\[10, с. 574\]](#).

Чистые и прозрачные воды придают течению любви особую выразительность. По словам Жизель Матьё-Кастеллани, они несут в себе «*rêve de fraîcheur*» — мечту о свежести, поскольку вблизи них влюблённый «погружается в гармоничное состояние умиротворенной задумчивости, мечты о чистой любви, подобной прозрачной волне» [\[9, с. 392\]](#).

Канонический образ фонтана мы встречаем в «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна. В нём юноша попадает в прекрасный Сад любви, где ищет самый прекрасный цветок (аллегория прекрасной дамы). Тропинка выводит его к мраморному фонтану, на котором в камне выбита история несчастного Нарцисса, опутанного сетями Любви и наказанного за гордость влюблённостью в собственное отражение. С героем романа, искренне жаждущего стать вассалом Амура и отыскать счастье взаимной любви, происходит совершенно иное: благодаря действию двух кристаллов, или хрустальных камней, мир в зеркале вод предстаёт перед ним в самых разных гранях. Воды фонтана помогают герою достичь прозрения: среди множества прекрасных бутонов со сладчайшим ароматом он находит одну-единственную, столь желанную Розу — избранницу, превосходящую всех красотой [\[2, 3\]](#).

Немаловажен образ фонтана и в лирике Петрарки. К 1333 году, по версии Афанасьева, относятся два сонета, в которых Петрарка пишет о своём переходе через Арденнский лес, куда он сбежал от мирской славы. Там, после смерти мадонны Лауры, он находит

утешение в своеобразном *locus amoenus* — местечке под названием Фонтен-де-Воклюз, которое в «Письме к потомкам» описывает идиллически: «я <...> нашел крошечную, но уединенную и уютную долину, которая зовется запертой (*Vallis Clausa* — Воклюз), в пятнадцати тысячах шагов от Авиньона, где рождается царица всех ключей Сорга...» [\[1\]](#) Здесь он проводит свои дни близ родника (фонтана, в честь которого и назван Фонтен-де-Воклюз), думая о возлюбленной, чей облик и после физической смерти отражён для него в ликах природы:

Родник журчит, звенит листвою ветка,

Я слышу голос госпожи моей,

И ей лесная подражает птица.

Образность Петрарки наследуют поэты французского Ренессанса. Фонтан появляется в «Храме Купидона» Клемана Маро, который упоминает его следующим образом: «*Les Fons du Temple estoit une Fontaine, / Ou decouvroit un ruisseau argentin: / La se baignoit mainte Dame hautaine / Le corps tout nud, monstrant un dur tetin. Lors on eust veu marcher sur le patin / Povres Amans a la teste enfumee...*» [\[8, с. 52-53\]](#)

Глава лионской школы Морис Сев создаёт дизайн, в эпитафии которого содержится посвящение Фонтену-де-Воклюз и влюблённому Петрарке:

(près laquelle, jadis, habita Pétrarque) Quiconques voit de la Sorgue profonde

L'étrange lieu, et plus étrange source,

La dit soudain grand merveille du monde,

Tant pour ses eaux que pour sa raide course.

Je tiens le lieu fort admirable, pour ce

Qu'on voit tant d'eaux d'un seul pertuis sortir,

Et en longs bras divers se départir;

Mais encor plus, du gouffre qui bruit là,

Qu'oncques ne peut éteindre et amortir

Le feu d'amours qui Pétrarque brûla.

Сев обыгрывает омофонию в названии реки (*Sorgue*), которое созвучно тьме, ночи и даже концу света. Из этой практически inferнальной бездны вырывается бурный поток, достойный восхищения как живописное творение природы. Эти воды не просто не отторгают пламя страсти — они приемлют его как благодатная почва: возвышенная любовь Петрарки к Лауре такова, что её огня не загасить ничем, поэтому он продолжает гореть и посреди фонтана.

В дизайне прослеживается верность Сева любовной философии Леона Эбрео, или Иегуды Абрабанеля. В «Диалогах о любви» Эбрео любовь представлена как монументальное желание (*désir*), всемогущее стремление обладать объектом обожания [\[5, с. 310\]](#). Любовная страсть, испепеляющая огнём (божественным, но порой и мучительным), как метафора подходит к такому желанию как нельзя лучше. Сев намеренно не проводит черты различия между «*ferme amour*» (надёжная, прочная, верная любовь) и «*ardent*

amour» (любовь страстная и пламенная).

Пернетта дю Гийе, о которой зачастую в первую очередь говорят как об ученице Мориса Сева, обходится с петраркистскими любовными концепциями весьма вольно — зачастую она использует их, чтобы обыграть и создать свои собственные. Образ фонтана включён ею в элегию XLIII, которую можно назвать каноническим образцом её лирики (традиционно её так и называют «элегия о фонтане»):

XLIII

Combien de fois ay je en moy souhaicté

Me rencontrer sur la chaleur d'esté

Tout au plus près de la clere fontaine... [\[7, с. 153\]](#)

В пространстве, где оказывается дама, происходит столкновение двух любовно-эротических топосов — *chaleur d'esté* (летний зной) и *la clere fontaine* (ясный источник). И если первый топос однозначно символизирует испепеляющую любовную страсть, то образ фонтана амбивалентен. С одной стороны, дама ищет прибежища от зноя в водах ясного источника — казалось бы, для того, чтобы преодолеть мучения знойной страсти и победить свой пыл. С другой стороны, как будет видно из дальнейшего текста элегии, именно ясный источник становится посредником и вспомогательным средством в соблазнении возлюбленного. Этот образ дю Гийе заимствовала, безусловно, из «Романа о Розе», где фонтан посреди цветущего сада помогает влюблённому юноше приблизиться к откровению, познанию сладостного любовного чувства.

В неоплатонической традиции Пернетте безусловно ближе трактовка Фичино, который считает, что вода гасит огонь из жажды не разрушать, но созидать: «...не из ненависти к огню, но из некоего желания распространить свой холод, стремится породить подобную себе воду из тела огня. Ибо, так как всякое естественное желание тяготеет к добру, а не к злу, намерением воды является не тушение огня, являющееся злом, а порождение подобной себе воды, что является добром» [\[4, с. 165\]](#). В метафорическом плане стихотворения это означает, что, пригасив пламя губительной страсти, вода из ясного источника стремится расширить своё влияние и сделать страсть двух влюблённых благородно-возвышенной.

Центральным мотивом элегии становится *femme au bain* — купание нагой дамы, отсылающее к мифу о Диане и Актеоне. Лирическая героиня, говорящая о себе от первого лица, — так что вполне может подразумеваться, что это сама поэтесса, — примеряет на себя роль богини Дианы, бросаясь обнажённой в воды ясного источника:

Là quand j'aurois bien au long veu son cours,

Je le lairrais faire appart ses discours :

Puis peu a peu de luy m'escarterois,

Et toute nue en l'eau me gecterois... [\[7, с. 154\]](#)

В образе же Актеона угадывается сам Сев, хотя Родригез-Наварра считает, что Сев — это ещё и Аполлон [\[10, с. 579\]](#). Это вполне объяснимо, т.к. в лирике Пернетты дю Гийе содержатся многочисленные указания на Сева как на её возлюбленного. Считается, что частая номинация возлюбленного — *Jour*, или *День*, — также относится к Севу, что

закономерно отсылает нас к Аполлону, чей основной символ — Солнце. При этом Пернетта играет с именем Сева, выстраивая омофонический ряд Scève-cerf-serf (Сев-олень-раб).

То, что бóльшая часть элегии написана в сослагательном наклонении, говорит о том, что дама грезит, моделирует воображаемую ситуацию. Она обогащает мифологическую канву мотивами любовной кары, любовного рабства и любовного возмездия. Дама ожидает возлюбленного в водах ясного источника, дабы сделать его заложником любовного чувства. Её горячее желание — завладеть всеми помыслами и чувствами своего возлюбленного, превращая его в своего раба. Ей отраднее прежде всего то, что он будет служить именно ей, а не Аполлону и музам. В своих мечтах она соревнуется с богиней Дианой и превосходит её:

Tant que Dyane en eust sur moy envie,

De luy avoir sa puissance ravie. Combien heureuse, & grande me dirois ! Certes Deesse estre me cuyderois [\[7, с. 155\]](#).

Родригез-Наварра отмечает, что, несмотря на несомненное сходство с Дианой, дама в элегии отличается от богини тем, что провоцирует подобную ситуацию сама. Она добровольно инициирует сцену с собой-Дианой, застигнутой врасплох во время купания, и возлюбленным-Актеоном, чтобы иметь повод выместить на нём своё оскорбление и страстный гнев. По мнению Родригез-Наварры, богиню и даму объединяет крайняя строгость целомудрия; обе они непокорны, неукротимы, как вода, бесчувственны, жестоки и склонны к тирании. Не подчиняясь желаниям возлюбленного, дама будто бы остаётся равнодушной к его страданиям. Она торжествует над плотской любовью, отдаваясь исключительно любви интеллектуальной [\[10, с. 579\]](#).

Интеллектуальная составляющая здесь действительно важна. История юноши Актеона, обращённого в оленя и растерзанного собственными собаками, волновала умы Ренессанса. Лишиться речи — главного инструмента самовыражения для человека в целом и для поэта вообще, главного способа делиться с миром творениями своего разума — представлялось для гуманистических мыслителей страшным наказанием.

Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов компонент телесной, эротической чувственности. В пользу её говорит уже сама обнажённость дамы, как и соприкосновение её с водой — омовение, носящее характер любовной ласки, ведь это воды из самого источника любви. Она мечтает о том, как возлюбленный прикоснётся к ней: «Je le lairrais hardyment approcher: /

Et s'il vouloit, tant soit peu, me toucher...» [\[7, с. 155\]](#). Дама зачерпывает в ладони воду из фонтана, чтобы плеснуть возлюбленному в лицо:

Luy gecterois (pour le moins) ma main pleine

De la pure eau de la clere fontaine,

Luy gectant droict aux yeulx, ou a la face [\[7, с. 155\]](#).

На миг она лишает его зрения. Любовное ослепление восходит к образу самого Амура (Dieu aveuglé), беспорядочно разящего стрелами своих жертв. В этот раз в роли стрелы Амура выступает волна:

Ò qu'alsors eust l'onde telle efficace

De le pouvoir en Acteon muer... [\[7, с. 155\]](#)

Родригез-Наварра пишет, что крайнее кокетство дамы приводит к провокации: она позволяет ему совершить дерзость — приблизиться к ней, а затем отталкивает его, плеснув ему в глаза водой, чтобы «смыть» нечестивость с его взгляда [\[10, с. 579\]](#). Вода служит и очищению, и своеобразной инициации: от её прикосновения возлюбленный становится рабом своей госпожи. Учитывая, что дама стала богиней, соприкосновение с водой можно считать практически религиозным откровением, началом духовного служения, но с сильным эротическим оттенком. При этом плотскому влечению подвержена и сама дама, т.к. в конце она говорит: «Ostez, ostez, mes souhaits» [\[7, с. 156\]](#), как бы отрешиваясь от собственных, отнюдь не целомудренных порывов.

Обыгрывание мифа об Актеоне есть и в лирике Сева, только уже от лица влюблённого мужчины-поэта. В его дизене СССХХХV ситуация отображается почти зеркально: поэт говорит от лица охотника, который застиг возлюбленную (Делию) во время купания. Делия отчасти отождествляется с Дианой, отчасти — с Пернеттой дю Гийе, которой, как считает большинство исследователей (начиная с гипотезы Джозефа Буше), посвящён сборник «Делия». Сам влюблённый предстаёт в двойном образе: Актеона и Амура. Оба вооружены луком, оба участвуют в любовной охоте. Актеона привлекает приманка в виде уснувшей в водах источника Дианы-Делии; Амур сам ранит себя любовью, не заметив, что в водах источника его подстерегает собственная мать (т.е. Венера): «Car en ce lieu sa mere il souspeçonne, /

Dont il se lance au fond pour la baiser» [\[11, с. 230\]](#). Любящий кидается в воды фонтана, чтобы поцеловать свою возлюбленную; вода — это пространство интимного слияния, любовного акта. Это ловушка для него, ибо он явно страдает и пытается умиловить свою даму, прося сжалиться над его любовью. Слёзы любящих струятся из их глаз, которые отождествляются с источниками любви:

Nà, dy je lors, pour ma Dame apaiser,

Tu pleures bien cest Amour en ces eaux,

Et si ne plains le mien, qui pour se ayser,

Se pert du tout en ces deux miens ruyseaulx [\[11, с. 230\]](#).

Здесь же проявляется и *reve du fraîcheur*, о котором писала Матьё-Кастеллани (Делия окружена свежестью источника, и *reve* — мечта — превращается в грёзу, сон). Вода становится ложем, на котором Делия грезит о любви, и одновременно любовным ложем для неё и поэта, неким укрытием. Появляется здесь и ещё одна важная функция, характерная для образа фонтана: зеркало, отображающее внутреннюю и внешнюю красоту. Согласно тексту стихотворения мы понимаем, что спящая Делия хотя бы частично, но погружена в воды источника. Получается, заставший её поэт-Амур смотрит на неё как бы сквозь призму — зеркало вод, чья чистота передаёт и запечатлевает её красоту в совершеннейшем виде. Этот же мотив обыгрывается Севом в дизене ССХХХV, в котором дама приходит к водам ясного источника умываться. Источник служит здесь не только зеркалом, но и сосудом, который способен «запомнить» красоту, запечатлеть и сохранить её:

Aumoins toy, clere, et heureuse fontaine,

Et vous, ô eaux fraîches, et argentines,

Quand celle en vous (de tout vice loingtaine)

Se vient laver ses deux mains yvoirines,

Ses deux Soleilz, ses lèvres corallines,

De Dieu créez pour ce Monde honnorer,

Debvriez garder pour plus vous décorer

L'image d'elle en voz liqueurs profondes.

Car plus souvent je viendrois adorer

Le saint miroir de voz sacrées undes [\[11, с. 164-165\]](#).

Описание дамы у Сева отвечает традициям петраркистской иконографии: руки — слоновая кость, губы — кораллы, глаза — солнца. Вот как пишет об этом Т. В. Якушкина: «С одной стороны, рубины, сапфиры, топазы и прочие камни через характерный для них признак – блеск – усиливали мотив сияния и связанную с ним идею божественности красоты. С другой, объекты физического мира: солнце, звезды, снег, розы, лилии, драгоценные камни, взятые вне их связи с конкретными деталями облика, в своем множестве представляли идею красоты в ее всеохватности. Красота донны воплощала в себе неоплатоническое понимание красоты как универсального свойства всей природы, всего божественного космоса» [\[6, с. 61-62\]](#). Продолжая символизировать очищение, вода становится ещё и зеркалом, и сосудом: смывая с тела возлюбленной пороки, оставляя её непогрешимой, содержимое источника тут же присваивает себе её красоту, сохраняя и запечатлевая. Яркая внешность дамы, краски ее образа, сравнимые с блеском драгоценных камней, противопоставлены прозрачной воде — в ней как нельзя лучше отражается истинная суть красоты.

«Святое зеркало священных волн» становится местом паломничества и поклонения, к которому приходит влюблённый поэт. Это дань Петрарке, который в Фонтене-де-Воклюз приходит к роднику вспомнить о мадонне Лауре. Воды награждён эпитетом *argentin* (серебряный), восходящим к описанию фонтана любви в «Храме Купидона» Клемана Маро. *Clere et heureuse fontaine* — такое описание снова отсылает к «Роману о Розе». В отражении вод поэт видит не себя (как влюблённый Нарцисс), а прекрасную даму, Розу, предмет возвышенного желания. На аллегорическом уровне Роза — ещё и цветок тайны, фразеологизм «делать что-то *sub rosa*» (под розой) означает «в полнейшем секрете». Соответственно, в любви к Розе свершается мистическая инициация поэта и творца в мире возвышенной, божественной любви. Видя облик любимой в зеркале вод, поэт растворяется в ней; это отвечает неоплатоническому представлению о том, что любящий умирает в себе и живёт в любимом существе, теряет собственную идентичность, сливаясь с предметом любви и растворяясь в любовном чувстве: "[mon Amour] se pert du tout en ces deux miens ruyseaulx".

Фонтан же в этой парадигме осознаётся как центр мира, так как именно вокруг него выстраивается вся окружающая любящего гармония и разрастается сад, являющийся прямым отображением человеческих чувств. Аллегорические персонажи, населяющие сад — это свойства человеческой души, призванные либо приблизить приход любви (Красота, Простота, Искренность, Дружба, Обаяние), либо отвратить её (Высокомерие, Подлость (Измена), Позор, Отчаяние, Презрение, Вероломство, Злость, Низость, Стяжательство, Зависть и др.). Фонтан же — зеркало, вмещающее все совершенные и

прекрасные свойства, он часто сравнивается с глазами, духовными очами, благодаря которым поэт способен разглядеть истинный облик любимого существа. Одновременно он же и сосуд, хранящий красоту в себе.

В элегии Пернетты также есть образ сосуда. Таковым становится и сам фонтан — если учитывать, что он становится вместилищем и укрытием для дамы, — и её возлюбленный, поэт. В финальной части элегии, отрекаясь от чрезмерно чувственных и собственнических порывов, она отпускает поэта, достойного того, чтобы служить Аполлону и музам. Наполнившись божественной мудростью и добродетелью, возлюбленный преобразится, сам став творцом, и вернётся к ней, чтобы вместе достичь удовлетворения и взаимного удовольствия (*contentement*):

Laissez le aller, qu'Apollo je ne irrite

Le remplissant de Deité profonde,

Pour contre moy susciter tout le Monde,

Lequel un iour par ses escriptz s'attend

D'estre avec moy et heureux, et content [\[7, с. 156\]](#).

Памятуя о том, что и Актеон, и Аполлон могут в равной степени указывать на Сева, можно интерпретировать сюжет элегии как мистическое единение духа и тела. Поэт, чьё тело и душа изначально пленены плотскими страстями, позже соединяется с собственным духом (*esprit*) и солнцем разума (*raison*). Его личность становится цельной и гармоничной, благодаря чему он сможет свободно творить. Возвратившись к своей возлюбленной, он разделит с нею блаженство творчества, создав для неё целый новый мир, в котором они образуют союз мужчины и женщины, сольются в единое совершенное существо — неоплатонического андрогина.

Поэт у Пернетты — божественный дух, заключённый в бренное тело, а добродетель течёт по его жилам. Согласно учению Фичино, вода представляется более совершенным веществом, чем земля, материя. Соответственно, и добродетель представляется в форме воды: «Вода более совершенное тело, чем земля, и должна быть не меньше, чем земля, снабжена разумным началом...» [\[4, с. 191\]](#)

Творчество и дар поэта приобретают текучий, изменчивый вид, подобно воде источника. У Пернетты в дизене IV [\[7, с. 120\]](#) перо как инструмент поэта и высокий стиль изложения отмечены рифмующимися эпитетами *fluante-affluante*. Таким образом срифмована и внешняя суть поэзии с внутренней (перо с поэтической манерой). Перо — плавное, манера речи — возвышенная и при этом богатая, изобильная, «полноводная» — и то, и другое так или иначе связано с образом воды, её течением. У Сева в дизене XXIII также встречаем образ пера — *plume*, — из которого изливаются похвалы даме: это можно трактовать и буквально, ведь чернила — тоже жидкость, и фигурально, связав с образом источника любви. Поэт признаёт, что не может должным образом изобразить красоту дамы даже благодаря своему дару; тем не менее он продолжит её воспевать, изливая свои чувства, ибо не может иначе — он поёт ей хвалу, дабы её пламя воссияло потомкам: «*Doncques en vain travailleroit ma plume/ Pour t'entailler a perpétuité / Mais ton saint feu, qui a tout bien m'allume, / Resplendira a la postérité*» [\[11, с. 21\]](#). В любви неизменно символическое единение воды и огня.

Подробно рассмотрев образ фонтана в лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева, можно

заклЮчить, что фонтан — комплексный образ, отражающий гармонию внутреннего и внешнего представления о прекрасном. Фонтан одновременно и наполняет человека, питая его своими водами, и наполняется от него: воды дают прозрение и приближают причащение к любовной истине, в то же время накапливают память о божественной красоте. В метафорическом смысле фонтан исполняет функции очищения и инициации, зеркала души и сосуда. Источник любви — вместилище интеллектуального и духовного богатства любящих и возлюбленных; их глаза, изливающие слёзы любви, становятся продолжениями большого источника, превращаются в его ручьи. Таким образом, фонтан — это аллегория выражения чувств через тело, связь тела и души: созерцая внешнюю красоту, любящие проникаются и красотой духовной. Это универсальное вместилище красоты и своеобразный центр мира, вокруг которого строится сознание любящего.

Библиография

1. Афанасьев А. Франческо Петрарка. // URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/afanasev-franchesko-petrarka.htm> [дата последнего обращения 02.09.2023]
2. Гильом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе. Перевод со старофранцузского Н. В. Забабуровой на основе подстрочника Д. Н. Вальяно. Ростов-на-Дону, 2001. С. 26-70. // URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=132#:~:text=%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B0%20E2%80%94%D0%B0%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D0%B7%D0%B8%D1%8F%20%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F,%D0%BE%D0%BD%20%D0%B8%D0%B7%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D0%BD%20%D0%B8%D0%B7%20%D1%80%D0%B0%D1%8F%2D%D1%81%D0%B0%D0%B4%D0%B0>. [дата последнего обращения 02.09.2023]
3. Гильом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма. Перевод и комментарии И.Б. Смирновой — М.: ГИС, 2007. — 671 с.
4. Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса, под ред. В. П. Шестакова. М., 1981. В 2-х т. Т. 1. С. 144-241.
5. Эбрео Л. Диалоги о любви // Эстетика Ренессанса, под ред. В. П. Шестакова. М., 1981. В 2-х т. Т. 1. С. 310 – 341.
6. Якушкина Т.В. Принципы изображения женской красоты в поэзии итальянских петраркистов XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. Вып. 1 (Ч. II). – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 61–69.
7. Du Guillet Pernette. Rymes (1545). Edition critique par Elise Rajchenbach. Genève, Droz, 2006.
8. Marot Clément. Le Temple de Cupidon. // Oeuvres Complètes de Clément Marot. Rapilly, 1824. pp. 33-65
9. Mathieu-Castellani Gisèle. La parole chétive : les Rymes de Pernette du Guillet. In: Littérature, n°73, 1989. Mutations d'images. pp. 47-60.
10. Rodríguez-Navarro María Victoria. «L 'Amour à deux visages» : el agua en Pemette du Guillet como reflejo del diálogo amoroso // Palabras e imaginarios del agua: XXV Coloquio AFUE, Valencia 20-22 de abril de 2016. pp. 573-581
11. Scève M. Délie, object de plus haute vertu. Édition critique avec une introduction et

des notes par Eugène Parturier. Paris, Hachette, 1916. // URL:
<https://archive.org/details/delieobjectdeplu00scve/page/n21/mode/2up> [дата
последнего обращения 02.09.2023]

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ стихий, воссозданных в художественной литературе, есть проявление желания дешифровать наличный текст объемно, концептуально, точечно. Рецензируемая статья обращена к объективации роли фонтана как образа в избранной лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева. Не вызывает сомнения актуальность данного исследования, вопрос новизны также фактурен, характерен. Как отмечено в начале данного труда, «вода полиморфна и амбивалентна, и поэтому коннотации водной стихии могут быть как позитивными, так и негативными, в зависимости от того, какую функцию им придать. Всегда движущаяся, изменчивая, вода предстает как образ времени, как нечто, что невозможно постичь во всей полноте, и что неравномерно ускользает, как сама жизнь...», «вода, наряду с другими природными стихиями, играет в любовной философии XVI века немаловажную роль. Это часть всеобщего жизненного круговорота, о котором теоретик неоплатонизма Марсилио Фичино пишет так: «...огонь, сообщая свое тепло, движет воздух, воздух — воду, вода — землю. И наоборот, земля притягивает к себе воду, вода — воздух, он же — огонь, всякие травы и деревья жадно порождают свои подобию, рассеивая свои семена...». Без преувеличения с этим сложно не согласиться, признать особый статус «воды», конечно же, необходимо. Работа имеет расширенный литературно-исторический контекст, материал достаточно интересен даже для неподготовленного читателя. Удачно сочетается в работе авторский комментарий, аналитический ценз, систематизация критических источников. Стиль данной работы соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «Сев обыгрывает омофонию в названии реки (Sorgue), которое созвучно тьме, ночи и даже концу света. Из этой практически инфернальной бездны вырывается бурный поток, достойный восхищения как живописное творение природы. Эти воды не просто не отторгают пламя страсти — они приемлют его как благодатная почва: возвышенная любовь Петрарки к Лауре такова, что её огня не загасить ничем, поэтому он продолжает гореть и посреди фонтана», или «то, что бóльшая часть элегии написана в сослагательном наклонении, говорит о том, что дама грезит, моделирует воображаемую ситуацию. Она обогащает мифологическую канву мотивами любовной кары, любовного рабства и любовного возмездия. Дама ожидает возлюбленного в водах ясного источника, дабы сделать его заложником любовного чувства. Её горячее желание — завладеть всеми помыслами и чувствами своего возлюбленного, превращая его в своего раба. Ей отрадно прежде всего то, что он будет служить именно ей, а не Аполлону и музам. В своих мечтах она соревнуется с богиней Дианой и превосходит её...» и т.д. Цель работы не исключается автором из вводной части, основного блока, финальной части. Задачи промежуточного порядка решаются ступенчато; думается, что материал может стать подспорьем для создания смежно-тематических работ. Неплохо, что исследование ориентировано на т.н. язык оригинала, включений данного уровня достаточно: «тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов компонент телесной, эротической чувственности. В пользу её говорит уже сама обнажённость дамы, как и соприкосновение её с водой — омовение, носящее характер любовной ласки, ведь это воды из самого источника любви. Она мечтает о том, как возлюбленный прикоснётся к

ней: «Je le lairrois hardyement approcher: / Et s'il vouloit, tant soit peu, me toucher...». Дама зачерпывает в ладони воду из фонтана, чтобы плеснуть возлюбленному в лицо: Luy gecterois (pour le moins) ma main pleine // De la pure eau de la clere fontaine, // Luy gectant droict aux yeulx, ou a la face...», или «любящий кидается в воды фонтана, чтобы поцеловать свою возлюбленную; вода — это пространство интимного слияния, любовного акта. Это ловушка для него, ибо он явно страдает и пытается умиловать свою даму, прося сжалиться над его любовью. Слёзы любящих струятся из их глаз, которые отождествляются с источниками любви: Hà, dy je lors, pour ma Dame appaiser, // Tu pleures bien cest Amour en ces eaux, // Et si ne plains le mien, qui pour se ayser, // Se pert du tout en ces deux miens ruysseaulx...» и т.д. Работа имеет практический характер, ее можно использовать при изучении курсов «Истории зарубежной литературы», фрагментарно «Теории / истории искусств». Выводы по тексту самодостаточны, автор отмечает, что «подробно рассмотрев образ фонтана в лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева, можно заключить, что фонтан – комплексный образ, отражающий гармонию внутреннего и внешнего представления о прекрасном. Фонтан одновременно и наполняет человека, питая его своими водами, и наполняется от него: воды дают прозрение и приближают причащение к любовной истине, в то же время накапливают память о божественной красоте. В метафорическом смысле фонтан исполняет функции очищения и инициации, зеркала души и сосуда. Источник любви –местилище интеллектуального и духовного богатства любящих и возлюбленных; их глаза, изливающие слёзы любви, становятся продолжениями большого источника, превращаются в его ручьи...». С учетом сказанного, можно отметить, что статья имеет законченный вид, она вполне оригинальна, концепция выражена объективно, при этом иллюстративный фон полновесен. Общие требования издания учтены, текст не нуждается в расширении, серьезной правке. Рекомендую статью «Образ фонтана в избранной лирике Пернетты дю Гийе и Мориса Сева» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Писаренко А.Ю. — Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43754 EDN: WXOOAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43754

Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева

Писаренко Алёна Юрьевна

аспирант, кафедра Истории журналистики и литературы, Московский университет имени
А.С.Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ kadiya@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43754

EDN:

WXOOAS

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2023

Дата публикации:

04-09-2023

Аннотация: Данная научная статья посвящена изучению влияния мистических мотивов и образов средневековья на творчество русского поэта Николая Гумилева. Центральная задача исследования заключается в анализе специфических произведений поэта, в которых наиболее ярко прослеживается влияние мистической тематики. Статья обращает внимание на различные аспекты взаимодействия мистики и творчества, включая структуру, ритм, язык и образы в произведениях Гумилева. В статье применяются методы сравнительного анализа, текстовой интерпретации и культурно-исторического контекстуализирования. Особое внимание уделяется рецепции мистических элементов в творчестве Гумилева среди его современников и критиков, таких как Марина Цветаева и Анна Ахматова. Один из выводов исследования заключается в том, что мистические мотивы и образы не просто обогащают творческий мир Гумилева, но и служат ключевым фактором в формировании его уникального стиля. Это, в свою очередь, позволяет считать его одним из наиболее значимых и интересных авторов русской литературы начала XX века. Новизной исследования является детализированный анализ

мистических элементов в контексте общего стиля и эстетических принципов Гумилева, что ранее не рассматривалось в такой полноте. Эти результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения влияния мистической тематики на русскую литературу в целом и на творчество Гумилева в частности.

Ключевые слова:

Гумилев, мистика, русская литература, поэзия, средневековая мистика, критика, современники, Серебряный век, символизм, двойничество

Введение. Николай Гумилев, без сомнения, стоит в ряду величайших поэтов России начала XX века, привнося свою неповторимую искру в палитру русской литературы. Его стихи и прозаические произведения отличаются особой глубиной и интенсивностью, сочетая в себе наследие классической русской поэзии с новыми, авангардными течениями того периода.

Однако за красочными строками его стихов часто теряется еще одна сторона Гумилева — его роль как исследователя. Николай Гумилев погружался в мир мистических традиций, постигая их сущность и исследуя их корни. Особенное место в его исследованиях занимала мистика средневековья, с её богатым символизмом, архетипами и религиозными обрядами.

Глубокий интерес Гумилева к средневековой мистике не ограничивался только литературным творчеством. Его письма, дневники и лекции, прочитанные в разное время, свидетельствуют о постоянном стремлении понять этот сложный и многогранный мир. Средневековая мистика не была для него просто источником вдохновения; она стала частью его мировоззрения, философии и, можно сказать, духовного пути. [\[8\]](#)

Анализ произведений, иллюстрирующих мистические мотивы. В творчестве Гумилева множество произведений, в которых можно проследить мистические мотивы и образы. Рассмотрим некоторые из них.

1. "Колдунья". [\[2, с. 198\]](#) В стихотворении "Колдунья" Николая Гумилёва основная тема касается мистической власти женщины над человеком и природой, где Гумилёв использует образ колдуньи, символизируя таинственные и внеземные аспекты женственности и власти, в то время как образы животных могут представлять первобытные, инстинктивные стороны человеческой натуры, а мотив перехода из одного мира в другой подчёркивает тему преобразования и перерождения. Известный своим ясным, образным стилем, который может включать в себя как реалистические, так и мистические элементы, Гумилёв в "Колдунье" использует метафоры и сравнения для создания сложного и насыщенного текста, где стихотворение может быть интерпретировано как исследование женской власти и магии, а также как аллегория на тему творчества и искусства, с образом колдуньи, который может служить метафорой для поэта или художника, управляющего своим миром с помощью слов или кисти. "Колдунья" является сложным и многогранным стихотворением, исследующим темы власти, магии, творчества и трансформации, создавая мир, где реальность переплетается с мистикой и предлагая читателям размышлять о глубоких и сложных вопросах человеческой натуры и искусства.

2. "Мик. Африканская поэма". [\[4, с. 7\]](#) "Абиссиния". [\[6, с. 293\]](#) Гумилев, увлечённый идеей

неизведанного и экзотического, создаёт образ Африки как места, где соседствуют реальность и миф. Здесь также прослеживается мотив путешествия в другой мир, где грани реального и мистического стираются.

3. "Заклинание". [\[2, с. 118\]](#) Гумилёв обращается к древним практикам магии и вере в силу слова. Заклинание — это не просто последовательность слов; это молитва или мантра, которая имеет силу изменять реальность, воздействуя на окружающий мир и сознание человека. В тексте стихотворения слова становятся символами — каждое из них несет в себе определенную энергетику и значение. Эти символы объединяются в целостное заклинание, которое направлено на достижение определенной цели — будь то исцеление, защита или привлечение чего-либо.

4. В контексте изучения мотивов и образов средневековой мистики в творчестве Николая Гумилёва особенное значение приобретает стихотворение "Пролетела золотая ночь" [\[4, с. 140\]](#), в котором поэт исследует это темное и мистическое время суток, традиционно ассоциирующееся с тайной, мечтами и неведомым, что находит параллели в средневековых мистических традициях. Ночь у Гумилёва становится символом границы между видимым и невидимым, между реальным миром и миром духов, отражая мистическое понимание мира, где ночное время, часто воспринимаемое как период отдыха и спокойствия, здесь наполнено живым действием и пробуждает в человеке глубокие чувства, страсти и желания, которые днем остаются скрытыми. Эти аспекты ночи также приносят с собой встречу с собственными страхами, сомнениями и внутренними демонами, отражая мистическую традицию самопознания.

5. "Огонь". [\[2, с. 82\]](#) В стихотворении "Огонь" центральной темой является внутренняя трансформация и духовное пробуждение, находящие отражение в образе огня. Этот метафорический образ служит многозначным символом, ассоциирующимся с животной страстью и разрушением, а также символизирующим очищение и преображение души, что находит параллели в мистических концепциях средневековья, где огонь часто выступал символом очищения и духовного возрождения. Через этот образ Гумилёв исследует не только инстинктивную и необузданную силу человеческой природы, но и возможность духовного возрождения и истинного самопознания, что отражает влияние средневековой мистической традиции на его творчество. Динамичный и живой стиль Гумилёва, его способность использовать яркие образы и метафоры для передачи внутреннего мира персонажа, также может быть интерпретирован как отражение мистического стремления к пониманию глубин человеческой души и вселенной, что находит отражение в его форме стихотворения, отражающей ритмический и неустанный характер огня. Таким образом, стихотворение "Огонь" может быть понято как часть более широкого контекста мотивов и образов средневековой мистики в творчестве Гумилёва, представляя собой размышление о человеческой природе и возможности духовного пробуждения через процесс, символизируемый огнём как инструментом очищения.

6. "Над городом плывет ночная тишь". [\[5, с. 64\]](#) Столкновение света и тьмы, добра и зла особенно остро ощущается в этом стихотворении. Город предстаёт перед читателем как место, где дуализм мироздания проявляется наиболее ярко.

7. "Экваториальный лес" [\[6, с. 304\]](#). Здесь Гумилев обращается к африканским легендам, пытаясь понять природу человека и мир вокруг него. Это произведение отражает его стремление к синтезу различных культур и мифов.

Эти произведения лишь малая часть того богатства и глубины, которые можно

обнаружить, анализируя мистические мотивы в творчестве Гумилева. Через эти образы и мотивы поэт делится своим видением мира, где реальное и таинственное тесно переплетены между собой. [\[1\]](#)

Влияние мистики на общий стиль Гумилева. Мистика не просто являлась темой или источником вдохновения для Гумилева; она глубоко влияла на сам стиль его творчества, формируя уникальные характеристики его произведений.

1. Структура произведений. Мистические элементы часто определяли композицию стихов и прозы Гумилева. Многие его работы строились вокруг определенной мистической идеи или символа, который развивался и трансформировался в ходе повествования. Это создавало ощущение погружения в глубины тайны, исследования неизведанного.

2. Ритм и метрика. Мистика внесла в творчество Гумилева особый ритм, который порой напоминал заклинания или молитвы. Это придавало его стихам особую музыкальность и гипнотическую силу, создавая ощущение присутствия в другом, параллельном мире.

3. Язык и образы. Гумилев часто использовал архаичный, высокий стиль, напоминающий древние тексты или священные писания. Такой язык делал его стихи в то же время и далекими, и близкими к читателю, создавая мост между прошлым и настоящим. Кроме того, он активно использовал мистическую символику, обогащая свои произведения множеством знаков и образов, каждый из которых нес в себе глубокий смысл. [\[12\]](#)

4. Тембр и настроение. Мистические элементы придавали произведениям Гумилева особое настроение — загадочное, медитативное, порой тревожное. Читатель, погружаясь в эти тексты, ощущал, как будто он стоит на пороге другого мира, где грани реальности стираются.

5. Диалог с традициями. Влияние мистики также проявлялось в диалоге Гумилева с древними литературными и философскими традициями. Он активно взаимодействовал с мифами, легендами и религиозными текстами, переосмысливая их и вводя в контекст современности.

Таким образом, мистические элементы не просто обогащали творчество Гумилева, но и формировали его особенный стиль — глубокий, многогранный и насыщенный смыслами. Этот стиль позволил Гумилеву создать произведения, которые остаются актуальными и сегодня, привлекая читателей своей глубиной и таинственностью.

Исследования, отзыв и критика. Мистические мотивы в творчестве Гумилева не остались незамеченными его современниками и критиками. Реакции на его произведения были разнообразными, но безусловно, многие отмечали особенности его стиля и вдохновения, связанные с мистикой.

Марина Цветаева в своих записях говорила о том, что Гумилев создаёт мир, где "свет и тьма переплетены в едином танце". Она отмечала, что такое сочетание делает его творчество неповторимым и загадочным.

Некоторые критики начала XX века подвергали сомнению исключительную оригинальность мистических образов Гумилева, считая, что он чересчур опирался на западноевропейские источники. Однако даже эти критики признавали, что Гумилев смог привнести в русскую поэзию новый, свежий взгляд на мистическую тематику. [\[8\]](#)

Анна Ахматова, отмечала, что его стихи "звучат как древние заклинания". Её мнение было особенно ценным, так как она могла видеть за словами поэта его внутренний мир и

источники вдохновения.

Р. Д. Тименчик провёл детальный анализ поэтики Гумилёва, включая его отношение к ключевым литературным течениям, таким как символизм и акмеизм. Он исследовал, как Гумилёв сочетал символистские тенденции с акмеистическим стремлением к ясности и точности выражения. Тименчик также уделял внимание взглядам Гумилёва на роль поэта в обществе, подчеркивая его убеждение в важности индивидуального взгляда и автономии художника. [\[14\]](#)

В. Л. Полушин обращал внимание на философские и эстетические основы творчества Гумилёва. Его исследования включали анализ интереса Гумилёва к африканской культуре, что отражалось в экзотических мотивах и образах в его произведениях. Полушин также рассматривал влияние западноевропейских литературных течений на Гумилёва, выявляя, как он переплетал западные и восточные культурные элементы, создавая уникальный синтез. [\[9\]](#)

Таким образом, мистические мотивы и образы в творчестве Гумилева вызвали активный резонанс среди современников и критиков. Несмотря на разные мнения и оценки, все были едины во мнении, что мистика сыграла ключевую роль в формировании уникального стиля и восприятия Гумилева как одного из величайших поэтов своего времени.

Заключение. В творчестве Николая Гумилева мистика занимает особое место. Её влияние проявляется не только в конкретных образах и мотивах, но и в самой структуре, ритмике и языке его произведений. Современники и критики, оценивая творчество поэта, не могли обойти стороной эту особенность. Некоторые видели в мистических мотивах источник уникальности и глубины Гумилева, другие критиковали его за излишнее увлечение оккультными темами.

Тем не менее, именно благодаря этому влиянию творчество Гумилева стоит особняком в русской литературе начала XX века. Мистические мотивы позволили ему создать произведения, которые затрагивают вечные вопросы человечества о жизни, смерти, судьбе и вечности. Эта глубина, сочетающаяся с мастерством поэта, делает его творчество актуальным и интересным для читателей разных поколений.

В завершение можно сказать, что мистика в творчестве Гумилева — это не просто модный тренд или внешний элемент. Это глубоко впитанный в его произведения духовный поиск, стремление понять мир и человека, жажду познания неизведанного. Эта особенность делает его одним из самых ярких и неординарных представителей русской литературы.

Библиография

1. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма, т. 2. – М., 1994. – С. 267.
2. Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Русская литература начала XX века и оккультизм. – М., 1999. – с. 562.
3. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Стихотворения. Поэмы, т. 1. – М.: Воскресение, 1998. – С. 502.
4. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Стихотворения. Поэмы, т. 2. – М.: Воскресение, 1998. – С. 344.
5. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Стихотворения. Поэмы, т. 3. – М.: Воскресение, 1999. – С. 464.

6. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Стихотворения. Поэмы, т. 4. – М.: Воскресение, 2001. – С. 394.
7. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Вступ. ст. А. И. Павловского. – Л., 1988. – С. 632.
8. Дёрина Н. Художественное мироздание Н. Гумилёва и романтическая идея. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – С. 184.
9. Кихней Л.Г. Под знаком акмеизма. – М.: Азбуковник, 2017. – С. 608.
10. Кихней Л.Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. М., 2001. – С. 183.
11. Малых В.С. Поэтика ужасного и «страх пустоты» в раннем творчестве Н.С. Гумилева. Искусство слова – СПб., 2017. – С. 69-77.
12. О Гумилёве. Из дневников Павла Лукницкого. — «Литературное обозрение» 1989, № 6. С. 89.
13. Полушин В.Л. Поэт дальних странствий: Докум. повествование о жизни и творчестве Н.С.Гумилева // Кодры. 1988. - №6.
14. Тименчик Р.Д. История культа Гумилева. – М.: Мосты культуры, 2018. – С. 640.
15. Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. – 1987. – №3 – С. 123 –136.
16. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. - С. 624.
17. Эшельман Р. Гумилёвское «Слово» и мистицизм. — «Русская мысль», 1986. 29 августа. № 3836.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой исследование творчества Н.С. Гумилева в контексте мистических традиций. Автор статьи указывает, что «мистика средневековья, с её богатым символизмом, архетипами и религиозными обрядами» занимала особое место в творчестве и исследованиях Гумилева, а потому свою цель видит в «анализе того, как мистические мотивы и образы средневековья нашли свое отражение в творчестве Гумилева, и какое значение они имели для его литературного наследия и для понимания его как личности» (попутно замечу, что в этом предложении надо убрать запятую перед союзом «и», так как он соединяет однородные придаточные предложения). Но вот собственно анализа мистических мотивов в статье почти нет. Дан перечень, систематизированный свод, который, скорее, представляет собой эмпирическую базу исследования. И он тоже вызывает ряд вопросов. Например, почему «Мотив путешествия в другой мир» трактуется как мистический, а не фольклорный или мифологический, например. Мы помним многочисленные примеры таких «путешествий» в античных мифах, в народных сказках. Тот же самый вопрос возникает и в отношении пункта «Легенды и мифы». Почему они отнесены к мистическим мотивам? Нужна убедительная мотивация, но автор только предлагает перечень с минимальным комментарием, который и вызывает эти вопросы.

В статье в целом выдержан научный стиль, однако автор тяготеет к метафоричности, образности. Это неплохо. Научный стиль должен иметь индивидуальные черты и не обязательно должен быть сухим. Тем более когда речь идет о литературоведческих исследованиях. Но в статье не всегда это получается удачно и уместно. Например, говоря о значении Гумилева для русской литературы, автор пишет: «Николай Гумилев,

без сомнения, стоит в ряду величайших поэтов России начала XX века, ПРИВНОСЯ СВОЮ НЕПОВТОРИМУЮ ИСКРУ В ПАЛИТРУ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» или «КРАСОЧЕ-строки его стихов» (в научной статье лучше избегать эмоционально-окрашенных эпитетов). Вызывает некоторое сомнение и фраза «Анна Ахматова, близко знавшая Гумилева». В ней все вроде бы правильно – действительно, кто лучше Ахматовой, жены Гумилева, матери его сына, мог знать и понимать его внутренний мир. Но так обычно пишут о стороннем человеке. В данной ситуации лучше было бы обойтись вообще без уточнения. Специалист, а основной адресат данной статьи именно он, и без этого уточнения понимает, что Ахматова «близко знала Гумилева». Необходимо откорректировать и такое предложение: «Этот дуализм отражает внутренние борьбы и искушения, которым подвергается человек на своем жизненном пути».

Обращает на себя внимание, что в разделе «Отражение влияния мистики на Гумилева в отзывах современников и критиков» автор статьи чудесным образом обошелся без единой ссылки, хотя приводит цитаты Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой. И думается, что данный раздел должен быть существенно дополнен. Вообще надо заметить, что в целом список литературы оставляет желать лучшего. В нем 9 позиций. Из них 5 – полное собрание сочинений Гумилева. По сути, статья написана без учета работ Л.Г. Кихней, Р.Д. Тименчика, В.Л. Полушина, О.А. Клинка, В.Н. Климчуковой, А.А. Чевтаева, Ю.В. Зобнина, В.С. Малых, С.Л. Слободнюка, и др. – то есть тех исследователей, которые раскрывали в том числе и истоки мировоззрения Н.С. Гумилева. в результате не ощущается существенная научная проработка вопроса.

Таким образом, статья «Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева» может быть опубликована после доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики творчества Николая Гумилева, одного из величайших поэтов России начала XX века, а именно мистики, повальное увлечение которой в к. 19 – н. 20 века нашло отражение во многих произведениях искусства и литературы. Отметим, что мистические мотивы и образы в творчестве Гумилева вызвали активный резонанс среди современников и критиков, однако данный вопрос недостаточно освещен в науке.

Исследование выполнено в русле теории литературоведения, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке.

Практическим материалом послужили 7 произведений.

В качестве методологии применены специфические методы филологического анализа. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части,

традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мотивы и образы средневековой мистики в творчестве Николая Гумилева» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кирова М.М. — Жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Ф. А. Искандера // Litera. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.38756 EDN: WZJURN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38756

Жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Ф. А. Искандера

Кирова Мария Михайловна

ORCID: 0000-0001-5353-8312

аспирант, кафедра теории литературы, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Колмогорова, 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, ауд. 933

✉ mariakirova709@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.38756

EDN:

WZJURN

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2022

Аннотация: Предметом исследования является жанрово-семантическая специфика анималистической прозы Ф. А. Искандера. Объектом исследования – четыре его произведения: «Петух», «Лошадь дяди Кязыма», «Рассказ мула старого Хабуга» и «Широколобий». Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как особенности функционирования образов животных, а также басенные и новеллистические черты в поэтике анималистических произведений Искандера. Влиянием жанра новеллы обусловлены интерес к уникальному и наличие аффективного противоречия. Скрытый дидактизм, выражающийся в повторяющемся мотиве разлуки человека и животного, и слабоструктурированная детализация отсылают к жанру басни. Особое внимание уделяется генезису обозначенных выше явлений. Автором были сделаны следующие выводы. Во-первых, анималистические образы Искандера не имеют явных фольклорных корней: животные не выполняют функцию волшебного помощника, их разумность не связана с культом предков или оборотничеством. Во-вторых, аллегоричность повествования разрушается из-за психологизма и физиологизма в описании животных. Особым вкладом автора в исследование является сопоставление анималистики

Искандера с трудами Ч. Дарвина. Новизна исследования заключается в том, что переосмыслены несколько устоявшихся среди искандероведов положений. Во-первых, анализируемые произведения Искандера представляют собой не просто новеллы, а являются синтезом новеллы и басни. Во-вторых, аналогизм животных и людей, способность животных к метафизической рефлексии не являются индивидуальной особенностью поэтики Искандера, а обусловлены влиянием трудов Ч. Дарвина. В-третьих, предпринята попытка оспорить устоявшееся мнение о том, что животные в произведениях Искандера нравственнее людей. В действительности, они верны природным законам, которым люди перестали следовать. Искандер изображает политический режим агрессивной биологической средой, к которой животным труднее приспособиться, чем людям. Анализ творчества Искандера наглядно показывает, что дарвинизм даёт простор для новых интерпретаций литературной анималистики.

Ключевые слова:

Фазиль Искандер, анималистика, новелла, басня, аллегория, Чарльз Дарвин, аристотелевская шкала совершенства, антропоцентризм, натуроцентризм, органицизм

В советской литературе 1960-1980-х активно развиваются тема человека и природы. Однако анималистические выделяются на общем фоне не только по жанру, но и подходом к изображению животных. Разнообразие бестиария Искандера чаще всего связывают с «Созвездием Козлотура» и «Кроliками и удавами», недооценивая оригинальность его малой анималистической прозы. Анализ жанрово-семантической специфики именно этой прозы является главной целью данной статьи. Объектом исследования являются четыре рассказа: «Петух», «Лошадь дяди Кязыма», «Рассказ мула старого Хабуга» и «Широколобый».

В 1950-е годы намечается тенденция отказа от антропоцентризма: многие авторы начинают писать о природе в натурфилософском ключе. К 1970-м годам формируется одноимённое направление, объединяющее творчество В.П. Астафьева, Ч.Т. Айтматова, В.Г. Распутина и А.А. Кима. А. И. Смирнова описывает это направление следующим образом: «Натурфилософская проза сочетает в себе глубокое осмысление «вечных» вопросов с неохристианскими этическими концепциями... Изображение нестабильного состояния мира, распадающихся связей, дисгармоничного существования побуждает писателей онтологические, этические опоры искать в мифе» (эта цитата взята из учебного пособия А. И. Смирновой «Русская натурфилософская проза второй половины XX века, 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012, с. 11). Искандера нельзя отнести к этой группе по двум причинам. Во-первых, уделяя внимание проблеме утраты гармонии человека с природой, он не обращается к религии. И, во-вторых, изменчивость – естественное свойство мира по Искандеру, а не признак дисгармонии, поэтому он не использует излюбленный писателями-натурфилософами принцип антитезы и отказывается от создания «типа естественного человека» (с. 41, 95). Произведения Искандера отличаются заметной долей скептицизма, о чём пишет в своей известной книге «Смех против страха...» Н. Б. Иванова: «Скептическое отношение к “принципам”, к высокомерно утверждаемой “морали” характерно для позиции Искандера» [\[1, с. 83\]](#). Хотя, судя по жанру анималистических произведений, он не является полным скептиком.

Основным форматом малой прозы Искандера считается новелла. Е. В. Комовская отмечает, в новелле больше драматизма и психологизма, также авторская позиция выражена слабее, чем в рассказе: «Действительность в рассказе полностью

воссоздаётся автором, а из реальности берутся только значимые проблемы... Действительность в новелле основывается на реальных общественных событиях, преломлённых в личных судьбах» [2, с. 142]. В анималистических произведениях Искандера, безусловно, есть новеллистические черты, но по ряду причин их нельзя однозначно причислить к этому жанру.

Во-первых, произведения Искандера не создают впечатление целостности жизни. Как пишет М. А. Петровский, сюжетное ядро новеллы «должно находиться в определённой внутренней связи и с прошлым, и с будущим...» [3, с. 73]. Разрушение этой связи в произведениях Искандера происходит в значительной степени из-за автопсихологизма. Л. С. Янковская, исследуя элементы самоанализа в прозе писателя-натурфилософа В. Астафьева, отмечает: «Невозможность найти ответы на вопросы, поставленные перед каждым человеком жизнью, заставляла писателя обращаться к собственным истокам, чтобы в трагических противоречиях современной действительности находить основополагающие начала добра и красоты» [4, с. 90]. Герои Искандера много размышляют о прошлом, но при этом, переосмыслив то или иное событие, они не находят в своих воспоминаниях ответы на те вызовы, которые им бросает жизнь. Во-вторых, Искандер не показывает, как обращение к прошлому изменило героев: в них нет плана будущего, важной новеллистической составляющей. Вместо этого только тревога перед неведомым завтрашним днём.

И, в-третьих, в анималистических произведениях Искандера практически отсутствует, так называемое, *pointe*. Петровский отмечает, что в новелле происходит предельная концентрация внутреннего мира вокруг «главного», «решающего» противоречия, крайне заострённого испытания, результат которого формально реализуется в так называемом *pointe*, или точке наивысшего напряжения [3, с. 75-76]. А. А. Реформатский описывает *pointe* новеллы как «окончание на неустойчивом моменте, как в музыке окончание на доминанте» [5, с. 11]. Однако у Искандера нет новеллистической неустойчивости, противоречия в финале произведений до конца не разрешаются. Учитывая вышеперечисленные особенности поэтики Искандера, а также повторяющийся мотив разлуки животного и человека, указывает на влияние другого жанра – басни.

Анализируя произведения И. А. Крылова, Л. С. Выготский выделяет две особенности, которые сближают их с жанром новеллы: аффективное противоречие и катастрофу (по аналогии с *pointe* новеллы). Аффективное противоречие у Искандера выражается в том, что, чем грубее петух вёл себя с курами, чем более отважно он сражался, тем более жалкую смерть он встречает. Красота и выдающиеся способности лошади Куклы не обеспечивают ей спокойную жизнь, а, наоборот, приводят к тому, что она оказывается на войне. Инаковость и принципиальность старика Хабуга не мешают ему следовать течению новой жизни. А мощь и строптивый нрав буйвола Широколобого плохо сочетаются с сильной привязанностью к пастуху Бардуше и спокойным принятием своей смерти. Выготский описывает катастрофу в басне следующим образом: «...заключительное её место, в котором объединяются оба плана в одном акте...обнажая свою противоположность. Происходит как бы короткое замыкание двух противоположных токов, в котором самое противоречие это взрывается, сгорает и разрешается» [6, с.178]. В произведениях Искандера конфликты не разрешаются, но сглаживаются, что особенно заметно в «Петухе» и «Широколобом».

Выготский также различает прозаическую басню, идущую от Эзопа, и поэтическую, разработанную Ж. Лафонтеном и развитую И.А. Крыловым. Разница между этими

модификациями жанра заключается, по его мнению, в двух моментах: в наличии морали и степени детализации. В анималистических произведениях Искандера нет ярко выраженного дидактизма, что сближает их с новеллой и с поэтической басней. Повышенная детализация, на первый взгляд, отсылает к обоим жанрам, но она отличается в них по степени структурированности. В новелле всё подчиняется созданию сильного эмоционального впечатления, поэтому композиция и художественные средства подобраны в ней с предельной тщательностью. Детализация же в басне усиливает лиричность, которая, однако, не способствует раскрытию морали. Как отмечает Выготский, с отсылкой к Г. Э. Лессингу: «...чем поэтичнее и живописнее описание в басне и чем формально более совершенно обработан её рассказ, тем меньше басня отвечает своему назначению» [6, с. 126]. Стремление Искандера описать своих персонажей максимально подробно образует новые сюжетные ответвления и лишает структуру его произведений новеллистической стройности.

Главное различие между жанрами новеллы и басни заключается в том, что новелла тяготеет к индивидуальному, необъяснимому, уникальному, а басня, наоборот, старается всё объяснить и обобщить. Новеллисты в небольшом эпизоде видят отражение всей вселенной, у баснописцев нет такой цели: они познают мир медленно и постепенно. Каждого животного Искандер изображает как особенного для своего хозяина и в то же время вполне заменимого. В произведениях Искандера соединяются новеллистические и басенные мотивы, что выражается в сочетании лиризма, драматизма и эпичности. Можно предположить, что анималистические произведения Искандера написаны в синтетическом формате, объединяющим новеллу и басню. Но для того, чтобы понять, почему происходит синтез этих жанров необходимо охарактеризовать образы животных в художественном мире писателя и особенность их взаимоотношений с человеком.

У писателей-натурфилософов животные преимущественно антропоморфны, и этот антропоморфизм имеет явные тотемические корни (А. И. Смирнова, с. 143-144). Узнавание в животном человеческих черт объясняется пробуждением прапамяти в герое. Писатели-натурфилософы используют и мотив оборотничества (А. И. Смирнова, с.56). Несмотря на осознание необходимости гармоничного сосуществования всех живых существ, человек в их произведениях остаётся высшей формой жизни, которой необходимо подчиниться или которую как минимум следует уважать (А. И. Смирнова, с.41).

Искандеру ближе не антропоцентрическая, а натуроцентрическая картина мира. Антропоморфизм его персонажей не связан с культом предков, с метемпсихозом и оборотничеством. Его герои не называют своих питомцев терминами родства. Животные в произведениях Искандера любят людей, но живут максимально от них независимо и не считают целью своей жизни служение человеку. Это относится не к отдельным, а ко всем особям. Независимость проявляется, во-первых, в отсутствии желания полностью понимать человеческий язык. Во-вторых, животные выстраивают собственные иерархии живых существ, где люди далеко не на вершине. Как рассуждает мул Арапка: «Вообще, по моим долгим наблюдениям, ум среднего мула гораздо выше ума среднего человека. И это понятно – почему. Человек, как хищное животное, в основном из мяса делает своё мясо. А мул из травы делает мясо. Из мяса сделать мясо каждый дурак сможет. А вот ты попробуй из травы сделать мясо – это, братец, куда сложнее» [7, с. 391]. Широколобий также не превозносит умственные способности людей. Он считает, что человек не умнее животных, а лишь сильнее влияет на мир. Буйвол привык «подчиняться разумной воле людей» [8, с.266], особенно находясь вне родного стада. Как и Арапка, Широколобий также помещает в центр картины мира именно свой вид, что отразилось в его

размышлениях: «Широколобый давно заметил, что чегемцы, подзывая свиней или загоняя их в свинарник, не могут скрыть в голосе брезгливого презрения. Разумеется, свинья лучшего обращения и не заслуживает... Одно дело – могучий буйвол, пожёвывая вкусную жвачку, спокойно лежит в запруде с вороной на голове и черепахами на спине. И совсем другое дело – хрюкающая свинья ёрзает в грязной луже!... Широколобый от всей души презирал свиней и в этом, сам того не зная, был настоящим мусульманином» [\[8, с. 264\]](#). В этом отрывке также просматривается аналогия животных и людей. Из него нельзя понять, буйволы подражают людям или наоборот. Животные в произведениях Искандера вполне самодостаточны, человек – вовсе не обязательная часть их картины мира, о чём, например, можно судить по этому размышлению широколобого о людях: «... люди так похожи друг на друга! Не говоря о буйволах, двух коров, даже если они одной масти, он всегда мог отличить. То же самое лошади» [\[8, с. 263-264\]](#). Но при этом человек присутствует в каждом из четырёх анималистических произведений. Какие же взаимоотношения складываются между животным и его хозяином?

Можно выделить три специфические особенности изображения взаимоотношений человека и животного. Первая из них заключается в том, что автор отказывается описываемым животным в уникальности: многие петухи воинственны, ни одно из достоинств лошади Куклы не удивляет повествователя, мул у Хабуга был до Арапки, будет и после, и Широколобый – не единственный буйвол, которому удалось сбежать из бойни. Это не создает эффект цикличности, как у писателей-натурфилософов (А. И. Смирнова, с.123). В ранних анималистических произведениях Искандера нет кольцевой композиции, а в поздних – полному повторению предпочитает аналогию. В конце «Рассказа мула старого Хабуга» Арапке только снится котловина Сабида и жеребёнок, хотя с похожей экспозиции начался сама новелла. В «Широколобом» буйвол, купаясь в море, пытается повторить солнечный день из далёкого детства, но безуспешно. Буйвол в начале повествования и в его конце спокоен, только в начале он отдыхает в запруде, а в конце – в море. Искандер не разделяет идеалистическую убеждённость писателей-натурфилософов в неизменности природы, ничто не остаётся прежним.

Вторая особенность взаимоотношений героев и своих хозяев в произведениях Искандера – это отказ от идеализации животных, даже тех, кто претендует на роль лучшего представителя своего вида. Петух из одноимённой новеллы изображён вором, обманщиком и насильником. В «Лошади дяди Кязыма» Кукла очень своенравна, она даже подвергла опасности юного рассказчика. А Широколобому не чужды злость, равнодушие, зависть и гордыня. Третья особенность заключается в том, что герои, как и повествователь, считают вполне естественным высокий уровень духовного развития животных. В произведениях нет момента «узнавания» в животном человеческих черт, часто играющий важную роль у писателей-натурфилософов. Особенно показательна в этом плане реакция старого Хабуга: он обиделся на мула за то, что тот, испугавшись треска в кустах черники, сбросил его с себя. Старик посчитал это не проявлением звериной неразумности, а оскорблением. Хабуг также не мог простить мулу, что тот уронил его перед ослом: «Через эту проклятую гордость, я думаю, он и продать меня решил. Как это так, он упал с мула, да ещё на глазах у ослика» [\[7, с.449\]](#). Да и сам мул прекрасно понял эмоции своего хозяина: «И вот я вернулся и увидел, что мой старик сидит на земле, а ослик (Позор! Позор! Он всё видел!) спокойно похаживает возле него... Может, не окажись этого дрянного ослика, он бы меня не так страшно наказал» [\[7, с.449\]](#). Этот рывок достаточно ярко демонстрирует уверенность рассказчика в полной аналогичности поведения животных и людей. У них складываются равноправные партнёрские отношения, они относятся друг к другу, как равные. Аффективное

противоречие создаётся также за счёт того, что животные считают людей равными себе, а люди – нет. В чём причина?

Поздние анималистические новеллы Искандера отличаются ещё и тем, что, помимо людей и животных, в них начинают упоминаться машины. Большинство писателей-натурфилософов размышляют о губительном влиянии индустриализации на всё живое. Также в них присутствует мотив близости людей к машинам (А. И. Смирнова, с.74). У Искандера такого нет. Люди могут пострадать от обилия техники так же сильно, как и звери, но в целом машины не играют особой роли. Они фигурируют либо как часть фона, либо как нечто необязательное, несуразное и даже беспомощное. Яркий пример тому – трактор из новеллы «Широколобий». Буйвол называет его Сонливым или Тупым Крепышом и иронизирует над его силой: «...Широколобого вместе с другим буйволом пригнали на склон, где Сонливый Крепыш во всю глотку стонал и кряхтел, но никак не мог сдвинуть огромное бревно, застрявшее на крутом подъёме» [\[8, с.252\]](#).

В произведениях Искандера связь между человеком и животным утрачивается не из-за механизации труда. Это можно заметить при сравнении «Лошади дяди Кязыма» и «Рассказа мула старого Хабуга». Главные герои обоих произведений отказываются от своих питомцев, однако Хабуг принимает мула по возвращении, а Кязым Куклу – нет. Человек, пришедший за лошадью для фронта, говорит, что готов взять любую лошадь, не обязательно Куклу, но Кязым отдаёт именно её: «Сегодня же найду тебе — сдай другую... — Неудобно, все знают мою Куклу...» [\[10, с.171-172\]](#). А когда же лошадь возвращается с «убитой гордостью», то Кязым к ней даже не подходит, хотя видит, как она ждёт его: «Какой ты жестокий! — сказала тётка однажды, когда мы собрались перед обедом на кухне. — Подошёл бы хоть раз, приласкал бы...— Можно подумать, что ты мою лошадь любишь больше, чем я, — сказал он насмешливо...» [\[10, с.181\]](#). Если бы Кязым был уверен в своей правоте, он бы не побоялся подойти к Кукле. Хабуг же не прогоняет возвратившегося Арапку и заботится о нём. Вначале он старается выглядеть хладнокровно. Но, услышав о ране на спине мула, старик сразу же подошёл к нему и сказал своим внукам: «...вернёшь ему деньги. Я Арапку беру назад, раз ему невтерпёж там жить» [\[7, с.463\]](#). Старик отнёсся к мулу, как к другу, а более молодой Кязым к Кукле – как к вещи. Что же спровоцировало такую сильную разницу между поколениями?

В отличие от писателей-натурфилософов, Искандер сомневается в том, что сближение с природой может предотвратить разрыв между людьми разных эпох. Кязым, как и Хабуг, живёт в деревне и способен понимать животных. Именно он рассказал хозяину буйволицы о том, что «буйвол обиду помнит всю жизнь», и тем самым отсрочил смерть Широколобого [\[8, с. 280\]](#). Но всё же Кязым и Хабуг совершенно не похожи друг на друга. По всей видимости, это произошло под влиянием нового политического строя, который установился после революции. Люди старого поколения сохраняют связь с природой, и чем моложе человек, тем сложнее ему это сделать. Стоит отметить, что Хабуга постоянно убеждают пересечь с мула на лошадь, но старик не соглашается. Главная черта характера Хабуга – верность традициям, что сближает его с природой, которая из года в год живёт по одним и тем же законам. По мнению Искандера, убеждения людей не такие твердые, как привычки животных. А установившийся политический строй вынуждает людей быть ещё более гибкими, отчего мировоззренческая пропасть между людьми нового времени и старого поколения только увеличивается. Да и сам Хабуг всё же встраивается в новый мир, вступает в колхоз. Его нельзя отнести к типу естественного человека, который не может измениться и уходит вместе с крестьянским миром (А. И. Смирнова, с. 15)

Фабульная основа произведений Искандера – не схватка с природой, как у многих писателей-натурфилософов (А. И. Смирнова, с. 59), а испытание дружбы. Искандер верит не в родство, а в равенство людей и животных. В его произведениях люди разрывают связь с природой не из-за технологического развития, а по причине несвободы, наступившей с переменами 1930-1940-х годов. Как пишет Иванова: «Мир природы — это мир свободы; мир людей — мир несвободы, наделённый опасной для всего живого силой уничтожения». [1, с. 269]. В другой работе она продолжает эту мысль: «У Искандера – свой мир, свой Мухус, свой Чегем», где «природное преобразуется в нравственное». [9, с. 8, 12]. Природа – свободолюбивая и гармоничная стихия, но в новой реальности человека вынуждают отдалиться от неё. Поэтому Кязыму не хватило воли спасти Куклу, а Бардуше – Широколобого. Это трагическое несовпадение мировоззрений людей и животных как раз передаёт басенно-новеллистическое аффективное противоречие.

В ранних произведениях Искандер описывает взаимодействие одного животного со своим хозяином, в поздних – стремится увеличить число персонажей и придать проблеме взаимоотношения людей и животных всеобщий характер, отчего усиливается эпичность повествования. Однако Искандер не изображает ни представителей или сторонников новой власти, ни явных борцов с ней, – герои только приспосабливаются. В произведениях Искандера политический режим предстаёт агрессивной биологической средой, этапом в развитии всего живого. Животные сильнее людей связаны с природой, отчего адаптируются к новому режиму гораздо хуже, поэтому и страдают больше. Предлагаемая интерпретация несколько отличается от принятого среди искандероведов мнения, что животные – более нравственные создания. Они не лучше и не хуже людей, а просто остаются верны природным законам, которым люди перестали следовать.

Отличие в ценностных ориентирах людей разных поколений рассказ «Широколобый» передаёт наилучшим образом. В нём разрыв человека с природой более заметен. Чегем перестаёт быть идиллически изолированным от влияния нового режима. Даже среди местных жителей находятся те, кто не уважают и не понимают животных. Предыдущий буйвол, которому удалось сбежать из бойни, жил среди людей в почёте и заботе, а Широколобого убили, и именно этот контраст является сюжетообразующим. Важно, что Искандер изображает случившееся без осуждения. Чегем спокойно наблюдает смерть своего жителя: «...далёкие, но различимые для любящего глаза пятна голых утёсов над Чегемом – всё, всё утонуло в примиряющем свете закатного солнца. И это же солнце озаряло могучую голову Широколобого...со стороны некому было посмотреть, да и нет в этом мире сторонних» [8, с. 309]. Чегем стал другим, потому что время пришло другое. Но при этом Искандер не дал своему герою увидеть эту перемену, отчего буйвол умер в спокойном неведении.

Как отмечалось ранее, при описании людей и животных Искандер неоднократно прибегает к построению аналогий. В одних рассказах параллель занимает важное место: тирания мальчика и петуха, мудрость и гордость Хабуга и Арапки, в других – присутствует в качестве детали (рога буйвола и усы чегемца, одинаково грубые осёл и его хозяин). Н.Б. Иванова, пишет, что писатель «не только уподобляет сознание и душевный строй животного – человеческому, но и самого человека тому или иному зверю» [1, с. 269]. М. М. Глазкова также отмечает, что анималистические персонажи Искандера, в частности, мул Арапка и буйвол Широколобый, выполняют аналогическую функцию, поскольку концентрируют в себе «первичные» людские качества», не утрачивая звериных [11, с. 144]. Иванова объясняет эту особенность влиянием

фольклорно-тотемной и басенной традиций, но при этом считает это также уникальной чертой поэтики автора.

Функции анималистических образов в литературе анализирует Выготский. Он пишет, что животные «создают сразу же совершенно нужную и необходимую для эстетического впечатления изоляцию от действительности» [6, с. 125]. Искандер, напротив, старается описать героев как можно правдоподобнее, что доказывает множество этологических и физиологических замечаний. Рассуждая о персонажах басни, Выготский отмечает, что «...каждое животное представляет заранее известный способ действия, поступка, оно есть раньше всего действующее лицо не в силу того или иного характера, а в силу общих свойств своей жизни» [6, с. 129]. В образах животных Искандера имеются типические черты: драчливость петуха, ретивость и верность коня, вспыльчивость и трудолюбие быка, выносливость и упорство мула, – однако в целом писатель выходит за рамки любых стереотипов. Животные Искандера имеют богатый внутренний мир и вызывают сильное сострадание у читателя, что не свойственно басне. В произведениях Искандера, безусловно, есть элемент аллегии, описанные в них события можно соотнести с жизнью человека. Но аллегоричность разрушается психологизмом и физиологизмом в изображении животных, поэтому можно предположить наличие не отмеченного искандероведами контактного схождения.

Представление об аналогичности человеческого общества миру животных и отказ от антропоцентризма делают Искандера сторонником органицизма, который тесно связан с эволюционным учением Ч. Дарвина. Сам же Искандер в своём позднем рассказе «Козы и Шекспир» поясняет аналогизм внешности живых существ с помощью эволюционной теории: «Курчавые овцы паслись над курчавым клевером, отчего, вероятно, делались ещё курчавей по законам Дарвина» [12, с.230]. Несмотря на шуточность этого замечания, оно отнюдь не исключает вполне серьёзной связи творчества Искандера с учением Дарвина. К дарвинизму отсылает не только убеждённость Искандера в аналогии внешнего вида людей и животных. В его произведениях смертность особей, а также скорость и качество их размножения влияют не только на животных, но и на людей. Арапка и Широколобый сильно переживают из-за того, что стада уменьшаются, и Хабуга волнуется то, что чегемская кровь слабеет под натиском чужеземцев. Влиянием идеи эволюции можно объяснить обращение Искандера к описанию смены эпох. Автор осуждает не скорость происходящих перемен, а то, что они идут вразрез с многолетним крестьянским опытом. Поэтому взаимопонимание между человеком и природой сменяется насилием и потребительским отношением к животным.

По мнению Искандера, человечество развивается, но не прогрессирует. Это мнение, возможно, сформировалось также под влиянием дарвинизма, благодаря которому своё объяснение нашли феномены реверсии и атавизма. Примечательно описание орехового дерева из заключительной главы «Сандро из Чегема» под названием «Дерево детства»: «...убить этот могучий орех не смогли ни земные, ни небесные силы. Он продолжал жить и плодоносить» [8, с. 602]. Отношение к природе, как к особому, таинственному миру, не подвластному ни людям, ни богу, также сближает мировоззрение Искандера с английским натуралистом. Дарвин был одним из первых учёных, отказавшихся в своем исследовании от догмата о сотворении мира. По замечанию Дж. Бир, главного исследователя поэтики натуралиста, Дарвин отказался и от концепта «золотого века»: природа всегда была одновременно изобильна, даже расточительна и строга [13, с. xviii] (перевод автора статьи). В анималистических произведениях Искандера также нет заметного элемента ностальгии: жизнь меняется, а не становится лучше или хуже.

Отмеченная связь анималистических произведений Искандера с эволюционным учением Дарвина представляется крайне интересной. К. Данта в своей книге выделяет следующие черты влияния эволюционной теории на изображение животных. Во-первых, интерес к метафизическим размышлениям животных [\[14, с. 63\]](#) (перевод автора статьи). Это же подмечала в своей статье К. Р. Цолия: «Автор наделяет своих животных теми качествами, которые не помешали бы многим людям. Его герои-животные осознают, понимают намного больше, чем это дано человеку» [\[15, с. 172\]](#). О подобном писала и М. М. Глазкова: «В отличие, например, от традиционных героев анималистических произведений, которыми движет природный инстинкт, мул наделён способностью к рефлексии, осмысленной деятельности» [\[11, с. 144\]](#). Во-вторых, с позиций животного критикуются не только пороки людей, но и форма их общения, уклад жизни и т.д. [\[14, с. 86\]](#) (перевод автора статьи). Арапка и Широколобий неоднократно замечали нелогичность поведения людей. В-третьих, неаллегоричность анималистических образов усиливается вниманием авторов к физиологии и этологии животных [\[14, с.191\]](#) (перевод автора статьи). И, действительно, Искандер подробно изображает особенности поведения своих героев. И, в-четвёртых, как пишет Дж. Д. Арчибальд, эволюционная теория провоцирует создание альтернативных высших цепей бытия [\[16, с. 19\]](#) (перевод автора статьи). Эта черта также нашла отражение в произведениях Искандера. В картине мира Широколобого свиньи – ничтожные существа, лошади – воплощение достоинства, своего рода потомки богов. Арапка также сравнивает мулов с собаками, осликами, людьми и лошадьми.

Животные изображаются представителями особой «ксеноцивилизации», если использовать термин, предложенный Е. В. Зуевой. Эта особенность была проанализирована исследовательницей на примере английской анималистики (цитата взята из автореферата дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. КГУ, «Жанровое своеобразие британской анималистики второй половины XX века», 2018, с.22). Исследовательница отмечает стремление анализируемых авторов максимально подробно изобразить внутренний мир животных, и связывает этот интерес с популярностью книг Ч. Дарвина (Е. В. Зуева, с.8). Отобранные Зуевой произведения посвящены конфликту между человеком и природой (Е. В. Зуева, с. 22), что отсылает скорее к традициям сентиментализма и романтизма, однако там люди безнадежно оторваны от природы по причине своей греховности. Второй коперниканский переворот, вызванный публикацией «О происхождении видов» Дарвина, спровоцирован полным развенчанием антропоцентрической картины мира. Как пишет А. Диниенко, эволюционная теория Дарвина «подорвала ценность традиционной религии и морали...потому что она подразумевала, что человек был не более чем "говорящей обезьяной", и для его создания не было необходимости в Боге» [\[17\]](#) (перевод автора статьи).

Влиянию дарвинизма на творчество посвящена и статья С. П. Белогуровой [\[18, с. 118\]](#). В этой работе эволюционная теория ассоциируется в первую очередь с идеей борьбы за существование. Исследовательница концентрируется на творчестве тех писателей-анималистов, у которых звери противопоставляются человеку с учётом их близости к природе. Животные, в отличие от людей, не могут полноценно существовать вне своей среды, поэтому главной ценностью для них является свобода. Для дарвинизма актуальнее идея равенства человека и животного, а также умение адаптироваться. В анималистических произведениях Искандера нет свободных ни среди людей, ни среди животных. Людям жалко своих любимцев, но они не могут ни защитить их, ни противостоять тем установкам, которые им навязывает общественный строй. Животные

либо умирают, либо, теряя достоинство, адаптируются к существующим условиям. Стоит отметить и такую закономерность: выжившие становятся психически сломленными (Кукла), либо страдают физически (межвидовое скрещивание, приведшее к бесплодию у Арапки). Надломленность в характере этих животных также передаётся в названиях рассказов: вместо их кличек указываются имена хозяев. В соответствии с новой исторической эпохой меняются не только животные, но и люди, что наиболее ярко прослеживается в «Рассказе мула Старого Хабуга»: люди становятся равнодушнее, их кровь слабеет. Несмотря на то, что Искандер отказывается от явного морализаторства, в судьбах животных и людей проявляется беспощадность и противоестественность той реальности, в которой вынуждены жить герои Искандера.

В Великобритании наследие Дарвина высоко оценивается литературоведами. Труды натуралиста становились бестселлерами по всей Европе, его книги интересны не только по содержанию, но и своим жанром. Дж. Бир, главный исследователь поэтики Дарвина считает, что в его изложении сочетаются черты анекдота и научного наблюдения («method of anecdote and observation»): «Анекдот признаёт интерпретирующую роль наблюдателя, стремящегося проникнуть в другие формы сознания несовершенными средствами собственной внимательности». [\[13, с. 254\]](#) (перевод автора статьи). Бир отмечает в изложении Дарвина «страстное увлечение созданием басни» ("passion for fabulation") [\[13, с. 25\]](#) (перевод автора статьи). Учёный преподносит исследуемые объекты, с одной стороны, как уникальные, обращая внимание на мельчайшие подробности, а с другой стороны эти же объекты группирует и классифицирует [\[13, с. 254\]](#) (перевод автора статьи). В художественном мире Дарвина всё одновременно является и неожиданным, и закономерным. Согласно Дж. Кэрроллу, повествованию Дарвина свойственно чередование четырёх видов модусов художественности: героический, трагический, элегический, иронический [\[19, с. 31-34\]](#) (перевод автора статьи). Давая характеристику языку Дарвина, Э. Баллу сравнивает мысли натуралиста с кораллами: они также многослойны и разнообразны и быстро разрастаются. К основным приёмам Дарвина Баллу относит внимание к деталям («взгляд из микроскопа»), универсализм («взгляд из телескопа») и «прыжки во времени и пространстве» [\[20, с. 2\]](#) (перевод автора статьи).

Одна из главных заслуг Дарвина в философском плане заключается в том, что он выдвигает особую концепцию асимметрии времени. По мнению Бир, повествование Дарвина отличается отсутствием плана будущего: «...он объясняет прошлое, но не то, что должно произойти...Нигде Дарвин не даёт намёка на будущие формы: и это правильно, поскольку фундаментальным для него является то, что они...возникают из слишком большого числа переменных, которые нельзя спрогнозировать заранее» [\[13, с. xix\]](#) (перевод автора статьи). Дарвин сформировал особое отношение и к прошлому, благодаря изучению феномена атавизма [\[14, с. 69\]](#) (перевод автора статьи). Невозможно предугадать, проявится ли реверсия в новом поколении или нет, и если да, то в какой степени: кто-то будет похож на свою прабабушку, а кто-то родится с хвостом. Близость и активность прошлого внушает не меньший страх, чем неизвестность будущего, что проявляется в творчестве многих писателей-дарвинистов. Бир отмечает, что Дарвин изучает «топологию времени» [\[13, с. 81\]](#) (перевод автора статьи), он продвигает идею родства и относительности времен. Прошлое в его представлении непостижимо и бездонно.

Теория Дарвина нанесла большой удар аристотелевской шкале с идеей человека как незыблемого венца творения. Натуралист не только считает людей потомками обезьяноподобных существ, но и расширяет представления об эмоциональном спектре

животных. В книге «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин утверждает, что зверям доступны уныние, отчаяние, ненависть, презрение, повышенное внимание к себе. Всё это разрушает веками формировавшееся представление об ограниченности животных и склоняет к тому, что животные гораздо ближе к людям, чем казалось ранее. Подобные взгляды не могли не отразиться на анималистической литературе.

Мысль Бир о тяготении Дарвина к жанру басни развивает К. Данта. Он отмечает, что авторы рубежа XIX-XX вв. повсеместно отказываются от чётко сформулированной морали. Данта объясняет это тем, что в баснях этого периода начинают «подвергаться сомнению традиционные философские и теологические концепции человека». [\[14, с. 36\]](#) (перевод автора статьи). С утратой классической двухчастной структуры басня начинает тяготеть к более крупной эпической форме: к новелле, повести и роману. В разной степени, но во всех четырёх анализируемых произведениях Искандера встречаются черты дарвинской поэтики и мировоззрения. Влиянием трудов Дарвина можно объяснить и одновременное стремление Искандера к индивидуализму и универсализму, что и провоцирует синкретизм жанров новеллы и басни. В его произведениях, как и у Дарвина, происходит чередование «взглядов из микроскопа и телескопа», что приводит к образованию полиновеллистичности. Повествование часто ведётся одновременно от первого, третьего и неопределённо-личного лица, ярким примером чему является «Широколобый»: читатели смотрят на мир глазами буйвола, а затем уже отстранённо на него самого.

Отношение Искандера к понятию времени очень похоже на дарвинское. В его анималистических произведениях отсутствует план будущего, а прошлое «сосуществует» с настоящим, что отражается в изображении реверсивных явлений. Многие животные Искандера родились не в своё время. К ним относятся петух, который должен был родиться в далёком прошлом, а также буйвол Широколобый, слишком крупный для колхоза, и лошадь Кукла, слишком своенравная для войны. Хабуг, талантливый и инициативный крестьянин, с большим трудом пытается подстроиться под плановую систему колхоза, а сильный буйвол Широколобый пытается соперничать с трактором. Сочетание разных модусов, о которых говорит Кэрролл, особенно проявляется в тех произведениях Искандера, где животное умирает: в «Петухе» сочетаются иронический, героический и трагический пафос, в «Широколобом» – элегический и трагический.

Проведённый анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что многие особенности не только сюжета, но и формы анималистических произведений Ф. Искандера можно объяснить влиянием эволюционной теории Дарвина. Подобно знаменитому натуралисту, в своих произведениях он сочетает индивидуализм и универсализм. По существу, происходит синтез дидактической басни и антидогматичной новеллы. Описания животных Искандера отличаются психологизмом и физиологизмом. Писатель подчёркивает независимость животных от людей с помощью деталей, тесно связанных с эволюционной теорией: каждый вид ставит себя в центр мироздания, имеет свой язык, свою иерархию живых существ и своих богов. Это явно нарушает аристотелевскую шкалу совершенства. Убеждённость Искандера в равенстве людей и животных подтверждается аналогичностью их внешнего вида и поведения. Примечательно и то, что он описывает явления-атавизмы. Творчество Искандера наглядно показывает, что дарвинизм даёт новый толчок развитию натуроцентрических представлений и приводит к новому осмыслению литературной анималистики.

Выражаю благодарность Н. Б. Ивановой за полезное обсуждение и помощь в подготовке рукописи.

Библиография

1. Иванова Н.Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер / М.: Советский писатель, 1990. 320 с.
2. Комовская Е.В. Жанровая специфика современного романа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №12-2. С. 138-146.
3. Петровский М. А. Морфология новеллы / Под ред. М.А. Петровского. М.: Ars poetica, 1927. 140 с.
4. Янковская Л. С. Автобиографизм или автопсихологизм? к вопросу авторского присутствия в художественном повествовании // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. №1. С. 87 – 91.
5. Реформатский А. А. Опыт анализа новеллистической композиции / М.: Профтехшкола, 1922. 20 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции / М.: АСТ, 2018. 416 с.
7. Искандер Ф. А. Собрание. Том 4. Сандро из Чегема. Кн. 1. М.: Издательский дом «Время», 2003. 689 с.
8. Искандер Ф. А. Собрание. Том 6. Сандро из Чегема. Кн. 3. М.: Издательский дом «Время», 2003. 673 с.
9. Иванова Н. Б. Мир и миф Фазилия Искандера // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2019. № 4. С. 8–12.
10. Искандер Ф. А. Собрание. Том 1. Путь из варяг в греки. М.: Издательский дом «Время», 2003. 705 с.
11. Глазкова М. М. Роль природы в творчестве Ф. Искандера // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 9. С. 139–148.
12. Искандер Ф. А. Собрание. Том 9. Козы и Шекспир. М.: Издательский дом «Время», 2004. 705 с.
13. Beer G. Darwin's Plots: Evolutionary Narrative in Darwin. George Eliot and Nineteenth-Century Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 330 p.
14. Danta C. Animal Fables after Darwin: Literature, Speciesism, and Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 216 p.
15. Цколия К.Р. Размышления о человечности в художественной литературе. // Вестник Российского университета дружбы народов. Научный журнал. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. Научный журнал. М.: РУДН, 2013 г. №4. С. 170-173.
16. Archibald, D. J. (2014). Aristotle's Ladder, Darwin's Tree: The Evolution of Visual Metaphors for Biological Order (Illustrated ed.). Columbia University Press. 256 p.
17. Diniejko A. Charles Darwin's Theory of Evolution and the Intellectual Ferment of the Mid – and Late Victorian Periods, 2010. Режим доступа: URL: <https://victorianweb.org/science/darwin/diniejko.html> (Дата обращения: 18.08.2022).
18. Белогурова С. П. Анималистическая проза как феномен общественного сознания на рубеже XIX-XX вв // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №4. С. 115-123.
19. Carroll J. Literary Darwinism: Evolution, Human Nature, and Literature. New York: Routledge, 2004. 304 p.
20. Ballou E. Darwin as Metaphor // 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century, 2010. Режим доступа: URL: <https://19.bbk.ac.uk/article/id/1656/> (Дата обращения: 18.08.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анималистика в литературно-художественном процессе явление не новое. И XIX, и XX, и XXI век сориентированы на воссоздание природных реалий в структурно-концептуальном ключе. Писатели при этом не только воссоздают некую буквальность действительного мира, но и дополняют художественную модель рядом вероятностных эстетических трактовок. Не исключено из этого процесса и имя Фазиля Искандера. Думаю, что выбранная тема исследования достаточно продуктивна и актуальна, автор же сочинения старается полновесно отобразить грани претворения анималистики в творческих экспериментах указанного автора: «разнообразие бестиария Искандера чаще всего связывают с «Созвездием Козлотура» и «Кроликами и удавами», недооценивая оригинальность его малой анималистической прозы. Анализ жанрово-семантической специфики именно этой прозы является главной целью данной статьи. Объектом исследования являются четыре рассказа: «Петух», «Лошадь дяди Кязыма», «Рассказ мула старого Хабуга» и «Широколобый». Стиль / язык статьи соотносится с научным типом, серьезны разночтений в терминах, понятий не выявлено. Логика научной наррации поддерживается частотными апелляциями к литературной традиции, наследию прошлого. Например, «в 1950-е годы намечается тенденция отказа от антропоцентризма: многие авторы начинают писать о природе в натурфилософском ключе. К 1970-м годам формируется одноимённое направление, объединяющее творчество В.П. Астафьева, Ч.Т. Айтматова, В.Г. Распутина и А.А. Кима», или «анализируя произведения И. А. Крылова, Л. С. Выготский выделяет две особенности, которые сближают их с жанром новеллы: аффективное противоречие и катастрофу (по аналогии с *pointe* новеллы). Аффективное противоречие у Искандера выражается в том, что, чем грубее петух вёл себя с курами, чем более отважно он сражался, тем более жалкую смерть он встречает. Красота и выдающиеся способности лошади Куклы не обеспечивают ей спокойную жизнь, а, наоборот, приводят к тому, что она оказывается на войне» и т.д. Сочинение отличает аналитическая составляющая, ее удаётся автору реализовать профессионально: «Искандеру ближе не антропоцентрическая, а натуроцентрическая картина мира. Антропоморфизм его персонажей не связан с культом предков, с метемпсихозом и оборотничеством. Его герои не называют своих питомцев терминами родства. Животные в произведениях Искандера любят людей, но живут максимально от них независимо и не считают целью своей жизни служение человеку. Это относится не к отдельным, а ко всем особям. Независимость проявляется, во-первых, в отсутствии желания полностью понимать человеческий язык. Во-вторых, животные выстраивают собственные иерархии живых существ, где люди далеко не на вершине», или «фабульная основа произведений Искандера – не схватка с природой, как у многих писателей-натурфилософов (А. И. Смирнова, с. 59), а испытание дружбы. Искандер верит не в родство, а в равенство людей и животных. В его произведениях люди разрывают связь с природой не из-за технологического развития, а по причине несвободы, наступившей с переменами 1930-1940-х годов» и т.д. Методы исследования традиционны, сравнительно-сопоставительный принцип чаще других манифестируется в данном труде. На мой взгляд, было бы удачным дифференцировать текст на несколько блоков, это дало бы возможность потенциально заинтересованному читателю более органично двигаться вслед за автором. Ссылки и цитации даются в соответствии с требованиями издания, техническая правка излишня. Считаю, что основная тема работы

все же раскрыта, как таковое жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Фазиля Искандера дешифровано и проанализировано. В заключительной части статьи автор обозначает, что «проведённый анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что многие особенности не только сюжета, но и формы анималистических произведений Ф. Искандера можно объяснить влиянием эволюционной теории Дарвина. Подобно знаменитому натуралисту, в своих произведениях он сочетает индивидуализм и универсализм. По существу, происходит синтез дидактической басни и антидогматичной новеллы. Описания животных Искандера отличаются психологизмом и физиологизмом. Писатель подчёркивает независимость животных от людей с помощью деталей, тесно связанных с эволюционной теорией: каждый вид ставит себя в центр мироздания, имеет свой язык, свою иерархию живых существ и своих богов...». Библиографический список содержит отсылки к трудам М.А. Петровского, А.А. Реформатского, Л.С. Выготского и других исследователей, получили оценку и критические работы, статьи последних двух-трех лет. Данный материал целостен, объективен, самодостаточен, оригинален, интересен; его, думается, продуктивно использовать при изучении наследия Ф. Искандера. Рекомендую статью «Жанрово-тематическое своеобразие анималистических произведений Ф. А. Искандера» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Павлов Д.Н., Голованов А.Н., Тырколова В.В. — Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43675 EDN: WZWHED URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43675

Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях

Павлов Дмитрий Николаевич

аспирант, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Ш. Энтузиастов, 21

✉ dima2011211@gmail.com

Голованов Александр Николаевич

аспирант, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Ш. Энтузиастов, 21

✉ headmanjr@yandex.ru

Тырколова Варвара Вячеславовна

аспирант, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Ш. Энтузиастов, 21

✉ vasviva@ya.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43675

EDN:

WZWHED

Дата направления статьи в редакцию:

30-07-2023

Аннотация: В качестве исследовательской задачи авторами была осуществлена попытка провести анализ феномена медианарратива в структурно-функциональном аспекте. Избранный материал исследования включает в себя следующие явления: советские плакаты, публикации в средствах массовой коммуникации (СМК) и

видеоролики (мотивирующий контент), размещенные на платформе TikTok. Предметная сторона исследования включает в себя нарративные мотивы, представленные в соответствующих материалах. Актуальность данного научного исследования обуславливается тем, что медианарратив обладает большим «манипулирующим ресурсом» и может воздействовать на индивидуума или социум. Манипуляционная «сила» медианарратива усиливается прямо пропорционально развитию информационных технологий в современном обществе. В основе методологии исследования лежит нарративная теория В. Я. Проппа, которая предполагает декомпозицию сюжета на составные инвариантные мотивы. Анализ показал, что мотив борьбы в исследуемых медианарративах является ключевым, он повторяется во всех сюжетных конструкциях – от нарратива советского плаката до современных нарративных форм. Важность данного мотива объясняется тем, что он сопрягается с целями медиавоздействия, а реципиенты начинают воспроизводить в реальность мотивы из изученных авторами материалов. То есть, можно сказать, что аудитория, потребляя информацию, содержащую такого рода медианарратив, начинает сама становиться его частью, но уже в действительности.

Ключевые слова:

Нарратив, медиа, Пропп, мифология, сказка, СМК, манипуляция, плакат, Соцсети, мотив

Медианарратив, понимаемый как совокупность медиасюжетов, настраивает на определенные формы и способы мышления посредством демонстрации примеров и призывов к их выполнению или отказу от них, может рассматриваться в качестве средства социального влияния. **Объектом** исследования выступает медианарратив, рассматриваемый как инструмент формирования общественного или личного мнения. Эмпирической базой работы стали советские плакаты, публикации в СМК и видеоролики на платформе TikTok. Выбор столь хронологически разнородных объектов обусловлен гипотезой работы.

В качестве гипотезы исследования выдвигается идея о том, что успешные нарративные стратегии, даже хронологически далекие, имеют сходные принципы организации, которые стали **предметом** исследования работы.

Структурная специфика изученных материалов заключается в их нарративно-сюжетной организации. По нашему предположению объект изучения реанимирует повествовательные архетипы волшебной сказки. Это связано с относительной простотой используемых мотивов. Мы полагаем, что материалы данного характера несут побудительную функцию [\[1, с. 18\]](#). Нарратор, для побуждения реципиента к действию, делает упор на необходимый мотив, который предположительно воплощает художественный образ героя в зрителе, тем самым, помогая личности перейти в активное состояние.

Методологической основой исследования стала теория В. Я. Проппа. В своей работе «Морфология волшебной сказки» [\[2, с. 35\]](#) он выявил мотивы, организующие сказочное повествование в единую синтагматическую структуру.

Данные функции мы можем обнаружить в нарративной структуре [\[3, с. 56\]](#) объектов нашего исследования. Обозначим их четкую рубрикацию:

- Прежде всего мы разбираем нарратив советского плаката. Так как плакат выступает в

качестве иллюстрированного рассказа с текстовым сопровождением, который включает в себя определенный сюжет о конкретном лице, мы можем увидеть, как с помощью различных явлений и персонажей выстроены сказочные мотивы ;

- Аналогичным образом мы рассматриваем нарратив в современных медиа, релевантным материалом исследования для которого, как мы считаем, служат новостные публикации телеграм-канала «NEXTA Live» (рассмотрено 10 публикаций для анализа). Они иллюстрируют использование нарративных мотивов при составлении новостных материалов;

- Третьим объектом нашего исследования, которые мы обозначаем как нарратив социальных ресурсов, является группа из трех видеороликов мотивирующего характера, размещенных в различных аккаунтах на платформе TikTok.

Нарратив советского плаката

Самой простой и легкой для восприятия формой медианарратива, выступает комикс или в равной степени русский лубок с его потомком – плакатом. Они представляют собой иллюстрированный рассказ, включающий определенный сюжет о конкретном акторе, который существует на фоне различных явлений и персонажей, определяющих его действия.

Нарратив выстраивается из знаков двух типов: иконических (сам рисунок) и символов (вербальные пояснения). В случае с плакатами — иллюстративных, дополненных текстовыми пояснениями.

Как утверждал Ролан Барт в своей работе «Мифологии», «зрительный образ, конечно, императивнее письма, свое значение он внушает нам сразу целиком, без разложения на дробные элементы <...>. Как только зрительный образ начинает нечто значить, он сам становится письмом, а в качестве письма он предполагает и некое словесное оформление» [\[4, с. 267\]](#).

Развивая эту идею, Барт полагает, что визуальное получает свое сюжетное наполнение через вербальное, то есть когда путем сочетания изображения с текстом последний, ограничивая варианты для интерпретации первого, начинает проявлять себя как функция именования, которая ведет к закреплению денотативных смыслов. «Что касается "символического" сообщения, то здесь словесный текст управляет уже не актами идентификации, а процессами интерпретации; такой текст подобен тискам, которые зажимают коннотативные смыслы, не позволяют им выскользнуть ни в зону сугубо индивидуальных значений <...>, ни в зону значений, вызывающих неприятные ощущения» [\[5, с. 305\]](#).

Вот как раз такую форму распространения информации, прямо «бьющую» в восприятие человека и обеспечивающую беспрепятственность ее усвоения, первоначально избрал творческий тандем В. В. Маяковского и А. М. Родченко в «Окнах сатиры РОСТА». Рисунки примитивного характера с емкими высказываниями в виде комикса содержали в себе короткие рассказы, «строевые» мотивы которых можно соотнести с функциями волшебной сказки, выведенными В. Я. Проппом.

Так, в «Окнах сатиры РОСТА» героем нарратива с различными сюжетами выступает безликий красноармеец (иногда такой же рабочий). Солдат Красной армии, изображенный иконически в виде двухмерной, будто вырезанной из бумаги фигурки в фуражке и с ружьем. Его антагонистом в таком случае выступает пузатый буржуй во

фраке и цилиндре, а также представитель ударной силы буржуазии в виде царского генерала или польского солдата, отображающих актуальные внутригосударственные и международные события России конца 10-х – начала 20-х годов XX столетия.

В «Окне сатиры РОСТА» «Серые! К вам орем вниз мы: Довольно в тине буржуазной плесниться. Одно спасенье – в коммунизме! Ловите! К счастью единственная лестница» [6] реципиенту демонстрируется обладание красноармейцем сведениями о достижении счастья, которого можно добиться под знаменем Российской Коммунистической Партии. Здесь налицо сюжет из четырех частей. Каждая часть нарратива проявляется конкретной проповедской функцией. Так, **недостача** высокого (до солнца) природного значения человека компенсируется **приобретением волшебного средства** – коммунистической идеологии в виде лестницы, которая, давая возможность вылезти из низов, позволяет герою **ликвидировать недостачу и победить** самого себя.

В «Окне сатиры РОСТА» №76 [7, с. 17] «Товарищи, не поддавайтесь панике. Она делает обыкновенно из мухи слона... Без всякой паники, но и не зря резво, идите на фронт – хладнокровно и трезво» красноармеец предстает перед антагонистом в качестве хладнокровного, то есть смелого героя, выбравшего трезвость, то есть отвечающего за свои поступки. Здесь нарратив формируется также из четырех частей, соответствующих сюжетным функциям нарратива. Главным мотиватором для красноармейца опять-таки служит **недостача**, от которой надо избавиться. В данном случае отсутствие трезвости приводит к преувеличению вражеских сил и нехватке собственных возможностей. Поэтому, обзаведясь таким **волшебным средством**, как трезвость, солдат красной армии **ликвидирует недостачу** собственных сил, что приводит к **победе над врагом**.

Невооруженным глазом видно, что ключевой сюжетной функцией в нарративе о красноармейце-рабочем в революционной агитационно-пропагандистской «Сатире РОСТА» было событие, когда **в распоряжение героя попадает волшебное средство**.

В «Окне сатиры РОСТА» №742 [8, с. 58] «Мы зажгли над миром истину эту. Эта истина разнеслась по всему свету. Теперь нам нужны огни эти. Пусть этот огонь Россию осветит!» рабочий держит в руке факел (**волшебное средство**), представляющий образ коммунизма, который в итоге превращается в «лампочку Ильича», символ курса на электрификацию, провозглашенного В. И. Лениным.

В «Окне сатиры РОСТА» (номер не найден) «Мир стоит на вулкане. Смелее решетки гни. Коминтерна мощный магнит, Стальную пыль восстаний тянет в единый меч, в единый щит» [9] рабочий обзаводится мощным молотом, который помогает ему разрушить буржуазную решетку, сковавшую мир. **Недостаток** свободы в этом случае ликвидируется молотом, превращающимся в транспарант с надписью «Коминтерн», черенком от которого красный рабочий придавил, пузатого буржуа, сброшенного с земного шара.

Наравне с этими «волшебными» средствами в руках красноармейца всегда присутствует ружье, причем с примкнутым штыком, с помощью которого он разит антагониста и охраняет границу, что в контекст строевой команде в дореволюционной России «примкнуть штыки», демонстрирует его постоянную готовность к атаке.

В большинстве случаев победа над буржуем, царским генералом или представителем вражеской армии описывается в виде иллюстрации фразеологизмов «поднять на штыки» и «опрокинуть в бездну».

Всеобщность такого образа борьбы с врагами подтверждается его применением в

различных видах искусства. Например, в поэзии. В стихотворении Демьяна Бедного так и говорится:

«С Красной Армией пойду

Я походом,

Смертный бой я поведу

С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком

— Вся беседа:

В брюхо толстое штыком Мироеда!» [\[10, с. 160\]](#)

Это проявилось в таких плакатах, как «Окно сатиры РОСТА» №62 «Украинских и русских клич один: "Да не будет пан над рабочим господин!"» [\[11\]](#), в котором изображенные уже известным нам способом красноармеец и рабочий подкинули штыками своих ружей испуганного польского гусара в расстегнутом доломане и в кивере с высоким султаном на голове.

В свою очередь, в «Окне сатиры РОСТА» №146 [\[12, с. 23\]](#) «Пока не укрепится красное знамя – винтовка не может быть брошена нами» красная фигурка рабочего с помощью ружья со штыком, поднятым над головой мощным кулаком, прогоняет польского солдата и солдата Белой армии с холма, на котором установлено красное знамя с надписью: «РСФСР».

Со временем образ героя-красноармейца в революционных агитационно-пропагандистских плакатах претерпевает модификацию. Он начинает приобретать конкретизирующие очертания. Такое же трафаретное изображение героя в виде красной фигурки становится чуть более усложненным иконическим знаком с помощью прорисовки черными линиями частей человеческого лица и тела внутри фигурки красноармейца.

Например, на плакате В. Н. Дени «Спешите пана покрепче вздуть! Барона тоже не забудьте!» [\[13\]](#) красноармеец, стиснув зубы в ехидном оскале, демонстрирующем насмешливую злобу к врагу, занес сцепленные пальцы в кулак, чтобы поразить пойманного им за воротник беспомощного польского пана.

В таких плакатах, как в агитационном листке Дени, герой уже обзаводится эмоциональными характеристиками, которые демонстрируют зрителям его отношение к антагонистам.

То же самое касается и приобретения личностных черт в образе героя – революционного рабочего. Так, в плакате «Дорогу мировому октябрю» [\[14\]](#) того же художника рабочий с помощью черных линий, но уже утолщенных для прорисовки теней, демонстрирует персонажа, пусть и представленного в иконическом виде, однако имеющего уже индивидуальный вид человека. Благодаря этой конкретизации рабочий, который над совещательным собранием буржуев занес приклад ружья для удара по ним, стал выглядеть суровым мужчиной с мускулами лица, изображенными строгими заостренными формами.

Кульминацией развития иконического образа красноармейца стал солдат Красной армии

на плакате Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?»^[15]. В этом плакате революционный боец имеет портретное изображение (автор плаката изобразил самого себя). Представитель революционных войск в данном случае был подвергнут полной персонификации. При этом необходимо отметить, что отход от иконического, трафаретного изображения героя произошел в тот момент, когда вступила в силу такая пропповская сюжетная функция, как **Герой реагирует на действия будущего дарителя**, в данном случае – помощника. В этом же конкретном сильно редуцированном нарративе помощником становится сам зритель, реципиент красноармейца, призывающего ко вступлению в ряды революционных войск.

На этом плакате участие зрителя в обращении героя здесь и сейчас именно к нему подкрепляется указующим жестом красноармейца в виде выставленного вперед пальца, а также – с помощью широко раскрытых глаз, пронзительного взгляда автора-героя плаката, устремленного сквозь пространство рисунка прямо на уличного прохожего, такого вынужденного получателя информации.

Подытожив, стоит сказать, что медианарратив о «приключениях» героя-красноармейца в революционных агитационно-пропагандистских плакатах развивался на основе проявления функций персонажей, которые были выведены В. Я. Проппом при изучении сюжетов русских сказок. Лейтмотивом сюжетов в плакатах «Окон сатиры РОСТА» была недостача, которая ликвидировалась с помощью волшебного средства и приводила к победе над врагом или самими собой. Сам образ героя-красноармейца претерпевал изменения, начиная с обезличенного иконического изображения персонажа-революционера и постепенно превращаясь в персонифицированный символ борца за победу коммунистического миропорядка. Его очеловечивание произошло с помощью более явной связи плаката с реципиентом, чему способствовала функция персонажа плакатного медианарратива. А представлена она была реакцией героя на действия будущего помощника, в качестве которого выступал сам зритель, становясь участником медианарратива.

Нарратив современных медиа

Если говорить о современных средствах массовой коммуникации, то медианарратив можно проследить и в различного рода телеграм-каналах, которые позиционируют себя как освещающие новостную повестку. Возможности кроссплатформенной системы позволяют им передавать информацию с помощью текста, видео, аудио и картинки, используя из этого что-то одно или совмещая сразу несколько видов подачи материала.

Для данного исследования в качестве материала для анализа мы взяли публикации телеграм-канала «NEXTA Live», датированные временным промежутком с мая 2020 года по март 2021 года. Тогда в Белоруссии после объявления официальных итогов президентских выборов, на которых победил действующий глава государства А. Г. Лукашенко, по всей стране вспыхнули протесты. Телеграм-канал «NEXTA Live» занял оппозиционную официальной власти позицию, выражая поддержку другому кандидату в президенты республики С. Г. Тихановской, а также активно освещал ход событий в стране.

Мы считаем, что при более детальном изучении публикаций данного телеграм-канала можно говорить о том, что во многих из них встречались манипулятивные приемы, а его редакционная политика строилась в том числе на том, чтобы способствовать дестабилизации обстановки в белорусском социуме.

Приемы манипуляции в данном случае, как мы полагаем, частность более широкого –

медиа нарратива, который выстраивала для аудитории «NEXTA Live». Если проследить за сюжетом, который транслировал данный телеграм-канал, можно говорить о том, что в качестве положительного героя выступала Тихановская, которую активно поддерживала «NEXTA Live» в своих публикациях, а ее антагонистом являлся Лукашенко.

В реальности они вступили между собой в борьбу за голоса избирателей, однако в дальнейшем, после подсчета и объявления официальных итогов выборов, по всей стране вспыхнули массовые протесты против их результатов [\[16\]](#).

В данном исследовании мы не ставим задачей проводить анализ политической подоплеки, а также влияния создаваемой телеграм-каналом информационной действительности на общество в реальности. Нас интересует исключительно то, в какой структуре и функциях может проявляться медиа нарратив, складывающийся из отдельных публикаций, сообразно позиции «NEXTA Live».

В рамках выбранной методологии мы подобрали наиболее репрезентативные примеры публикаций в телеграм-канале, а также провели аналогию с детской стихотворной сказкой Корнея Чуковского «Тараканище» [\[17\]](#). В самой сказке можно выделить нарративные компоненты, о которых пишет Пропп в своем труде: нарушение запрета, подвох, вредительство, противодействие, борьба, победа, трудные задачи и решения, ликвидация беды, погоня, спасение, наказание антигероя, свадьба или воцарение. В целом, мы бы хотели сказать, что медиа нарратив, используемый телеграм-каналом «NEXTA Live», имеет много общих пересечений с детской сказкой «Тараканище». Вплоть до того, что главные «антигерои» имеют одно и то же название.

Так, «NEXTA Live» именвала Лукашенко в своих публикациях «тараканом» [\[18\]](#), «Тараканом Григорьевичем» [\[19\]](#), «Тараканом Трёхпроцентовичем» [\[20\]](#), «Усатым Генералиссимусом» [\[21\]](#) и использовала выражение «тараканье государство» [\[22\]](#). То есть, вредитель был обозначен однозначно. Далее, чтобы провести аналогию со сказкой Корнея Чуковского, процитируем отрывок из сказки, которая начинается с картины, где звери весело ехали:

«... Едут и смеются,

Пряники жуют... ».

А затем:

«... Вдруг из подворотни

Страшный великан,

Рыжий и усатый

Та-ра-кан!

Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,

И усами шевелит:

“Погодите, не спешите,

Я вас мигом проглочу!

Проглочу, проглочу, не помилю» ... »

Можно сказать, что, по мнению телеграм-канала «NEXTA Live», благостная картина происходящего была нарушена появлением злостного вредителя в лице Лукашенко (к которому, кстати, на протяжении предыдущих годов его президентства, начиная с 1994 г., таких претензий, подобным тем, которые в итоге вылились в массовые протесты 2020 г., не возникало). В сказке звери, как водится, сначала испугались таракана.

29 мая 2020 года (в день задержания С. Л. Тихановского и еще до массовых протестов) телеграм-канал опубликовал следующее сообщение: «К вам едет человек, который довёл страну до ручки. С крыш, через прицелы винтовок, на вас будут смотреть снайперы. А он будет рассказывать вам о том, что вы сами во всём виноваты. Ваши действия? Забаррикадироваться и не пускать злодея? Нет. В авральном режиме всё вылизать, вычистить, выкрасить и починить, чтобы он остался доволен поездкой (...)»

[\[23\]](#). Здесь мы видим наблюдаем **функцию вредительства**.

А потом появился Гиппопотам (сюда мы бы отнесли разного рода общественных деятелей, призывавших к «мирным» протестам в Белоруссии), который сказал «крокодилам и китам»:

«... "Кто злодея не боится

И с чудовищем сразится,

Я тому богатырю

Двух лягушек подарю

И еловую шишку пожалую!"

"Не боимся мы его,

Великана твоего:

Мы зубами,

Мы клыками,

Мы копытами его!"

И весёлою гурьбой

Звери кинулись в бой... »

И уже через два дня после этого, 31 мая 2020 года, было опубликовано сообщение: «Комаровка скандирует "выпускай" и "стоп таракан"!» [\[24\]](#). Что можно отнести к **функции противодействия и борьбы**.

То, что борьба – это «весело» всячески напоминала и «NEXTA Live». Так, происходящее в стране она окрестила «тусовками», что имеет коннотацию положительного характера, преимущественно у молодежи («Тусовка на Киевском сквере преобразовалась в шествие. Без каких-либо лидеров!» [\[25\]](#); «Вело-тусовка уже недалеко от здания ОНТ» [\[26\]](#), последнее сообщение сопровождалось подмигивающим улыбающимся смайликом; «На Зыбицкой всегда классные тусовки!» [\[27\]](#) и т. д.). Здесь мы, кстати, усматриваем и пример агитации, которая проявляет **функцию борьбы**.

В реальности подобные призывы со временем переросли в стычки протестующих с правоохранительными органами, где протестующие применяли «коктейли Молотова», строили уличные баррикады, кроме того, были пострадавшие с обеих сторон. «NEXTA Live» же активно снабжала «мирных» протестующих информацией, как правильно делать «сцепки», публиковала для них памятки, призывала не забывать про «средства защиты от карателей» [\[28\]](#).

Ниже мы процитируем еще строки из стихотворения Чуковского, а затем проведем их аналогию с публикациями «NEXTA Live»:

«... Вот и стал Таракан
победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому.
(Чтоб ему провалиться,
проклятому!)
А он между ними похаживает,
Золоченое брюхо поглаживает:
“Принесите-ка мне, звери,
ваших детушек,
Я сегодня их за ужином
скушаю!” ... »

Этому изображению злого сказочного врага, как мы считаем, больше всего соответствует следующая публикация «NEXTA Live»: «Когда дорогой (но так и не пригодившийся из-за прохладной погоды) промышленный кондиционер Daikin увезли, а роскошные красные ковры сняли, внезапно выяснилось, что трибуна, на которой Усатый Генералиссимус вчера принимал парад во время своего #УГшоу, (...) Всё у них так. Абсолютно всё. Не удивимся, если однажды пробьют часы, и шикарный “Майбах” за 1,4 млн \$ превратится в тыкву. Хотя нет. В картошку» [\[29\]](#).

Кроме того, доходило до подобного рода публикаций: «Лукашенко хотел съесть шпица...» [\[30\]](#). Здесь опять же, мы усматриваем **функцию вредительства**.

Мы считаем, что в дальнейшую логику телеграм-канала «NEXTA Live» укладывались бы и следующие строки стихотворения, если переносить его на белорусское общество, которое якобы страдает из-за того, что Лукашенко снова становится главой государства по результатам выборов:

«... Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, ревут!
В каждой берлоге
И в каждой пещере

Злого обжору клянут... »

Далее, видимо, по задумке телеграм-канала «NEXTA Live», спасителем-воробьем должна была явиться С. Г. Тихановская, чьей функцией должны были стать **трудные задачи и решения**, а также **ликвидация беды**. В свою очередь, в детской сказке такие функции приобрел воробей:

«... Взял и клюнул Таракана,

Вот и нету великана.

Поделом великану досталось,

И усов от него не осталось... »

А все общество (у Чуковского – звериное, у «NEXTA Live» – белорусское) должно было радоваться этому факту, что означало бы проявление функции **воцарения**:

«... То-то рада, то-то рада

Вся звериная семья,

Прославляют, поздравляют

Удалого Воробья! ... »

При исследовании медианарратива в современных медиа, мы учитываем, что всего Пропп приводит 31 функцию, и понимаем, что не все из них используются, однако здесь хотелось бы отметить, что происходящее в реальности не всегда соотнобразуется с сюжетами сказок, однако, проследить некую общую тенденцию вполне возможно, что мы и сделали, предложив к ряду функций по несколько примеров, которые укладываются в их логику.

Кроме того, нам удалось найти сказку, которая, как мы считаем, наиболее полно и емко соотнобразуется с медианарративом телеграм-канала «NEXTA Live», вплоть до одинакового названия «главного злодея». Стоит отметить, что на схожесть обратили внимание не только мы. Так, российский сайт сатирических «новостей» «Панорама», опубликовал у себя материал под заголовком «В Белоруссии запретили "Тараканище" Корнея Чуковского» [\[31\]](#). Таким образом, мы считаем, что это может служить хорошим примером того, как вся эта ситуация отразилась и была воспринята в массовом сознании.

Нарратив социальных ресурсов

Кроме того, нарративная парадигма наблюдается не только в материалах плакатного характера или в СМК, она четко прослеживается и в развлекательном контенте сервиса для создания коротких видеороликов TikTok. Для более наглядного изучения мы выбрали мотивирующий контент (далее МК), помогающий проходить зрителю через субъектное эмоциональное изменение [\[32, с. 13\]](#). Медианарратив, содержащийся в МК, способен побудить реципиента к решению личностного кризиса [\[33, с. 140\]](#). Популярность такого рода материалов указывает на необходимость академического анализа нарративных мотивов. По нашему предположению, МК реанимирует сказочные архетипы, использование которых помогает образовывать своеобразные сценарные решения различных кризисных ситуаций [\[34, с. 83\]](#). Безусловно, такой прием называется психолого-терапевтическим, он является *временным* и не способен заменить

профессиональную психологическую помощь [\[35, с. 46\]](#). Следует отметить, что в данной работе мы останавливаемся исключительно на структурном аспекте МК.

Объектом в данной части исследования стали три видеоролика, которые размещены в двух тематических аккаунтах. Их репрезентативность обусловлена высоким количеством просмотров, лайков, а также большим количеством комментариев.

(Обратимся к анализу материала.)

Первый аккаунт, рассмотренный в рамках данного исследования, называется «Апгрейд | Мотивация» (1,1 миллиона подписчиков, 44,9 миллиона лайков). Можно заметить, что видеоролики поделены на рубрики: финансовая грамотность, послание из кино, цитаты из книг, советы.

Первый видеоролик в TikTok, который раскрывает использование сказочных нарративов, называется «Дрейк и Lil Wayн перед толпой фанатов» [\[36\]](#). Интересным является отсутствие строгой композиции материала, однако инвариантные мотивы, разработанные В. Я. Проппом, помогают структурировать информацию для более понятного восприятия [\[37, с. 57\]](#). Примечательно, что выбор тех или иных функций зависит от цели ролика.

Очевидно, что повествование начинается с общения главного героя и «волшебного дарителя». В композиции видеоролика присутствуют следующие инвариантные мотивы:

1. «Ты дал мне 30 тысяч долларов, которые я смог принести домой своей маме» - **получение волшебного средства.**

2. «Это изменило наши последующие шесть месяцев. Я никогда не забуду этого, потому что это самая важная сумма, которую я заработал. Мы боролись с бедностью». - **перемещение в иное царство и борьба.**

Таким образом, перед зрителем предстает медийная личность, которая до получения известности проходит через определенные испытания, помогающие трансформации героя.

3. Инварианты **победа** и **воцарение** показаны в моменте, где мужчине удастся разобраться в кризисной ситуации: «Посмотрите на этот успех, ты сделал это, ты помог мне добиться всего!»

4. Важным элементом, сопровождающим МК в TikTok, является вывод в конце материала. В данном случае волшебный даритель обращается к залу с посылом того, что невозможного не существует: «Дайте шума сами для себя, все в вашей жизни возможно!»

Отдельное внимание стоит уделить контекстной работе зрителя с видеоматериалом. Из-за относительно небольшой продолжительности видеоролика подписчики могут восстановить нарратив из контекста.

Для отображения частоты использования сказочных нарративов мы обратимся к следующему видеоролику на данном аккаунте: «Илон Маск заряжает на действия» [\[38\]](#).

1. Так, главный герой рассказывает об истории успеха, которая может произойти с каждым человеком. «Любой богатый человек изначально не был таким. Ваши мечты можно реализовать, если вы приложите усилия и пройдете через множество ударов от жизни» (-) – инвариант **отлучка**, который предполагает лишение поддержки героя со

стороны и создает предпосылку к будущему сюжету.

2. «Хочешь успеха? Действуй в сторону успеха!» – **борьба и перемещение в иное царство**. Данные мотивы используются во всем МК для того, чтобы показать необходимость в преодолении кризиса личности.

3. Примечательно, что в данном видеоролике нет вербального сопровождения результата, к которому должен прийти главный герой после трансформации. Зрителю показан видеоряд из достижений Илона Маска, включающий разработку всех его изобретений: проект SpaceX, Tesla. Именно так автор дает понять зрителю, что для достижения цели необходимо преодолеть трудности.

Повторяющиеся мотивы присутствуют не только на данном аккаунте. Аккаунт «Unistar» в TikTok насчитывает 19,3 тысячи подписчиков и 366 тысяч лайков. Контент сопряжен с музыкальной сферой и носит развлекательный характер, однако нарративные элементы в нем также присутствуют.

Первый видеоролик содержит информацию о певице Рианне и называется: «Как девочка из крохотного острова стала мировой звездой?» [\[39\]](#). Важным элементом этого видеоролика является присутствие нарратора, который композиционно выстраивает повествование.

1. «Девочка с маленького острова, торговавшая одеждой в палатке за каких-то пару лет добилась мировой славы» (-) – инвариант **отправка**, он предполагает начало активных сюжетных действий. Именно он отражает начало путешествия главного героя.

2. «У себя на родном Барбадосе девушка пришла на прослушивание к Эвану Роджерсу» – **первая функция дарителя**. Девушка знакомится с волшебным помощником, который помогает ей начать трансформацию.

3. «Поскольку Рианне было на тот момент 14 лет, то предложение поехать в Нью-Йорк и записать демо он делал ее маме». В данной части рассказа отражен ключевой момент жизни главного героя – **перемещение в иное царство**. Рианна попадает в совершенно другую жизнь, ее сопровождает мать, которая выполняет **функцию наставника**, и **волшебный даритель** – продюсер.

4. «Демозапись попала к Джей Зи, который на тот момент являлся директором лейбла. Рианна вышла с прослушивания только в три часа ночи с контрактом на запись шести альбомов. Работала она только во время школьных каникул» – инвариантные мотивы **реакция на действия будущего дарителя** и **борьба** показывают сложности, с которыми столкнулась певица. На пути к своей цели она преодолела множество страхов и трудностей.

5. «А что было дальше вы знаете...». Нарратор прибегает к приему визуализации достижений главного героя, он перечисляет известные музыкальные композиции, записанные Рианной на пути к популярности.

Таким образом, мы утверждаем, что блогеры используют нарративные мотивы для создания сюжетной составляющей видеороликов. Для побуждения зрителя к действию нарраторы используют мотивы борьбы и трансфигурации, которые завершают художественный образ героя, продолжая его в подписчике. В таком случае мотивирующий контент, подобно волшебной сказке, показывает переход от одного состояния героя к другому, а также побуждает зрителя к данному переходу.

Выводы

Результаты исследования показали, что составные элементы нарратива сказки широко применяются в медийной сфере и представляют собой основу для формирования медийных сюжетов. При этом проповедские функции продолжают действовать в разных историко-культурных контекстах. Они отличаются лишь использованием различных средств распространения информации, которые доступны или популярны в социуме в конкретный момент времени.

Складываясь в различные мотивы, каждый отдельный нарратив имеет свой набор функций вне зависимости от средства массовой коммуникации. Сочетание функций в нарративах складывается с учетом того, какую цель преследует автор информационного послания. В свою очередь функция борьбы имеет универсальное значение для каждого медианарратива. Ее роль оказалась главной в деле завершения образа героя посредством прекращения набора функций в каждом конкретном медианарративе.

Отметим, что медианарратив о «приключениях» героя-красноармейца в революционных агитационно-пропагандистских плакатах «Окон сатиры РОСТА» содержал лейтмотив недостатки, которая ликвидировалась с помощью волшебного средства и приводила к победе над врагом или самими собой. Образ героя менялся, превращаясь в персонифицированный символ борца за победу коммунистического миропорядка. Его очеловечивание произошло с помощью более явной связи плаката с реципиентом, чему способствовала функция персонажа плакатного медианарратива.

Аналогичным образом нам удалось найти сказку, которая, как мы считаем, наиболее полно и емко соотнобразуется с медианарративом телеграм-канала «NEXTA Live», вплоть до одинакового наименования «главного злодея». При этом явно просматривается схожесть сюжетных функций в этих двух нарративах, принадлежащих к различным историко-культурным контекстам. Кроме того, этот контекст нашел отражение и в общественном сознании в качестве приведенного примера из сатирического издания «Панорама».

В рамках социальных сетей мы также можем заметить активную работу медианарратива со зрителем. Психологический мотивирующий контент платформы TikTok предполагает изменения в самовосприятии и самоидентификации подписчиков, предлагая им более действенную модель поведения при возникновении кризисных ситуаций. Так, мы наблюдаем за изменениям не только главного героя медиапроизведения, но и за возможными изменениями реципиента.

Библиография

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 224 с.
2. Осипова Н.О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал, 2011. – №3. – С. 1-11.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2005. – 332 с.
4. Барт Р. Мифологии [Текст] / Ролан Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – Москва: Академический Проект, 2010. – 351 с.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
6. Плакат «Окно РОСТА» №313 «Серые! К вам орем вниз мы...» [Электронный ресурс]. // Folkacademy.1c-umi.ru: Академия Народного Искусства России. URL:

- https://folkacademy.1c-umi.ru/literaturno-fol_klornaya_galereya/vladimir_vladimirovich_mayakovskij_poet_i_hudozhnik_rossiya_moskva/41/ (дата обращения: 12.06.2023).
7. Маяковский В. Грозный смех: Окна сатиры РОСТА. – М., Л. : Искусство, 1938 – 232 с., с ил.
 8. Маяковский В. Грозный смех: Окна сатиры РОСТА. – М., Л. : Искусство, 1938 – 232 с., с ил.
 9. Плакат «Окно Главполитпросвета» «Мир стоит на вулкане...» [Электронный ресурс]. // Plakaty.ru: виртуальная галерея. URL: https://artchive.ru/artists/32944~Vladimir_Vladimirovich_Majakovskij/works/507127~Mir_stoit_na_vulkane_Okno_glavpolitprosveta (дата обращения: 12.06.2023).
 10. Бедный Д. Собрание сочинений в 5 томах. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 2. – 468 с.
 11. Плакат «Окно РОСТА» №62 «Украинских и русских клич один: "Да не будет пан над рабочим господин!"» [Электронный ресурс]. // Plakaty.ru: виртуальная галерея. URL: https://artchive.ru/artists/32944~Vladimir_Vladimirovich_Majakovskij/works/539241~Ukrainitsy_i_russkikh_klich_odin_da_ne_budet_pan_nad_rabochim_gospodin (дата обращения: 12.06.2023).
 12. Маяковский В. Грозный смех: Окна сатиры РОСТА. – М., Л. : Искусство, 1938 – 232 с., с ил.
 13. Дени В. Н. Плакат «Спешите пана покрепче вздуть! Барона тоже не забудь!» [Электронный ресурс]. // Plakaty.ru: виртуальная галерея. URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fartchive.ru%2Fartists%2F30887~Viktor_Nikolaevich_Deni%2Fworks%2F540114~Speshi_pana_pokrepche_vzdut%27_Barona_tozhe_ne_zabud%27 (дата обращения: 12.06.2023).
 14. Дени В. Н. Плакат «Дорогу мировому октябрю» [Электронный ресурс]. // Большая российская энциклопедия. 2004-2017: PCФСР. URL: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fold.bigenc.ru%2Ftext%2F5031961> (дата обращения: 12.06.2023).
 15. Моор Д. С. Плакат «Ты записался добровольцем?» [Электронный ресурс]. // Plakaty.ru: виртуальная галерея. URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fartchive.ru%2Fartists%2F2169~Dmitrij_Stakhievich_Moor_Orlov%2Fworks%2F607716~Ty_zapisalsja_dobrovol%27tsem (дата обращения: 12.06.2023).
 16. История акций протеста в Белоруссии против результатов выборов президента // ТАСС URL: <https://tass.ru/info/9191791> (дата обращения: 31.05.2023).
 17. Сказки Корнея Чуковского-Тараканище // CHUKFAMILY URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/tales/tarakanishhe-2> (дата обращения: 31.05.2023).
 18. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3996 (дата обращения: 31.05.2023).
 19. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3459 (дата обращения: 31.05.2023).
 20. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3662 (дата обращения: 31.05.2023).
 21. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/939 (дата обращения: 31.05.2023).
 22. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3424 (дата обращения: 31.05.2023).
 23. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3207 (дата обращения: 31.05.2023).
 24. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3271 (дата обращения: 31.05.2023).
 25. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/5228 (дата обращения: 31.05.2023).
 26. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/5275 (дата обращения: 31.05.2023).

27. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/10170 (дата обращения: 31.05.2023).
28. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/9876 (дата обращения: 31.05.2023).
29. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/984 (дата обращения: 31.05.2023).
30. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/31220 (дата обращения: 31.05.2023).
31. В Белоруссии запретили "Тараканище" Корнея Чуковского // Панорама URL: <https://panorama.pub/41331-v-belorussii-zapretili-tarakanishhe.html> (дата обращения: 31.05.2023).
32. Бугаева Л.Д. Нарратив, медиа и эмоции // Русский след в нарратологии: матер. международной науч.-практич. конф., 2012. – С. 12-16.
33. Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Сказкотерапия: теория и практика. Типология сказки. – М.: Генезис, 2011. – 336 с.
34. Ляшенко Д.Н. Семиотическое моделирование реальности. Одесса: Печатный дом, 2015. – 168 с.
35. Самсонова Е. Роли, которые играют люди. Сыграй жизнь по своим правилам. – СПб: Питер, 2013. – 256 с.
36. Дрейк и Lil Wayн перед толпой фанатов // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYJVuJA/> (дата обращения: 13.06.2023).
37. Пропп В.Я. Вопросы поэтики. Морфология сказки. СПб.: ACADEMIA, 1928. – 152 с.
38. Илон Маск заряжает на действия // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYeDL4L/> (дата обращения: 13.06.2023).
39. Как девочка из крохотного острова стала мировой звездой? // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYupqbM/> (дата обращения: 13.06.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения специфики медианарратива, понимаемого как совокупность медиасюжетов, одной из функций которых является оказания определенного влияния на социум.

Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской журналистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико- семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Методологической основой исследования явилась теория В. Я. Проппа.

Практическим материалом исследования явились советские плакаты, публикации в СМК и видеоролики на платформе TikTok, новостные публикации телеграм-канала «NEXTA Live» (рассмотрено 10 публикаций для анализа). Однако автор не приводит точных объемов языкового корпуса, отобранного для проведения исследования, а также

принципов отбора материала.

Теоретические положения проиллюстрированы примерами на русском языке.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Во введении не указана текущее состояние проблематики исследования, что не позволяет сделать вывод о приращении научного знания. Выводы, представленные в заключении, не в полной мере отображают проведенную работу и требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 39 источников на русском языке. Считаем, что обращение к работам на иностранных языках по данной или смежной тематикам, несомненно, обогатило бы данное исследование. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Былевский П.Г. — Культурологический подход к развитию общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43827 EDN: XATBPE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43827

Культурологический подход к развитию общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций

Былевский Павел Геннадиевич

ORCID: 0000-0002-0453-526X

кандидат философских наук

доцент, кафедра информационной культуры цифровой трансформации; кафедра международной информационной безопасности, Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, Москва, г. 119034 Москва, ул. Остоженка, 36, оф. 106

✉ pr-911@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43827

EDN:

XATBPE

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2023

Аннотация: Проблемой, решаемой в настоящей статье, является определение возможностей и преимуществ культурологического подхода к решению проблемы развития общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций. Предметом исследования служат структурно-функциональные особенности этой культуры, а объектом – эволюция формирования соответствующего комплекса убеждений, знаний, умений и навыков. Рассматривается тема расширения с узкопрофессиональной до общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций. Анализируется увеличение доли и значения социально-культурных аспектов по сравнению с техническими факторами. Внимание уделяется содержательным аспектам общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций: недостаточности методик трансляции на массовую аудиторию правил и актуальных примеров, а также недооценке формирования интуитивной осторожности, умений своевременно распознавать угрозы и правильно реагировать на инциденты. Новизна заключается в постулировании высокой репрезентативности культуры безопасности финансовых интернет-сервисов, обусловленной сочетанием массовости гражданских пользователей

и операций с денежными средствами, высоко привлекательными для злоумышленников. Именно здесь впервые сформировалась массовая интернет-преступность, эволюционировали угрозы и методы атак и, соответственно, средства безопасности. Сделан вывод: опыт противодействия «социальной инженерии» в сфере массовых финансовых сервисов полезен как основа формирования и развития общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций, включая противодействие социально-культурным угрозам: фейк-новостям, дезинформации, деструктивному и запрещённому контенту. Результатом является выявление адекватности культурологического подхода к формированию и развитию общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций: пользователями и потенциальными жертвами злоумышленников являются практически все граждане; увеличивается перечень и возрастает значение не столько технических, сколько социально-культурных угроз. Делается вывод: для противодействия социально-культурным угрозам интернет-коммуникаций недостаточно усилий только государства и профессиональных организаций, а также технических средств; требуется разработка методик формирования и повышения профильной общегражданской культуры методами культурологии как профильной науки.

Ключевые слова:

интернет-коммуникации, информационная безопасность, массовая общегражданская культура, социально-культурные угрозы, социальная инженерия, дезинформация, деструктивный контент, фейк-новости, гибридная война, культура безопасности

Введение

Универсальное развитие и применение интернет-коммуникаций наполняет культуру безопасности социально-культурным содержанием, превращая её как в национальную [\[1\]](#), так и в общегражданскую потребность, что подтверждается утверждением «Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» (Распоряжение Правительства России от 22 декабря 2022 г. № 4088-р). Совокупность знаний, умений и навыков безопасного пользования компьютерно-телекоммуникационными сетевыми технологиями определена в этом документе именно как культура информационной безопасности.

В этой области всё большее значение приобретают социально-культурные факторы – и угрозы, и средства безопасности. Кроме того, интернет-коммуникации становятся всё более развитым и значимым фактором не только государственных и корпоративных компьютерно-телекоммуникационных систем, но и в социально-культурной жизни практически всех граждан [\[2\]](#). В защите интернет-коммуникаций, кроме государственных и корпоративных средств безопасности, всё большую роль приобретает культура информационной безопасности граждан-пользователей.

1. Культурологический подход как профильный для культуры безопасности интернет-коммуникаций

Сетевой доступ разных уровней, особенно надстройка глобальных интернет-коммуникаций, открывает всё новые возможности пользоваться зарубежными, а в российском сегменте – самыми разнообразными отечественными ресурсами и сервисами (государственные услуги, торговля, транспорт, связь, пресса, книги, фильмы, видеоролики, социальные сети и т.д.) [\[3\]](#). Расширение возможностей удовлетворения

социально-культурных потребностей посредством интернет-коммуникаций шло по мере формирования соответствующих сервисов и контента, в тесной взаимосвязи с увеличением технологических возможностей компьютерного и сетевого оборудования [4].

Интернет-коммуникации объединяют воедино возможности персональных устройств, корпоративных и государственных компьютерных систем на разных уровнях: локальном, национальном, международном и глобальном. Сетевые возможности многократно расширились покрытием в России большинства населённых территорий и транспортных путей широкополосным (в т.ч. беспроводным) сетевым доступом, массовым использованием мобильных устройств и «интернета вещей». Возможности универсального (везде, всегда и для каждого) пользования компьютерно-телекоммуникационными сетевыми технологиями являются технологической основой «цифровой трансформации» (включая «большие данные», «искусственный интеллект» и другие «сквозные технологии») [5].

Использование преимуществ интернет-коммуникаций постепенно проявляет обременение различными угрозами и рисками ущерба от инцидентов: технических неисправностей, атак злоумышленников, дискриминационных действий глобальных цифровых платформ и недружественных стран. У угроз и рисков, как у технологических решений, сервисов и пользовательских аудиторий интернет-коммуникаций, есть свои жизненные циклы. Некоторые риски, существующие давно, с начальных этапов развития технологий, могут неожиданно возрастать, достигать критических уровней, актуализироваться в качестве критических угроз. Угрозы, актуальные в течение определённого периода, уходят на второй план, становятся достоянием истории. Эволюционируют, сложно взаимодействуя, все элементы интернет-коммуникаций, включая типы угроз, рисков и ущерба, а также средства и культура безопасности [6].

Лишь упомянув здесь гипотетическую антиутопию «цифрового концлагеря», отметим реальную сопутствующую базовую угрозу: мобильные компьютерные устройства (смартфоны, планшеты, гаджеты, «умная» бытовая техника) технически, конструктивно и программным обеспечением, предназначены преимущественно для работы в беспроводных сетях, вне которых многие важные сервисы и функции становятся недоступными. При инциденте недоступности выхода в беспроводную сеть, технического или по воле провайдера связи, мобильное компьютерное устройство становится практически неработоспособным («каре́та превращается в тыкву»). В первом случае инцидент носит технический характер, во втором могут присутствовать самые разнообразные социально-культурные аспекты [7], например, кибердиверсии или зарубежные санкции. Перечень этих социально-культурных аспектов безопасности интернет-коммуникаций для пользователей может расширяться и реально увеличивается от «социальной инженерии» до тотального отслеживания и дискриминационной цензуры со стороны глобальных цифровых платформ.

Эффективно управлять развитием культуры безопасности интернет-коммуникаций как важнейшей составляющей пользовательских компетенций [8] помогает культурология как наиболее профильная наука, использующая, в частности, эволюционный и структурно-функциональный подходы. Культурологический анализ, в частности, позволяет рассмотреть структурную эволюцию угроз интернет-коммуникаций на основе комплексного сопоставления тенденций развития технологий, сервисов, контента, массовой пользовательской аудитории, защищаемых социально-культурных и других

ценностей [9].

Общее понимание закономерностей указанных процессов обеспечивает определение актуальных угроз, типов нарушителей (злоумышленников), уязвимостей, средств защиты и особенностей культуры безопасности как для существующей массовой пользовательской аудитории интернет-коммуникаций, так и для её различных групп. Первоначально предотвращение, минимизация, ограничение приемлемыми рамками ущерба, сопутствующего интернет-коммуникациям [10], относились к профессиональной культуре информационной безопасности [11]. Но в 2014 – 2022 годах развитие компьютерно-телекоммуникационной сетевой инфраструктуры в контексте трансформации глобальных и международных отношений привело к изменению ранжирования угроз, поставив на повестку дня в России формирование и развитие массовой общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций.

2. Репрезентативность культуры безопасности дистанционных финансовых сервисов

Культурологический подход исходит из наличия в интернет-коммуникациях ценностей, включающий социально-культурные, которые могут подвергаться угрозам и нуждаются в защите, в том числе в особой культуре безопасности. Рассмотрим базовые понятия культуры безопасности интернет-коммуникаций. Необходимый элемент – наличие конфиденциальных значимых ценностей, права на которые ограничены, принадлежат только легальным пользователям. Не санкционированный доступ к этим ценностям является угрозой, поскольку тогда посторонний может извлечь выгоду в ущерб легальному пользователю. Ценности (активы, ресурсы, люди, убеждения, сведения и т.п.) относятся к базовым понятиям информационной безопасности: нет значимых ценностей – нечего и защищать. При наличии значимых ценностей без обеспечения необходимой зрелости систем обеспечения безопасности интернет-коммуникации и сервисы просто не могут существовать [12].

Субъектами безопасности выступают люди (группы, организации): легальные пользователи интернет-коммуникаций, обеспечивающие безопасность, и интернет-преступность (злоумышленники, нарушители). Компьютерно-телекоммуникационное оборудование, программное обеспечение и данные, Интернет и другая сетевая среда являются техническими средствами социально-культурных коммуникаций, оперирования ценностями. Технологии и оборудование, социально-культурные факторы являются элементами функционирования и использования динамической системы интернет-коммуникаций, а также обеспечения и нарушения безопасности. Основными элементами безопасности интернет-коммуникаций выступают люди (легальные пользователи и нарушители), ценности (защищаемые и атакуемые), технические и социально-культурные средства (с одной стороны, обеспечения, с другой – нарушения безопасности).

Структурно-функциональный анализ позволяет определить переломный момент и ключевую сферу формирования как массовой интернет-преступности, так и первых элементов общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций. Основная предпосылка, «кормовая база» для распространения преступности на интернет-коммуникации – это наличие пользователей, оперирующих ценностями, несанкционированный доступ к которым высоко прибылен и мало рискован. Важным фактором служит соотношение с одной стороны, квалификации и инструментария нарушителей, с другой стороны – уязвимостей защиты интернет-коммуникаций.

Питательной средой, на основе которой зародилась современная интернет-преступность,

стали массовые дистанционные банковские сервисы (банкоматы, банкинг, платежи и переводы денежных средств через интернет), сформировавшиеся в 2000-е годы. Ранее произошла конверсия компьютерно-телекоммуникационных технологий из государственной и военной сфер для гражданского применения, вначале корпоративного, а потом и массового персонального. Компьютерная преступность переживала эмбриональную стадию развития, а культура безопасности оставалась узкопрофессиональной.

Появление и распространение массовых гражданских интернет-коммуникаций и сервисов являлось необходимой предпосылкой, но само по себе не вело к появлению современной интернет-преступности. Недостающим и решающим фактором, триггером и драйвером криминализации интернет-коммуникаций на тот момент стали массовые финансовые дистанционные сервисы, операции с денежными средствами – универсальной ценностью рыночного общества, непосредственно конвертируемой в любой товар, услугу. Значительные преимущества финансовых интернет-сервисов для бизнеса и клиентов существовали и для криминала, злоумышленников. Двумя главными факторами риска изначально выступали, во-первых, базовая анонимность пользователей, во-вторых, технологическая (местоположения серверов и маршрутизация) и правовая трансграничность интернет-коммуникаций. Злоумышленники могли организовывать хищения денежных средств в России из других стран, оставаясь практически вне досягаемости для расследования и правосудия.

2000-е годы можно считать первым этапом проявления актуальности культурологического подхода к безопасности массовых интернет-коммуникаций. Создание и распространение массовых финансовых интернет-сервисов и угроз хищений является переломной точкой: возникает необходимость защиты массового клиента – граждан, обладающих правом распоряжаться денежными средствами. Непосредственным ресурсом выступает профессиональная культура корпоративной информационной безопасности. На такой основе создаётся надстройка: профессиональная культура обеспечения безопасности клиентских сервисов, интернет-коммуникаций пользователей. Этот этап требует развития компетенций профессионалов информационной безопасности, защищающих клиентов, пользователей без их существенного участия.

Становление в России отрасли информационной безопасности банков, выстраивание системы государственного регулирования, организационно-технических и нормативно-правовых средств позволило к началу 2010-х годов понизить риски клиентских интернет-сервисов до приемлемых величин. Защищённость финансовых интернет-коммуникаций со стороны банковских, финансовых организаций удалось довести до необходимого уровня, профессиональная культура информационной безопасности массовых сервисов достигла пика развития. Финансовая отрасль оказалась первичной как для формирования интернет-преступности, так и для выстраивания профессиональной системы безопасности интернет-коммуникаций дистанционных сервисов. Банковские профессионалы информационной безопасности научились достаточно надёжно защищать граждан-клиентов от попыток хищений денежных средств злоумышленниками посредством технических средств (вредоносного программного обеспечения и т.п.).

3. Повышение роли социально-культурных факторов безопасности интернет-коммуникаций

2010-е годы – второй этап актуализации необходимости культурологического подхода к безопасности интернет-коммуникаций, характеризуется новыми реалиями социально-культурных факторов, угроз и средств защиты. По мере падения прибыльности атак на

финансовые интернет-сервисы интернет-преступность, злоумышленники вынуждены пополнять свой арсенал новыми не техническими средствами атак и искать высокодоходные цели среди нефинансовых ценностей в интернет-коммуникациях. Решение этой задачи облегчает значительное расширение интернет-ресурсов, сервисов, социально-культурного контента, пользовательской аудитории, её вовлечённости, оперирование в интернет-коммуникациях нефинансовыми ценностями высокого уровня [\[13\]](#), атаки на которые способны приводить к получению прибылей и других выгод.

Официальная статистика главного государственного регулятора информационной безопасности финансовой сферы, Банка России, показывает смещение главного вектора и инструментария атак злоумышленников. С середины 2010-х самые массовые и результативные атаки совершаются уже не на технические инструменты финансовых сервисов, а на сознание клиентов. Технические инструменты несанкционированного доступа к распоряжению денежными средствами (вредоносное программное обеспечение и др.) всё больше уступают место «социальной инженерии», интернет-мошенничествам («телефонным», в социальных сетях, по электронной почте, в мессенджерах и т.п.) [\[14\]](#). Новые реалии подтвердила официальная статистика, «Отчёт Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России 1.09.2018 – 31.08.2019)».

Проявился предел возможностей профессиональной культуры безопасности: финансовых организациям уже не могли защитить от мошенников интернет-коммуникации клиента без его собственного активного участия. Был сделан вывод о необходимости формирования и развития, регулярной актуализации массовой культуры безопасности клиентов финансовых интернет-сервисов [\[15\]](#). В защите от «социальной инженерии» главная роль принадлежит клиентам, а банковские специалисты выступают партнёрами и педагогами, разработчиками правил безопасности и методик обучения.

Процессы, аналогичные финансовой сфере, протекали в интернет-коммуникациях и сервисах с не финансовыми ценностями, атакуемыми интернет-преступностью и злоумышленниками. В то время как пользовательская аудитория социальных сетей и мессенджеров превысила половину человечества, эти интернет-коммуникации были заражены разнообразными деструктивными материалами, побуждавшими к самоубийствам, наркомании, экстремальному поведению и экстремистской деятельности, детской травле, школьным расстрелам и т.п. [\[16\]](#) Государственные меры нормативно-правового ограничения, блокировки доступа к незаконному контенту, привлечения к ответственности его создателей и распространителей оказались необходимыми и действенными, но недостаточными [\[17\]](#). Как ранее в финансовой сфере, проявилась необходимость формирования и развития массовой, но уже общегражданской многопрофильной культуры безопасности интернет-коммуникаций.

С 2022 года по настоящее время длится третий этап повышения актуальности культурологического подхода к безопасности интернет-коммуникаций по мере всё большего проявления нового комплекса угроз безопасности российских пользователей. Интернет-коммуникации всё более насыщаются новыми угрозами: фейк-новостями и дезинформацией [\[18\]](#), нацеленной на разрушение традиционных ценностей и социально-культурной идентичности российских граждан [\[19\]](#). Перечень нарушений больше не ограничивается атаками международной интернет-преступности, пополняясь дискриминационными мерами (цензурой и др.) глобальных цифровых корпораций,

базирующихся в США, антироссийскими технологическими санкциями недружественных государств и другими подобными действиями в формате «гибридных войн» [20].

В ещё большей мере, чем на предыдущем этапе, в 2010-е годы, становится и государственной, и личной необходимостью формирование массовой общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций, включая социально-культурные аспекты, а также защиту традиционных ценностей [21]. Для решения этой задачи ценным материалом выступает опыт формирования такой безопасности клиентов интернет-сервисов, накопленный в финансовой сфере. С другой стороны, полученный при этом опыт, обретенный гражданами, может выполнять для взрослых роль начального «всеобуча» культуре информационной безопасности не менее важный [22], чем для школьников соответствующие разделы предметов общей безопасности жизни и информатики.

Результаты

Результаты проведенного исследования показывают, что становится востребованным профильный, культурологический подход к культуре безопасности интернет-коммуникаций, в то время как прежние исследования и разработки велись в рамках других научных дисциплин, вначале технических, потом юриспруденции, педагогики, психологии и т.п. Применение инструментария культурологии, в частности, эволюционного и структурно-функционального подходов, позволяет выстроить динамическую системную модель – культурологическую парадигму информационной безопасности.

Такая теоретическая конструкция отражает закономерности становления, специфику и взаимосвязи различных элементов профессиональной, специализированной и общегражданской культуры информационной безопасности. Позиционирование в общей системе позволяет определить особенности и структурно-функциональные характеристики общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций. Культурологическая методология может эффективно применяться для разработки методик и других средств развития и повышения данного направления культуры.

В частности, проведенный культурологический анализ позволил сделать вывод о том, что опыт обеспечения информационной безопасности дистанционных банковских сервисов является базовым и высоко репрезентативным для формирования и развития соответствующей массовой общегражданской культуры. Эволюция технологий, сервисов, угроз и пользователей интернет-коммуникаций требует конкретного анализа структурно-функциональных элементов обеспечения безопасности, учёт особенностей, сочетаний и взаимодействия технических и социально-культурных факторов в разработке средств повышения профильной культуры.

Библиография

1. Guitton M., Fréchette J. Facing cyberthreats in a crisis and post-crisis era: Rethinking security services response strategy // Computers in Human Behavior Reports. 2023. Vol. 10. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100282
2. Васильева Я.В., Калинин Е.В. Проблемы развития системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. №3. С. 94-99. DOI: 10.37882/2223-2974
3. Kuzior A., Vasylieva T., Kuzmenko O., Koibichuk V., Brožek P. Global Digital

- Convergence: Impact of Cybersecurity, Business Transparency, Economic Transformation, and AML Efficiency // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8. Iss.4. DOI: 10.3390/joitmc8040195
4. Чижигов В.В. Информационные технологии как трансляторы культуры и искусства в виртуальной реальности // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2023. № 1 (111). С. 89-97. DOI: 10.24412/1997-0803-2023-1111-89-97
 5. Былевский П.Г. Пользовательские и персональные данные – анализ рисков извлечения знаний // *Вопросы защиты информации*. 2023. № 1 (140). С. 35-40. DOI: 10.52190/20732600_2023_1_35
 6. Богоудинова Р.З., Бородина С.Д., Мансурова А.Р. Информационная безопасность в современном мире: методологический аспект // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2022. № 4. С. 16-20. EDN: IHZDFC
 7. Taherdoost H. Cybersecurity vs. Information Security // *Procedia Computer Science*. 2022. Vol. 215. Pp. 483-487. DOI: 10.1016/j.procs.2022.12.050
 8. AlDaajeh S., Saleous H., Alrabaee S., Barka E., Breitinge F., Choo K.-K. The role of national cybersecurity strategies on the improvement of cybersecurity education // *Computers & Security*. 2022. Vol. 119. DOI: 10.1016/j.cose.2022.102754
 9. Узлова Н.В. Духовные и культурные ценности в парадигме национальной безопасности // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 4 (108). С. 89-92. DOI: 10.24158/fik.2023.4.12
 10. Прохоров Ю.Н. Предотвращение ущерба потребителей от использования инструментов цифровизации: методологические основы формирования этики применения систем искусственного интеллекта // *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 2. С. 35-41. EDN: RVDWWN
 11. Timofeyev Yu., Dremova O. Insurers' responses to cyber crime: Evidence from Russia // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2022. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2021.100520
 12. Miloslavskaya N., Tolstaya S. Information Security Management Maturity Models // *Procedia Computer Science*. 2022. Vol. 213. Pp. 49-57. DOI: 10.1016/j.procs.2022.11.037
 13. Наговицын Р.С., Кривоногов А.Д. Гражданско-патриотическое воспитание студентов вуза культуры с использованием веб-сайтов на основе искусственного интеллекта // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2023. № 1. С. 21-26. EDN: BKIXDN
 14. AlGhanboosi B., Ali S., Tarhini A. Examining the effect of regulatory factors on avoiding online blackmail threats on social media: A structural equation modeling approach // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 144. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107702
 15. Родивилин И.П. Современная специфика детерминации преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021. Т. 31. № 2. С. 305-311. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-305-311
 16. Даниелян З.В. Информационная культура учителя как фактор профилактики подросткового кибербуллинга // *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 1 (144). С. 64-70. EDN: FIVVJU
 17. Малышева И.В. Социальные сети как правовой феномен // *Сибирский юридический вестник*. 2023. № 2 (101). С. 10-16. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.2.10

18. Francisco M. Artificial intelligence for environmental security: national, international, human and ecological perspectives // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2023. Vol. 61. DOI: 10.1016/j.cosust.2022.101250
19. Федоров А.В. Дезинформация как инструмент и составная часть информационного противоборства Запада // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 18-36. DOI: 10.31429/26190567-23-2-18-36
20. Лапшинова К.В., Подольская А.А. Феномен информационной войны в оценках молодежи Московского региона // Социально-гуманитарные технологии. 2022. № 3 (23). С. 11-16. EDN: XITITL
21. Дементьев С.А. Безопасность человека в сети интернет: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 229-235. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-229-235
22. Бересток Т.Б. Теоретические подходы к изучению информационно-психологической безопасности в просоциальном поведении субъектов 60+ // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 8. С. 227-237. EDN: CJMQE

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье («Культурологический подход к развитию общегражданской культуры безопасности интернет-коммуникаций») является проблема развития культуры информационной безопасности. При этом под культурой информационной безопасности, как это определено распоряжением Правительства России, автором понимается совокупность знаний, умений и навыков безопасного использования людьми компьютерно-телекоммуникационных сетевых технологий. Существенным моментом, по мнению рецензента, является опора автора на государственный нормативный документ и уточнение базового субъекта информационной безопасности — гражданина России. Соответственно, помимо обозначенных автором структурно-функционального и эволюционного культурологических подходов, представленное исследование включает в себя и опору на актуальный в области методического обеспечения государственной культурной политики России ценностно-нормативный подход, который подразумевает, что принимаемые государством правовые нормативы обусловлены необходимостью сохранения и эксплуатации некоторой совокупности ценностей, складывающихся в процессе жизнедеятельности общества в исторически развивающуюся систему, программирующую формы индивидуальной и коллективной деятельности. В этом контексте, развитие культуры информационной безопасности, как элемент исторического процесса, выступает в качестве объекта изучения, в котором автор акцентировал внимание на эволюции самой проблемы (предмета) обеспечения информационной безопасности, которая из узко технической области на первоначальном этапе развития компьютерно-телекоммуникационных сетевых технологий переместилась на текущий момент в область общегражданской и государственной безопасности. Статья, таким образом, посвящена культурологической проблематизации обеспечения безопасного использования людьми компьютерно-телекоммуникационных сетевых технологий, где, в свою очередь, проблема понимается как абстрактная категория, обретающая по аналогии с культурной формой конкретное содержание в зависимости от исторической

динамики использования людьми компьютерно-телекоммуникационных сетевых технологий.

Автор четко обозначил структурную классификационную схему элементов функционирования динамической системы интернет-коммуникаций по принципу соблюдения/несоблюдения нормативов безопасности: люди, разделяющиеся на легальных пользователей и нарушителей, ценности (защищаемые и атакуемые), технические и социально-культурные средства (с одной стороны, обеспечения, с другой — нарушения безопасности).

Вполне резонно отметив, что эволюция проблемы обеспечения информационной безопасности граждан обусловлена расширением ценностных характеристик интернет-коммуникации (атакуемых и защищаемых в рамках интернет-коммуникации ценностей), автор выделяет три этапа эволюции проблемы в российском сегменте.

Первый этап (2000-е гг.) им охарактеризован как финансово-технический: связанный с преодолением рисков осуществления с помощью интернет-коммуникации финансовых операций преимущественно корпорациями и финансовыми институтами, которые и формировали технические средства и специальные службы информационной безопасности, повлекшие становление профессиональной культуры информационной безопасности массовых сервисов.

Второй этап (2010-е гг.) характеризуется сохранением финансовой стороны интересов злоумышленников, но ввиду повышения профессиональной культуры информационной безопасности, объект атак смещается с технических средств массовых сервисов на их пользователей. Актуализируется, соответственно, проблема элементарной массовой культуры финансовой и информационной безопасности граждан, которая решалась за счет пропедевтики информационной грамотности банковскими специалистами и педагогами, «разработчиками правил безопасности и методик обучения».

Однако, начиная с 2022 г. объектом атак становится не столько область финансов, сколько область индивидуального и общественного психического здоровья, в которой, по мысли автора, злоумышленниками все чаще применяются технологии «социальной инженерии», направленные на деструкцию социального поведения пользователей компьютерно-телекоммуникационных средств коммуникации. Помимо этого, целью атак становятся стратегические объекты экономической, социальной, военной инфраструктуры. Соответственно, целью атак злоумышленников становится не столько отдельный гражданин, а общество в целом — его комплексная социокультурная сфера, что определенным образом характеризует и атакующего субъекта: происходит не только профессионализация злоумышленников, но и организация их в криминальные и военизированные спецподразделения для нанесения максимального ущерба намеренному противнику. Как следствие, расширение сегодня области проблем обеспечения информационной безопасности до государственного уровня, требует не только нормативного регулирования и государственной охраны специализированными подразделениями госбезопасности, но и внимания теоретиков, их тесного сотрудничества в междисциплинарной области, которая могла бы методически обеспечить безопасность социокультурной сферы общества в условиях интенсивной информатизации.

Таким образом, предмет исследования автором рассмотрен на достаточно высоком теоретическом уровне, итоговые выводы обоснованы и заслуживают доверия.

Методология исследования, как отмечено выше, помимо инструментария эволюционного и структурно-функционального культурологических подходов, базируется на актуальном для отечественной культурологии аналитическом комплексе ценностно-нормативной теории культуры. Несмотря на то, что автор отдельно не формализует программу исследования, она ясно просматривается в логике раскрытия эволюции проблемы

культуры информационной безопасности российского общества.

Актуальность поднятой автором темы крайне высока. Рецензент подчеркивает, что, как и многие технологические достижения, информационные технологии могут использоваться не только во благо, но также в криминальных и военно-политических целях во вред человеку и обществу, поэтому подчеркнутая автором необходимость культурологического подхода, обладающего эвристическим преимуществом глубоких междисциплинарных связей, представляется вполне уместной и своевременной.

Научная новизна, отраженная в авторской тематической выборке научной литературы, типологии и классификации рисков и угроз в области культуры информационной безопасности, структуры функционирования динамической системы интернет-коммуникаций и периодизации развития проблематики культуры информационной безопасности в российском обществе, не вызывает сомнений, итоговый вывод хорошо обоснован и заслуживает доверия.

Стиль в целом выдержан научный, хотя во фрагменте: «Проявился предел возможностей профессиональной культуры безопасности: финансовых организациям уже не могли защитить от мошенников интернет-коммуникации клиента без его собственного активного участия», — мысль автора не ясна и требует уточнения. Структура статьи отражает логику изложения результатов научного исследования.

Библиография хорошо отражает проблемное поле исследования, оформлена с учетом требований редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам корректна и уместна.

Статья, безусловно, представляет интерес читательской аудитории журнала «Litera», поскольку раскрывает существенную проблемную область медиакommunikации, и после небольшой доработки может быть рекомендована к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тюняева О.Д. — Рецепция книги рассказов «Записки охотника» в США, или И. С. Тургенев против рабства // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43673 EDN: XAVVQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43673

Рецепция книги рассказов «Записки охотника» в США, или И. С. Тургенев против рабства

Тюняева Ольга Дмитриевна

Аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ tyunuaeva@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43673

EDN:

XAVVQH

Дата направления статьи в редакцию:

30-07-2023

Аннотация: В статье поднимается вопрос о причинах популярности книги рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника» в США на протяжении XIX столетия. Рассматриваются как общие причины интереса России и США друг к другу, так и непосредственные причины популярности Тургенева в американской литературной среде в 1850-х гг. Первые немногочисленные отзывы американцев на книгу Тургенева свидетельствуют о том, что изначально автора «Записок охотника» воспринимали в Новом свете как писателя, поднимающего исключительно остро социальные проблемы. Однако к концу XIX века литераторы США обратили внимание на художественные достоинства книги Тургенева. Анализируя ранние отзывы американской критики на «Записки охотника», автор приходит к выводу, что причины первоначальной популярности заключались в общности социальных проблем: рабстве в США и крепостном праве в России. Антикрепостнический пафос отдельных произведений Тургенева привел к сопоставлению текстов русского писателя с некоторыми произведениями американских литераторов, например, романом Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Эстетическое же значение «Записок охотника» американская критика оценила только к концу XIX в. Этому способствовало появление первого полного перевода «Записок охотника» на

английский, выполненный Констанс Гарнет. Именно тогда в США появился ряд литературных последователей Тургенева, среди которых можно выделить Дж. Кейбла, Х. Гарленда и Ш. Андерсона.

Ключевые слова:

Тургенев, США, рабство, крепостное право, Америка, XIX век, литературная критика, Россия, рецепция, рассказ

Рецепция творческого наследия И. С. Тургенева в США началась еще в середине XIX столетия. На протяжении второй половины XIX века интерес к автору «Отцов и детей» возрастал: пристальное внимание к сочинениям Тургенева проявляли такие писатели и критики, как Ю. Скайлер, Я. Бойесен, У. Д. Хоуэллс. Особую роль в осмыслении творческого наследия Тургенева в Америке сыграл Г. Джеймс. В Америке при жизни Тургенева издаются переводы романов «Отцы и дети» (1867 г.), «Дым» (1872 г.), «Дворянское гнездо» (Liza, 1872), «Рудин» (1873 г.), «Новь» (1877 г.), повесть «Вешние воды» (1874 г.) [\[1, p. 17\]](#).

Однако начало интереса к Тургеневу в США было положено его циклом рассказов «Записки охотника». На протяжении XIX в. Россия и США проявляли живой интерес друг к другу, что было обусловлено рядом экономических, социальных и культурных факторов. Одним из таких факторов являлось крепостное право в России и рабство в Америке. Известный американист А. Н. Николюкин, отмечая сходные черты двух культур, особое внимание обращал на бесправное положение рабов и крестьян. «Сравнение между США и Россией, рабством негров и крепостным правом напрашивалось само собой и постоянно возникало как в американской журналистике, так и в русской демократической прессе [\[2, с. 80\]](#). Тем не менее, не стоит забывать, что между институтом рабства и крепостным правом существовала очевидная разница. Крепостные крестьяне не являлись собственностью помещика, а были «прикреплены» к земле. В отличие от американских невольников, они имели возможность распоряжаться своим имуществом (домом, скотиной, орудиями труда). Но в сознании образованной части американского и русского общества эти явления приравнивались. Ведь в России нередкими были случаи продажи крестьян без земли. Американские и русские либералы часто обращались к образам другой страны, чтобы ярче высветить проблемы собственной.

Известно, что в своей писательской деятельности И. С. Тургенев проявил себя как ярый противник крепостного права (о чем свидетельствует, например, его письмо к С. А. Венгерову от 19 июня (1 июля) 1874 г.) [\[3, с. 121\]](#). Наиболее полно писательский протест отражен в цикле рассказов «Записки охотника», первое отдельное издание которого вышло в Москве в 1852 г. А уже в следующем, 1853 г., отдельные рассказы из цикла были опубликованы в США. Сначала они вышли в немецком переводе, а на следующий год — во французском. Немецкий перевод увидел свет в воскресном приложении к газете «New Yorker Herold: Morgenblatt» — «New Yorker Revue». Подтверждением этому служит письмо А. И. Герцена к М. К. Рейхель от 29-30 (17-18) сентября 1853 г.: «В Америке в "Revue" немецком переведены Тургенева рассказы охотника» [\[4, с. 120\]](#). Но документального подтверждения этой публикации обнаружено не было [\[2, с. 77\]](#). Уже в следующем 1854 г. вышел французский перевод отдельных рассказов цикла — в американских журналах «The Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science and Art» и «Graham's American Monthly Magazine of Literature and Art». Отрывки из рассказов «Хорь

и Калиныч», «Бурмистр», «Два помещика», «Певцы», «Бежин луг» были с интересом восприняты в читательской среде Америки.

Рецепции «Записок охотника» в США посвящен ряд исследований отечественных литературоведов. Одним из первых к данной проблеме обратился М. П. Алексеев. В статье «Мировое значение "Записок охотника"» [5] ученый задается вопросом: какое влияние оказал знаменитый цикл рассказов на творчество ряда писателей США второй половины XIX века. В частности, исследователь замечает, что под впечатлением от «Записок охотника» были написаны такие сборники рассказов американских писателей, как «Старые креольские дни» Дж. Кейбла, «Проезжие дороги» Х. Гарленда, рассказы о калифорнийских золотоискателях Ф. Б. Гарта. Несколько позже А. Н. Николюкин в книге «Взаимосвязи литератур России и США» [2] кратко обозначил основные этапы знакомства американских читателей с творчеством Тургенева. А начальным этапом этого знакомства стали «Записки охотника». Исследователь отмечал, что непосредственный интерес американцев к «Запискам охотника» был вызван общностью социальных проблем России и США, а именно рабства и крепостного права. Проблеме влияния «Записок охотника» на американских читателей посвящены и работы последних десяти лет. Среди них стоит назвать диссертацию Е. В. Макаровой [6] и ряд статей исследовательницы. Так, в небольшой обзорной работе «История восприятия книги рассказов "Записки охотника" И. С. Тургенева в США к концу XIX—началу XX вв.» [7] Е. В. Макарова обратила внимание на тот факт, что в конце XIX столетия американских читателей и почитателей Тургенева, среди которых нередко были и писатели, стали привлекать в «Записках охотника» не только социальные проблемы, но и художественные открытия русского писателя. Таким образом, эстетика и поэтика тургеневского цикла рассказов к концу века выходит для американских читателей на первый план. Но первоначальный интерес был вызван именно общими социальными проблемами.

После появления первых рассказов из цикла «Записки охотника» в американской публицистике довольно скоро появились и первые отзывы на них. А. Н. Николюкин обратил внимание на статью мисс Э. Робинсон «Рабство в России» ("Slavery in Russia"), опубликованную в 1856 г. на страницах крупнейшего журнала «North American Review» [8].

В этой статье «Записки охотника» Тургенева помещены в контекст общих рассуждений о крепостничестве в России. Автор пытается проследить, как исторически формировалась крепостная зависимость в Российской империи. Пространные рассуждения мисс Робинсон, местами весьма наивные и не всегда верные, очень показательны. Столь подробный разговор о крепостном праве незадолго до начала Гражданской войны в США не мог быть случайным. И американские читатели это понимали. Неслучайно уже в начале статьи автор упоминает о рабстве в южных штатах. Мисс Робинсон категорично отвергает оправдание существования рабства расовыми различиями. Рабство в Америке ничуть не лучше крепостного права в России, пусть даже в далекой империи ущемляют права таких же белых людей.

Тем не менее, в своей статье мисс Э. Робинсон предостерегала американских читателей от недоброжелательных французских и английских книг о России и в качестве иного примера обращалась к «Запискам охотника» Тургенева — "series of pictures of Russian country life of an incomparably graphic genuineness" («картинам русской сельской жизни, выписанным с несравненной красочной истинностью») [8, p. 314]. Картины крепостного права в России, по мнению Э. Робинсон, были ярко показаны Тургеневым в рассказе

«Льгов». Автор приводит в пример длинный диалог героя-рассказчика с мужиком по прозвищу Сучок. За свою жизнь у разных господ Сучок испробовал все виды деятельности: от актера до рыболова. В этой короткой сцене наиболее высвечен жизненный путь подневольных крестьян.

Стоит отметить, что имя И. С. Тургенева мисс Робинсон ставит рядом с именем одного известного однофамильца писателя — Н. И. Тургенева. Автор статьи ошибочно называет его дядей писателя. Имя Н. И. Тургенева возникает здесь в связи с его известной книгой *"La Russie et les russes"* ^[9]. Этот труд Н. И. Тургенев издал уже будучи в изгнании, за границей, в 1847 г. Ярый противник крепостного права, Н. И. Тургенев изложил в книге свои представления о возможных путях его отмены в Российской империи. Рассуждая о крепостничестве, Н. И. Тургенев не избежал и традиционного сравнения с рабством в Америке. Как следует из рассматриваемой статьи, книга *"La Russie et les russes"* была хорошо известна читателям Нового света. В их представлении имя И. С. Тургенева было неразрывно связано с Н. И. Тургеневым. Это отчасти формировало определенные представления о Тургеневе как о писателе, затрагивающем исключительно остро социальные проблемы, например, крепостное право.

Заканчивая разговор о крепостном праве в России, мисс Робинсон проводит осторожные параллели с рабством негров в США. Автор приходит к выводу, что при всем неблагоприятном положении крестьян в Российской империи их положение менее бедственно, чем положение американских рабов. Во многих случаях закон защищает крепостных, в то время как чернокожие невольники могут рассчитывать только на достойное поведение и христианские добродетели своих хозяев.

Следующий отклик на перевод рассказов из «Записок охотника» И. С. Тургенева появился только в 1867 г., опять в журнале «North American Review». Статья называлась «Крепостное право и законы об отмене крепостничества в России» (*"Serfdom and the Emancipation Laws in Russia"*) ^[10] и была посвящена освободительной реформе Александра II. Весть об отмене крепостного права в России достигла Нового света в первые дни Гражданской войны. Эту новость использовали в своих целях как Север, так и Юг. Южная пресса описывала бедствия, которые грозят России после освобождения крестьян, а аболиционисты, напротив, с восторгом приняли известия из Санкт-Петербурга ^[11, с. 430]. Однако после окончания Гражданской войны и фактической отмены рабства этот институт не ушел в прошлое. Неслучайно американская критика продолжает осмыслять и сопоставлять опыт США и России. В статье вновь рассматриваются этапы становления крепостного права: от Рюрика до правления Александра II. Подробный экскурс в историю России был необходим американским читателям в том числе для того, чтобы понять особенности государственного устройства далекой империи. В частности, тот факт, что крепостное право продержалось в России до середины XIX столетия, в статье связывается с тем, что на протяжении своей истории Россия была ближе к Азии, чем к Европе.

Автор статьи указывает на проведенные при императорах Александре I и Николае I поэтапные реформы, приближавшие Россию к отмене крепостного права. Упоминается, например, указ о "вольных хлебопашцах" 1803 г., согласно которому помещики могли отпускать своих крестьян на волю с земельным наделом. Правда, при следующем императоре, Николае I, помещики могли освобождать крестьян уже без земли. Освобожденные крестьяне должны были выкупать свою землю (указ «об обязанных крестьянах» 1842 г.). Кроме того, в статье детально расписаны суммы оброков и пошлин, которые платили крестьяне.

Упоминание же о Тургеневе возникает в связи с описанием угнетенного положения крестьян. Стоит отметить, что автор статьи указывает на сходство аргументов, к которым прибегают сторонники крепостного права в России и рабства в США. И те, и другие говорят о нежелании зависимого слоя выходить на свободу. Ведь они просто не представляют, как ею распорядиться. Подлинное представление о тяжелом положении зависимых крестьян в России, по мнению автора, дает в своем творчестве Тургенев. Тем не менее, подробный разбор текстов писателя отсутствует.

В конце статьи рассматривается реформа об отмене крепостного права в России. Автор сетует на то, что крестьян освободили без земли. Снова проводятся параллели с отменой рабства в южных штатах. Возникают осторожные предположения, насколько опыт России может быть полезен для Америки в связи с упразднением похожего института.

Подобные отклики на ситуацию с крепостным правом в России могли быть отчасти спровоцированы неточным переводом тех же «Записок охотника», который был сделан Эрнестом Шаррьером. Этот перевод был выполнен во время охлаждения отношений Российской империи с Францией с целью иллюстрации угнетенного положения российских крестьян (в связи с началом Крымской войны). Сам Тургенев был недоволен вольным переводом Шаррьера [\[12\]](#). Повторное «открытие» «Записок охотника» в США происходит в 1870-е гг. уже под влиянием переведенных романов Тургенева. А первый полный перевод «Записок охотника» на английский, дающий представление о художественной ценности этой книги, был выполнен Констанс Гарнетт и вошел в собрание сочинений, изданное в Нью-Йорке в 1894 году (The novels of Ivan Turgenev. Tr. Constance Garnett. A sportsman's sketches. New York, Macmillan. v. 8–9. 1896. 292, 284 p.). Начиная с 1860-х гг. популярность Тургенева в Америке возрастает: в США издают переводы самых известных романов Тургенева, первым из которых стал роман «Отцы и дети» (1867 г.). Но началом интереса к Тургеневу-романисту стали именно «Записки охотника».

Представляется, что внимание американских читателей к «Запискам охотника» и к творчеству Тургенева в целом было обусловлено как актуальностью поднятых им проблем для общественной жизни США, так и художественными открытиями русского писателя. Стоит отметить, что параллели между Россией и Америкой, причем зачастую неосознанно, возникали в литературе и культуре в целом [\[13, с. 11\]](#). Однако на первом этапе знакомства с творчеством Тургенева цикл рассказов «Записки охотника» интересовал американских читателей исключительно в аспекте поднимаемой автором проблемы крепостного права.

Антикрепостнический пафос некоторых произведений Тургенева стал поводом для сравнения его текстов с нашумевшим романом Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852 г.), русский перевод которого появился в 1853 г. В частности, П. В. Анненков обратил внимание на сходство Акима из повести «Постоялый двор» с дядей Томом, главным героем романа американской писательницы [\[14, с. 155\]](#). Тексты были написаны практически в одно время, что исключает возможность их непосредственного влияния друг на друга.

Как известно из ответа Тургенева Анненкову, писатель прочитал произведение Бичер-Стоу уже после работы над своей повестью. «Что же касается до "Дяди Тома", которого я на днях прочел — то меня самого поразила мысль — что ведь пожалуй и Аким такого же калибра. Ваше письмо подтвердило это впечатление» [\[15, с. 220\]](#), — писал Тургенев 21 апреля (3 мая) 1853 г.

Есть основания предполагать, что Тургеневу не нравилось сравнение своих произведений с тенденциозным романом Бичер-Стоу. Американская писательница с удовольствием играла роль ярого борца с рабством, не заботясь при этом о психологической разработке своих образов. Тургенев же интересовал, в первую очередь, человек во всей его сложности. Но сравнение его текстов с нашумевшим романом надолго закрепилось как в сознании русского читателя, так и американского.

Не случайно позже первый американских переводчик «Отцов и детей» Юджин Скайлер, сравнивая успех «Записок охотника» и «Хижины дяди Тома», писал: «Казалось странным, что в двух великих странах, столь различных по своему складу и совершенно незнакомых друг с другом, выход романа о народной жизни стал общественным событием большой важности. В противоположных частях света, в двух странах, одна из которых считалась самой свободной, а другая — самой деспотичной в мире, рабству человека был нанесен одинаково сильный удар» [\[16, p. 6-7\]](#). Сравнивал «Записки охотника» с «Хижинкой дяди Тома» и Генри Джеймс, который ближе всего из американских литераторов общался с Тургеневым. Джеймс отмечал эстетическое превосходство цикла рассказов Тургенева над романом Бичер-Стоу [\[17, p. 270\]](#). Заметим, что во второй половине XIX в. такие писатели и литературные критики, как Г. Джеймс, У. Д. Хоуэллс, Т. Перри, Дж. Кейбл, Ш. Андерсон, обращали внимание уже не на антикрепостнический пафос «Записок охотника», а на эстетические достоинства книги Тургенева.

На протяжении долгого времени Россия и США осмыслили свои внутренние политические и социальные процессы относительно друг друга. Подобный устойчивый интерес стимулировал культурные контакты столь далеких, на первый взгляд, государств. Одним из ярких примеров подобного взаимного интереса является пристальное внимание американского читателя к творчеству Тургенева. Знакомство американских читателей с наследием русского писателя не случайно начинается с его книги рассказов. В первую очередь, американская критика XIX в. увидела в этом произведении книгу, близкую им своим политическим и гражданским настроением. «Записки охотника» стали основой для дальнейшего интереса к Тургеневу в США. Со временем американская критика обнаруживала все больше сходных черт между русскими и американцами. К 1870-м гг. в США начинают появляться переводы знаменитых романов Тургенева. Но обращение к творчеству русского писателя во многом было связано с попыткой осмысления института рабства в сопоставлении с крепостным правом в России.

Библиография

1. Yachnin R., Stam D.H. Turgenev in English: a checklist of works by and about him. New York: The New York Public Library, 1962.
2. Николукин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981.
3. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 2002. Т. 13.
4. Герцен А.И. Полн. собр. Соч.: В 30 т. М.: Наука, 1961. Т. 25.
5. Алексеев М.П. Мировое значение «Записок охотника» // «Записки охотника» И.С. Тургенева: статьи и материалы. Орел: Орловская правда, 1955. С. 36–117.
6. Макарова Е.В. Жанровые особенности книги рассказов в творчестве И. С. Тургенева и Ш. Андерсона (на материале книг рассказов «Записки охотника» и «Уайнсбург, Огайо» (1919 г.)). Диссертация на соискание ученой степени кандидата

- филологических наук. Владимир: 2014.
7. Макарова Е.В. История восприятия книги рассказов "Записки охотника" И. С. Тургенева в США к концу XIX – началу XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 224-227.
 8. Robinson E. Slavery in Russia // The North American Review Vol. 82. No. 171. April, 1856. p. 293-314.
 9. Tourgueneff N.I. La Russie et les russes. 1–3 volumes. Paris. 1847.
 10. Anonymous Serfdom and the Emancipation Laws in Russia // The North American Review Vol. 105, No. 216. July, 1867. p. 41-88.
 11. Курилла И.И. Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США. // Новое литературное обозрение. 2016. № 6. С. 425–440.
 12. Цейтлин А.Г. Примечания // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Сочинения: В 12 т. М.: Наука, 1979. Т. 3.
 13. Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
 14. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. СПб.: Наука, 2005.
 15. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 2.
 16. Turgenev I. S. Fathers and Sons: A Novel // Translated from the Russian with the Approval of the Author by Eugene Schuyler. N. Y.: Leypoldt and Holt, 1867.
 17. James H. Ivan Turgeneff // James H. French Poets and Novelists. London: Macmillan and Co, 1878. p. 269–321.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Рецепция книги рассказов «Записки охотника» в США, или И. С. Тургенев против рабства» выполнена в русле исследований межкультурного диалога, в ней раскрывается вопрос о рецепции «Записок охотника» Тургенева американской культурой. Статья выполнена на высоком научном уровне. В ней поэтапно раскрывается история переводов «Записок охотника», сделанных в США. Упоминаются в том числе и первый перевод, сделанный в 1853 году на немецком языке, но не сохранившийся, и вольный перевод Эрнеста Шаррьера, которым был недоволен И.С. Тургенев.

В работе с достаточной полнотой раскрыта история научного изучения вопроса рецепции «Записок охотника» в США. Обобщены исследования М.П. Алексеева, А.Н. Николюкина, Е.В. Макаровой и др. Вкладом автора статьи в рассматриваемую проблему стали систематизация откликов американских критиков о цикле Тургенева, выявление специфики восприятия американцами тургеневского цикла. Реферативное представление содержания статей Э. Робинсон «Рабство в России» ("Slavery in Russia"), а также статьи 1867 г. «Крепостное право и законы об отмене крепостничества в России» ("Serfdom and the Emancipation Laws in Russia") в журнале «North American Review» составляет значительную часть статьи.

Рассматривая отклики американских критиков и писателей о «Записках охотника», автор статьи подтверждает наблюдение Е. В. Макаровой о том, что «в конце XIX столетия американских читателей и почитателей Тургенева, среди которых нередко были и писатели, стали привлекать в "Записках охотника» не только социальные проблемы, но и

художественные открытия русского писателя. Таким образом, эстетика и поэтика тургеневского цикла рассказов к концу века выходит для американских читателей на первый план. Но первоначальный интерес был вызван именно общими социальными проблемами». Доминирующий интерес к социальной проблематике обусловил обращение автора статьи к вопросу о том, почему в сознании русских и американских либералов происходило отождествление крепостного права и американского рабства, и необходимость указать на принципиальные отличия этих форма закабаления человека.

Все выводы убедительны, доказательны, однако возникает несколько замечаний. Первое связано с тем, что цикл «Записки охотника» не однороден в жанровом отношении, в него входят не только рассказы, но и очерки.

Во-вторых, в статье есть ряд описок, пунктуационных огрехов. В частности, уже в первом предложении нарушено согласование: «Рецепция творческого наследия И. С. Тургенева в США началось еще в середине XIX столетия».

В предложении «Столь подробный разговор о крепостном праве, незадолго до начала Гражданской войны...» не нужна запятая после слова «праве».

В предложении «Это отчасти формировало определенные представления о Тургеневе, как о писателе, затрагивающем исключительно...» не нужна запятая перед «как» (= «в качестве»).

В предложении «Автор приходит к выводу, что при всем неблагоприятном положении крестьян в Российской империи, их положение менее бедственно, чем положение американских рабов» не нужна запятая после слова «империи».

Также не нужна запятая после слова «рабства» в предложении «Однако после окончания Гражданской войны и фактической отмены рабства, этот институт не ушел в прошлое».

В предложении «...тот факт, что крепостное право продержалось в России до середины XIX столетия в статье связывается с тем...», напротив, нет запятой после слова «столетия», так как завершилось придаточное предложение.

В предложении «Повторное «открытие» «Записок охотника» в США происходит в 1870-е гг., уже под влиянием переведенных романов Тургенева» не нужна запятая перед словом «уже».

Не нужно выделять запятой приложение в предложении «...американских переводчик «Отцов и детей», Юджин Скайлер» (убрать запятую после названия романа).

И слово «Нижегородский» в названии журнала надо написать с заглавной буквы.

После исправления этих мелких огрехов статья может быть опубликована в журнале.

Замечания главного редактора от 06.08.2023: "Автор частично учел замечания рецензента. Рукопись можно публиковать".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Балабаева А.С. — Творчество М. Ю. Лермонтова в религиозно-философской критике В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43830 EDN: XBSYXM
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43830

Творчество М. Ю. Лермонтова в религиозно-философской критике В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова

Балабаева Ангелина Сергеевна

младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а

✉ angelinabalabaeva@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43830

EDN:

XBSYXM

Дата направления статьи в редакцию:

17-08-2023

Аннотация: В статье рассматриваются литературно-критические статьи представителей религиозно-философской критики, посвященные М. Ю. Лермонтову. Работы объединяет не только предмет анализа и общность методологии, но и внутренняя полемика, развернувшаяся на фоне повышенного интереса к личности и творчеству поэта на рубеже XIX-XX веков. Автор анализирует, как этический труд В. С. Соловьева повлиял на его представление о "трех демонах" Лермонтова, как религия Третьего завета Д. С. Мережковского определила его искания Софии, Вечной Женственности в лермонтовском творчестве и как пантеизм и антихристианские настроения В. В. Розанова отразились в его анализе богоборческих и демонических мотивов у поэта. Основными выводами проведенного исследования являются следующие: в основу каждой из трех интерпретаций положены философские убеждения каждого из критиков. Всех троих объединяет стремление актуализировать творчество Лермонтова в контексте современной им эпохи, более того – все они рассматривают личность и творчество Лермонтова с неохристианских позиций. В. С. Соловьев интерпретирует Лермонтова отрицательно, ввиду того, что видит в нем родоначальника нищезанятия,

распространявшегося на рубеже XIX-XX веков в том числе и в России. Мережковский, напротив, в Лермонтове видит образец для вдохновения при создании обновленной, «усовершенствованной» Церкви Третьего Завета – с вниманием к вопросу пола, к онтологической равноценности Добра и Зла. Розанов также оценивает Лермонтова положительно с точки зрения необходимости обратиться к язычески-иудейским основам религии, в противовес традиционному христианству.

Ключевые слова:

Соловьев, Мережковский, Розанов, религиозно-философская критика, Вечная Женственность, Лермонтов, демонизм, Третий Завет, богоборческие мотивы, пантеизм

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800)

Период рубежа XIX-XX веков многими исследователями выделяется как особая веха в отечественном лермонтоведении. 1891 год, ознаменованный юбилеем со дня гибели поэта, стал отправной точкой роста академического и литературно-критического интереса к Лермонтову. 1891 годом датируется первое полное издание сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией П. А. Висковатого^[1]. Современная исследовательница Е. В. Глухова насчитывает порядка 20 собраний сочинений, увидевших свет в 1891 году^[2, с. 132].

90-е годы XIX века открывают собой новый период литературной критики, посвященной поэту, который в свою очередь способствовал развитию критических взглядов на Лермонтова представителей Серебряного века, но творческие плоды этого периода не исчерпываются символистской критикой. Именно тогда закладывается основа для академического изучения творчества поэта. Составители двухтомной антологии «М. Ю. Лермонтов: pro et contra» прямо указывают на три комплекса исследований, положивших начало философскому и филологическому изучению наследия Лермонтова: «1) критические статьи и эссе писателей и мыслителей рубежа XIX–XX вв.; 2) труды отечественных лермонтоведов 10–50-х гг.; 3) штудии наших эмигрантов на Западе и Востоке»^[3, с. 6].

Большим подспорьем в исследовании восприятия лермонтовского мифа служат труды В. М. Марковича, посвященные историко-литературному анализу рецепции творчества Лермонтова. Примечательно, что к околосимволистской критике Маркович причисляет не только А. Белого, В. Я. Брюсова и Д. С. Мережковского, но и В. В. Розанова и В. С. Соловьева (последнего, скорее, как предтечу символистов). Здесь встает отдельный вопрос о классификации критических методов и возможности выделения религиозно-философской критики как отдельной категории. В монографии Т. В. Обласовой «Религиозно-философское направление в литературной критике рубежа XIX-XX веков» эта проблема получает широкое освещение. Исследовательница рассматривает несколько подходов к классификации, основанных на хронологическом и типологическом критериях. В большинстве классификаций так или иначе присутствует термин «философская критика», который, однако, получает различное толкование. Так, Э. Л. Радлов, в книге, посвященной В. С. Соловьеву, полагает, что вся русская литературная критика, начиная с Белинского, — философская, понимая под философичностью «стремление определить произведение с некоторой принципиальной

точки зрения»^[4, с. 8]. А. М. Пятигорский считает, что литературная критика в России есть субститут философии, так как исторически они оказывались крайне близки: литературные тексты становились естественным материалом для философских размышлений, а литературная критика заимствовала у философии методологический аппарат для своих целей.

В более узком смысле В. Н. Коновалов пишет о «философской критике», имея в виду, во-первых, критику 30-х — 40-х гг. XIX века (В. Белинский, Д. Веневитинов, И. Киреевский, Н. Надеждин и др.), а во-вторых, критику рубежа XIX — XX веков, предполагая у них наличие общего предмета и методологии. Ещё более узкая трактовка, с которой солидаризируется Обласова, представлена в работе В. А. Келдыша: «философская критика» получает уточняющий элемент — «религиозно-философская критика» — и благодаря этому позволяет отнести к этой категории достаточно ограниченную группу авторов, чью методологическую, идейную базу составляла религиозная философия. Кажется очевидным причислить сюда упомянутых выше В. С. Соловьева, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева и других философов, которые свою первоочередную задачу совмещали с собственно литературной, публицистической деятельностью, чьи высказывания в первую очередь иллюстрируют их философские построения. Но законно ли вписать в эту плеяду Д. С. Мережковского или он — представитель т. н. символистской критики? Нам представляется, что фигура Мережковского находится на стыке этих двух типологических характеристик: отдельные его работы тяготеют к попытке религиозно-философского истолкования русской литературы, тесно связаны с его (и З. Н. Гиппиус) представлениями о религии Третьего Завета, вписываются в контекст его историософских исканий. История жизни и творчества Лермонтова, безусловно, представляет богатую почву для мистико-религиозных интерпретаций его судьбы, само значение его фигуры в масштабе истории русской литературы определяет тот факт, что оценка Лермонтова является необходимой при попытке построить генеалогию русского стиха и русской прозы.

Мы полагаем, что Соловьева, Розанова и Мережковского можно рассматривать в общем контексте, но не околосимволистской, как писал В. М. Маркович, а религиозно-философской критики. Конкретный выбор трёх авторов обусловлен несколькими причинами. Во-первых, близостью интересов: в роли такого общего лейтмотива выступает проблема соотношения жизни и творчества (соотношения онтологического, эстетического и этического начал), кроме этого — попытки выстроить литературную генеалогию, определить актуальные творческие (и не только творческие) ориентиры для современности и, безусловно, связать их с историческим и духовным будущим России на пороге нового века. Во-вторых, приняв во внимание хронологию публикаций, можно уверенно полагать, что каждое следующее высказывание трёх критиков публиковалось с учетом мнений предшественников.

Кроме того, всех трёх объединяет хронологически более ранняя полемика о Пушкине, тон которой задавала статья В. С. Соловьева «Судьба Пушкина» (1891). В самом общем виде Соловьев предлагает религиозно-философское истолкование истории пушкинской дуэли, а гибель поэта рассматривает как совокупность его личной воли и Божьего Провидения, то есть видит в ней логичность и последовательность, а не превратность зловещего рока. В кругу мирискусников — участников юбилейного пушкинского выпуска журнала «Мир искусства» — сформировалось практически коллективное мнение о том, что этическая критика Соловьева является ретроградской. Мережковский на момент написания статьи «Праздник Пушкина» был убежден в генеалогическом наследовании поэтами своего круга Пушкину. Позиция Розанова менялась неоднократно: от неприязни

к Пушкину как к поэту неактуальному для современности («Заметка о Пушкине», 1899) до признания необходимости Пушкина в целях нравственного и эстетического совершенствования молодого поколения («Возврат к Пушкину», 1912).

Итак, наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть критические работы трех авторов и выяснить, как реализуется «философичность» их критического метода. А именно: какие именно философские теории находят свое отражение или иллюстрируются на материале поэтического наследия Лермонтова. Далее: чем обогащается художественный миф о Лермонтове, как фигура поэта встраивается в генеалогию русской литературы, как актуализируется его творчество на рубеже XIX-XX веков. Все это позволит не только обогатить историю рецепции поэзии Лермонтова в указанный период, но и глубже понять суть этических, эстетических и религиозных концепций, на которые опираются философы-критики.

В. С. Соловьев

Анализ личности и творчества Лермонтова В. С. Соловьевым – продолжение того же этического направления в критике философа, которое было начато в статье «Судьба Пушкина»: на первый план выходит нравственная несостоятельность поэта, несоответствие дарованного ему таланта с реализацией последнего в действительности. Философ же считает Пушкина и Лермонтова гениями, с той лишь разницей, что вину Лермонтова Соловьев считает неискупленной (ср. с тем, как преобразился Пушкин в последние дни перед смертью), а его падение – последовательным и закономерным.

На протяжении всей жизни Лермонтова с разной силой одолевали три демона: кровожадности, бесстыдства и гордыни. Философ заимствует полуавтобиографический лермонтовский отрывок, известный по первой строке рукописи – «Я хочу рассказать вам». «Склонность к разрушению», которую имеет герой отрывка в детстве, приписывается Соловьевым самому Лермонтову. Жестокость к природе со временем превращается в жестокость к окружающим и, прежде всего, к женщинам. Бесстыдство, по мысли Соловьева, обнаруживается в т. н. «юнкерских» или «иронических» поэмах, а эротическая муза Пушкина противопоставляется «порнографической» музе Лермонтова, разумеется, не в пользу последнего. Третий, самый тяжкий грех поэта — грех гордости/гордыни. Это примечательная деталь: Соловьев пишет о «гордости» в разговоре об эгоизме и мизантропии, а когда речь идёт о богоборческих настроениях поэта, переключается на понятие «гордыни».

Почему грехов именно три? С формальной точки зрения количество этих грехов можно объяснить практикой Соловьева оформлять большинство своих построений в виде триады, отталкиваясь, в первую очередь, от гегелевской диалектики. На это указывает в своей монографии, посвящённой Соловьеву, А. Ф. Лосев: «<...> он не только понял сущность гегелевской триады, но и сам постоянно пользовался ею в своих рассуждениях. Число „три“ настолько оказалось привычным Вл. Соловьеву, что он его весьма часто употреблял даже и не в смысле диалектики, а в смысле просто обыкновенной системы рассуждения или рассказа»^[5, с. 176]. В своём ключевом труде, посвящённом этике, — «Оправдании добра» — Соловьев также проводит идею о троичности качеств, стоящих в основе нравственных отношений. Таковыми являются: стыд (по отношению к тому, что стоит ниже человека), жалость/сострадание (к тому, что равно ему) и благоговение (перед тем, что выше человека).

Представляется, что именно эта триада послужила поводом к выделению трёх грехов у Лермонтова. Развивая мысль Соловьева, мы можем выстроить следующие оппозиции:

стыд — бесстыдство, сострадание — кровожадность (жестокость), благоговение — гордость (гордыня). Пренебрежение этими основополагающими понятиями обуславливает финальный пафос статьи Соловьева: наша задача, как потомков, состоит в том, чтобы «обличить ложь воспетого им [Лермонтовым] демонизма»^[6, с. 366], тем самым облегчив его посмертную «ношу».

Этот призыв оказывается тем актуальнее, что связывается Соловьевым с бичом его поколения: он видит Лермонтова предвестником философии ницшеанства. Идея исключительного значения себя, собственного превосходства, которую он обнаруживает в судьбе и творчестве Лермонтова, оказывается созвучна понятию сверхчеловека у Ницше. Соловьев соглашается с ними в главном: в предпосылке о том, что человеку необходимо превозмочь свою природу. Но основанием этого превозможения должно стать не эгоистичное превосходство индивидуальной личности, а победа над главным «злом» человеческой действительности — смертью. Вместо постулирования исключительного значения собственного «Я» — человекобожества — Соловьев видит развитие человеческого существа в идее богочеловечества, в следовании пути первого богочеловека — Христа.

Гордыня Лермонтова наиболее ярко реализуется, по мысли Соловьева, в лермонтовском богоборчестве. Стремление к божественному никогда не увенчивалось для него успехом, но и никогда не угасало в нем («он до злобного отчаяния рвался к ней [божественной Ветилуе – так Соловьев, заимствуя образ из незаконченной пушкинской поэмы «Юдифь», обозначает божественное начало – прим. А. Б.] и не достигал»). Тоска по высшему началу трансформируется в бунт против божества — примечательно, что Соловьев не пытается как бы то ни было романтизировать этот бунт. Напротив, он максимально его десакрализует, лишает сверхчеловеческого избраннического ореола. В связи с поэмой «Демон» Соловьев пишет: «Несмотря на великолепие стихов и на значительность замысла, говорить с полной серьезностью о содержании поэмы для меня так же невозможно, как вернуться в пятый или шестой класс гимназии»^[6, с. 364]. Философ отказывается видеть в богоборчестве Лермонтова серьезную метафизическую подоплеку.

Можно обнаружить в соловьевской статье, наряду с дидактикой, своего рода покровительственные ноты: особенно это заметно в финале статьи, где Соловьев призывает к правильному отношению к памяти о Лермонтове. А именно — необходимо обличать грех воспетого поэтом демонизма и индивидуализма, чтобы «облегчить тяжесть, лежащую на этой великой душе»^[6, с. 367]. Такая диспозиция сил вызывает две ассоциации: из библейской истории и из лирики самого Лермонтова. Во-первых, библейский сюжет о сыновьях Ноя: Иафете, Симе и Хаме. Для Соловьева, владевшего древнееврейским языком и досконально знавшего Священное писание, подобная параллель, как нам кажется, могла быть очевидна. Во-вторых, стихотворение Лермонтова «Дума», его заключительные строки:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,

Потомок оскорбит презрительным стихом,

Насмешкой горькой обманутого сына

Над промотавшимся отцом.

(«Дума», 1838)

Прямой зависимости образа Лермонтова в статье от образа промотавшего свое состояние отца в его же стихотворении мы, разумеется, не найдем, но смысловые коннотации явно присутствуют: состояние Лермонтова — его гений, который он не реализовал должным образом а, подобно зарытому таланту из притчи, оставил втуне.

Последующая критика была обескуражена не только критической оценкой Лермонтова, но и некоторого рода критической «слепотой», которую проявил философ по отношению к поэту. Так, совершенно исключены в соловьевской статье оказались мотивы религиозные, в первую очередь, связанные с образом Вечной Женственности. Богослов и литературный деятель С. Н. Дурылин справедливо указывал на то, что вся палитра образов, связанных с Вечной Женственностью у Лермонтова — образ возлюбленной, матери, Богородицы, природы — все они находят отражение и в поэтическом творчестве самого Соловьева. Дурылин даже приводит в пример аллюзию на стихотворение Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» в поэме Соловьева «Три свидания»: София является лирическому герою в одном из его трех видений с «очами, полными лазурного огня».

Нам кажется, что причина такой «слепоты» кроется в идейном кризисе позднейшего творчества Соловьева. Исследователи, например, польский ученый Ян Красицкий^[7], характеризуют последнее десятилетие философской деятельности Соловьева как эсхатологический период, разрушение теократических надежд и разочарование в эволюционном характере истории. Представление, близкое к Августину Блаженному, о зле как недостатке добра, а также о врожденном стремлении всего живущего к Добру, сменяется убеждением в том, что зло имеет субстанциональную природу, а мир есть арена непосредственного противоборства Добра со Злом. В такой системе координат актуальной задачей становится обнаружение зла и борьба с ним. Идея человекобожества, предвестником которой Соловьев видит Лермонтова, прямо противоречит идее богочеловечества, которая мыслится философом как единственно возможный духовный путь человечества к прогрессу. Поэтому для Соловьева необходимо указывать, в первую очередь, на ошибочность такого мировоззрения, на недопустимость его эстетизации и романтизации лермонтовского демонизма.

Д. С. Мережковский

Статья Д. С. Мережковского «М. Ю. Лермонтов (Поэт сверхчеловечества)» (1909) обращает на себя внимание не только новым прочтением личности и творчества поэта, но и интересными параллелями между Соловьевым и Лермонтовым, которых Мережковский называет «Авелем и Каином русской литературы»^[8, с. 168], предполагая их крайне близкими друг другу. И именно эта близость, по мнению Мережковского, обуславливает резкое осуждение Лермонтова со стороны Соловьева.

Тема детства появляется в связи с Лермонтовым в положительном ключе: если для Соловьева содержание поэмы «Демон» соответствует мыслям юного гимназиста и не являет собой ничего серьезного, то Мережковскому оппозиция «Пушкин — Лермонтов» реализуется также в противопоставлении взрослого возраста (с присущей ему холодной рациональностью, рассудительностью) и детства (с непосредственным и незамутненным взглядом на мир).

Новый век представляет собой новое детство культуры, радикально переосмыслившей себя относительно ушедшего XIX века. Детство является вместе с тем периодом, в котором человек оказывается наиболее близок к Богу. Интересно, что такая антитеза в связи с религиозным вопросом проявляет интересное различие в отношении к

христианству как личному чувству у Мережковского и Соловьева. Если для Мережковского именно «детская молитва» актуальна в предсмертный час, только чистое детское религиозное ощущение значимо, то Соловьев, напротив, не идеализирует бессознательную веру — религиозность, прошедшая через горнило сомнений, подкрепленная рациональной убежденностью в существовании Бога, в том, что Его истина — единственно верная, ценится им гораздо выше.

Для Мережковского образ Лермонтова является уникальным примером в русской литературе «не смирившегося» до конца жизни поэта. Его богоборчество он объявляет «святым», вспоминая библейский сюжет об Иакове, сражавшемся с Богом в обличие ангела, требуя благословения. Неслучайно Мережковский видит в Лермонтове одну из ангельских душ, которые посылаются на землю, чтобы сделать окончательный выбор между добром и злом. Его бунт потенциально продуктивен, от его исхода зависит самоопределение человеческой личности. Лермонтовская «тяжба с Богом» имеет метафизическую природу, речь идет не о «земных» препираниях, а о гораздо более высоких материях.

Бунт Лермонтова против Бога парадоксально, на первый взгляд, предполагает наличие в душе некоей святости, от которой невозможно отречься «даже под угрозой вечной гибели». Тяжба с Богом может вестись лишь при признании Божества как такового, а также при наличии убеждения или явления, за которое ведется борьба. Она тесно связана с вопросом теодицеи — оправдания Бога перед фактом существования зла. Богоборчество поэта, по мысли Мережковского, имеет два исхода — богоотступничество и богосыновство. Наличие некоего религиозного идеала и стремление «примириться с Богом» предполагает путь к богосыновству, которому не суждено было завершиться.

Интерпретацию пророческого дара Лермонтова, который Соловьев усматривал в легендарной родословной поэта (последний является потомком шотландского барда-пророка Томаса Лермонта), Мережковский трактует иначе: взгляд Лермонтова направлен не в прошлое, но в будущее. Вспоминая «Божественную комедию», Мережковский приводит гностическую легенду о неопределившихся между светом и тьмой ангелах (у Данте «стая ангелов» оказывается наказана за то, что «не восстав, была и не верна // Всевышнему, средину соблюдая»), которых посылают на землю для совершения окончательного выбора.

Упрек Соловьева в «бесстыдстве» Лермонтова получает у Мережковского совершенно иное объяснение: это не что иное как стремление к «опрощению», стремление уйти от своей неземной природы и стать «как все». Вообще же во многих чертах эта статья является ответом на соловьевского «Лермонтова» — признавая за статьей Соловьева традиционное стремление к «побиванию Лермонтова Пушкиным» (как бы забывая о том, что двумя годами ранее Соловьевым был произведен столь же строгий с точки зрения высшей нравственности анализ судьбы Пушкина), он стремится защитить его честь. И как Соловьев приводит биографические или псевдобιοграфические свидетельства о демонизме Лермонтова, так и Мережковский находит ответные факты, говорящие о его высоких идеалах: «Бабушка Лермонтова, после смерти внука, оплакивала его так, что веки на глазах ослабели, и она не могла их поднять. Кое-что знала она о "ядовитой гадине" [П. А. Висковатый приводит слова врагов Лермонтова, призывавших «проучить ядовитую гадину» – А. Б.], чего не знали Вл. Соловьев и Достоевский» [\[8, с. 179\]](#).

Наряду с мотивом детства, как периодом, приближающим к божественной истине, звучит в статье Мережковского еще более важная тема — Вечной Женственности. Это та точка, в которой Соловьев и Лермонтов, Авель и Каин русской литературы, «неожиданно

встретились и обнялись, как братья-близнецы»[\[8, с. 201\]](#). Вечная Женственность здесь предстает синонимом Софии, но, безусловно, в трактовке Мережковского, а не Соловьева.

Впрочем, главнейшие черты Софии сохранены и у Мережковского: она объединяет в себе образы Матери («эта песня возлюбленной напоминает [Лермонтову] песню матери»), Богоматери («К Матери пришел он помимо Сына»), вечной девы, возлюбленной и даже матери-природы («Религия Вечной Женственности, Вечного Материнства уходит корнями своими в "мать сырую землю" — в стихию народную»).

Во всех этих аспектах София Лермонтова родственна Софии Соловьева: достаточно упомянуть классификацию образов Софии в монографии А. Ф. Лосева [\[5, с. 200\]](#) о Соловьеве или же воспоминания племянника философа о лирическом цикле Владимира Сергеевича к возлюбленному им финскому озеру Сайме («Сайму Соловьев называл своей последней любовью» [\[9, с. 330\]](#)). В чем различаются представления о Вечной Женственности философа и поэта по мысли Мережковского?

«У Вл. Соловьева Вечная Женственность хотя и "сходит на землю", но сомнительно, чтобы дошла до земли»[\[8, с. 200\]](#). Мережковский не находит в софиологии Соловьева обожествления материи. Притом что общий взгляд на философию Соловьева позволяет не просто говорить о весомой роли материального начала, но и о его неотъемлемости в представлении о мире. Лосев в разговоре об идеализме философа замечает: «из всех бывших в истории философии типов идеализма софийный идеализм является в материальном смысле максимально насыщенным»[\[5, с. 507\]](#). Красота, одна из трех составляющих Абсолюта, является ощутимой, доступной для человеческих чувств, активным элементом исторического процесса — она «не предмет созерцания, но орудие преобразования как всего существующего, так и мира в целом»[\[5, с. 564\]](#).

София Соловьева — это еще и Церковь, Невеста Христова, вне Христа не могущая существовать. В параллельных триадах, которые выстраиваются в онтологии Соловьева, Душа-София обнаруживает свои связи со Святым Духом Троицы. Мережковский идет дальше — религия Третьего Завета предполагает замещение Святого Духа Пресвятой Богородицей — Вечной Женственностью[\[10, с. 68\]](#). Введение женского начала в каноническое триединство поднимает в том числе проблемы любви и все того же обожествления материи-плоти. Интересно при этом, что, по мнению исследователей, идею «святости плоти» Мережковский и Гиппиус почерпнули именно у Соловьева — «когда путь к спасению видится не только в рамках гендерной проблематики, но и в воссоединении человека с Богом, где «святость плоти» служит пропуском для возвращающихся к вратам рая, а любовь-влюбленность — та база, которая должна стать источником нового культа»[\[10, с. 73\]](#).

Соловьев действительно признает значимость природного начала в деле любви: «Ангел или чистый дух не нуждается в просветлении и одухотворении; просветляется и одухотворяется только плоть, и она есть необходимый предмет любви»[\[11, с. 31\]](#). Однако признание значения плоти служит лишь аргументом к необходимости ее преобразования; она ценна своей будущей преобразенной сущностью, а не нынешним греховным, земным состоянием. Представляется, что для Мережковского материя важна именно своим несовершенством — как важна любовь Лермонтова Варенька со своим земным «родимым пятнышком». Его философия святости плоти как бы вчитывает в лермонтовский контекст эту равнозначность духовного и земного.

Переосмысление христианских догматов и христианской картины мира вообще — важный маркер религиозной философии Серебряного века. И если мы, вслед за Н. К. Бонеевой, можем назвать Соловьева «отцом Серебряного века»^[12, с. 309], то Мережковский, скорее, уже его активный деятель, взявший на вооружение концепты Софии, половой любви и Вселенской Церкви, но гиперболизировавший их, доведя до крайности, граничащей с язычеством. Герменевтический метод, которым, по мнению исследовательницы философии Мережковского, он пользуется как критик, автор «Вечных спутников», приносит интересные, но спорные с точки зрения традиционного богословия плоды.

В. В. Розанов

Фигура В. В. Розанова, на наш взгляд, наиболее ярко иллюстрирует собой образ критика религиозно-философского направления. Тесная связь собственно философского и публицистического начал в его трудах, ставшая притчей во языцех его противоречивость и отрывочность (с которой, впрочем, не согласны многие исследователи) вынуждают к «вылавливанию» отдельных тезисов в широком круге работ. Так, мысли и впечатления по поводу Лермонтова могут быть обнаружены и в посвященных поэту статьях, и в философских монографиях как иллюстрации для теоретических положений («О понимании»), и в эссеистических «Опавших листьях» и «Мимолетном». С. М. Телегина приводит признание самого Розанова: «Лермонтова "Выхожу один я на дорогу" и "Когда волнуется желтеющая нива" или "Я, Матерь Божия", "Ветка Палестины" — суть великолепные "мимолетные"»^[13, с. 124].

Общим местом предстает утверждение о том, что в своей интерпретации Лермонтова Розанов вчитывает в лирические тексты поэта собственную философию, прежде всего, теорию пола. При этом, несмотря на превалирующую положительную оценку его творчества, Розанов высказывается противоречиво: то Лермонтов — поэт «анти-Христа», то — «золотое наше Евангелие», в одном случае он — поэт мировой пантеистической гармонии, в другом — поэт мирового разлада, в противовес Пушкину. В случае с религиозной трактовкой личности и творчества Лермонтова представляется убедительным мысль С. М. Телегиной о том, что колебания в оценках Розанова соотносятся с периодами колебаний его собственных мировоззренческих установок. 1900-е годы характеризуется ею как увлечение Розанова иудаизмом и язычеством, сближение с четой Мережковских, кругом журнала «Мир искусства». На этот период выпадают наиболее радикальные антихристианские рассуждения философа. Последний период творчества знаменует собой возврат в лоно традиции: «В статьях Розанова о «Демоне» сопоставление язычества и христианства оставляет ощущение неясности и недосказанности; при всей своей любви к «милым египтянам», «удержавшийся над бездной» Розанов не прошел точку невозврата. Период этот был мучительным для философа. Он любил православную церковь, как выразительницу русского национального духа, и считал, что «только у русских народ и его церковь — одно»»^[13, с. 161].

Первым оформленным высказыванием в печати стала его статья «Вечно печальная дуэль» (1898), написание которой было вызвано публикацией сына Мартынова, призванной обелить память отца. В ней Розанов выдвигает тезис о том, что русская литература, вопреки распространенному мнению, «пошла» не столько от Пушкина и Гоголя, сколько от Лермонтова. Оригинальны эти попытки определить место Лермонтова и генеалогии русской литературы. Каждый из трех рассматриваемых нами философов такую попытку предпринял; стоит, однако, оговориться, что все три рассматривали

Лермонтова прежде всего как лирика, а не прозаика. Соловьев противопоставлял Пушкина, как поэта органического, Лермонтову – поэту рефлексии, сосредоточенному на собственном «Я». Последующая лирическая традиция стремилась к гармонизации этих противоположностей, к синтезу чистого вдохновения и рациональности. Мережковский, проводя свою главную мысль о «несмирненности» поэта, противопоставляет его всему пантеону русских классиков. В этом плане дорогой сердцу Розанова Лермонтов не ставится им в оппозицию для выявления отдельных характерных черт, а, скорее, вся совокупность черт Лермонтова по отдельности раскрывается у Гоголя, Достоевского, Толстого. Они четверо, в свою очередь, как никогда актуальны именно на рубеже веков, являются современными «оргиастами» — страстными выразителями конкретной мысли, углубляющимися в самые потаенные уголки человеческого духа, как пишет Розанов в юбилейной статье «Заметка о Пушкине».

Уже в ранних работах проявляются пантеистические настроения философа: он неоднократно подчеркивает живой, даже антропоморфный характер природы, присутствие в ней Бога: «У Лермонтова природа существенно жизненна. Идея “смерти” как “небытия”, вовсе у него отсутствует. Смерть только открывает для него “новый мир”, с ласками и очарованиями почти здешнего»^[14, с. 298]. Примечательно, что Бог христианский в последующих статьях перевоплощается в абстрактного «бога», внеположного конкретной религии, а то и вовсе антихристианского. Розанов заявляет, что «бог» (со строчной буквы!) в стихотворениях «Когда волнуется желтеющая нива...» и «Выхожу один я на дорогу...» — скорее, бог древних религий, бог пантеистический: «ибо здесь, как уже вы там хотите, но, во всяком случае, говорится не о «Христе, распятого при Понтийском Пилате», то есть не о твердо известном историческом Лице»^[15, с. 101].

Помимо растворенности в природе, этот бог, эта религия — благословляет факт рождения. Известно, насколько благоговел Розанов перед семьей и браком. В этом отношении христианство для Розанова — религия смерти, усматривающая греховную природу в акте зачатия и рождения, в самом половом вопросе. Здесь Розанов отчасти сближается с Мережковским, для которого «земное» чувство любви у Лермонтова — к женщине ли, к природе — противопоставляется аскетичной «филии» традиционного христианства, которое для него воплощено в Соловьеве. А. А. Голубкова в подтверждение мысли о том, насколько половой вопрос был актуален в связи с Лермонтовым, пишет о том, что «в работах, затрагивающих теорию пола, он [Розанов] приводит творчество Лермонтова в подтверждение своей мысли о религиозной природе “рождающих глубин человека”»^[16].

Отдельный сюжет — восприятие Розановым демонизма Лермонтова. Философ посвятил три статьи анализу лермонтовской поэмы «Демон», и, помимо самого литературного произведения, феномену «демона» в личности и творчестве поэта. Представляется, что «демон» для Розанова близок сократовскому «даймону» (δαίμωνιον), духу, не имеющему негативных коннотаций, своего рода «божку», проводнику в божественный мир. Философ рассматривает всю историю редакций, которые приобретала поэма «Демон», но обнаруживает следы этого «духа» во всех стихотворениях Лермонтова. При этом в отрицании конкретно злой или доброй природы Демона нельзя видеть аморализм, который отчасти замечен у Мережковского: по Розанову, он есть отражение древнего мифа о соблазнении высшим существом земной женщины – мифа, оцениваемого положительно (как приобщение к сонму божеств), а не отрицательно (как искушение грехом прелюбодеяния). Здесь мы снова возвращаемся к идее пола и соединения полов как истоке всего живого, как священного таинства, содержащегося во всей природе.

Таким образом, представляется очевидным тот факт, что в основу каждой из трех интерпретаций положено некоторые философские убеждения каждого из критиков. Общей является тенденция актуализировать творчество Лермонтова. Однако для Соловьева эта актуализация представлена со знаком «минус», в контексте распространявшийся философии ницшеанства, а вместе с ним – эстетизации зла, аморализма, резкой индивидуалистичности. Мережковский, напротив, в Лермонтове видит образец для вдохновения при создании обновленной, «усовершенствованной» Церкви Третьего Завета – с вниманием к вопросу пола, к онтологической равноценности Добра и Зла. Розанов также оценивает Лермонтова положительно с точки зрения необходимости обратиться к язычески-иудейским основам религии, в противовес традиционному христианству (впрочем, позиция Розанова коррелирует с его разным, на протяжении всего творчества, отношением к христианству). Тема богоборчества у Лермонтова последовательно развенчивается Соловьевым – очевидно, в попытке десакрализации и деэстетизации демонического начала, в то время как Мережковский объявляет это богоборчество «святым». Демон в понимании Розанова близок к языческому представлению о духе, гении, сопутствующем человеку на протяжении жизни и лишается негативного ореола. В целом проблема религиозности Соловьевым опускается, его оппоненты же справедливо указывают на то, что именно в своих главных проявлениях – образе Вечной женственности и вопросе любви – Лермонтов сближается не только с Соловьевым-философом, но и Соловьевым-поэтом.

Библиография

1. Абрамович Д. И. Обзор изданий сочинений М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. 1913. С. 60–67.
2. Глухова Е. В. Лермонтов и мифологемы религиозно-философской и символистской критики конца XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. Вып. 1 (45) 2015. 131–147.
3. Богатырева Л. В., Исупов К. Г. Наследие М. Ю. Лермонтова и современное лермонтоведение // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб., 2014. С. 5–17.
4. Обласова Т. В. Религиозно-философское направление в литературной критике рубежа XIX-XX веков, Тюмень, 2012.
5. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009.
6. Соловьев В. С. Лермонтов // Собрание сочинений В. С. Соловьева. Т. 9. СПб., 1913.
7. Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева, 2009.
8. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов (Поэт сверхчеловечества) // Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского. Т. 16. М., 1914.
9. Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977.
10. Янишевская И. В. Религиозные искания Д. Мережковского и З. Гиппиус: от символизма к религии Третьего Завета // Соловьёвские исследования. Вып. 3(27) 2010. С. 64–77.
11. Соловьев В. С. Смысл любви // Собрание сочинений В. С. Соловьева. Т. 7. СПб., 1913.
12. Бонецкая Н. К. В поисках Неведомого Бога. Мережковский – мыслитель. М., СПб., 2017.
13. Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в литературно-критическом

- наследии В. В. Розанова // Христианское чтение. 2015. С. 121–185.
14. Розанов В. В. «Вечно печальная дуэль» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе. Т. 7.. М., 1996.
15. Розанов В. В. К лекции г. Вл. Соловьева об Антихристе // Собрание сочинений. Во дворе язычников. Т. 10. М., 1999.
16. Голубкова А. А. Лермонтов как образцовый поэт в иерархии Розанова [http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika/golubkova-kriterii-ocenki/3-lermontov-kak-obrazcovyj-poet.htm] (дата обращения: 17.08.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Творчество М. Ю. Лермонтова в религиозно-философской критике В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики переосмысления творчества М. Ю. Лермонтова в отечественной религиозно- философской критике.

Автор ставит амбициозную задачу, а именно рассмотрение критических работ трех авторов и выяснение как реализуется «философичность» их критического метода.

Исследование выполнено в русле теории литературоведения, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке.

К сожалению, автор не приводит данных о практическом материале исследования, а именно о языковом корпусе, принципах его выборки и методов его обработки.

В качестве методологии применены специфические методы филологического анализа. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. При оформлении библиографии нарушены требования общепринятого ГОСТа - не выдержан алфавитный порядок следования источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Удивительно увидеть в научной работе феминитивы, столь рьяно навязываемые западным обществом, к примеру, «исследовательница Е. В. Глухова», которые в русском языке имеют уничижительную коннотацию.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин на языковых факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Творчество М. Ю. Лермонтова в религиозно-философской критике В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куц Н.В. — Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике" // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43940 EDN: XBUYOX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43940

Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"

Куц Николай Викторович

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ nikolaikuts@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43940

EDN:

XBUYOX

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2023

Аннотация: Предметом исследования являются литературные связи барона Е. Ф. Розена (1800–1860) – поэта, драматурга, переводчика и критика, автора либретто к опере М. И. Глинки "Жизнь за царя" (1836) – с пушкинским кругом. Объектом исследования стала история сотрудничества Розена в "Современнике" (1836). Материалом послужили публикации Розена в пушкинском журнале и его переписка 1830-х гг. Особое внимание уделяется пушкинским оценкам творчества Розена. Анализируются произведения Розена, опубликованные в "Современнике": статья "О рифме" и фрагмент из исторической трагедии "Дочь Иоанна III". Рассматривается, какие из материалов писателя Пушкин напечатал, а какие отклонил, соотносясь с программой журнала. Новизна исследования заключается в целостном анализе участия Розена в пушкинском "Современнике", прежде не проводившемся. В результате выясняется близость Розена с Пушкиным и его окружением в некоторых литературных оценках (проблема безрифменного стиха, творчество Н. В. Кукольника). Показывается, что острополемические статьи Розена Пушкин не принимал, не желая превращать "Современник" в площадку для журнальной брани. Вместе с тем Пушкин неподдельно интересовался драматургическим творчеством Розена. Он поместил в журнале отрывок из трагедии "Дочь Иоанна III", в котором Иоанн III и Аристотель Фиораванти ведут беседу о политике, вероятно, заметив в нем переклички с "Борисом Годуновым".

Ключевые слова:

Розен, Пушкин, Киреевский, Кукольник, литературная критика, рифма, литературные отношения, журнал, Иван III, Борис Годунов

Среди сотрудников журнала А. С. Пушкина «Современник» можно найти не только писателей первой величины, но и «второстепенных» литераторов. Один из них, барон Егор Федорович Розен, исторический драматург и либреттист оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», на протяжении 1830-х гг. был довольно близок к Пушкину и его ближайшему окружению [\[3, с. 342\]](#). С Пушкиным он познакомился, вероятно, между 24 и 27 февраля 1829 г., после чего вошел в круг А. А. Дельвига и стал принимать деятельное участие в «Литературной газете» и альманахе «Северные цветы» [\[4, с. 123-137\]](#). В борьбе «литературных аристократов» с «торговым направлением в словесности» Розен занимал позицию пушкинского круга.

В этой статье мы попробуем подробнее рассмотреть предысторию и характер сотрудничества Розена в «Современнике», особое внимание уделяя взаимоотношениям Розена с Пушкиным.

В первой половине 1830-х гг., после прекращения «Литературной газеты», пушкинский круг нуждался в собственном печатном органе. Задуманная Пушкиным политическая и литературная газета «Дневник», на которую было получено разрешение в 1832 г., не состоялась [\[13\]](#). В течение 1832–1833 гг. Пушкин, Жуковский и Вяземский представляли правительству проекты журналов, но их попытки не имели успеха [\[6, с. 3\]](#).

Когда осенью 1831 г. стало известно о замысле И. В. Киреевского издавать журнал под названием «Европеец», новость была воспринята в пушкинском окружении с воодушевлением. Молодой редактор хотел «сплотить вокруг журнала писателей пушкинского круга, сделать новый печатный орган знаменем пушкинского направления в литературе и журналистике» [\[23, с. 419\]](#). На выход «Европейца» отозвались Жуковский, Пушкин, Языков, Баратынский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов [\[2, с. 119\]](#). В начале 1832 г. вышли первые два номера.

Пушкин писал Киреевскому 4 февраля, отправляя ему отрывок из повести «Домик в Коломне»: «Дай бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым №, то “Европеец” будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется, “Европеец” первый соединит дельность с заманчивостью» [\[17, с. 9\]](#).

Близкую мысль высказывал и Розен в письме от 1 февраля. Он горячо приветствовал выход журнала и замечал: «Ваше литературное предприятие обратило на Вас внимание благомыслящих людей, желающих добра нашей бедной словесности; но в особенности мы — пишущая братия — радуемся Вашему “Европейцу”! Дотоле не было ни одного журнала, мнением коего могли мы дорожить: всегда — либо глупая хвала, либо глупая личность! Теперь мы ждем от Вас дельных рецензий, или — если наши творения еще не стоят того, — по крайней мере, доброжелательных замечаний. Нам не надо хвалы, нужна только истина» [\[19, л. 1\]](#).

«Дельность» — одно из главных достоинств нового журнала для Пушкина и Розена.

Жуковский, благословив Киреевского на издание, также замечал: «В душе уверен, что он может быть дельным писателем и что у него дело будет» [\[23, с. 418\]](#).

Розен вместе с письмом послал Киреевскому «Баядеру» — перевод стихотворения Гете «Der Gott und die Bajadere» («Бог и Баядера», 1797). Первоначально барон намеревался опубликовать его в своем альманахе «Альциона» на 1832 г., но стихотворение не пропустила цензура. Санкт-Петербургский цензурный комитет отметил, что в переводе «индийский главный бог “Магаде”, властитель земли, ниже названный всеведцем, нисшедший с неба для испытания людей, проводит ночь с распутною баядеркою, которую воспламеняет чистейшей любовью, что производит страшное смешение понятий божества и разврата» [\[9, с. 923\]](#). Розен надеялся, что московская цензура пропустит стихотворение, но на всякий случай писал Киреевскому, что если перевод «не годится», доставит редактору что-нибудь другое. Но напечатанной «Баядеру» Розен так и не увидел — на третьем номере «Европеец» был запрещен за статью Киреевского «Девятнадцатый век».

«Европеец», на который возлагались большие надежды, был закрыт, но в пушкинском кругу продолжали думать о «дельном» издании, способном объединить близких по духу писателей. В декабре того же 1832 г. Розен звал своего приятеля С. П. Шевырева из Москвы в Петербург, сообщая: «Мы бы затеяли какой-нибудь дельный журнал, что есть общее желание» [\[8, с. 48\]](#).

Таким журналом спустя три года стал пушкинский «Современник». Поэт задумывал его как ежеквартальное издание, наподобие «английских трехмесячных Reviews» [\[18, с. 69\]](#). В первом же номере печатаются ближайшие на тот момент к Пушкину литераторы: Жуковский, Гоголь, Вяземский, Плетнев, А. И. Тургенев. Вместе с ними — Розен.

Розен отправил в «Современник» статью «О рифме», оригинальную как по тону, так и по основной идее. Это остроумная «пылкая инвектива» против рифмы в защиту белого стиха. Пушкин не случайно поместил перед ней «маленькую трагедию» «Скупой рыцарь», написанную безрифменным стихом [\[6, с. 25\]](#). Очевидно, великий поэт соглашался с основными положениями статьи, несмотря на некоторую парадоксальность розеновских суждений.

Углубляясь в историко-литературные изыскания, Розен обзревает историю рифмы от древности до современности. Он отмечает, что рифма зародилась у арабов. «Поэзия евреев, индусов, греков, римлян и древних скандинавов не знала рифмы» [\[22, с. 138\]](#). Русский народ издавна знал и любил рифму в своих пословицах и поговорках, но в его фольклорных лирических песнях рифму можно встретить редко. Розен задается вопросом: почему русские, знакомые с рифмой, не использовали ее в песнях, — и отвечает: «От того, что считали ее *шуткою*, а шутить не думали своею песнею, т. е. священной истиною душевных излияний. Как балалайка и бубны ладят только с веселием русским, так и рифма согласуется только с красным словом русского балагура» [\[22, с. 139\]](#). Розен называет рифму «пустозвонной игрушкой», характерной для детства народов, и приходит к выводу, что рано или поздно в русской поэзии будет господствовать белый стих.

Помимо прочего, в статье Розена присутствует сквозная для «Современника» тема Петра I. «Мы говорили о нашей народной поэзии, — пишет Розен, — теперь поговорим о поэзии нашего просвещенного общества в отношении к рифме. Сие общество, могучим гением Петра отторгнутое от народного быта и посвященное в образованность европейскую, по стремительному пути нововведений обронило много русского, в том

числе и верную русскую оценку рифмы. Она из Польши вкралась в Москву. Кантемир, родом не русский, привил ее в нашей поэзии. Ломоносов, этот Петр нашей словесности, совершил исполинский подвиг установлением истинной версификации вместо ложной. Мог ли он совершить более при обстоятельствах, в каких находился? Марбург и тогдашняя немецкая литература не могли навести его на то, что он всего скорее мог бы узнать от русского простолюдина» [22, с. 148–149]. Так, по Розену, появление рифмы в высокой поэзии было вызвано заимствованием европейской литературной традиции, преимущественно польской, а впоследствии немецкой, в то время как при естественном развитии русской литературы в этом роде возобладал бы безрифменный стих, как в народных песнях и былинах.

М. И. Гиллельсон справедливо отмечал: «Вероятно, рифма и белый стих не раз были предметом горячих споров в пушкинском кругу» [6, с. 25]. Статья Розена, таким образом, была откликом на эти беседы. О том, что размышления Розена перекликались с мыслями великого поэта, свидетельствует статья Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1834), в которой поэт так писал о рифме: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядит непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудной* и *чудной*, *верной* и *лицемерной*, и проч.» [15, с. 263].

В 1836 г. Розен много и плодотворно общается с Пушкиным, о чем свидетельствуют его письма и воспоминания. Поэты вместе посещают «субботы» Жуковского, где Гоголь читает «Ревизора». В мемуарной статье «Ссылка на мертвых» Розен красноречиво описывает, как он искренне не понимал комизма гоголевской пьесы и не смеялся, когда смеялись все присутствовавшие на чтениях. Творчество Гоголя, в особенности его сатирическая сторона, встречает у Розена стойкое неприятие. Когда Пушкин поместил в третьем томе «Современника» повесть «Нос» с поощрительным издательским примечанием, Розен протестовал: как великому поэту мог понравиться этот «пустейший, непонятнейший фарс» [21, с. 286]? В одну из суббот, возвращаясь домой Розен откровенно разговаривает с Пушкиным о Гоголе и «Ревизоре»: «Я признался, — пишет он в воспоминаниях, — во всех тяжелых, до ужаса доводивших меня впечатлениях от этой комедии» [21, с. 285]. Мнения Пушкина, высказанного в ответ, Розен не передает, поскольку поэт просил оставить его в секрете.

В первой половине 1836 г. Розен полон энтузиазма в связи с выходом пушкинского журнала. Два раза, 4 февраля и 19 апреля, он вместе с письмами посылает Пушкину свои стихи, но в строгом к поэзии «Современнике» они не появляются — по-видимому, Пушкин их вежливо отклоняет. Не была напечатана и задуманная Розеном статья с «разбором критики наших современных критик, помещенной в "Сыне отечества"» [18, с. 382]. Понимая, что Пушкин стремился избежать острополемических статей — сам формат «Современника» не подходил для продолжительной журнальной полемики, тем более в журнале уже была напечатана большая статья с критикой направления современных журналов («О движении журнальной литературы» Гоголя) — Розен в конце февральского письма подчеркивает: «Я слишком уважаю Ваш журнал, чтобы сделать из него отдушину моего негодования» [18, с. 382].

Другая критическая статья, которую Розен собирается направить в «Современник», — статья о Н. В. Кукольнике. 4 февраля барон сообщает Пушкину, что намеревается написать ее, чтобы «доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, не

многого стоит и что он не овладел даже техникой драматического действия; напасть беспощадным образом на избранный им злополучный жанр, принимая во внимание, что у него есть талант, который, будучи усовершенствован, мог бы, быть может, возвыситься над его бледной посредственностью нынешнего дня» [\[18, с. 382\]](#). В том же письме Розен замечает, что они с Пушкиным «придерживаются почти одинаковых мнений» о Кукольнике [\[18, с. 382\]](#), и поэтому он не видит преграды к напечатанию статьи. Пушкинская ироническая оценка Кукольника хорошо известна: «А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли» [\[11, с. 178\]](#). Розен наверняка знал это мнение. Тем не менее, предложение барона Пушкин также отклоняет.

Стоит отметить, что с течением времени отношение Розена к Кукольнику, своему главному сопернику на драматическом поприще, менялось — оно колебалось от почти восторженного до уничижительного. Кукольник дебютировал в розеновском альманахе: в «Альционе» была опубликована первая его законченная пьеса «Тартини» [\[12, с. 212–215\]](#). Еще в июне 1833 г. Розен в письме к Пушкину так писал о Кукольнике, с которым тогда поддерживал знакомство: «Читали ли вы “Тасса” Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей. На этих днях он прочтет мне другую пьесу своего сочинения! (“Джюлио Мости”)» [\[17, с. 317\]](#). В 1850-е гг. Розен в письме к Булгарину называет Кукольника уже не иначе как «золотарем материи низких произведений».

Из всего предложенного Розеном Пушкину, помимо статьи «О рифме», попадает в «Современник» отрывок из его трагедии «Дочь Иоанна III». 19 апреля 1836 г. Розен посылает его Пушкину. В письме он сообщает: «Я замышляю статью столь же странную, как и статья о рифме; я ничего вам о ней не скажу; напишу ее, принесу к вам — и мы вместе над ней посмеемся» [\[17, с. 388\]](#).

Спустя месяц, 19 мая, Розен отправляет с письмом к В. Ф. Одоевскому, исполнявшему обязанности редактора, пока Пушкин был в Москве, какую-то статью для второй книжки «Современника» («Если годится, напечатайте! если же нет, так бросьте!» [\[10, с. 128\]](#)). Комментаторы этого письма в «Литературном наследстве» предположили, что Розен послал Одоевскому отрывок из «Дочери Иоанна III», действительно напечатанный во втором томе «Современника». Нам же представляется, что речь идет о каком-то другом материале (отрывок из трагедии уже был отослан Пушкину), тоже оставшемся неопубликованным — возможно, о той самой «странной статье».

Помещенный во втором номере «Современника» отрывок из «Дочери Иоанна III» — трагедии, которую Розен считал лучшим своим произведением, — представляет собой диалог великого князя Иоанна III с итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Разговаривают они о политике: Иоанн III интересуется, почему Италия, при расцвете наук и искусств в ней, остается раздробленной на мелкие княжества:

Вы, итальянцы, нечего сказать,

Одарены великим разуменьем

Во всех делах мирских; но отчего

Не можете земли своей устроить

В единый государственный состав? [\[20, с. 194–195\]](#)

Фиораванти объясняет это тем, что Италия — страна художников и ученых: «Художник — царь // В волшебном царстве чувства и мысли, // Но в земском деле малый человек» [\[20, с. 195\]](#). Он говорит, что Италии уже не стать великой, как было в период Римской империи: «силы государственной ядро» расколосось и в ивернях (осколках) блесит. Иоанн спорит: «Русь была // При Ярославе сильным государством, // И так же как ядро разорвалась // На иверни, на множество уделов» [\[20, с. 197\]](#). Он вспоминает нашествие монголов и «раздор междоусобный», после которых только спустя несколько веков удалось «державный образ государства вылить». Фиораванти отвечает:

При Ярославе красовалось только

Младенчество народа твоего.

Суровая судьба остановила

Дальнейшее развитие свежих сил,

И Русь под ней, как озимь под снегами,

Сохранная лежала в долгом сне.

Народная таилась самобытность

В святых дарах креста — и твой народ

Со скаредной Ордою не смешался.

России государственная жизнь

Во чреве смут и зол междоусобных

Невидимо и тайно зачалась [\[20, с. 197\]](#).

Упоминает Фиораванти и о «Москве — третьем Риме», и о позднейшей легенде о кровном родстве московских великих князей с римским императором Августом. В ответ Иоанн произносит монолог, отдаленно напоминающий монолог Бориса Годунова из пушкинской трагедии («Достиг я высшей власти...»):

Я заложил на вечных основаниях

Святое зданье царства моего —

И будет мой народ велик и вечен,

Но *дорого* мне стоит мой народ!..

Я сердцем влекся к людям в дни молодые

И с ними братски жизнь делить хотел.

Уразумев властительскую тайну,

Я сердце скиптром царственным пронзил,

Уединился в хладное величье,

В неумолимость душу заковал,

Обожествил особу венценосца,
 Небесным громом взор вооружил,
 Вокруг себя поставил страх и трепет —
 И создал Русь... И с твердостью для
 Пожертвовал и братьями родными...

Как тяжело в великих мужах быть! [\[20, с. 199\]](#)

(Ср. в другом месте у Пушкина: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» [\[14, с. 49\]](#)).

Пушкин, по-видимому, высоко оценивал этот фрагмент с размышлениями об историческом возвышении Руси и природе государственной власти, поэтому и напечатал его в «Современнике». Не последнюю роль в этом сыграли и заметные переклички новой трагедии Розена с «Борисом Годуновым».

Интерес Пушкина к драматургии Розена подтверждается дневниковой записью поэта, сделанной 2 апреля 1834 г.: «Кук<ольник> пишет Ляпунова. Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» [\[16, с. 323\]](#). Хотя существует предположение Г. А. Гуковского, что имя Розена упоминается здесь в сатирическом ключе («даже барон Розен имеет более таланта») [\[7, с. 74\]](#), у нас нет оснований считать свидетельство Пушкина двусмысленным. Например, известно, что в пушкинской библиотеке хранился подаренный Розеном экземпляр трагедии «Россия и Баторий», и Пушкин делал в нем пометы. Так, он отчеркнул на полях рассказ Ивана Грозного о предательстве Курбского [\[5, с. 247–248\]](#). В трагедии «Петр Басманов», тоже подаренной Пушкину сочинителем, великого поэта живо интересовала «побежденная трудность»: Розен написал трагедию о Смутном времени, обошедшись без фигуры Лжедмитрия в списке действующих лиц [\[21, с. 279–281\]](#). Розен, несомненно, интересовал Пушкина как оригинальный исторический драматург, обращавшийся к эпохе собирания единого русского государства («Россия и Баторий», «Дочь Иоанна III») и к истории Смуты («Петр Басманов»). Не исключено, что к драмам Розена, вдохновленным «Борисом Годуновым», Пушкин мог относиться так же, как к некоторым его лирическим опытам: воспринимать их как «отдаленный черновик собственных будущих творений» [\[1, с. 164\]](#).

В письме к Пушкину от 13 декабря 1836 г. Розен упоминает два стихотворения, о которых он имел разговор с Пушкиным. Вероятно, они тоже предназначались для «Современника», но так и не были в нем напечатаны. Характер отношений Розена с великим поэтом в этот момент позволяет считать, что активное сотрудничество барона в «Современнике» продолжилось бы и в следующем году, но внезапная дуэль и смерть Пушкина прекратили дружескую связь. Вместе с ней оборвались почти все связи Розена в пушкинском кругу. В «Современнике», издававшемся друзьями Пушкина, материалы Розена не публиковались.

Библиография

1. Архангельский А. Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А. Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–214.
2. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М.: Книга, 1986.

3. Вацуро В. Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 341–344.
4. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вацуро В. Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.
5. Гессен А. И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. М.: Наука, 1965.
6. Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // «Современник», литературный журнал, издаваемый А.С. Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 3–42.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ОГИЗ, 1948.
8. Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 47–87.
9. Литературное наследство. Т. 4–6 [И. В. Гете]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.
10. Литературное наследство. Т. 58 [Пушкин. Лермонтов. Гоголь]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
11. Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л.: Гослитиздат, 1955.
12. Охотин Н. Г., Ранчин А. М. Кукольник Нестор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 212–215.
13. Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30–74.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. 1948.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949.
19. Письма Розена Егора Федоровича к Киреевскому Ивану Васильевичу с приложением перевода стихотворения В. Гете «Баядера» // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127.
20. Розен Е. Ф. Иоанн III и Аристотель (Из трагедии «Дочь Иоанна III») // Современник. 1836. Т. II. С. 194–205.
21. Розен Е. Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худ лит-ра, 1974. С. 271–278.
22. Розен Е. Ф. О рифме // Современник. 1836. Т. I. С. 131–154.
23. Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И. В. Киреевского. 1832 / изд. подг. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1969 (Литературные памятники). С. 385–479.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения к вопросу роли авторов, входящих в журнал «Современник».

В рецензируемой статье автор делает попытку подробнее рассмотреть предысторию и характер сотрудничества Розена в «Современнике», особое внимание уделяя взаимоотношениям Розена с Пушкиным.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципыбора.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье также используются общелингвистические методы наблюдения и описания. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ал-Лами Ф. — Языковая картина мира на примере дипломатического дискурса русского и арабского языков // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.40724 EDN: XBVUNS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40724

Языковая картина мира на примере дипломатического дискурса русского и арабского языков

Ал-Лами Фуркан Абдулсалам

аспирант, высшая школа перевода, Московский государственный университет имени Ломоносова

117321, Россия, Московская область, г. Г. Москва, ул. Островитянова 16 Корпус, 16

✉ allamiffff@spbu.su[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.40724

EDN:

XBVUNS

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2023

Аннотация: Культурные различия усугубляются, когда отношения между группами конкретных этносов не являются равномерными и идеальными. В современной неопределенной политической обстановке, особенно принимая в расчет Ближний Восток, принято использовать различные методы и стратегии для создания ясности и уверенности для выхода из «чрезвычайной ситуации» в коммуникативных процессах, вне зависимости от конкретных политических событий и событийных обстоятельств. В статье отмечается, что жанр политического дискурса имеет свою лексику, включающую в себя определенные рутинные лексические приемы и клише. Однако в современных языках (в том числе арабском) слова теряют свою уникальность и становятся полисемичными, учитывая глобализованную обстановку и мир, в которых живет современный человек. Изучение некоторых языков, используемых в политическом дискурсе, и выявление языковых особенностей в этой области важны для языкознания в связи с малым количеством научных исследований в области политического дискурса арабского и русского языков. Также отмечается, что на сегодня мало и научных трудов, посвящённых некоторым аспектам современных дипломатических вопросов. В исследовании отмечается, что некоторые лингвистические мероприятия, направленные

на изучение и уточнение значения формы политического дискурса, имеют важное значение, особенно те, которые связаны с языковой картиной мира, арабским и русским языками и методами исследования политического дискурса.

Ключевые слова:

языковая картина мира, дипломатический дискурс, русский язык, арабский язык, культурная специфика, перевод, межкультурная коммуникация, политическая дипломатия, международные отношения, лингвистическая антропология

Современный дипломатический дискурс стал междисциплинарным. Об этом свидетельствуют многие примеры того, что для эффективного общения (устного и письменного) недостаточно знания иностранного языка, знания его лексики, грамматики и стилистических правил, чтобы успешно вести международные переговоры и достигать желаемых результатов. Невозможность использовать определенные формы речи в письме, общении, коммуницировать и действовать в политике из-за возможных нарушений международного права порою создает путаницу и мешает вести коммуникацию. Такая же проблема возникает при взаимодействии представителей разных стран, этносов и народов. Необходимость разрешать и предотвращать культурные, этнические и религиозные конфликты побудила многие правительства разных стран ввести обязательные курсы по изучению культуры, обычаев и истории той или иной страны перед отправкой коммуникационных сообщений в другую страну. В некоторых странах также существует традиция проводить языковые курсы каждый год, когда сотрудники международных организаций возвращаются из командировок.

Человеческие отношения регулируются знанием и пониманием людьми правил и норм человеческих отношений, пониманием языковой картины мира конкретного этноса. Каждая языковая культура имеет свой язык, и носители языка соответствующим образом организуют свое речевое содержание. Несомненно то, что мировоззрение любого человека выражается именно в языке. Язык – это важнейший способ формирования у человека знаний об окружающем мире^[1]. Те, кто правильно выражает цель, выражают последствия своего сознания в действии.

Одним из первых лингвистов, обративших внимание на внутренний мир языка и мышления, был В. фон Гумбольдт. Он утверждал, что «языки составляют первую часть человеческого мышления и восприятия»^[2]. В. фон Гумбольдт видел в языке «золотое сечение» между мыслью и реальностью и указывал, что язык усиливает наши мысли, сознание. Эта часть – «духовная материя», разум. «Мировоззрение подвижно и динамично, оно постоянно меняется, потому что содержит язык, разрушающий реальность». Таким образом, «язык играет большую роль в формировании способов мышления: ведущую роль играет коллективный опыт поколения и языка»^[3].

Термин «Языковая картина мира» (нем. sprachliches Weltbild или Weltbild der Sprache) ввел в науку немецкий лингвист Лео Вайсгербер. Ученый подчеркивал роль языка по отношению к человеческой мысли и практическому опыту. Разрабатывать этот подход Л. Вайсгербер начал с так называемого «активного» метода изучения языков. Это означает, что люди открыли язык, который положительно влияет на мысли и действия его носителей. Этот метод изучения языка включает в себя изучение языковых моделей. Иными словами, языковой образ мира в языке – это универсальная совокупность знаний о мире и людях.

Политическая риторика является предметом исследования следующих лингвистов, изучавших дискурс как лингвистическую единицу: Е.И. Шейгал, П.Б. Паршин, Т. ван Дейк, Ю. Хабермас и другие. Дипломатический язык может считаться официальным языком. Политики выражают свое мнение и обладают необходимым влиянием на свою аудиторию. Изучая выступления политиков, мы можем не только прогнозировать те или иные действия и их намерения, но и выявлять наиболее эффективные приемы и способы убеждения. Дипломатическая речь характеризуется прагматической составляющей, включающей в себя цель спичрайтера (выступающего).

Целью данной статьи является исследование социокультурных и лингвокультурных аспектов дипломатического дискурса, основанных на принципах эффективного сотрудничества между национальными институтами лингвистической науки и организациями СМИ, с целью укрепления положительного имиджа страны на международной арене. На наш взгляд, сравнение арабского и российского опыта в области дипломатического дискурса и в призме языковой картины мира на сегодня необходимо как никогда ранее.

Структура системы политического общения характеризует письменное и устное общение представителей разных этносов. Для политического дискурса характерны уважение, терпимость, уважение, избегание, повышенная коммуникабельность и практическая направленность. Также важно понятие «успех» (как правило, успешные переговоры). В исследовании дипломатического дискурса наблюдается устойчивость системы типов речи и невербальных частей речи. Отмечается, что на общую важность стиля и манер дипломата большое влияние оказывает стиль общения во время переговоров. При этом важны невербальные средства общения: голос, мимика, телодвижения, жесты.

Анализ дипломатического дискурса не может игнорировать известные особенности арабского языка, так как язык, формировавшийся на протяжении столетий под влиянием национальной мысли, связан с эволюцией человеческой мысли и общественного сознания. Сегодня арабо-мусульманское наследие культуры противопоставлено искусству англо-саксонского влияния, и возникла ситуация трехязычного сотрудничества: арабский, английский, русский языки. Основной недостаток изобразительных слов в арабском языке связан с введением в речевой процесс отдельных и необычных слов.

Рассмотрим языковые особенности дипломатического дискурса. В чем-то это эти особенности напоминают политический дискурс. Поэтому это прослеживается и в языке руководства, ведь одной из основных характеристик политической коммуникации является стремление «затушевать» реальную ситуацию. Таким образом, такие приемы, как создание преднамеренной неопределенности и политкорректности, очень распространены как в политическом, так и в дипломатическом дискурсе. Д. Кристал в своей книге говорит о так называемом малопонятном термине «полуфальшь, полуправда»^[4]. Цель состоит в том, чтобы избежать ложных обвинений и необоснованных заявлений. Аналогичная тактика используется в дипломатическом общении, где дипломаты должны выполнять такие задачи, как избегание конфликтов, защита репутации, избегание «оскорбительных» вопросов от других участников общения.

Второй характеристикой языка опосредованного общения является отсутствие «случайных» лексем. Это основное требование к языку. Потому что то, что говорит получатель, должно быть правильно истолковано, чтобы получатель получил пользу. С

политической точки зрения, простая речь часто предпочтительнее, чтобы гарантировать, что сказанное будет понятно всем членам общества. Однако в дипломатических документах язык насыщен признаками официально-делового стиля. Полностью исключить значение разговорного языка из доступа опосредованной информации невозможно.

Особое внимание исследователи уделяют письменным дипломатическим документам. Все дипломатические документы можно разделить на две группы. Первая – внутренняя коммуникация, вторая – внешняя коммуникация. Внутреннее общение характеризуется краткостью, ясностью и осмысленностью. Помимо ясности и осмысленности, внешние сообщения должны также проявлять осторожность, внимательность, сдержанность, понимание используемых слов, умение правильно использовать дипломатический язык. «Во многих случаях проблемы возникают не из-за недоразумений, а из-за отсутствия литературного языка в дипломатических документах и официальных сообщениях»^[5].

Еще одной характеристикой языка дипломатического дискурса является его зависимость от используемых слов и фраз. Например, *обсуждение, сотрудничество, отношение, мотивация, взаимодействие, инновации* (المناقشة ، التعاون ، الموقف ، الدافع ، التفاعل ، الابتكار)^[6]. Для маркированного текста характерно использование таких слов и сочетаний общеупотребительного литературного языка. Эти термины в разных смыслах в тех или иных документах, таких как протокол, меморандум и т.д. В качестве дипломатических терминов крайне важно использовать различные международные дипломатические термины и международно-правовые термины. В эту лексическую группу промежуточных слов входит множество слов и словосочетаний, преимущественно латинского или французского происхождения.

Следующей языковой характеристикой дипломатического общения является использование официально-делового языка. Например, в словах протокола содержится просьба к лицу, которому направляется документ. Конкретное лицо обращается к представителям других стран с разными титулами и званиями. Это показывает социальный статус говорящего, например *Ваше величество, Ваше высочество* (جلالة الملك). В лексику этикета также часто входят различные историзмы, например сэр/мадам (سيدي / سيدتي). Кроме того, в рамках этикетного протокола дипломатического языка используются формулы официальной вежливости различных протоколов. Они используются в качестве заключительных комплиментов в конце переписки. Например, «пишу с почтением», «Принимаю залог уважения» («с глубочайшим уважением»), «С глубочайшим уважением и преданностью являюсь вашим покорнейшим слугой», «Ваше Превосходительство», «Имею честь быть» ("مع الاحترام", "أقبل تعهد الاحترام", "أكتب بإحترام", "أقبل تعهد الاحترام والتفاني", "أنا خادمك الأكثر تواضعًا", "صاحب السعادة", "يشرفني أن أكون (العميق)"). «مع أعمق الاحترام والتفاني». Большинство данных речевых формул носят интернациональный характер.

Помимо вышеперечисленных особенностей, синтаксическая структура медиатекстов характеризуется использованием всевозможных условных и простых выражений, отвечающих требованиям значения и понимания. «Использование подобных конструкций объясняется основной целью дипломатического дискурса: мирным разрешением конфликтов или противоречий»^[8].

Поэтому можно сделать вывод, что анализ языковых особенностей дипломатической речи показывает, что она близка к официально-деловому стилю. Использование общеупотребительных слов и выражений, медийного языка и некоторой культурной информации для выполнения задачи передачи информации и установления отношений с

медийными текстами. Использование литературного языка не считается специфической, закрытой формой речи, но в общем смысле тропы могут использоваться для оценки характера общественных отношений.

Языковой аспект арабского мира характеризуется двумя основными чертами арабского языка. Арабский язык восходит к древнему арабскому языку как «интеллектуальный стиль письма». Арабские идиомы (или арабское произношение) являются основными формами устного общения, используемыми в повседневной жизни, из уст в уста и по радио, в журналах и в разных странах и регионах^[9]. Латиф Валид Абдулла отмечает: «мысли и мыслительные процессы возникают при пословном синтезе многих слов, и, наконец, иностранные слова приобретают символическое значение благодаря использованию метафор»^[10]. Некоторые из этих слов можно найти в современных словарях. В арабском языке существует множество вариаций из двух, трех, а иногда и четырех букв. Может быть один символ в начале слова, в середине слова, в конце слова или даже один символ вне слова. Такое слово порою трудно интерпретировать.

Обозначение дипломатического дискурса является спорным. Хотя термин «арабская дипломатия» ближе к западной терминологии, с другой стороны, в основе коммуникации лежит традиционная структура официального арабского языка. Например, слова дипломатического дискурса (протокол, метод, запрет, совет, объявление и т.д.) «используются при латинизации мира». Латиф Валид Абдулла отмечает, что изучение слов как языковой группы должно основываться на сочетании двух вещей: классификации и манипуляции^[11].

Исследователь-арабист дипломатического дискурса Хайфа Трабелси писал об этом: «Политическое языковое образование используется в важных сферах человеческой деятельности. Явление синонимии очень характерно для арабского дипломатического дискурса, и иногда оно приводит к тесному объединению разных лексем, что неоднозначно в согласовании». Например, к одному и тому же значению относятся слова разных стилистических пластов: *وتيف* и *قحظقلا* (запрет), а также *تبدأ* *أحقبيللا* и *تيكيتيلا* и др., конкретные лексемы различаются по объему и частоте употребления. «Основным методом синонимии в дипломатической терминологии является создание арабских эквивалентов заимствований и сохранение уже арабизированных заимствований»^[12].

Знакомство с арабским языком и анализ опубликованных статей в области межличностных отношений позволяют сделать выводы об особенностях этого подстиля эффективного юридического делового общения с точки зрения культурно-лингвистических компаративистских методов. Во-первых, этот подстиль, по-видимому, характеризуется сочетанием фонетических и грамматических моделей. Конфликт в дипломатическом дискурсе можно рассматривать как форму создания хорошего образа «человеческого» государства в ситуациях, когда важны консенсус и баланс интересов различных сторон. Этот фактор определяет язык дипломатического дискурса и его особенности: прагматическая направленность, стереотипность, адаптивность, строгость правил, установка уважительной толерантности, неоднозначность суждений, юридическая синтаксическая сложность текста, косвенное значение, двусмысленность.

Библиография

1. Авад Ахмед Мохамед. Особенности развития СМИ арабских стран в условиях глобализации на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 165 с.
2. Ахмед М.Ш. Язык русской дипломатии в арабском восприятии: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 155 с.

3. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
4. Финкельберг Н. Д. Арабский язык. Теория и технология перевода. М., 2010. 400 с.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. Гос. Пед. Ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. С. 328-365.
6. Versteegh, K. The Arabic Language / K. Versteegh, H. M. Corneilis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. 416 p.
7. Баландина Л.А. Язык дипломатии: традиции и современность / Л.А. Баландина, Г.Ф. Кураченкова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы междун. науч.-практ. интернет-конференции / отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д: Ростиздат, 2011. 202 с.
8. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс: лексико-семантические особенности и стратегии перевода. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2007. 231 с.
9. Насер Фалих М. Особенности дипломатического дискурса на арабском и русском языках (лингвокультурологические аспекты) / Известия ВГПУ, №3 (284). 2019. 112-117 с. Электронный ресурс:
[http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2019_v284_N3/Izv%20VGPU%202019%20Issue%203%20\(284\)_112-117.pdf](http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2019_v284_N3/Izv%20VGPU%202019%20Issue%203%20(284)_112-117.pdf)
10. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. No 1. Тамбов. 2010. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskiy-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii/viewer>
11. Трабелси Х. Вопрос терминологии в арабском дипломатическом языке [Текст] // European Applied Sciences. Лейпциг, 2012. Электронный ресурс:
https://www.academia.edu/2437503/Вопрос_терминологии_в_арабском_дипломатическом_языке
12. Эль Сабрути Р.Р. К вопросу о функционировании современной арабской терминологии // Язык и культура. 2016. No3 (35). Электронный ресурс:
<https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-sovremennoy-arabskoy-terminologii/viewer>
13. Большой энциклопедический словарь; Гл. ред. И. Лапина. М.: АСТ, 2003. 1248 с.
14. Борисов В.М. Русско-арабский словарь [Текст] / В.М. Борисов. М., 1995. 1120 с.
15. Дипломатический словарь // Гл. ред. А. А. Громыко. Государственное издательство политической литературы, М., 1960, Т. 1. 752 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь; Гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 683 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: АСТ Мир и Образование, 2014. 1376 с.
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: 10 000 слов. – М.: Дом. XXI век РИПОЛ классик, 2010. 800 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Естественная языковая сфера уникальна, неповторима, максимально изменчива.

Однако, язык весьма остро зависим от изменений общества, изменений человеческой сущности. Изучением естественных знаковых систем занимаются разные дисциплины; существуют различные подходы к оценке языка как универсальной модальности. Думается, что появление новых научных статей касающихся объяснения языковой картины мира дает шанс объективнее представить ее функционирование. Рецензируемая статья не является исключением, предметно она касается рассмотрения дипломатического дискурса как одного из изводов языкового универсума. Как отмечает автор, «каждая языковая культура имеет свой язык, и носители языка соответствующим образом организуют свое речевое содержание. Несомненно то, что мировоззрение любого человека выражается именно в языке. Язык – это важнейший способ формирования у человека знаний об окружающем мире». Стоит согласиться с этим, ибо именно язык оформляет пласт опыта, который передается последующим поколениям. В данной работе, на мой взгляд, удачно сочетается теоретическая составляющая и собственно эмпирическая / аналитическая. Информационные купюры позволяют читателю полновесно сформировать вместе с автором взгляд на номинированную проблему. Например, достаточно уместными являются такие фрагменты как: «термин «Языковая картина мира» (нем. sprachliches Weltbild или Weltbild der Sprache) ввел в науку немецкий лингвист Лео Вайсгербер. Ученый подчеркивал роль языка по отношению к человеческой мысли и практическому опыту. Разрабатывать этот подход Л. Вайсгербер начал с так называемого «активного» метода изучения языков. Это означает, что люди открыли язык, который положительно влияет на мысли и действия его носителей. Этот метод изучения языка включает в себя изучение языковых моделей. Иными словами, языковой образ мира в языке – это универсальная совокупность знаний о мире и людях», или «структура системы политического общения характеризует письменное и устное общение представителей разных этносов. Для политического дискурса характерны уважение, терпимость, уважение, избегание, повышенная коммуникабельность и практическая направленность. Также важно понятие «успех» (как правило, успешные переговоры). В исследовании дипломатического дискурса наблюдается устойчивость системы типов речи и невербальных частей речи. Отмечается, что на общую важность стиля и манер дипломата большое влияние оказывает стиль общения во время переговоров. При этом важны невербальные средства общения: голос, мимика, телодвижения, жесты» и т.д. Автор четко сформулировал цель своей работы: «целью статьи является исследование социокультурных и лингвокультурных аспектов дипломатического дискурса, основанных на принципах эффективного сотрудничества между национальными институтами лингвистической науки и организациями СМИ, с целью укрепления положительного имиджа страны на международной арене. На наш взгляд, сравнение арабского и российского опыта в области дипломатического дискурса и в призме языковой картины мира на сегодня необходимо как никогда ранее», фактурно наметил задачи, создал нужный вектор разверстки темы. Считаю, что язык / стиль данного сочинения соотносится с собственно научным типом речи. Например, это проявляется в следующем фрагменте: «особое внимание исследователи уделяют письменным дипломатическим документам. Все дипломатические документы можно разделить на две группы. Первая – внутренняя коммуникация, вторая – внешняя коммуникация. Внутреннее общение характеризуется краткостью, ясностью и осмысленностью. Помимо ясности и осмысленности, внешние сообщения должны также проявлять осторожность, внимательность, сдержанность, понимание используемых слов, умение правильно использовать дипломатический язык». Иллюстративный фон достаточен, примеры вводятся с учетом уместности и актуальности: «следующей языковой характеристикой дипломатического общения является использование официально-делового языка. Например, в словах протокола содержится

просьба к лицу, которому направляется документ. Конкретное лицо обращается к представителям других стран с разными титулами и званиями. Это показывает социальный статус говорящего, например Ваше величество, Ваше высочество (جلالة الملك [7] صاحب السمو). В лексику этикета также часто входят различные историзмы, например сэр/мадам (سيدي / سيدتي). Кроме того, в рамках этикетного протокола дипломатического языка используются формулы официальной вежливости различных протоколов. Они используются в качестве заключительных комплиментов в конце переписки. Например, «пишу с почтением», «Принимаю залог уважения» («с глубочайшим уважением»), «С глубочайшим уважением и преданностью являюсь вашим покорнейшим слугой», «Ваше Превосходительство», «Имею честь быть» ("مع الاحترام" "أقبل تعهد الاحترام", "أكتب بإحترام", "مع أعظم الاحترام والتفاني", أنا خادمك الأكثر تواضعًا", "صاحب السعادة", "يشرفني أن أكون (العميق)"). Большинство данных речевых формул носят интернациональный характер». На мой взгляд, работа могла быть дополнена большим количеством примеров, это придало бы тексту явную полновесность, хотя и наличного блока достаточно. Думается, что магистраль изучения дипломатического дискурса может быть продолжена в ином методологическом ключе. Следовательно, данная работа есть продуктивный импульс. В финале автор отмечает ряд примет дипломатического дискурса: «язык дипломатического дискурса и его особенности: прагматическая направленность, стереотипность, адаптивность, строгость правил, установка уважительной толерантности, неоднозначность суждений, юридическая синтаксическая сложность текста, косвенное значение, двусмысленность». Таким образом, данный тип отличен от общего стандарта официально-делового стиля, так как на него влияет культурно-территориальный компонент, меняет функционал подстиля, подстраивается под ситуацию. В целом статья завершена, она самостоятельна, хотя и ощущается зависимость автора от уже имеющихся точек зрения; тема работы раскрыта, цель по возможности достигнута. Серьезных фактических нарушений не выявлено, формальные требования издания учтены. Статья «Языковая картина мира на примере дипломатического дискурса русского и арабского языков» может быть допущена к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Иванова Е.В. — Грецизмы в маргиналиях к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43714 EDN: XBWTSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43714

Грецизмы в маргиналиях к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким

Иванова Елизавета Вячеславовна

аспирантка кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ассистентка кафедры ин. языков РТУ МИРЭА

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, ауд. 950

✉ atonical@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43714

EDN:

XBWTSC

Дата направления статьи в редакцию:

04-08-2023

Аннотация: Объектом исследования стали грецизмы, употребляемые в глоссах в славянской книжности второй половины XVII века, предметом – их реализация в переводе «Епитомий» Константина Арменопула, выполненном Епифанием Славинецким, и соотношение с другими работами этого книжника. Цель исследования заключается в выявлении особенностей употребления грецизмов в глоссах в указанном переводе. Особое внимание в работе уделяется составлению собственной классификации маргиналий с опорой на имеющиеся исследования. Отдельно рассматриваются адаптирующие глоссы, иноязычные эквиваленты к славянским вариантам в основном тексте, дается характеристика глосс-произвольников, данные сопоставляются с материалом лексиконов, которые использовались книжниками. Новизна исследования состоит в введении в научный оборот рукописей, ранее не рассмотренных учеными в лингвистическом аспекте. Основные результаты проведенного анализа заключаются в выявлении той роли, которую играют маргиналии в переводе «Епитомий»: некоторые из них направлены на адаптацию текста для читателя, некоторые – на приближение текста к оригиналу и обусловлены грекоориентированностью переводчика. Описание

специфики работы московского справщика с пометами также проясняет методику правки и поиска более точного перевода, а также проливает свет на лексико-грамматические особенности переводов Чудовской книжной школы второй половины XVII в.

Ключевые слова:

Епифаний Славинецкий, Константин Арменопул, грецизмы, маргиналии, глоссы, Чудовская книжная школа, Никоновская книжная справа, переводы с греческого, церковнославянский язык, переводоведение

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более полного и всестороннего изучения переводов, выполненных чудовскими книжниками во втор. пол. XVII века и в частности Епифанием Славинецким.

Епифаний Славинецкий – выдающийся деятель русской церкви XVII века. Его круг работ был очень широк: он занимался переводами Библии и других христианских текстов, изучением святоотеческой литературы, составлением церковных правил. Однако малоизученным остается его перевод "Епитомий, или Краткого изложения Божественных и святых канонов" Константина Арменопула. Этот текст представляет интерес и с лингвистической, и с текстологической точки зрения, и его изучение позволяет точнее составить картину не только о деятельности книжного кружка Епифания Славинецкого, но и об истории русского литературного языка.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

во-первых, дать комплексное описание употребления грецизмов в глоссах;

во-вторых, составить классификацию помет и выделить основные цели каждого из типов;

в-третьих, установить связь исследуемых лексем с составленными Епифанием Славинецким лексиконами, что позволит лучше понять технику работы лидера никоновской книжной справа.

Материалом исследования послужили следующее рукописи:

ГИМ Син. № 129 (Государственный исторический музей, Синодальное собрание, номер 129);

ГИМ Усп. Бум. 91 (Государственный исторический музей, Успенское собрание, номер 91);

ГИМ. Син. 383 (Государственный исторический музей, Синодальное собрание номер 383);

ОР МГУ Мур. 45. (Отдел рукописей Московского государственного университета, собрание Муравьева, номер 45).

А также греческое издание «Епитомий» *Patrologiae Cursus Completus: Patrologiae Graecae tomus CL*, 1865.

Грецизмы в маргиналиях

В средневековых текстах маргиналии – это записи, комментарии или иные заметки, которые располагаются на полях страниц манускрипта. Они являются ценными

источниками для исследователей, так как могут содержать дополнительные сведения об авторе, оригинальном тексте, переводе, истории создания и распространения произведения, а также о культуре и обществе того времени. Языковые маргиналии в средневековых текстах могут выражаться не только в виде исправлений и корректировок текста, но также они зачастую содержат комментарии, глоссы, переводы на другие языки и объяснения трудных слов и фраз, что делает их особенно полезным лингвистическим материалом. Так, маргиналии в переводах и редакторских работах Епифания Славинецкого неоднократно рассматривались исследователями на примере ключевых текстов, например, при работе над печатным вариантом Библии 1663 г. [\[6, с. 13, 15\]](#).

В переводе "Епитомий" Константина Арменопула, выполненном Епифанием Славинецким, маргиналии могут помочь выяснить, как переводчик понимал и толковал канонические тексты. Описание специфики работы московского справщика с пометами также проясняет методику правки и поиска более точного перевода, а также может пролить свет на лексико-грамматические особенности переводов Чудовской книжной школы второй половины XVII в.

«Епитомии» – сборник сокращенных канонов церковного права XIV в., принадлежащий Константину Арменопулу и являющийся одним из важнейших трудов по церковному праву Византийской империи. Первый перевод «Епитомий» на славянский язык был предпринят Епифанием Славинецким в 1652-1652 гг. (7161), однако он был утрачен во время эпидемии чумы [\[2, с. 82-83\]](#). Вследствие чего московский книжник был вынужден создать другой перевод, старший список которого 1677 года (Син. 129) хранится в ГИМ [\[10, с. 322-323\]](#) и представляет особую ценность, т.к. он стал итогом долгой многоступенчатой работы переводчика и корректора. Одной из ключевых составляющих для комплексного лингвистического анализа данного перевода является описание системы помет.

Однако сперва необходимо определить типы маргиналий, которые могут встречаться в тексте. Например, О. С. Сапожникова составляет классификацию помет для книг Сергея Шелонина – одного из выдающихся деятелей Соловецкого монастыря XVII века, который к тому же был современником Епифания Славинецкого и приемником традиций Максима Грека [\[7, с. 3 – 7\]](#), и выделяет следующие типы помет для трудов Сергея Шелонина [\[7, с. 103 – 104\]](#).

1. Маргиналии служебного характера, которые являются указаниями переписчикам. Например: «здѣ пиши о благовѣрных князех съ столпца».
2. Маргиналии языковые, которые зачастую реализуются в подборе синонима.
3. Отсылочные, к ним в первую очередь относятся те, что указывают на источники того или иного сочинения или цитаты в тексте.

Классификацию Сапожниковой с дополнениями и изменениями можно применить и для анализа перевода "Епитомий" Константина Арменопула, выполненного Епифанием Славинецким. Классификацию, предложенную для трудов Сергея Шелонина, можно назвать функциональной, т. к. в она первую очередь оценивает роль помет в тексте, что является крайне значимым в рамках анализа системы маргиналий. Однако также важен и непосредственно тип языкового материала, и к его анализу можно подойти с разных сторон.

Пометы по типу языка:

- 1) грецизмы к церковнославянским словам (в редких случаях к иноязычным словам;
- 2) грецизмы к греческим словам;
- 3) латинизмы к церковнославянизмам;
- 4) пометы-произвольники (славянские эквиваленты к славянским же словам);
- 5) адаптирующие глоссы (церковнославянские пометы к иноязычным словам).

Пометы по характеру языкового глоссирования:

- 1) лексические;
- 2) грамматические;
- 3) лексико-грамматические.

Отдельно выделим пометы по источнику:

- 1) имеющиеся в оригинале и перешедшие в перевод Епифания Славинецкого;
- 2) авторские пометы Епифания Славинецкого.

Можно отметить, что данные классификации зачастую имеют пересечения, так, например, наибольшее количество глосс-произвольников, а также отсылочных помет и маргиналий служебного характера можно отнести к тем, что продиктованы греческим оригиналом, о чем подробнее пойдет речь дальше. Если рассматривать данный перевод с точки зрения классификации Сапожниковой, то наиболее представленными в тексте и одновременными интересными с лингвистической точки зрения можно назвать пометы, относящиеся ко второму типу – языковые. Маргиналии первого и третьего типа представлены меньше, но все же можно привести примеры помет служебного характера:

Помету «□празднися сїе правило» находим на л. 28 об. к контексту: «Сый новаг□
ї□стїанопол□ или к□пра к□нстантїнополскаг□ да иматъ праведна□ и еллиспонтскимъ
предсѣдательств□еть и кѹзїческаго да хїротонїс□етсѧ» (Син. 129, л. 28 об.).

Источником данной пометы служит сам оригинал текста: «□ρῆσεν ο□τος καν□ν»
«Перестал действовать этот канон» к «□ τ□ς ν□ας Ιουστινιανουπόλεως □τοι Κύπρου τ□ το□
Κωνσταντινουπόλεως □χέτω δїκαїα ка□ τ□ν Ελλησποντίων проεδρευέτω, ка□ τ□ν Κυζικην□ν
χειροτονείτω» / «Тот, кто относится к новому Иустинополю или Кипру
Константинопольскому, пусть имеет права и председательствует в Геллистонте и
рукополагает в Кизике».

Как говорилось ранее, маргиналии языковые, которые зачастую реализуются в подборе синонима, представлены во всех списках, а в протографе Син. 129 мы наблюдаем их особенно много. Остановимся подробнее на анализе адаптирующих глосс и иноязычных эквивалентов к словам в основной части перевода, а точнее на том, как реализуются грецизмы в подобных типах маргиналий. Отдельно отметим, что эти же глоссы во всех случаях являются авторскими, то есть внесенными в текст Епифанием Славинецким. Адаптирующих глосс-грецизмов встретилось 7, тогда как грецизмов к словам в основном тексте, преимущественно славянским, – 27. Соответственно, можно сделать вывод, что доминирующим в переводе является второй тип. На фоне этих помет выделяются два греческих комментария к грецизмам в тексте, что обусловлено оригиналом, в котором находим уточнения: □ χειροτονήσας, □ προβαλ□ν □п□ χρήμασι, μέχρι ка□ προσμοναρίου [παρμοναρίου], καθαιρείσθω / «Тот, кто рукоположил или произвел за подкуп вплоть до

*Просмонария [*Парамонария], пусть будет извергнут» – Χῆροτονισαὺς или произведъ и на пѣназехъ даже и до *Просмонарія [*Парамонарія] да низвергнется (Син. 129, л. 23).

□ δ□ □ν Λαοδικεία τ□ς Καπατιαν□ς [Πακατιαν□ς] Φρυγίας / «Тот, который в Лаодикее, ч Капатиане [Пакатиане] фригийской» – Овъ же в Лаодікіи ~Кататіани~ [~Пакатіани~] фр҃гійскія овъ же в Сардікіи вины ради сицеваа (Син. 129, л. 18)

Как мы видим, Епифаний Славинецкий со всей строгостью подходит к передаче в переводе подобных помет из оригинала, однако присутствуют детали, которые стоит уточнить. Последний контекст, в котором описывается поместный собор христианской церкви, состоявшийся около 360 года в городе Лаодикия, демонстрирует, какое наименование одной из частей Фригии оказывается более актуальным для автора «Епитомий», оно же попадает и в славянский перевод.

Во время реформ римского императора Диоклетиана (ок. 242/245 г. – 311/312 г.) Фригия была разделена на две провинции: «Фригия I», или Фригия Салютарис (что на латыни означает «здоровая»), и Фригия II, или Пакатиана (от латинского *pacata* - «мирная», что фиксируется и в византийском варианте Πακατιανή). Фригия Салютарис являлась восточной частью региона, тогда как Фригия Пакатиана с Лаодикийей выступала в роли западной части. Провинции просуществовали до конца VII века, когда их сменила система фем (от греч. *θῆμα*). В позднеримский, ранний «византийский» период большая часть Фригии принадлежала к азиатской феме. Она был захвачен турками после битвы при Манцикерте (1071 г.) [\[13, с. 251\]](#). Турки взяли ее под свой полный контроль в XIII веке, но древнее название Фригия использовалось до тех пор, пока последние остатки Византийской империи не были завоеваны Османской империей в 1453 году. Актуальным также остается и наименование частей Фригии в связи с описанием исторических событий, что мы наблюдаем в тексте Константина Арменопула.

Необходимо прокомментировать второй вариант наименования Западной Фригии, который мы находим в «Епитомиях». Dictionary of Greek and Roman Geography отмечает, что изредка Фригия Пакатиана называется Фригия Капатиана: «sometimes also called Capatiana» [\[14, с. 620\]](#). В Thayer's Greek Lexicon находим, что это более поздний вариант [\[15, с. 474\]](#).

Исследователи отмечают, что подобное употребление данного топонима можно обнаружить, например, уже в тексте «De Thematis» или «Περὶ τῶν Θερμάτων» приписываемом Константину VII Багрянородному (905 г. - 959) [\[12, с. 174\]](#), поэтому к XIV веку, когда жил Константин Арменопул, наименование «Фригия Капатиана» является привычным. Что интересно, так это не только изначальная традиция наименования западной части Фригии и возникшее, очевидно, через метатезу другое ее название – «Капатиана», но и некоторые иные варианты. В комментариях к Первому посланию к Тимофею Павла, написанных Адамом Кларком, британским теологом-методистом и библистом, находим: «Instead of Pacatiana, some have Pancatiana, Capatiana, and Paracatiana» / «Вместо Пакатиана у некоторых пишется Панкатиана, Капатиана и Паракатиана» по материалам «Common Greek Text, and several MSS (манускрипты)» [\[10\]](#). Данные примеры примечательны своей вариативностью, и тем самым наименование, которое находим в переводе Епифания Славинецкого и которое отчетливо читается как «Кататіани», становится еще одним подобным вариантом. Именно таких примеров не находим в других источниках, так что употребление слова «Кататіани» можно считать гапаксом в переводе «Епитомий». Он в свою очередь может иметь несколько объяснений: такой вариант может возникать из-за десантной ассимиляции, то есть

влияния третьей согласной в слове на вторую. Можно в данной форме также увидеть попытку переводчика наделить слово греческой распространенной морфемой «ката-». Однако заметим, что подобный вариант присутствует не во всех списках. В рукописи Усп. 91 (хранится в ГИМ), находится другое чтение: КапатіанікіѢ ФрѢги (ПакатіанікіѢ) (Усп. 91, л. 2). О роли данного списка в процессе перевода «Епитомий» мы не можем подробно говорить в данной работе, однако он содержит в себе черновой вариант перевода, вероятно, составленный самим Епифанием Славинецким и не подвергшийся правке. В любом случае данное чтение, с одной стороны, пытается приблизить слово к церковнославянскому, тогда как Кататіани повторяет структуру грецизма КапатіанѢс. С другой стороны, соответствует греческому в вопросе передачи корня, что, однако, не попадает в итоговой вариант перевода.

Возвращаясь к авторским маргиналиям Епифания Славинецкого, можно отметить, что не все грецизмы в пометах встречаются в тексте с одинаковой частотностью, поэтому отдельно следует прокомментировать повторы в глоссах (формы греческих слов цитируются по оригиналу). К тому же, практически к каждому грецизму в глоссах находится словарная статья из «Лексикона еллинско-славено-латинского» за авторством Епифания Славинецкого (далее Син. 383 – по оригиналу рукописи, хранится в ГИМ, а также Мур. 45 – по списку XVIII века, хранится в отделе рукописей МГУ):

1) Четыре раза встречается в пометах слово «параскеѢа» в разных формах к «пѢтокъ» (Син. 129, л. 46, л. 46, л. 46, л. 67) ср. греч. «ΠαρασκευѢ» 'пятница'. «ΠαρασκευѢ Ѣ тожде еже παρασκευασμα атос тѢ - приготование apparatus преготование praeparatio пристроение confectio слогу compositio назидание aedificatio съкознение machinatio» (Син. 383, л. 531) (παρασκευασμα 'подготовка', apparatus 'приготовление', praeparatio 'приготовление', confectio 'приготовление', compositio 'составление', aedificatio 'возведение', machinatio 'изобретение').

2) Трижды повторяются пометы:

Ѣкономство к Ѣстроение и строение (Син. 129, л. 24 об., л. 26 об., л. 40 об.) ср. греч. «οѢκονομѢαν». «ΟѢκονομѢα ас Ѣ домозаконение домозаконъ domus lex домостроители домостроение domus administratio домоуправление domus vectio ѢкономѢа οεconomѢа» (Син. 383, л. 491) (οѢκονομѢа, οεconomѢа 'управление хозяйством', domus lex 'домозаконие', domus administratio 'управление домом', domus vectio 'управление домом').

томъ к свитокъ (Син. 129, л. 29 об., л. 30, л. 58) ср. греч. «τѢμος». «τѢμος и тожде свитокъ velumen» (Син. 383, л. 683 об.) (τѢμος, velumen 'том, свиток').

а также в разных формах грецизм тетрадь к слову среда (Син. 129, л. 46, л. 46, л. 67) ср. греч. «тетрѢда». «тетрѢс, ѢдоѢтверица quaternio тетрадь» (Син. 383, л. 678) (тетрѢда, тетрѢс, quaternio 'четверица', 'четвертый день').

3) Дважды:

маѢматѢкъ к вѢщець (Син. 129, л. 36, л. 44) ср. греч. «μαθηματικѢс». «ΜαθηματικѢс учныи docilis учителственъ disciplinis vacans учителныи doctrinam praebens маѢматѢкъ mathematicus маѢматѢчѢский» (Син. 383, л. 440 об.) (μαθηματικѢс 'ученый', docilis 'ученый', disciplinis vacans 'посвящающий себя учению', doctrinam praebens 'обучающий', mathematicus 'ученый').

демонствѢя к бѢснѢѢсѢ (Син. 129, л. 40 об., л. 55 об.) ср. греч. «δαѢμωνѢν «δαѢμωνѢζομαι тожде еже δαѢμωνѢω бѢснѢѢсѢ демонствѢю sum daemoniаси

неистовствѣю insano кѣдествѣю» (Син. 383, л. 175 об.) (δαίμωνιον 'беснуясь', δαίμωνίζομαι и δαίμωνιον 'бесноваться', sum daemoniacus 'я одержим бесами', insanis 'неистовствую').

каннонѣкъ въ к правилникѣвъ (Син. 129, л. 45, л. 49 об.) ср. греч. «κανονικόν». «Κανὼν, ονος правило regula мѣра мѣрило mensura вага libra коль palus жезль virga искѣсѣхатен канѣнь canon черта linea» (Син. 383, л. 368) (κανὼν, canon 'посох', 'канон', regula 'правило', mensura 'мера', libra 'весы', palus 'кол', virga 'палка', examen 'взвешивание', linea 'линия').

4) Грецизмы в глоссах, встречающиеся один раз:

номѣсматы к цаты (Син. 129, л. 23) ср. греч. «νομίσματα». «νομίσμα, атос тѣ законъ le мнѣніе opinio пѣнѣзь nummus цата номѣсмать numisma» (Син. 383, л. 480) (νομίσμα 'норма', 'монета', lex 'закон', opinio 'мнение', nummus, numisma 'монета').

Мартѣрію к мѣченниченниці (Син. 129, л. 31) ср. греч. «μάρτυριον». «μάρτυριον атос свѣдѣтельство testimonium свѣдѣтельствоваѣе testificatio» (Син. 383, л. 443 об.), а также «μάρτυς уρος ѣ свѣдѣтель testis мѣчникъ martyr» (Син. 383, л. 443 об.) (μάρτυριον мартѣріумъ 'свидетельство', testimonium 'свидетельство', testificatio 'свидетельствование', μάρτυς 'свидетель', testis 'свидетель', martyr 'мученик').

хрѣсми к мазанѣ (Син. 129, л. 36) ср. греч. «Χρίσματος». «χρῖσις, εως мазанѣ illiti мащенѣ unctio» (Син. 383, л. 733 об.) (χρῖσμα 'мазь', χρῖσις 'намазывание', illitio и unctio 'умаживание').

семѣдаль к мѣкѣ (Син. 129, л. 47) ср. греч. «σεμίδαλιν». «σεμίδαλις εως ѣ пшенични семѣдаль similago пшеницомѣка чистодоволство» (Мур. 45, Том 2, л. 471 об.) (σεμίδαλις, similago 'мука тончайшего помола').

хѣмитирѣмъ к спалищемъ (Син. 129, л. 54 об.) ср. греч. «κοιμητηρίοις». «κοιμητήριον спална спателище dormitorium гробница хѣмитирѣонъ саемeterium» (Мур. 45, Том 2, л. 98) (κοιμητήριον, dormitorium 'спальня', coemeterium 'кладбище').

скинѣкъ к шпилманъ (Син. 129, л. 55) ср. греч. «Σκηνικός». «Σκηνικός ѣ сѣлительный tabernacula ponens шатрный tentorius сѣнный umbrosus кѣщный скинный scenicus сѣновникъ шпилманъ (!)» (Мур. 45, Том 2, л. 482) (σκηνικός 'сценический', tabernacula ponens 'ставящий шатры', tentorius 'служащий для устройства палаток').

кѣвѣион к чемеръ (Син. 129, л. 64 об.). «κῆνιον ου зелѣе кѣнѣон cecuta свинаѣ вошь навѣч: на а, посл: кар: ѣтрава venenum». На полях «чемеръ» (Син. 383, л. 422) (κῆνιον 'сок цикуты', cecuta 'цекута', venenum 'яд'). Данная помета является единственной, написанной на другом языке, – греческом.

5) Церковнославянские пометы к греческим словам, встречающиеся по одному разу:

присѣченѣ к ЕПѣТОМИ (Син. 129, л. 17) ср. греч. «ΕΠΙΤΟΜΗ». «ἐπιτομή ѣ прис прирѣзанѣ accisio нарѣзанѣ incisio прикращенѣ abbreviatio» (Син. 383, л. 286) (ἐπιτομή 'надрез', 'краткое изложение', accisio 'прирезание', incisio 'надрезание', abbreviatio 'сокращение').

сходѣвъ к сѣнодѣвъ (Син. 129, л. 17) ср. греч. «συνόδων». «σῶνοδος ѣ сѣнодъ схс conventus съшествѣ coitio съборъ concilium сѣнодъ synodus» (Син. 383, л. 661 об.) (σῶνοδος, synodus 'собор', 'собрание', conventus 'собрание', coitio 'сходка', concilium 'совещание').

брадатомъ к Пѣгонатѣ (Син. 129, л. 17 об.) ср. греч. «Πωγωνάτου». «πῶγων, ὠνος ѿ брада» *barba* острота *cuspis*» (Мур. 45, Том 2, л. 455 об.) (πῶγων, *barba* 'борода', *cuspis* 'острие').

ноздорѣзаной к Рѣнотмита (Син. 129, л. 17 об.) ср. греч. «Ῥινوترήτου».

скопецъ к еѣнѣхъ (Син. 129, л. 30 об.) ср. греч. «εὐνοῦχος». «εὐνοῦχος οὐ ѿ τοῦ εὐνοῦχας οὐ ѿ ложеимецъ одроимѣщенникъ *cubile habens* одродержецъ *cubile tener* еѣнѣхъ *eupuchus* скопецъ» (Син. 383, л. 306) (Мур. 45, Том 1, л. 534 об.) (εὐνοῦχος εὐνοῦχίας, *eupuchus* 'охраняющий ложе', 'евнух', *cubile habens* 'имеющий ложе').

велікій платокъ к параскевію (Син. 129, л. 39 об.) ср. греч. Παρασκευῆ 'пятница'.

Первое, что необходимо отметить: абсолютно каждый приведенный грецизм (будь то слово в помете или в основном тексте) продиктован оригиналом Константина Арменопула. К тому же, из 19-ти лексем только «Пѣгонатѣ» / «Πωγωνάτου», «Рѣнотмита» «Ῥινوترήτου» и «Мартѣрію» / «μάρτυρι» не находят соответствия в триязычной лексиконе Епифания Славинецкого. Первые два примера относятся к обозначениям имен собственных, поэтому неудивительно, что их нет в данном филологическом труде Епифания. Что касается лексемы «μάρτυριον τѣ», представленной в тексте Константина Арменопула, но отсутствующей в лексиконе, в нем она заменяется на близкое по значению «μάρτυρμα ατος τѣ». И «μάρτυριον», и «μάρτυρμα» встречаются уже древнегреческих авторов V в. до н.э., а также выступают в качестве синонимов. Однако «μάρτυρμα» этимологически включает в себя слова «μάρτυς» – «свидетель» и «τѣ» «высказывание» и тем самым имеет более сложную морфемную структуру, чем «μάρτυριον», которое состоит из основы «μάρτυς» и финали -ιον. По происхождению греческое -ιον и латинское -ium являются одним формантом, а при заимствовании греческих слов на -ιον латынь приспосабливает их имеющимся в языке родственным инструментом -ium. Обе морфемы по происхождению являются суффиксами прилагательных, поэтому слова, образованные с их помощью, фактически были субстантивированными прилагательными. Непосредственной адаптацией грецизма «μάρτυριον» является латинский вариант «martyrium», однако его мы также не находим в лексиконе Епифания Славинецкого. Но, как было упомянуто ранее, к греческому «μάρτυς» латинским эквивалентом выступает в том числе «martyr» (Син. 383, л. 443 об.). Немаловажно и то, что словарная статья «martyrium» присутствует в «Lexicon Latino Polonicum, Ex Optimis Latinae Linguae Scriptoribus Concinnatum» 1564 года, который был составлен И. Мончинским и использовался книжным кругом Епифания Славинецкого [5, с. 222]. И в нем читаем: «Martyrium, świadectwo / męczeństwo». В лексиконе славено-латинском самого Епифания, составленном по материалам словника А. Калепина [4, с. 8], такой словарной статьи нет, присутствует только «martyr, свѣдите(л), мученикъ» [4, с. 264].

Так, можно сделать вывод, что маргиналия в переводе «Епитомий» больше соответствует словарной статье лексикона И. Мончинского («мѣченниченниціѣ» помечается «Мартѣрію»), нежели указанию лексикона самого Епифания Славинецкого. Такие примеры особенно примечательны, потому что выбиваются из общего ряда помет.

Отдельного комментария заслуживает маргиналия «Скинѣкъ» к «Шпилманъ» (Син. 129, л. 55), так как она представляет собой редкий случай в переводе «Епитомий», когда заимствование глоссируется грецизмом, то есть «правильным грецизмом» с точки зрения Епифания Славинецкого. Слово шпилманъ, то есть «лицедей, актер, плясун»,

заимствуется из древневерхненемецкого *spilman* [8, с. 1598], образованного от *spil* + *man*, то есть петь + человек. Словарь Срезневского приводит одно из первых употреблений данного слова в Рязанской кормчей 1284 года, которая является единственным древнерусским списком Кормчей Сербской редакции [9, с. 190]. Выбор данного слова может быть обусловлен «Лексиконом еллинско-славено-латинским», так как именно в нем находим подобный вариант перевода для греч. Σκηνικός. Тогда как другие значимые для данного периода лексиконы такую лексему не приводят, например, «Латинский лексикон» за авторством Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, «Лексикон славенороссийском» Памвы Берынды. Так, можно сделать вывод, что в церковнославянском языке употребление германизма *шпилманъ*, с одной стороны, появляется достаточно рано, но в тексте Сербской редакции. С другой, трудно судить о широте распространения данной лексемы, хотя она доживает до XIX века и даже встречается в тексте Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»: «Что же ты, шпилман ты этакий, стал, ступай теперь производи свое шпилманство в окончание!» [3]. Несмотря на это, нельзя сказать, что она была широко распространена, так, создатель одного из последних в хронологическом отношении текстов «Епитомий», напечатанного с помощью гектографа (Ф. 722., № 161, хранится в РГБ, датируется кон. XIX – нач. XX вв.), фиксирует данное слово как «шпилмакъ» (л. 42, об.). В списке лексикона Епифания Славинецкого XVIII века находим вариант «шпилпанъ» (Мур. 45, Том 2, л. 482), все это позволяет судить о том, что данная лексема не была хорошо освоена в языке и вызывала трудности у книжников.

Следующие замечания касаются непосредственно частотности приведенных выше помет. С одной стороны, неодинаковая частотность встреченных глосс может объясняться количеством самих контекстов, в которых встречаются одни и те же слова, однако, вероятно, есть и другие причины. Так, зачастую, слово, помеченное в тексте, в дальнейшем не глоссируется. Например, как можно понять из специфики текста, слово «с□нодь» встречается почти на каждом листе, и из-за его высокой частотности переписчик и переводчик, вероятно, не видят потребность глоссировать его каждый раз. С другой стороны, и у редких для перевода слов не всегда последовательно находятся маргиналии. Например, в большинстве контекстов «їкономство» помечает «□строеніе»:

κα□ ε□ μηδ□ν □вт□ς □ξ μην□ν δράσαιεν, τ□ δυναμέν□ κερδ□ναι проокуроύσθωσαν, ε□ ι
о□ковоіаи, αλλ' ο□χ□ δι' □μέλειαν φανε□εν το□то ποіо□ντες / «И если они ничего не сд
в течение шести месяцев, то [принадлежащие их кафедре] переходят к тому, кто может
привести все в порядок, если только те не делали это по икономии, а не по
небрежности» – И еще ничтоже вн□тръ шести мсць сътвор□тъ мог□щем□ при□бр□сти д
притверждаются. Аще не н□гд□ за ~□строеніе (~їкономство) но не за нерад□ніе □в□
сїе творяще (Син. 129, л. 24 об.)

Но в некоторых контекстах этого не происходит: □ сихъ и градст□и закони кром□ токм
сирвъ □строеніа (Син. 129, л. 32)

Данный пример также представляется важным еще и потому, что для большинства переводов к грецизмам в глоссах можно найти полный эквивалент в «Лексиконе еллинско-славено-латинском» за авторством Епифания Славинецкого (Син. 383). Однако к «о□ково□а, аς □» в лексиконе мы находим варианты: «домозаконеніе домозако domus (генитив) lex домостроительство домостроеніе domus administratio домоправленіе domus vectio їкономіа оесономіа» (Син. 383, л. 491), а не «□строеніе». Ближайшим к переводу в «Епитомиях» является вариант «домостроеніе», а также «домостроительство». В них также проявляется важный для переводческой практики Епифания Славинецкого

принцип поморфемного перевода слова (οἶκος – дом, νέμω – распределять, считать, ухаживать). Вероятно, в контекстах из «Епитомий» переводчику казался излишним компонент «дом-», так как «οἶκονομῶ» в них употребляется в более общих значениях. Например, первый приведенный контекст отсылает к 121-ому правилу Карфагенского собора и к 11-ому правилу Сардикийского. В нем говорится об отступлении от упомянутого в правиле постановления в том случае, если будет доказано, что обличенный епископ поступал некоторым образом не по небрежности «нераδόνιε», а с намерением управления «ἰκτοένιε (ἰκονομство)» паствой.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что намеченная тенденция представляется следующей: слова, многократно встречающиеся в тексте, помечаются один раз, а также изредка это происходит и с более уникальными для перевода словами, но преимущественно, если автор выбрал такого рода слово для глоссирования, оно будет помечаться несколько раз.

Можно отметить в переводе также обратные глоссы, то есть те, которые могут выступать в качестве грецизма или в качестве славянского эквивалента в разных контекстах. Как уже упоминалось, в разных формах встречались пометы «параске□ĭа» к «п□токъ» и «тетрадь» к «среда», но присутствует и обратная помета: «велікій п□токъ» к «параске□ĭю». В том же контексте присутствует помета «в велікій пятыи» к «в велікій четверток»: □□ν φθάσ□ □ ε□αγγελισμ□ς τ□ μεγάλ□ πέμπτ□ □ τ□ μεγάλ□ Παρασκευ□ Благовещение попадет на Великий Четверг или на Великую Пятницу» – Аще достигнеть блгов□щеніе *в велікій четверток (*в велікій пятый) или *параске□ĭю (*велік□к параскеvĭю) (Син. 129, л. 39 об.).

Таким образом, в исключительных случаях одна и та же пара слов может относиться к разным типам языковых помет: адаптирующему и к славянскому эквиваленту для иноязычного слова. Однако их объединяет потребность переводчика в уточнении значения реалии.

Как говорилось ранее, маргиналии языковые, которые зачастую реализуются в подборе синонима, встречаются во всех списках, но в протографе Син. 129 они представлены гораздо шире, отдельного внимания заслуживает упоминания единственной пометы в рукописи на греческом языке, которое подробно нами рассматривалось ранее [\[1, с. 467\]](#): маргиналия «κῶνειον» к слову «чемерь» (Син. 129, об.стр. 64) в контексте:

ὁ σπερ ὅν λαχάνοις, οὐ τῷ καὶ ὅν τοῦ κράσι τοῦ χρησίμου τὸ βλαβερόν διακρίνομεν. Κα-
κόνειον ἡ ὀσκόαρον οὐκ ὅν τις φάγοι νοῖον ὄλων, οὐ πός γυνὴς οὐτε κυνὲς ψαίτ
ὀν ὕκ . ὥς ὅγε φαγόν οὐκ ὀνόμωκα·

Как в растительной, так и в мясной пище мы
отличаем вредное от полезного. И как сок цикуты или белену никто в здравом уме
употреблять не будет, так и не надо есть мясо коршуна или собаки, кроме как по
необходимости — в этом случае тот, кто съел [такое мясо], не совершил беззакония» –
«Кже въ зелѣхъ такъ и въ мѣсехъ полезенъ вредное разсѣждаемъ и кже *чемерь
или свинебобъ не ꙗко кто снѣсть оумъ имѣетъ такъ ниже Гѣпа или пса коснетсѣ не
нѣждею ꙗко еже ѱдѣй не беззаконова.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что, языковые маргиналии, которые зачастую реализуются в подборе синонима, широко представлены в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого. В свою очередь у подтипов внутри языковых помет можно выделить свои центральные задачи: главная цель **помет-произвольников**, то есть помет на церковнославянском языке, относящихся к славянскому же слову, - уточнить,

конкретизировать имеющееся понятие или приблизить структуру славянского слова к греческому. Последнее особенно часто будем наблюдать в «Епитомиях». Они также позволяют представить в переводе вариативность оригинала. **Адаптирующие** глоссы представляют собой более понятный для будущего читателя аналог иноязычного слова, которое по какой-то причине переводчик не захотел заменять на церковнославянизм в основном тексте. Противоположные им, маргиналии, являющиеся **ИНОЯЗЫЧНЫМ ЭКВИВАЛЕНТОМ** к церковнославянской лексеме, сближают текст с оригиналом. Как было видно из примеров, их источником всегда бывает слово, имеющееся в основном тексте греческого оригинала, однако сами подобные глоссы всегда являются авторскими, то есть внесенными в текст Епифанием Славинецким. К тому же исследуемые лексемы в глоссах находят поддержку в лексиконах, составленных московским книжником. Тогда как наибольшее количество глосс-произвольников, а также отсылочных помет и маргиналий служебного характера можно отнести к тем, что продиктованы греческим оригиналом. Кроме того, в тексте можно выделить редкие типы помет, например, обратные глоссы или подбор греческого синонима к грецизму в основном тексте.

Библиография

1. Иванова Е.В. Принцип грецизации в переводе "Епитомий" Константина Арменопула, выполненном Епифанием Славинецким // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: том 100, № 3, 2023.
2. Корогодина М.В. Архиепископы Афанасий Холмогорский и Александр Устюжский – собиратели канонических рукописей // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Санкт-Петербург: БАН, 2013.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru // URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkcqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKLSH0%2B2BubIIQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCGwoZChcKA3JlcRIQCg7RiNC%2F0LjQu9C80LDQvTAB> (дата обращения: 31.05.23.)
4. Німчук В. Лексикони Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підготував до видання В. Німчук. Київ, 1973.
5. Пентковская Т. В. "Слово о милости" в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения Российской академии наук, М.: Том 6, № 2. 2017.
6. Пентковская Т. В. Корректурный экземпляр Острожской Библии как источник сведений о работе над Московской Библией 1663 года // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, № 3. 2023.
7. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. СПб.: Изд-во Альянс-Архео, 2010.
8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. Москва: ГИС, 1958.
9. Столярова Л. В. Ещё раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург: 2008.
10. Цыпин В. Арменопул // Православная энциклопедия. Т. 3, 2008.
11. Clarke Adam (1831). The Holy Bible: containing the Old and New Testaments: the text carefully printed from the most correct copies of the present Authorized

translation, including the marginal readings and parallel texts : with a commentary and critical notes designed as a help to a better understanding of the sacred writings (8 volumes). New York: Daniel Hitt and Abraham Paul // URL: <https://sacred-texts.com/bib/cmt/clarke/index.htm> (дата обращения: 31.05.23.)

12. Ivanov S. A. An Anonymous Byzantine Geographical Treatise // *Revue des études byzantines*: t. 60, 2002.
13. Swain Simon. *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Word* // Simon Swain, J. Maxwell Adams, Mark Janse. Oxford [Oxfordshire]: Oxford University Press, 2002.
14. William Smith. *Dictionary of Greek and Roman Geography, illustrated by numerous engravings on wood., LLD.* London. Walton and Maberly, Upper Gower Street and Ivy Lane, Paternoster Row; John Murray, Albemarle Street. 1854.
15. Thayer Joseph Henry. *A Greek-English lexicon of the New Testament.* New York American Book, 1889.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Грецизмы в маргиналиях к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике изучения переводов, выполненных чудовскими книжниками во второй половине XVII века и в частности Епифанием Славинецким, являющимся деятелем русской церкви XVII века.

Исследование является сравнительно- сопоставительным, выполненным на материале двух языков.

Изучение текста переводов представляет интерес и с лингвистической, и с текстологической точки зрения, так как позволяет точнее составить картину не только о деятельности книжного кружка Епифания Славинецкого, но и об истории развития русского литературного языка того периода.

Кроме того, важным является возможность выделения методики работы с переводимыми текстами, особенности поиска более точного перевода, а также выделить лексико-грамматические особенности переводов Чудовской книжной школы второй половины XVII в.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико- семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Практическим материалом исследования послужили рукописи из собрания Государственного исторического музея и Московского государственного университета, а

также греческое издание «Епитомий» *Patrologiae Cursus Completus: Patrologiae Graecae tomus*.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников, что не позволяет в полной мере оценить авторский вклад. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на греческом и русском языках периода создания исследуемого текста.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены научные труды на русском, английском и украинском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по данной и смежной тематике.

В статье есть ряд технических опечаток, к примеру, «кружка Еифания Славинецкого...».

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Грецизмы в маргиналиях к переводу «Епитомий» Константина Арменопула, выполненному Епифанием Славинецким» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гаипова Н.У. — Женские образы в пьесах А.Н. Островского // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.40524 EDN: VMSXCU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40524

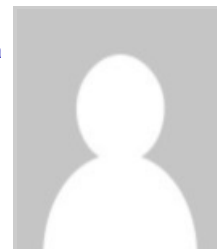
Женские образы в пьесах А.Н. Островского

Гаипова Нафиса Улугбековна

аспирант, Российский университет дружбы народов

119618, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 7

✉ nulugbekovna@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.40524

EDN:

VMSXCU

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2023

Аннотация: В статье рассматривается эволюция женских образов и предполагается продолжение разговора об изучении социального портрета женщин в драматургии А.Н. Островского. Возрастающий интерес к изучению женских персонажей является важнейшим направлением в современной русской литературе. Объектом исследования являются пьесы драматурга, написанные в разных периодах творческой деятельности. Цель настоящей работы заключается в выявлении трансформаций образа мышления и семейно-бытовой жизни русской женщины на фоне постепенного социального развития в XIX веке. Для достижения данной цели в работе используются культурно-исторический и сравнительный методы, метод анализа и обобщения. В результате проведенного исследования были выявлены типы женских персонажей как, жертва, моралист, идеолог, борец, протестантка и образованная женщина. Проведенный анализ показал, что А.Н. Островский является создателем разносторонних персонажей русских женщин, которые отличаются исключительным нравственным обликом и душевной чистотой. Выводы могут быть использованы в последующих анализах, посвященных русской литературе XIX века, драматургии А.Н. Островского, гендерным исследованиям. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявляются социально-психологические и духовные характеристики женских образов, а также факторы, наиболее влияющие на формирование личности и предопределение судьбы.

Ключевые слова:

образ, герой, судьба, личность, пьеса, драматургия, взаимоотношение, социокультурные изменения, ценности, нравственность

Герои пьес А.Н. Островского много изучены исследователями. Однако многочисленные труды ученых, посвященные персонажам драматургии А.Н. Островского, ограничиваются мужскими образами. Типизация мужских персонажей в пьесах А.Н. Островского базируется в работах Н.А. Добролюбова, А.А. Григорьева, Л.В. Чернеца, А.А. Ревякина, С.А. Мартыановой, Н. А. Медведевой, Ю.В. Высоцкой и определяется типами «самодур», «деловой человек», «жертва», «красавец-мужчина», «мещанин» «герой-озорник» «манипулятор-мужчина», «хищный» и «смирный».

Драматургия А.Н. Островского открывает мир определенной социальной группы XIX века. В течение творческой деятельности драматургом было написано более 40 пьес, где отражаются наиболее значимые этапы жизни народа и социально-исторические изменения. В комедиях описывается реальное отражение жизни народа, смысл существования героев и «дух времени» [\[1, с. 221\]](#). Естественно, созданные А.Н. Островским замечательные типы русских женщин, подвергаются некую эволюционную трансформацию. В пьесах были показаны жизнь русского купечества, развитие буржуазного общества, отрицательные и положительные черты капитализма [\[2, с. 6\]](#). Женские образы, как отражение исторической проблемы, определяют историко-культурную классификацию женских типов [\[3, с. 85\]](#). В результате экономических преобразований система общественного устройства подвергалась переменам. Изменение в социуме оказало большое влияние на женскую судьбу, появились новые типы женщин [\[4, с. 28\]](#). Исследователи Н. Журавкина, А.И. Журавлева, Н.Л. Ермолаева, И.А. Овчинина, В.Ф. Соколова и Н.В. Харсеева ограничивались гипотезами о женской эмансипации и об купеческом обществе в творчестве А.Н. Островского. Учитывая основное направление русской драматургии в середине XIX века, перед А.Н. Островским стояли задачи поиска нового героя, правдивое изображение социальной действительности, а также разоблачение пороков общества. Рассмотрение галереи женских образов в пьесах А.Н. Островского, через призму стремлений драматурга в создании реалистического русского драматического театра, помогает понять мотивы героев и замысел художественных текстов. В данной работе используется взаимодополняющий подход анализа женских образов в пьесах через рассмотрения идеологических, нравственных, философских и экономических факторов. В анализируемых злободневных пьесах основная тематика посвящена семейным картинам, где отражаются взаимоотношение между членами в семье и семейно-личностные ценности, денежные отношения в обществе. Показывая разоблачение острых проблем времени и разрушение идеалов, А.Н. Островский акцентирует внимание на судьбу русской женщины, готовые на самопожертвование и стремящиеся к свободе.

Самопожертвование ради близкого человека является исключительной чертой многих островских героинь. Альтруистическое поведение женщины А.Н. Островский показывает через глубокий психологический анализ образов на фоне семейных взаимоотношений.

В комедии «Поздняя любовь» Людмила Герасимовна признается, что «Я не умею жить для себя, в том только и счастье, когда живешь для других» [\[5, с. 16\]](#). В комедии «Красавец-мужчина» Зоя Васильевна соглашается на безнравственное предложение

мужа несмотря на то, что такого рода поступки были выше ее сил: «Зоя (почти без чувств). Я со-глас-на! (Падает в обморок) [\[6, с. 336\]](#). Людмила Герасимовна «Поздняя любовь» и Любовь Ивановна «Без вины виноватые» готовы жертвовать последними деньгами за любимого человека.

В большинстве случаев изображаются внутренний конфликт героинь и внешние факторы, мешающие русской женщине обрести семейное счастье и любовь. Действительно, душа человека занимает наиболее важное место, А.Н. Островский акцентирует внимание на анализ внутреннего мира персонажей [\[7, с. 82\]](#). Многие образы олицетворяют идеал искренней любви Юлия Тугина «Последняя жертва», Аннушка «На бойком месте», Катерина Кабанова «Гроза», Лариса Дмитриевна «Бесприданница». Этим женским образам не свойственна интрига и ложь [\[8, с. 59\]](#).

При рассмотрении образов создается такое впечатление, что в пьесах А.Н. Островский изображает русских женщин, как типы сверхчувствительной натуры. Психологическому портрету личности героинь свойственны постоянное тревожное состояние души и предчувствие беды. В пьесе «Гроза» Катерина Кабанова – тип глубоко религиозной и решительной женщины, страх перед «грозой» является искупление греха, смерть – это освобождение от семейного тиранства и путь к душевной чистоте. По мнению критика К. Костелянца, Лариса Дмитриевна – образ девушки, не имеющей себе подобных, бесподобной [\[9, с. 56\]](#). В действительности, Лариса Дмитриевна лишена твердой воли и решительности, А.Н. Островским рисуется тип марионетки в глазах родной матери и окружающих людей. Драматургом гиперболизированы нерешительность и повиновение личности Ларисы Дмитриевны, образ героини были лишены способности распознавания своего страха и внутренних переживаний. Ангел смерти для Ксении Васильевны представляется в образе конкретного персонажа Ардалиона Мартыныча Муругова. Она верит, что Ардалион Мартыныч забирает ее «душу». Если обратить внимание на имена, то А.Н. Островский выбирал антропимы, соответствующие с характером каждого образа. По мнению, Н. С.Тугарина существует некая связь имен с их образным решением» воздействующие на предопределение судьбы женских образов [\[10, с. 203\]](#). Катерина – светлая и чистая, Лариса – чайка, Ксения – чужестранка, гостя [\[11, с. 145\]](#). Людмила и Любовь – милосердное и гуманное отношение к людям. На самом деле, в комедиях А.Н. Островский идеализирует личностные качества в женском образе: «благородность», «искренность», «честность», «высокая мораль», «преданность» и «альтруизм». Катерина Кабанова, Лариса Дмитриевна и Ксения Васильевна – типы женщин, чужие в жестоком обществе, лучи, освещающие мир, жертвы, гибнущие в результате интриг, способные к самопожертвованию ради искренней любви. Главные героини этих пьес переживают трагическую любовь и погибают. В отличие от Ларисы Дмитриевны, причиной трагической гибели Ксении Васильевны стала финансовая независимость от мужа и семьи. К сожалению, образ Ксении Васильевны представляет собой тип жертвы, которая не в силах противостоять перед коварством и неверности близких людей [\[12, с. 512\]](#). Если этих образов объединяет тип жертвы своеобразной сверхчувствительности и чрезмерного альтруизма, а именно, эти качества восхваляются в образе героя-моралиста в пьесах «Бедность не порок», «Красавец-мужчина», «Не от мира сего», где в роли идеолога выступают женские персонажи.

В пьесе «Бедность не порок» А.Н. Островским была изображена личность, обладающая сильной стойкой внутренней волей. Любовь Гордеевна позиционирует себя как нравственный ответственный человек перед обществом. А.Л. Штейн исходит из убеждения, что в пьесе «Красавец-мужчина» был создан идеальный женский тип на

примере Зои Васильевны. А.Н. Островский идеализирует преданность, верность и жертвенность женской натуры [\[13, с. 382\]](#).

Лакшин В.Я. сводится к следующим положениям, что нравственная чистота Ксении Васильевны превышает от моральных ценностей мужа и драматургом был создан идеальный образ, призывающий к истинным чувствам человеческой души [\[14, с. 489\]](#). Можно отметить, что в создании замечательного типа любящей женщины А.Н. Островским были описаны непреклонные моральные убеждения Ксении Васильевны и Зои Васильевны, а также милосердия и чистоты русской души. Женские персонажи А.Н. Островского столь многогранны и разнообразны, что героини ранних пьес ограничиваются домашним образованием, то более поздних произведениях появляется тип образованной женщины.

По мнению Н.Л. Ермолаевой в пьесе «Невольницы», была показана единственная образованная женщина в образе главной [\[15, с. 16\]](#). Однако в образе матери Евлалии Андревны драматург упоминает, что мать являлась «директрисой женского учебного заведения». Это первый женский образ матери, которая имела профессию и образование. В образе матери А.Н. Островский показывает женщину, которая смогла совместить работу и семью, а также происходящие изменения того времени то есть, основные тенденции трансформации социального статуса и поведения женщин. В конечном итоге, в формировании личности дочери мать играет большую роль, если учитывать факт, что мать занималась воспитанием и заменила гувернантку, то в какой-то степени она оказывает огромное влияние на судьбу Евлалии Андревны. В результате дочь повторяет судьбу матери и получает образование «глупенькая совсем институтка!», которое позволяет ей работать «гувернанткой и сельской учительницей».

В пьесе «Без вины виноватые» Любовь Ивановна и Таиса Ильинишна дополняют тип образованной женщины, так как они вместе учились. Любовь Ивановна имеет незначительные доходы за проведенные уроки, в дальнейшем поступает на сцену, становится известной провинциальной актрисой. Профессия позволяет Любви Ивановне финансовую независимость. В пьесе «Не в свои сани не садись» Арина Федотовна упоминается, что она получила некое образование и воспитание в Москве, но исходя из ее поведения можно заключить, что Арина Федотовна сочетает в себе женщину, протестующую к семейным и общественным порядкам тогдашнего времени.

В поздних пьесах А.Н. Островский тщательно работает над женскими образами, раскрывая их как разносторонняя личность. Ермолаева Н.Л. приходит к выводу, что Евлалия Андревна «невинная невольница тех сентиментально-романтических идеалов, которые привила ей мать, невольница своего восторженно-возвышенного чувства к ловкому деловому человеку, невольница [\[15, с. 107\]](#). Однако, Евлалия Андревна является образом протестующего человека, нежели романтического. Протест заключается в сражении ради любви, в проявлении стойкости, решимости и воли личности. В этом смысле наиболее показательной является диалог с мужем. А.Н. Островский раскрывает психологию личности, свойственная к реалистичным героям. На фоне социально-психологической пьесы героиня проявляет сопротивление против роли куклы, что персонаж осознает своей женской натуры, психологических и физиологических потребностей. К сожалению, такой бунт в ряде произведений драматурга привел к гибели, но А.Н. Островский дополняет пьесу «Невольницы» с новым типом героя. Испытание любви к другой мужчине и соединение брачными узами с богатым мужем объясняется безысходностью и греховностью человеческой природы.

Сражение Евлалии Андревны в роли борца изображается в сопротивлении мыслям о смерти за душевную измену, драматург усиливает такие черты характера, как ответственность за поступки и ошибки, мужество, стремление к свободной жизни и отрицание материального состояния.

А.Н. Островский отметил, что «...это святое, духовное торжество, ...неоцененная редкость, которую ищут все женщины, ...это ни с чем несравнимая радость победы добра и честной жизни над злом и развратом» [\[16, с. 440\]](#). Сюжетная линия, рассматриваемых пьес развивается при любовных испытаниях женщины к безнравственной мужчине, в результате взаимоотношений прекрасная половина подвергается самообману, глубокому разочарованию и трагической гибели. В целом, образ героя-идеолога в контексте чистоты нравственного облика, самоотверженности и бескорыстия переходит от мужчины к женщине.

Заключение

Идеал женщины, несмотря на перемены, происходящие в обществе, заключается в соблюдении христианской веры. Моральные убеждения и личностные ценности женских образов были возвышены А.Н. Островским. В произведениях отражена общественно-историческая обстановка, которая непосредственно влияла на женскую судьбу, на ее социальное положение и семейное взаимоотношение. А.Н. Островский затронул социально-психологическую проблему действующих лиц, тщательно работал над каждым художественным женским образом и раскрыл какие черты личности героя-женщин влияет на ее поведение и мышления. Психологическое и нравственное воздействие на личность женского образа оказало окружающие люди.

В заключение следует отметить, что существуют некоторые различия в восприятии женских персонажей, так как изображены сложное жизненное явление, психологическая глубина каждого образа, богатство эмоциональных переживаний. В итоге анализа героев были выделены типы женских образов: «жертва», «образованная» и «протестующая», «моралист», «идеолог» и «борец». В пьесах основным мотивом героинь являются стремление к счастливой семейной жизни и взаимной любви. В ранних пьесах трагическая гибель и бегства женщины были способами спасения человеческой души, а в более поздних – женские персонажи приобретают свободу, но не знают, как воспользоваться данной возможностью.

Библиография

1. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. / Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.] Т. 7: Пьесы 1874-1878.-М.: Гослитиздат, 1960. 481 с.
2. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. / Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.] Т. 8: Пьесы 1879-1885.-М.: Гослитиздат, 1960. 550 с.
3. Кропачёв Н.А. А.Н. Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М.: Художественная литература, 1966. С. 204-226.
4. Бойко В. П. Русское купечество в пьесах А. Н. Островского и в статьях его критиков // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. №48. С. 6-13.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Азбука; Азбука/Аттикус, 2015. с. 544
6. Хлопонина О. О. Женский мир в советском плакате 1910-1930-х годов: эволюция мифологических конструктов. Знание. Понимание. Умение, №4, 2017, с. 287-295.
7. Наградова Л.С. Особенности концептуализации понятия «Русская душа»

- посредством ФЕ с компонентом «Душа» в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 81-85.
8. Суворова А.В. Женское лицо интриги у А.Н. Островского и литературная традиция // Щелыковские чтения 2015. А.Н. Островский в контексте литературы: Конфликт, фабула, цитата, тематика: Сборник статей / Науч. ред., сост. Едошина И.А. – Кострома: Авантитул, 2016. – С. 57–71.
 9. Костелянец Б.О. «Бесприданница» А.Н. Островского [Текст] / Б.О. Костелянец. – Л.: Художественная литература, 1982. – 192 с.
 10. Тугарина Н.С. Имя – герой – образ // Щелыковские чтения 2002. Проблемы поэтики и эстетики творчества А. Н. Островского. Кострома: Авантитул, 2003. С. 194 – 205.
 11. Исакова И. Н. Антропонимы в социально-бытовых пьесах А. Н. Островского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология.-2009.-№5. – С. 142-150.
 12. Алперс Б.В. Театральные очерки: в 2 т. М.: Искусство, 1977.
 13. Штейн А.Л. Мастер русской драмы. М.: Советский писатель, 1973. 432 с.
 14. Лакшин В.Я. Островский (1878-1886) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475-499.
 15. Ермолаева Н.Л. «Невольницы» А. Н. Островского и «Горе от ума» А. С. Грибоедова // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – №1. – С. 16-22.
 16. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина. М.: Искусство, 1975-1980.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Женские образы в пьесах А.Н. Островского», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, несмотря на то, что герои пьес А.Н. Островского много изучены исследователями. Однако многочисленные труды ученых, посвященные персонажам драматургии А.Н. Островского, ограничиваются мужскими образами, а автор фокусирует свое внимание на женских образах. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении.

В данной работе используется взаимодополняющий подход анализа женских образов в пьесах через рассмотрения идеологических, нравственных, философских и экономических факторов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы,

полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако, автор не указывает объем языковой выборки и принципы отбора материала для анализа.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной литературе. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Женские образы в пьесах А.Н. Островского» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сюцин Ч. — Роль когнитивной метафоры в китайском и русском языках // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.38456 EDN: XDCIVA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38456

Роль когнитивной метафоры в китайском и русском языках

Сюцин Чэнь

магистр, кафедра Языкознания, Тяньцзиньский университет иностранных языков

300204, Китай, Тяньцзинь область, г. Тяньцзинь, ул. Мачандао, 117

✉ chenxiuqing007@mail.ru[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.38456

EDN:

XDCIVA

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2022

Аннотация: Целью данной статьи является исследование роли когнитивной метафоры в русском и китайском языках. Предметом исследования является когнитивная метафора в русском и китайском языках. Объектом исследования выступает значение когнитивной метафоры в русском и китайском языках. В исследовании использовались методы дедукции и индукции, сопоставительного, контекстуального анализа. Автор подробно рассматривает этапы в исследовании метафоры. Перевод является особым актом ретрансляции в виде международной коммуникации, в котором особенно важна передача мыслей, чувств, культурного опыта. Посредством языка возможно отразить систему духовной культуры. Основным содержанием морального фундамента русской культурной традиции являются принципы православия. Китайские традиции основаны на мощном нравственном опыте, базисом которого являются идеи конфуцианства. Научная новизна исследования состоит в анализе конкретных примеров когнитивных метафор в текстовых материалах китайско-русской межкультурной коммуникации. Исследовано понятие метафоры, выявлены ее характеристики в когнитивном подходе. Метафора является универсальным знаком, который выполняет гносеологическую функцию в процессе передачи информации. Когнитивная метафора позволяет познавать и описывать неизвестное посредством приобретенного опыта, является ключевым

элементом мыслительного процесса. Важное значение имеет когнитивная метафора в экономических и политических международных переводах. Большинство концептов в коммерческой сфере являются многосоставными и сложными для восприятия. Проанализированы конкретные примеры когнитивных метафор в материалах китайско-русской межкультурной коммуникации. Предложены практические рекомендации по правильному пониманию и использованию когнитивных метафор процессе перевода.

Ключевые слова:

когнитивная метафора, метафора, межкультурная коммуникация, русско-китайская коммуникация, теория языка, лингвистика, ретрансляция, духовная культура, русская культурная традиция, передача информации

1. Введение

В настоящий период усиливающейся глобализации и распространения сети Интернет происходит трансформация межкультурной коммуникации, для которой необходимы соответствующие языковые средства. Добрососедские отношения между Китаем и Россией отмечены взаимным уважением и взаимодействием культур. Китайский ученый Чжао Айго отмечает, что «особенностью межкультурной коммуникации является восприятие и осознание информационной составляющей в виде символов, знаков разноязычными людьми разных культур» [Чжао, 2006: 197].

В когнитивном подходе метафора тесно связана с процессами мышления, а не только является одним из тропов. Возникает все больше исследований, в которых определяется значение метафоры как ключевого элемента мыслительного процесса, позволяющего осмыслять непознанную область через знакомое поле образов [Величковский, 2006: 242].

Предметом исследования выступает когнитивная метафора. В ходе написания статьи использовались методы дедукции и индукции, сопоставительного и контекстуального анализа. Научная новизна состоит в анализе конкретных примеров когнитивных метафор в текстовых материалах китайско-русской межкультурной коммуникации. Методологической базой при написании исследования являются труды русских и китайских исследователей в области теории языка В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. В. Арнольд, Сюн Цзы и др.; исследования метафоры М. Джонсона, Дж. Лаккофа, Ху Чжанлинь, и др.

Целью данной статьи является исследование роли когнитивной метафоры в русском и китайском языках.

Для обозначенной достижения цели необходимо решить ряд задач:

- 1) исследовать понятие метафоры,
- 2) выявить характеристики метафоры в когнитивном подходе,
- 3) проследить ретроспективную динамику в понимании метафоры,
- 4) осуществить сравнительно-сопоставительный анализ на материале русского и китайского языков.

2. Основная часть

Метафора рассматривается во многих современных концепциях как языковая фигура, упорядочивающая мышление [Бархударов, 1975: 98]. В то же время она трактуется как фигура мышления, которая открывает доступ к объективной реальности или к культурной реальности субъекта. Метафора принадлежит не только литературной сфере, но выходит за рамки художественного текста, реализуя потенциал в культурной, политической, социальных сферах общественной жизни [Кравченко, 2004: 115]. Современный подход к метафоре предполагает, что она выходит за рамки литературоведения, ее применяют:

- лингвисты (когнитивная лингвистика и метафора как отправная точка для концептуализации),
- литературоведы и культурологи (использование метафоры в различных сообщениях культуры, связанных с мифологическим мышлением – К. Леви-Стросс и Э. Лич)
- философы, характеризовавшие метафоризацию как особый вид рефлексии, обуславливающей систематическое мышление и аргументацию (Ж. Деррида, П. Рикер) или критика метафоры (Д. Дэвидсон, который считал, что метафора должна пониматься буквально без дополнительного переносного значения).

Данные противоречивые позиции объединяют понимание метафоры Аристотелем как переноса значения с одного объекта познания на другой. Аристотель обозначал ее как троп, у которого отсутствует семантическое значение, а его единственная функция – украшение речи.

П. Рикер рассмотрел данный вопрос в книге «Живая метафора» (1975), которая представляла собой итог риторических, лингвистических и философских размышлений о метафоре как образе языка и мысли. П. Рикер разработал свою концепцию «живой метафоры», а выводы о роли метафоры в философии были представлены в последней части книги.

Следующим этапом в исследованиях метафоры являются работы когнитивных лингвистов, в частности книга Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). В их концепции на первый план выходило метафорическое начало человеческого познания, т.е. процесс метафоризации,

В концепции метафор, воплощенных когнитивистами и прежде всего в феноменологических и герменевтических тезисах Рикера о метафорическом, роль воображения переплетается с метафорическим семиозисом (знак, транслирующий смысл, и его интерпретация) с феноменализацией (с созданием метафоры как образа). П. Рикер писал, что его тезис состоит в том, что образы и чувства играют роль конститутивных не только в рамках теорий, отрицающих всякую информативную ценность метафор и отвергающих их стремление выражать истину, но в типе теории метафор, обозначенных И. А. Ричардсом в «Философии риторики», М. Блэком в «Моделях и метафорах» и т.д.

Для процесса познания предмета привычные концепты уподобляются неизвестным. Ц. Фэй называет метафору «одним из важнейших когнитивных феноменов, метафорическая когниция оказывает большое влияние на коммуникативные процессы, особенно на речевую коммуникацию» [Фэй, 2019: 12]. Новые предметы, темы эффективнее познаются с помощью знакомых концептов, что представляется особенно целесообразным в процессе перевода. Отмечается, что «перевод является особым актом ретрансляции в виде международной коммуникации, для транслатологии особенно важна передача мыслей, языка, чувств, культуры. Посредством языка возможно отразить систему духовной культуры. Дж. Лакофф отмечал, что метафорическое отражение является

доступным для всех народов и обладает исключительной полнотой с точки зрения духовной культуры» [Лакофф, 1990: 245].

«Метафора является универсальным знаком, который выполняет значимую функцию в процессе передачи информации, однако метафора в переводе может иметь негативный эффект, поскольку она может создать сложности с восприятием текста». Так Н. Спиноло и Гарвуд отмечают, что переводчик должен «убить метафору», что способствует «большей ясности текста или речи» [Спиноло, 2010: 189]».

Присутствие метафоры в переводческом тексте сопряжено с рядом сложностей, поскольку образы в различных языках, например, в китайском и русском не всегда совпадают и перевести их дословно не представляется возможным. Неслучайно возникали многочисленнее дискуссии о месте метафоры в переводах.

П. Мэйсон отмечал, что метафоры полностью переводимы и в отдельной теории перевод метафор нет необходимости [Мэйсон, 1982: 149]. Другая точка зрения принадлежит Ю. Найда, который полагал, что метафоры непереводаемы и что в результате перевода она теряет первоначальное значение. Ю. Найда отмечал, что задача перевода – сформировать наиболее близкий «естественный эквивалент» [Найда, 1982: 22].

П. Ньюмарк [Ньюмарк, 1981: 97] представляет третье направление. Он полагал, что метафоры переводимы, но степень перевода определяется ее функции в тексте и ограничена рамками межлингвистической эквивалентности. Исследователь выделил семь способов ее перевода. Метафору можно перевести в неизменном виде или использовать замещение тропом или применяя парафраз.

«В культурологическом, лингвокультурологическом и переводческом аспектах метафора играет важную роль» [Фосенко, 2002: 127]. Для того, чтобы «овладеть искусством перевода метафоры необходимо быть осведомленным о моральных и нравственных традициях, которые формируются веками и находят выражение в нормах поведения, народных пословицах и поговорках и воплощают систему ценностей». Метафоры формируются в конкретной культурной традиции, которая требует внимательного изучения.

Принципы православия являются основным содержанием морального фундамента русской культурной традиции являются. Ключевыми понятиями в ней являются концепты Господь, слово, вера, счастье, народ, справедливость, добро: *Бог – сеятель, пастух, защитник, бить во все колокола*. Бог – ключевая категория русской культуры, «Бог есть любовь», поэтому он наделен полновластными функциями, может спасать, защищать, животворить. Бог выступает в качестве полноты всех добродетелей и обуславливает категории слово, вера, счастье, добро и т.д.

Православная традиция с метафорическими образами пропитывает классическую русскую литературу, поэтому в произведениях Ф. М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М. А. Шолохова и других авторов развиваются темы добра, спасения, веры и т.д.

Китайские традиции уходят в глубь веков, они основываются на мощном нравственном опыте, базисом которого являются моральные идеи конфуцианства, связанные с беспристрастностью, справедливостью: *железный кулак, не вырвешь у него ни одного пера, неподкупное железное лицо*. При наличии серьезных различий наблюдается значительное сходство традиционной идеологии Китая и России, особое сходство наблюдается в представлениях о личностных качествах, которые находят отражение в переводе.

Так, в китайской, и в русской культурах наблюдается использование похожих метафор при описании личных качеств человека. Например, спокойный, добрый человек сравнивается с беззащитным животным животных, голубь в русской культуре – символ доброты и мягкости:

(1) *«О, как тиха и ласкова была ночь, какую голубиною кротостию дышал лазурный воздух, как всякое страдание, всякое горе должно было замолкнуть и заснуть под этим ясным небом, под этими святыми, невинными лучами!»* [И.С. Тургенев, «Накануне»]. В данном примере автор использует не только слово «голубиный» в значении «мягкий», но и дополняет характеристику введением существительного «кротостию», которое отсылает к стилю православных текстов. Слово «кротость» применяется по отношению к неодушевленному предмету – силам природы, воздуху;

(2) *«Один недавно умерший русский писатель, владевший умом обаятельной глубины и светлости, человек, увлекавшийся безмерно и соединявший в себе крайнюю необузданность страстей с голубиною кротостью духа, восторженно утверждал...»* [Н. С. Лесков, «Обойденные»]. В обозначенном примере, в отличие от предыдущего, «голубиный» соотносится с человеком, а именно с его самой сокровенной частью – духом. Данный пример отсылает к строкам Евангелия от Иоанна «Дух сошел в виде голубином» и к поэзии С. Есенина «Голубиный дух от Бога/ Словно огненный язык/ Завладел моей дорогой, Заглушил мой слабый крик»;

(3) *«голубиная душа, золотое сердце»* [И.А. Гончаров, «Обломов»]. «Голубиный» используется здесь в значении «добрый».

(4) *«Да вот на столе целый воз, выбирай любую, голубиная ты душа!»* [Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»]. В данном и вышеприведенным примерах слово используется в одном и том же значении и относится к душе;

(5) *«Сердце голубиное или, лучше сказать, печеное яблоко!»* [И. И. Лажечников, «Басурман»]. «Голубиное» значит доброе, мягкое сердце, которое подчеркивается дополнительной характеристикой «печеное яблоко», что в совокупности создает яркий метафорический образ;

В китайской культуре голубь является символом мира, а доброту олицетворяет заяц, который в сказках является обаятельным и чувствительным, поэтому подходит для обозначения кроткого и доброго, человека.

В китайском языке есть понятие «лошадь тысячи ли», что является обозначением способного и талантливого человека. В русском языке данное значение передается фразой «быть семи пядей во лбу», когда умственные способности связаны с ростом человека. Такой же процесс наблюдается и в китайском языке:

1) *en gao mao da 人高马大* – «высокий человек, рослая лошадь. в знач. высокий человек»;

2) *niu gao ma da 牛高马大* – досл. «высокий бык и большая лошадь, в знач. крепкий и высокий человек»;

Важное значение имеет когнитивная метафора в экономическом и политическом международных переводах. Так, в русском политическом и экономическом дискурсах часто используются когнитивные метафоры – *уроки истории; сын Родины, повестка выходит на первый план, устойчивый подъем, взять на вооружение*. В данных дискурсах метафора не может быть отделена от категорий Родины, истории, общности, что отражается в языке.

Для китайского политического и экономического дискурсов характерны следующие метафоры – *вцепиться зубами в зеленые горы, сдвигать развитие экономики, прорвется застава, бороться за исполнение китайской мечты, разгрызать твердые кости, предприятие-зомби* и т.д. Большинство концептов в коммерческой сфере являются многосоставными и сложными для восприятия, особенно в китайском языке: *мужество храбреца, отрубающего себе безжизненную руку, финансовый бюджет красными иероглифами*. В данных примерах находит отражение образы традиционных письменных знаков, боевого искусства, которые неотделимы от китайской культуры. Когнитивная метафора позволяет познавать и описывать неизвестное посредством приобретенного опыта. Для того, чтобы облегчить взаимопонимание в процессе перевода с русского на китайский или с китайского на русский необходимо:

- 1) использовать простые метафорические структуры;
- 2) избегать слов с двусмысленным толкованием в области культурных различий;
- 3) исследовать культурный аспект коммуникации;
- 4) совершенствовать понимание языковых привычек и моделей мышления носителей китайского языка.

Заключение

В заключение выделим ключевые положения статьи. Метафора принадлежит не только литературной сфере, но выходит за рамки художественного текста, реализуя потенциал в культурной, политической, социальных сферах общественной жизни.

Метафора представляет собой определенный способ мыслительной деятельности, позволяя осмыслять незнакомую область посредством знакомой. Когнитивная метафора способствует познанию и описанию неизвестного посредством приобретенного опыта, что способствует формированию прочных связей, взаимопонимания между культурами, освоению языковой картины мира. Когнитивная метафора связана с психофизиологической составляющей человека, позволяя обращаться к многообразным культурным реалиям. Ее роль заключается в передаче образа национально-культурного видения мира.

Перевод является особым актом ретрансляции в виде международной коммуникации, в котором особенно важна передача мыслей, чувств, культурного опыта. Посредством языка возможно отразить систему духовной культуры. Большинство обозначенных метафор интуитивно понятны и сформированы посредством трансформации конкретного значения.

Основным содержанием морального фундамента русской культурной традиции являются принципы православия. Ключевыми понятиями в русской культурной традиции являются концепты – Господь, слово, вера, счастье, народ, справедливость, добро. Китайские традиции уходят вглубь веков, они основываются на мощный нравственный опыт, базисом являются моральные идеи конфуцианства.

Таким образом, когнитивная метафора является универсальным знаком, который выполняет значимую функцию в процессе передачи информации, позволяя осмыслять одну незнакомую область через привычную. В культурологическом, лингвокультурологическом и переводческом аспектах метафора играет важную роль, поскольку раскрывает представления о морали, традициях, сформированных в конкретных исторических, социальных и культурных условиях. Идеология Китая и России

имеет некоторые различия, но характеризуется сходством в описании качеств личности, в понимании нравственной сути человека, что проявляется в переводе.

Библиография

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Межд. отношения, 1975. 240 с.
2. Боровикова Н. А., Ли Вэньлу. Метафора в китайских фразеологизмах, обозначающих внешность человека // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 12-20.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2006. 448 с.
4. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. 2 изд., испр. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. 206 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М., 1990. 245 с.
6. Фосенко Т.А. Моделирование процесса перевода в контексте материи сознания // Сб. науч. тр. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. С. 125-134.
7. Фэй Ц. Метафорическая когниция в китайско-русской межкультурной коммуникации // Инновации в науке: научный журнал. № 4(92). Новосибирск., Изд. АНС «СибАК», 2019. С. 10-14.
8. Чжао Айго. Очерки по лингвокультурологии. Харбин: Хэйлунцзянское Народное Изд-во. 2006. 197 с.
9. Мэйсон К. - Метафора и перево // Международный журнал перевода 1982. №28. с. 149.
10. Ньюмарк П. - Перевод метафоры // Международный журнал перевода 1982. №16. С. 93-100.
11. Найда Е. - Стремясь к науке перевода // Брилл, Лейден. 1982.
12. Дагут М. - Может ли метафора быть переведена? // Международный журнал перевода. 1976. № 32. С. 22.
13. Спиноло Н. - Метаформы в синхронном переводе // Международный журнал интерпретации и перевода. 2010. №3(1), С. 181-211.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Роль когнитивной метафоры в переводе», предлагаемой к публикации в научном журнале «Litera», несомненно, рассматривается актуальная проблема теории современной лингвистики и переводоведения. В когнитивном подходе метафора тесно связана с процессом мышления, а не только является одним из тропов. Возникает все больше исследований, в которых определяется значение метафоры как ключевого элемента мыслительного процесса, который позволяет осмысливать непознанную область через знакомое поле образов, что указывает на актуальность исследования.

Предметом исследования является когнитивная метафора. Объектом исследования является роль когнитивной метафоры в переводе. В ходе написания статьи

использовались методы дедукции и индукции, сопоставительного и контекстуального анализа. Научная новизна состоит в анализе конкретных примеров когнитивных метафор в текстовых материалах китайско-русской межкультурной коммуникации. Методологической базой при написании исследования выступили труды русских и китайских исследователей в области теории языка. Работа состоит из введения, которое содержит постановку проблемы, основной (исследовательской) и заключительной частях.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Текст изложения понятен, написан с соблюдением научного стиля.

В основной части исследования автор сначала приводит подходы к изучению метафоры в отечественном и зарубежном языкознании, далее идут примеры метафор в русском и китайском языках. Объектом исследования является роль когнитивной метафоры в переводе, однако в исследовании нет перевода русских метафор на китайский язык. Если речь идет о переводе, то необходимо рассматривать перевод метафор с одного языка на другой, а в статье приводятся примеры метафор в сопоставляемых языках. Необходимо исправить название статьи и объект исследования, т.к. они не соотносятся с содержанием.

Также автор пишет, что «Важное значение имеет когнитивная метафора в экономических и политических международных переводах. Большинство концептов в коммерческой сфере являются многосоставными и сложными для восприятия». Однако, примеров нет, которые подтвердили бы данное суждение. Необходимо добавить примеры метафор.

Библиография к работе полностью отображена в ссылках и цитациях.

Автором были сформулированы краткие выводы, полученные в ходе исследования. Было обоснованно отмечено, что когнитивная метафора является универсальным знаком, который выполняет гносеологическую функцию в процессе передачи информации, позволяя осмыслять одну незнакомую область через привычную. В культурологическом, лингвокультурологическом и переводческом аспектах метафора играет важную роль, поскольку раскрывает представления о морали, традициях, сформированных в конкретных исторических, социальных и культурных условиях. Все это необходимо дополнить конкретными примерами в статье.

Статья «Роль когнитивной метафоры в переводе» нуждается в доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область данной статьи соотносится с границами когнитивистики, в частности автор обращает внимание на роль когнитивной метафоры в русском и китайском языках. Как отмечает автор в начале работы, «в настоящий период усиливающейся глобализации и распространения сети Интернет происходит трансформация межкультурной коммуникации, для которой необходимы соответствующие языковые средства. Добрососедские отношения между Китаем и Россией отмечены взаимным уважением и взаимодействием культур. Китайский ученый Чжао Айго отмечает, что особенностью межкультурной коммуникации является восприятие и осознание информационной составляющей в виде символов, знаков разноязычными людьми разных культур», «в когнитивном подходе метафора тесно связана с процессами мышления, а не только является одним из тропов. Возникает все больше исследований, в которых определяется значение метафоры как ключевого элемента мыслительного

процесса, позволяющего осмыслять непознанную область через знакомое поле образов». Следовательно, изначальный блок верифицирован, в целом же концепция исследования продумана и объективирована. Точность сформулированной цели, частность задач выстраивает исследование логически верно. Однако, на мой взгляд, иллюстративный уровень, вариация примеров должна быть расширена, доказательной наливки не достаточно. Стиль сочинения сопоставим с научным типом речи, терминологическая канва соотносится с коннотативными барьерами. Думаю, что ряд цитат также нужно оформить правильно, что бы снять у потенциального читателя ценз контроля за объективностью сказанного – «...»: «Перевод является особым актом ретрансляции в виде международной коммуникации, для транслатологии особенно важна передача мыслей, языка, чувств, культуры. Посредством языка возможно отразить систему духовной культуры. Дж. Лакофф отмечал, что метафорическое отражение является доступным для всех народов и обладает исключительной полнотой с точки зрения духовной культуры [Лакофф, 1990: 245], или «в культурологическом, лингвокультурологическом и переводческом аспектах метафора играет важную роль [Фосенко, 2002: 127]. Для того, чтобы овладеть искусством перевода метафоры необходимо быть осведомленным о моральных и нравственных традициях, которые формируются веками и находят выражение в нормах поведения, народных пословицах и поговорках и воплощают систему ценностей», или «метафора является универсальным знаком, который выполняет значимую функцию в процессе передачи информации, однако метафора в переводе может иметь негативный эффект, поскольку она может создать сложности с восприятием текста. Так Н. Спиноло и Гарвуд отмечают, что переводчик должен «убить метафору», что способствует большей ясности текста или речи [Спиноло, 2010: 189]» и т.д. Примеры, которые вводит автор, даны без какого-либо комментария, это не совсем правильно, должна быть дана оценка и анализ! Вывод по работе следует объединить в единый текст, также в этом блоке нужно более фактурно прописать роль метафоры, так как об этом сказано поверхностно и формально. Таким образом, статья «Роль когнитивной метафоры в китайском и русском языках» нуждается в небольшой доработке, только после внесения правки ее можно будет рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Замечания главного редактора от 20.09.2022: "Автор в полной мере учел замечания рецензентов и исправил статью. Доработанная статья рекомендуется к публикации"

Litera

Правильная ссылка на статью:

Артамонова М.В., Мамбетов А.А., Тулина Е.В. — Чат-бот как инструмент в работе переводчика // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43875 EDN: VMTZYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43875

Чат-бот как инструмент в работе переводчика

Артамонова Мария Валериевна

ORCID: 0000-0002-2547-4988

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и перевода, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 26, оф. 230

✉ m.artamonova@magtu.ru

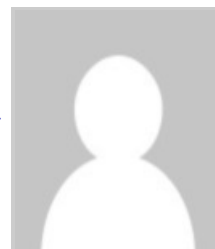
Мамбетов Акбар Азаматович

ORCID: 0009-0002-0443-5821

студент, кафедра лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 26

✉ akb.mambetov@mail.ru

Тулина Екатерина Валерьевна

ORCID: 0000-0002-6641-2572

кандидат филологических наук

доцент, кафедра лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 26, оф. 230

✉ tulina78@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43875

EDN:

VMTZYT

Дата направления статьи в редакцию:

22-08-2023

Аннотация: Данная статья посвящена изучению и анализу современных технологий, а именно искусственного интеллекта как вспомогательного средства в работе переводчика. Цель исследования – выяснить, можно ли найти применение чат-ботам, основанным на технологии GPT-3.5, в переводческой деятельности. В статье сравниваются возможности чат-ботов и онлайн корпусов текстов, а также проверяются их аналитические способности и умение подбирать рифмы. Диалоговым помощникам предлагается найти информацию или проанализировать ее на основе заданного им запроса. Вместе с тем проверяется, предоставляют ли чат-боты, разработанные разными компаниями, одинаковую информацию. Научная новизна работы заключается в попытке найти универсальный инструмент, который может автоматизировать рутинную работу переводчика. Особым вкладом авторов исследования является попытка впервые сравнить и проанализировать стремительно развивающийся функционал чат-ботов в контексте переводческой деятельности и выявить ключевые проблемы, которые не позволяют эффективно использовать данную технологию в переводе. В результате определено, что современная языковая модель GPT имеет множество ограничений и недостатков, которые не позволяют чат-ботам стать надежным источником информации. Были выделены проблемы, решение которых сделало бы возможным использование Chat GPT и других чат-ботов в переводческой деятельности.

Ключевые слова:

чат-бот, искусственный интеллект, Chat GPT, Computer-Aided Interpreting systems, нейросети, корпусы текстов, предпереводческий анализ, Sage, Perplexity, Chatsonic

Введение. На сегодняшний день достижения в сфере искусственного интеллекта уже давно применяются в переводческой деятельности [\[1, с. 51\]](#). Умение работать с Computer-Assisted Translation программами является необходимым навыком переводчика и требованием многих работодателей, так как эта технология значительно облегчает процесс перевода. Со временем были разработаны Computer-Aided Interpreting системы – программы для устных переводчиков, которые снимают с них часть нагрузки и позволяют сконцентрировать внимание на смысле слов. В основе этих программ лежат технологии Translation Memory, Machine Translation и Speech Recognition. Естественно, на данный момент в переводе искусственный интеллект используется для выполнения рутинной работы, которая обычно отнимает много времени [\[8, с. 264; 3, с. 112\]](#). Однако в работе переводчика все еще остаются задачи, с которыми приходится регулярно сталкиваться, и решение которых можно было бы автоматизировать с помощью чат-ботов, использующих технологии ChatGPT. К таким задачам можно отнести проверку частотности определенного слова или словосочетания, поиск коллокаций, сравнение синонимов и паронимов, поиск рифм, предпереводческий анализ. Мы предполагаем, что чат-боты могут совместить в себе целый ряд интернет-ресурсов, что позволило бы им стать универсальным инструментом в арсенале современного переводчика.

Целью данного исследования является:

- 1) проведение обзора исследований, посвященных чат-ботам, использующим технологии ChatGPT, их применению в переводе и некоторых смежных областях;
- 2) проведение эмпирического исследования для проверки способности чат-ботов предоставлять переводчику достоверную лингвистическую информацию и решать другие

переводческие задачи;

3) выяснить, насколько отличается качество информации, предоставляемой чат-ботами, использующими технологии компании OpenAI, в зависимости от того, кто их разрабатывал;

4) определение и обсуждение ключевых вопросов, связанных с эффективностью применения чат-ботов в переводческой деятельности.

Обзор литературы. Для начала рассмотрим, что собой представляет «чат-бот». Существует много определений данного понятия, но все они отмечают только те характеристики, которые важны для конкретной сферы применения. Так О. С. Бикулова и М. И. Ивкина, занимающиеся преподаванием русского языка, дают следующее определение: «Чат-бот – компьютерная программа, созданная для имитации реального диалога виртуального собеседника (искусственного интеллекта) с пользователем» [2, с. 92]. А. В. Копытова, рассматривая особенности коммуникации между искусственным интеллектом и человеком, определяет чат-бот как «программу, цель которой заключается в интерпретации входного текста или речи и выводе соответствующего полезного ответа» [4, с. 124]. Под чат-ботом Б. Луо, Раймонд Й. К. Лау, Ч. Ли и Й. В. Сы понимают «умные диалоговые агенты, которые взаимодействуют с пользователями на естественных языках» [11, с. 2]. А. Н. Коробова и Н. Д. Чижик, рассматривая чат-бота в качестве помощника абитуриента при поступлении, определяют его как «специальную программу, которая облегчает жизнь пользователя, упрощая поиск необходимых данных и помогая в решении вопросов» [5, с. 71]. В рамках данного исследования нам не столько важны способности чат-бота, работающего на основе искусственного интеллекта, имитировать диалог, сколько способность осуществлять быстрый поиск информации, анализировать её, собирать и представлять переводчику в удобной форме. Именно эти характеристики отмечены А. В. Копытовой и А. Н. Коробовой. Поэтому на основе приведенных выше определений и применительно к теме перевода при помощи компьютерных систем под чат-ботом предлагается понимать «программу, которая осуществляет поиск данных и помогает в решении вопросов, сначала интерпретируя входное сообщение, а затем выводя полезный ответ, взаимодействуя с пользователем на естественном языке в форме диалога» [7, с. 23]. На сегодняшний день самым популярным чат-ботом с искусственным интеллектом является ChatGPT, разработанный компанией OpenAI. GPT расшифровывается как Generative Pre-trained Transformer, что означает «генеративный предварительно обученный трансформер». ChatGPT представляет собой языковую модель, которая обучена на огромном массиве данных. Он способен в диалоговом режиме писать код, создавать тексты, переводить и давать ответы на самые разные вопросы. Большинство чат-ботов используют технологию ChatGPT версии 3.5, которая была обучена на данных до сентября 2021 г. То есть любые изменения, произошедшие в языках за 2022-2023 гг., не будут учтены нейросетью при выдаче ответов.

М. В. Прошина рассматривает применение нейросетей в обработке естественного языка и выделяет вопросно-ответные системы и интеллектуальный анализ. Результаты исследования касаются темы данного исследования, так как чат-боты как раз и комбинируют вопросно-ответную систему и интеллектуальный анализ [6, с. 28]. В статье отмечается, что нейронные сети могут генерировать ответы, как соответствующие действительности, так и абсолютно неверные. Это замечание очень важно, так как одна из целей нашего исследования заключается в том, чтобы выяснить, могут ли чат-боты,

быть надёжным источником информации для переводчиков.

Производя интеллектуальный анализ текстов, искусственный интеллект «механически выделяет информацию из всевозможных текстовых данных, таких как книги, научные журналы, клинические записи, новостные статьи, посты и комментарии и так далее» [\[5, с. 70\]](#). Таким образом, чат-боты должны располагать огромным количеством текстовой информации, что в теории позволяет им более полно отражать естественные языки, чем специализированные корпуса текстов. Стоит упомянуть и тесты, проведенные NewsGuard в отношении ChatGPT 3.5 [\[6\]](#). В результате проверки достоверности информации, предоставляемой ChatGPT, было выяснено, что ответы могут зависеть от языка, на котором был введен запрос (промт), так как для определенного языка чат-бот обучается на корпусе именно этого языка. Лингвистическим корпусом называют большой массив текстов, собранных в соответствии с определенными принципами, размеченных по определенному стандарту и обеспеченных специализированной системой управления текстовыми и лингвистическими данными. На сегодняшний день корпуса являются компьютерными, то есть представленными на определенном машинном носителе, что значительно упрощает работу исследователям.

Р. Фираиана и Д. Суливоро пришли к выводу, что, хотя ChatGPT имеет некоторые ограничения, он может оказаться хорошей альтернативой в обучении, так как лекторы, выступающие как респонденты в исследовании, подтвердили, что использование чат-бота повысило их продуктивность и эффективность в поиске новой информации [\[9, с. 44\]](#).

М. Джаваид, А. Халеем, Р. Пратап Синх, Ш. Хан и И. Халеем Хан утверждают, что благодаря своим широким возможностям, таким как, например, предоставление целых списков терминов на определенную тему и их значений, ChatGPT может быть очень мощным инструментом как в повышении уровня знаний студентов, так и в работе преподавателей [\[10, с. 9\]](#).

Подобные исследования по использованию Chat-GPT по большей части в сфере образования доказывают логичность попытки найти применение чат-ботам в переводческой деятельности.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование проводилось на базе кафедры лингвистики и перевода института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова» в 2023 году. Его целью была проверка способности трех чат-ботов Sage, Perplexity и Chatsonic, основанных на технологии GPT-3.5, эффективно выполнять функции помощников переводчиков, осуществляя поиск информации и решая некоторые другие переводческие задачи, а также определить, какие проблемы и вопросы нужно решить разработчикам GPT и чат-ботов, чтобы сделать использование диалоговых помощников эффективным.

В рамках исследования чат-ботам было необходимо дать требуемый ответ на запрос, сформированный в виде текстового сообщения. Промпты формировались с целью решения следующих переводческих задач:

- определение частоты употребления лексемы;
- поиск коллокаций;
- сравнение паронимов;
- поиск синонимов;

- подбор рифм;
- предпереводческий анализ текста.

Результаты исследования

1. Определение частоты употребления слова.

В данном разделе представлены результаты эксперимента, проведенного с тремя чат-ботами – Sage на платформе Poe.com, разработанный компанией Quora; Perplexity AI, разработанный небольшой командой Perplexity; и Chatsonic от компании Writesonic. Хотя все три используют технологии GPT-3.5., у каждого есть особенности. Мы будем составлять идентичные или похожие промпты, чтобы в конце выяснить, какой тип чат-бота лучше всего справляется с переводческими задачами. И первая задача, с которой чат-ботам нужно было справиться – это определить частотность слова. Для этого существуют корпуса текстов, но наша задача была узнать, можно ли сделать это с помощью чат-бота. Для поиска было выбрано слово «pollution», которое встречается в корпусе COCA 19195 раз. Чат-ботам было необходимо узнать, как часто это слово употребляется в американском варианте английского. На рисунках 1-3 видно, что ни один чат-бот не смог дать полезный ответ на вопрос. Тогда как Perplexity AI и Chatsonic отказались дать точную цифру, даже имея конкретный источник, где такая информация содержится, Sage и вовсе придумал её. Первый чат-бот не предоставил даже приблизительной частоты употребления слова. Тему недостоверной информации мы подробнее обсудим в соответствующем разделе.

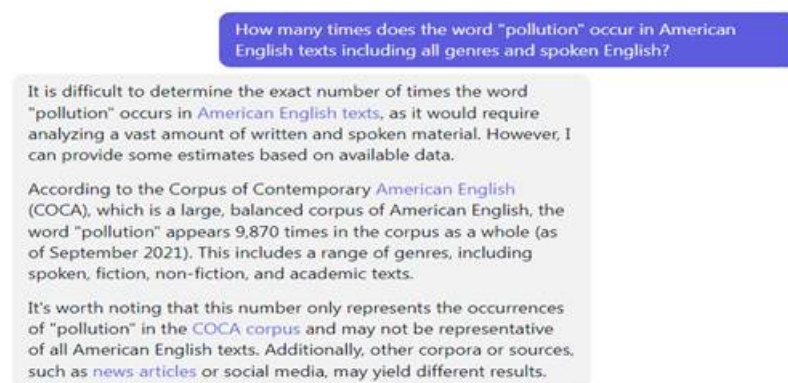

Рис. 1. Проверка частоты употребления слова в чат-боте Sage.

What's the frequency of the word "pollution" in American English texts according to the COCA corpus?

PERPLEXITY

According to the search results, the frequency of the word "pollution" in American English texts can be determined using the Corpus of Contemporary American English (COCA) ^① ^② ^③. However, the exact frequency of the word "pollution" in the COCA corpus is not provided in the search results. The COCA corpus contains 1.1 billion words of American English from 1990 to 2010 and includes frequency information for each word ^①. The search results also mention a word frequency list of American English that is based on the Corpus of Contemporary American English ^④.

Рис. 2. Проверка частоты употребления слова в чат-боте Perplexity AI.

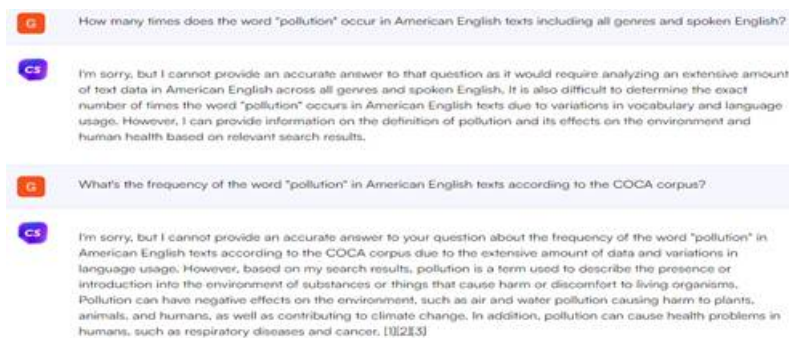

Рис. 3. Проверка частоты употребления слова в чат-боте Chatsonic.

2. Поиск коллокаций.

Кроме частоты употребления той или иной лексической единицы, в процессе работы переводчикам время от времени нужно проверить сочетаемость слов, чтобы избежать ошибок. Итак, чат-ботам было необходимо предоставить список из 10 слов, которые наиболее часто употребляются со словом «pollution». Список должен был быть составлен в таком порядке, где на первом месте находится слово, которое составляет коллокацию с «pollution» чаще всех остальных. На рис. 4 мы видим, что Sage снова обратился к корпусу COCA, но его ответы не соответствуют действительности. И в COCA, и в корпусе британского английского BNC прилагательное «environmental» не находится на первом месте. Результаты на рис. 5–6 были взяты чат-ботами с сайта the Adjective Finder. Однако на сайте нельзя найти никаких точных цифр и даже количества текстов, на основе которых составлялся этот список. Информация, полученная с помощью чат-ботов, может все еще быть полезной лишь в том случае, если единственной целью переводчика является узнать, какие существуют коллокации с каким-либо словом, или найти коллокации, чтобы лучше понять оттенки значения лексемы. Грубо говоря, чат-боты не выполняют требование данного запроса.

Рис. 4. Поиск коллокаций в чат-боте Sage.

Give me a list of 10 adjectives that are most frequently used with the word "pollution"

PERPLEXITY

Here is a list of 10 adjectives that are most frequently used with the word "pollution" based on the search results:

1. Environmental
2. Industrial
3. Atmospheric
4. Marine
5. Thermal
6. Indoor
7. Urban
8. Organic
9. Heavy
10. Transboundary

These adjectives are listed in order of popularity based on the Adjective Finder website [1].

Other adjectives related to pollution can be found in the search results as well, such as "toxic," "global," "severe," "possible," and "widespread" [1] [2] [3] [4] [5].

Рис. 5. Поиск коллокаций в чат-боте Perplexity AI.

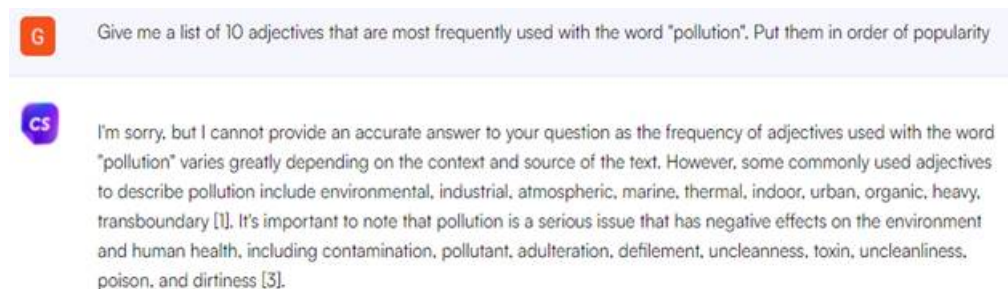

Рис. 6. Поиск коллокаций в чат-боте Chatsonic.

3. Сравнение паронимов.

Переводчик, безусловно, должен знать паронимы не только в своем родном языке, но и в том языке, с которым работает. Тем не менее, иногда приходится сравнивать два слова, чтобы лучше понимать, в чем их различия и в каких контекстах они используются. На этот раз чат-ботам было необходимо объяснить разницу между паронимами «sensitive» и «sensible», а также предоставить доступ к полным текстам, как это делают многие корпуса. На рис. 7. Sage действительно объяснил разницу между словами и дал примеры того, как следует использовать их в текстах. Однако чтобы получить доступ к полным текстам, нужно было запросить ссылки на них, что мы и сделали во втором уточняющем вопросе. Тот факт, что вам не нужно писать промпт полностью заново, является особенностью чат-ботов от OpenAI, которые запоминают ваши прошлые сообщения. Таким образом, даже если была совершена ошибка, всегда можно исправить её в следующем запросе. Perplexity AI обычно не нуждается в уточнении о том, что нам необходимы ссылки на исходные тексты, но мы все же сделали это. На рис. 8-9. видно, что напротив каждого предложения есть ссылка на источник, откуда оно было взято. Но ни одна из ссылок не была полезной по одной из трех причин: 1) ссылка нерабочая; 2) в тексте не было такого предложения с заданным словом; 3) предложение было взято из онлайн словаря, а не из реального текста. Что касается Chatsonic, то он предоставил всего лишь 3 ссылки, которые по тем же причинам оказались бесполезными (Рис. 10).

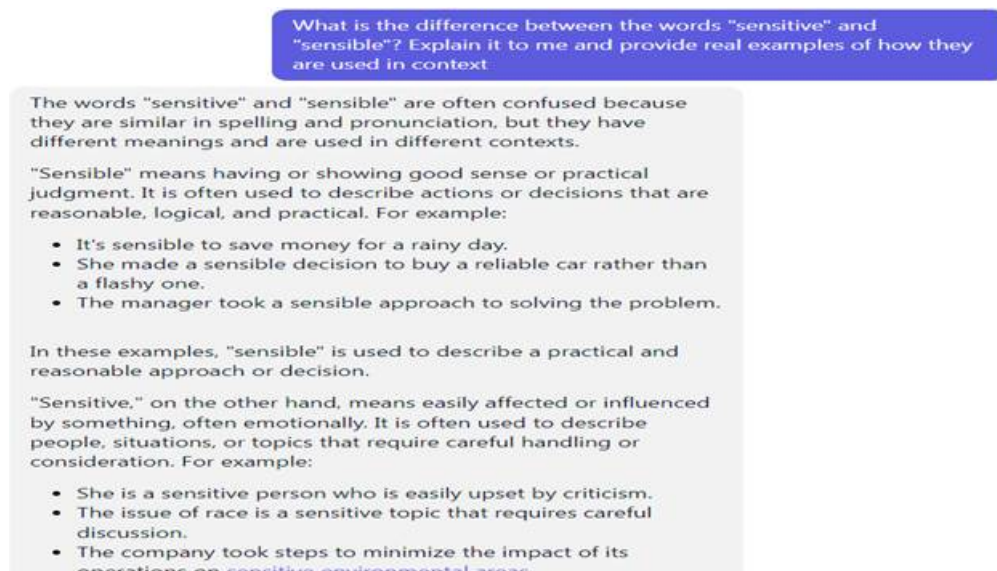

Рис. 7. Сравнение двух паронимов от чат-бота Sage

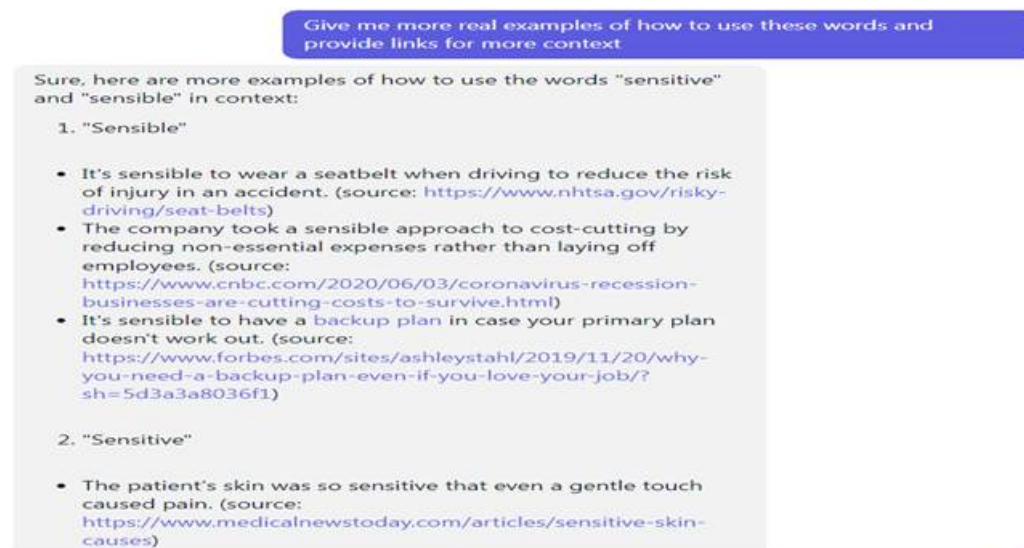

Рис. 8. Запрос ссылок у чат-бота Sage.

What is the difference between the words "sensitive" and "sensible"? Explain it to me and provide real examples of how they are used and provide links for more context

PERPLEXITY

The words "sensitive" and "sensible" are often confused with each other because they sound similar and share the root word "sense." However, they have different meanings and are used in different contexts. Here is a breakdown of the differences between the two words:

- "Sensitive" refers to a person's emotional state or ability to perceive and respond to the feelings of others. It can also refer to something that is easily affected or damaged by external factors. For example:
 - She is a sensitive person and gets upset easily. ①
 - The skin on your face is more sensitive than the skin on your arms. ②
 - The company's profits are sensitive to changes in the stock market. ③
- "Sensible" refers to a person's practicality or ability to make good judgments based on reason rather than emotion. It can also refer to something that is practical or reasonable. For example:
 - He made a sensible decision to save money instead of spending it all. ③
 - Wearing a helmet while riding a bike is a sensible safety precaution. ①
 - The company's sensible policies helped it weather the economic downturn. ②

In summary, "sensitive" is related to emotions and perception, while "sensible" is related to practicality and judgment.

Рис. 9. Сравнение двух паронимов от чат-бота Perplexity AI.

The adjectives "sensitive" and "sensible" have different meanings and are used in different contexts [1]. "Sensitive" means easily hurt or offended, highly perceptive, quick to respond to slight changes or differences, and concerned with secret or delicate matters. For example, "Sensitive information was leaked to the press." On the other hand, "sensible" means practical, reasonable, and having (or showing) good sense or sound judgment. For instance, "It's sensible to wear a mask during a pandemic." Here are a few links to articles that use these terms in context: [4] [5] [6].

To answer your second question, here are ten commonly used adjectives to describe "pollution": toxic, hazardous, harmful, dangerous, dirty, contaminated, polluted, foul, noxious, and poisonous. It's important to note that pollution is a serious issue that negatively affects the environment and human health [7].

Рис. 10. Сравнение двух паронимов от чат-бота Chatsonic.

Мы предположили, что, возможно, лучше указывать, откуда чат-боту нужно брать примеры, будь то СМИ или литература. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. Чат-боты дают примеры, указывают названия и авторов произведений, но мы обнаружили, что таких предложений в текстах на самом деле нет (Рис. 11). Все примеры до единого были сгенерированы нейросетью, а не получены из реальных источников.

can you provide examples of how "sensible" and "sensitive" are used in literature

PERPLEXITY

Here are some examples of how "sensible" and "sensitive" are used in literature:

- "She was a sensible girl and did not panic." – From "The Secret Garden" by Frances Hodgson Burnett ①
- "He was a sensitive man, and he felt the cold keenly." – From "The Call of the Wild" by Jack London ②
- "She was a sensible woman, and she knew that there was no point in arguing with him." – From "Pride and Prejudice" by Jane Austen ③
- "He was a sensitive artist, and he poured his heart and soul into his paintings." – From "The Picture of Dorian Gray" by Oscar Wilde ④
- "She was a sensible nurse, and she knew exactly what to do in an emergency." – From "One Flew Over the Cuckoo's Nest" by Ken Kesey ⑤

Sources:

- ① <https://www.goodreads.com/quotes/104126-she-was-a-sensible-girl-and-did-not-panic>
- ② <https://www.goodreads.com/quotes/103944-he-was-a-sensitive-man-and-he-felt-the-cold>
- ③ <https://www.goodreads.com/quotes/103942-she-was-a-sensible-woman-and-she-knew-that-there>
- ④ <https://www.goodreads.com/quotes/103945-he-was-a-sensitive-artist-and-he-poured-his-heart>
- ⑤ <https://www.goodreads.com/quotes/103943-she-was-a-sensible-nurse-and-she-knew-exactly-what>

Рис. 11. Примеры из литературы от чат-бота Perplexity AI.

4. Поиск синонимов.

Переводчик всегда должен пополнять свой словарный запас, чтобы уметь подобрать подходящий эквивалент в самых разных ситуациях. Из-за незнания синонимов одного и того же понятия или недостаточной подготовки, переводчик может допустить стилистические ошибки. Мы решили проверить, как хорошо чат-боты умеют подбирать синонимы. На рис. 12–13 мы видим, что ими было предложено множество вариантов. Perplexity AI даже привел примеры их употребления, а Chatsonic оставил ссылки на словарные статьи.

Synonyms of the word "clever"

Here are some synonyms for the word "clever":

1. intelligent
2. smart
3. astute
4. sharp
5. shrewd
6. quick-witted
7. resourceful
8. inventive
9. ingenious
10. knowledgeable

Рис. 12. Синонимы от чат-бота Sage.

synonyms of the word "clever"

PERPLEXITY

Here is a list of synonyms for the word "clever" from various sources, including examples of how they are used in context:

- Astute: "He was an astute businessman who knew how to make a profit." ①
- Brainy: "She was a brainy student who always got top grades." ②
- Creative: "The artist was known for his creative use of color and form." ③
- Cunning: "The thief used cunning tactics to steal the diamond." ④
- Deft: "The chef's deft hands made quick work of the vegetables." ⑤
- Genius: "The inventor was a genius who came up with many groundbreaking ideas." ⑥
- Imaginative: "The writer's imaginative stories captivated readers."
- Ingenious: "The engineer's ingenious design solved a difficult problem."
- Resourceful: "The scout was resourceful and always found a way to solve problems."
- Smart: "The lawyer was a smart and savvy negotiator."

Рис. 13. Синонимы от чат-бота Perplexity AI.

Web Search Results: [1] Synonyms for CLEVER: intelligent, cunning, ingenious, bright, keen, quick, apt, smart, shrewd, alert, astute, sharp; [2] Synonyms for CLEVER: innovative, imaginative, inventive, creative, ingenious, useful, practical, artful; [3] Synonyms for CLEVER: amusingly ingenious, witty, nimble-witted.

The word "clever" can be synonymous with intelligent, cunning, ingenious, bright, keen, quick, apt, smart, shrewd, alert, astute, sharp, innovative, imaginative, inventive, creative, useful, practical, artful, amusingly ingenious, witty, and nimble-witted, among others [1][2][3].

Рис. 14. Синонимы от чат-бота Chatsonic.

После этого мы решили проверить, могут ли чат-боты подобрать к тому же слову синонимы, которые относятся к формальной лексике (Рис. 15–17). Кроме «intelligent» мы получили такие слова как «astute», «ingenious», «adroit» и «resourceful», которые действительно относятся к формальной лексике, если руководствоваться корпусом СОСА.

The formal synonym of the word "clever"

The formal synonym of the word "clever" is "intelligent". "Intelligent" is a more formal word than "clever" and is often used in academic or professional contexts to describe someone who has a high level of cognitive ability, reasoning skills, and critical thinking.

While "clever" can sometimes have a connotation of being quick-witted or cunning, "intelligent" emphasizes a broader range of mental abilities, including problem-solving, analysis, and comprehension.

Other formal synonyms of "clever" include "astute," "shrewd," and "resourceful," which also emphasize a high level of mental acuity and strategic thinking.

Рис. 15. Формальные синонимы от чат-бота Sage.

The formal synonym for the word "clever"

PERPLEXITY

Here is a list of formal synonyms for the word "clever" from various sources:

- Ingenious: "The inventor's ingenious design solved a difficult problem." ①
- Resourceful: "The scout was resourceful and always found a way to solve problems." ②
- Adroit: "The dancer's adroit movements were a joy to watch." ③
- Astute: "The astute businessman knew how to make a profit." ④
- Brilliant: "The brilliant scientist made groundbreaking discoveries." ⑤
- Gifted: "The gifted musician played the piano beautifully." ⑥
- Knowledgeable: "The knowledgeable professor taught his students with passion." ⑦
- Quick-witted: "The comedian's quick-witted jokes had the audience laughing." ⑧
- Sharp: "The sharp lawyer won the case with ease." ⑨
- Smart: "The smart student always got top grades." ⑩

Рис. 16. Формальные синонимы от чат-бота Perplexity AI.

The formal synonym for the word "clever"

A formal synonym for the word "clever" could be "astute." This term implies a high level of intelligence or shrewdness, particularly in matters of strategy or decision-making. Other formal synonyms for "clever" could include "adroit," "ingenious," or "resourceful," each of which suggests a high degree of skill or proficiency in a particular area. Ultimately, the choice of which synonym to use may depend on the context in which the word is being used, as well as the tone and style of the piece of writing.

Рис. 17. Формальные синонимы от чат-бота Chatsonic.

5. Подбор рифм.

Следующей задачей стало практическое применение чат-ботов в переводе поэзии. Мы не говорим о машинном переводе с помощью нейросетей, так как пока это считается недопустимым по вполне справедливым причинам. Мы предположили, что чат-боты могут подбирать наиболее подходящие рифмы к уже переведенным строкам. Переводя поэзию, переводчики давно используют специальные сайты, которые выдают списки рифм к заданному слову. Тот факт, что чат-боты способны учитывать контекст, мог бы стать их преимуществом, так как в теории они могли бы из всех возможных рифм подбирать те, которые лучше всего подходят по смыслу. Для эксперимента мы взяли стихотворение, на примере которого российский лингвист, переводчик и профессор Д. И. Ермолович в 6 выпуске цикла видео «Языковые тонкости» на сайте www.youtube продемонстрировал, как создается поэтический перевод. Чат-ботам необходимо было для третьей строчки найти слово, которое рифмовалось бы с первой, которую Д. И. Ермолович перевел так: «Душа утомлена – не хочет перемен». Sage подобрал слова «вреден» и «суетен», но они не рифмуются с первой строкой, так как в них ударение падает на первый слог, а не на последний (Рис. 18). Perplexity AI не удалось на основании оригинала найти рифму к слову «перемен». Зато чат-бот может дать список рифмующихся слов, не связанных по смыслу (Рис. 19). Краткое прилагательное «безмен», которое предложил Chatsonic и которое на самом деле означает «огромный, безмерный», совсем не подходит, хотя и рифмуется с первой строчкой (Рис. 20).

The poem:
Out upon change! It tires the heart
And weighs the noble spirit down
A vain, vain world indeed thou art
That can such vile condition own.

Find a rhyme to the third line if the first line is translated as "Душа утомлена - не хочет перемен"

If the first line is translated as "Душа утомлена - не хочет перемен" (meaning "The soul is tired - does not want changes"), a possible rhyme for the third line of the poem could be:
"Ты, мир, вреден и суетен" (pronounced "Ty, mir, vreden i suyeten")
Which means "You, world, are harmful and vain." This rhyme maintains the same **rhyme scheme** as the original poem (ABCB).

Other variants

Here are some other possible rhymes for the third line of the poem, using the same translation of the first line ("The soul is tired - does not want changes"):

- "Ты, мир, тесен и гнетущ" (pronounced "Ty, mir, tesen i gnetush") - which means "You, world, are narrow and oppressive." This rhyme also maintains the original **rhyme scheme** (ABCB).
- "Ты, мир, ложен и обманчив" (pronounced "Ty, mir, lozhen i obmanchiv") - which means "You, world, are false and

Рис. 18. Подбор рифм от чат-бота Sage.

What is a possible rhyme for the third line of the poem if the first line is translated as "Душа утомлена – не хочет перемен"

PERPLEXITY

I'm sorry, I could not find any sources that provide a rhyme for the third line of the poem "Out upon change! It tires the heart And weighs the noble spirit down A vain, vain world indeed thou art That can such vile condition own." without using a dictionary or English teaching website. However, you can use the following resources to find rhyming words:

- RhymeZone: <https://www.rhymezone.com/>
- WordHippo: <https://www.wordhippo.com/>
- YourDictionary: <https://www.yourdictionary.com/>

These resources allow you to search for rhyming words based on the word you enter. You can also filter the results by syllable count, primary vowel, and more.

1 rhymezone 2 archive 3 gutenberг 4 relatedwords 5 linguapress

what are some Russian words that rhyme with "перемен"

PERPLEXITY

Here are some Russian words that rhyme with "перемен":

- Одмен (odmen)
- Самообмен (samoobmen)
- Необъясним (neobyasnim)
- Необъятен (neobyaten)
- Непонятен (nepoyaten)
- Непонятлив (nepoyativ)

Рис. 19. Подбор рифм от чат-бота Perplexity AI.

G The poem:
Out upon change! It tires the heart
And weighs the noble spirit down
A vain, vain world indeed thou art
That can such vile condition own.

The first line is translated as "Душа утомлена – не хочет перемен". Find a rhyme in Russian to the word "перемен" that conveys the meaning of one of the words in the third line of the poem.

CS A possible rhyme for "перемен" in Russian that conveys the meaning of "vain" in the third line of the poem is "безмен" (bezmen). The word "безмен" means "useless," "worthless," or "futile" and can be used to describe something that serves no purpose or value. Therefore, the third line of the poem could be translated as "Ты, мир тщетный и безменный, где тлен и где порок гнездятся" (You, vain and worthless world, where decay and vice nest).

G Rhymes to the word "перемен" in Russian

CS Here's a rhyme for "перемен" in Russian: "время". This means "times" in English.

Рис. 20. Подбор рифм от чат-бота Chatsonic.

6. Предпереводческий анализ текста.

Предпереводческий анализ текста является неотъемлемой частью работы переводчика. Однако это рутинная работа, которую можно автоматизировать. Чат-ботам было необходимо на основании отрывка из текста ответить на заданные вопросы, что помогло бы переводчику лучше понять, с каким текстом он работает. Первый отрывок мы взяли из романа Марка Твена «Том Сойер», не указывая названия или какой-либо лишней информации. Полученные результаты отличались, и лучший ответ выдал чат-бот Sage (Рис. 21). Правильно определив автора и название произведения, он без труда нашел дату публикации текста и его жанр. Ответы на другие вопросы были тоже верными. Perplexity AI определил автора, название, но дату публикации ему найти не удалось (Рис. 22). Также ответ на 4 вопрос о целевой аудитории не дает нам никакой полезной информации («Целевая аудитория текста – это читатели книги «Приключения Тома Сойера»). Chatsonic не смог определить дату публикации текста и точно установить жанр текста (Рис. 22).

Рис. 21. Предпереводческий анализ «Тома Сойера» от чат-бота Sage.

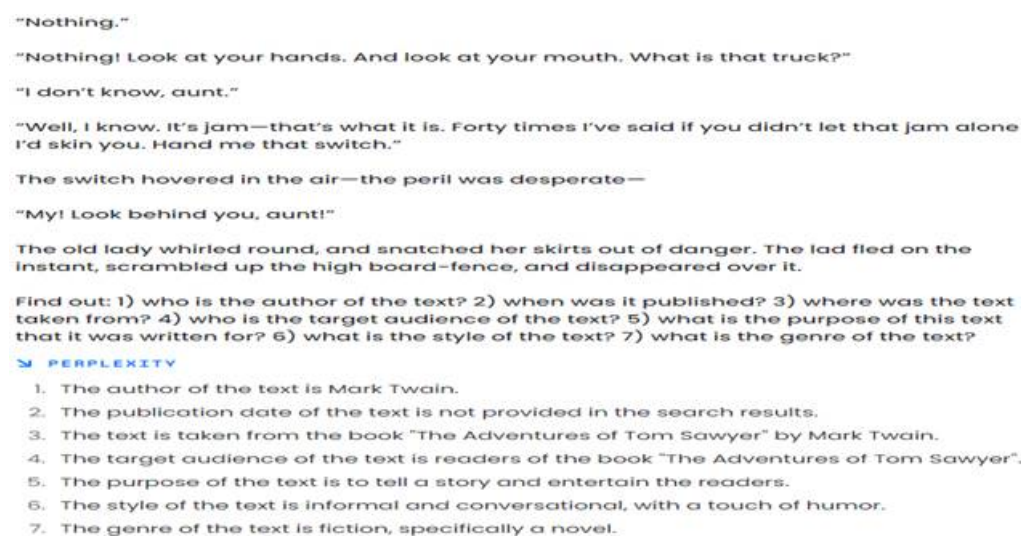

Рис. 22. Предпереводческий анализ «Тома Сойера» от чат-бота Perplexity AI.

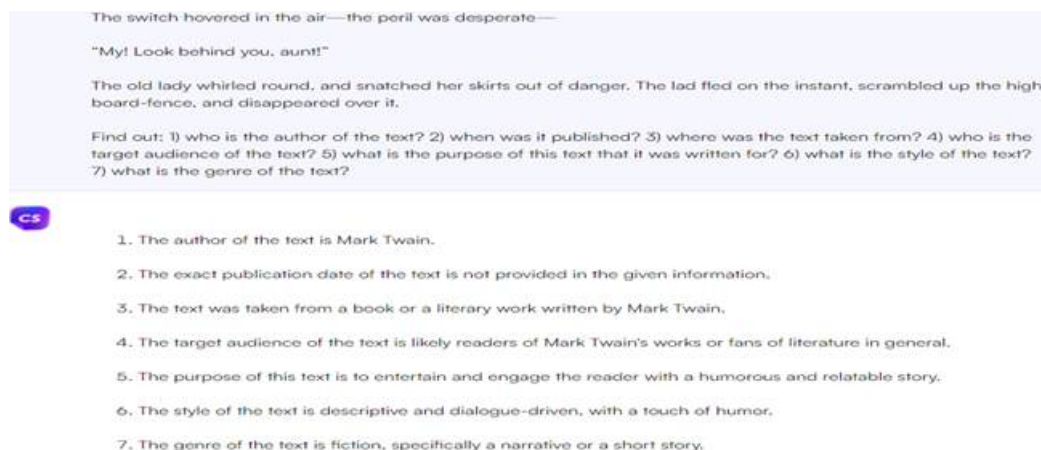

Рис. 23. Предпереводческий анализ «Тома Сойера» от чат-бота Chatsonic.

Следующий текст для анализа был взят с новостного сайта CNN. В этот раз ни одному чат-боту не удалось установить дату публикации или автора (Рис. 24–27). Как утверждает OpenAI, GPT-3.5 располагает только данными до сентября 2021 г., что, возможно, является причиной, почему нейросети не смогли определить дату публикации. Поэтому была найдена новость, относящаяся к 2019 г., про лесные пожары в Австралии и заданы повторные вопросы. Как мы видим на Рис. 25 чат-бот не может определить автора текста,

дату или источник. Другие два чат-бота также не смогли ответить на данные вопросы. Perplexity AI утверждает, что текст был взят с ресурса South China Morning Post (Рис.26). Мало вероятно, что тот же самый текст действительно был опубликован на данном сайте, так как с момента его публикации в CNN не прошло и суток, а ссылка, которую предоставил Perplexity AI оказалась нерабочей. Chatsonic вовсе не смог провести анализ текста и запросил источник, откуда была взята информация (Рис.27).

"There's probably some scrambling around in Beijing to figure out what this means for Putin going forward, especially if it means a more fractured Russia or a Putin who is very much weakened," said Chong Ja Ian, an associate professor of political science at the National University of Singapore.

Find out: 1) who is the author of the text? 2) when was it published? 3) where was the text taken from? 4) who is the target audience of the text? 5) what is the purpose of this text that it was written for? 6) what is the style of the text? 7) what is the genre of the text?

1. The author of the text is not specified.
2. The publication date of the text is not specified.
3. The text appears to be an article from a news or analysis publication, but the specific source is not given.
4. The target audience of the text is likely readers interested in international politics and China-Russia relations.
5. The purpose of the text is to analyze China's response to the recent insurrection in Russia and its potential impact on China-Russia relations and China's global strategy.
6. The style of the text is informative and analytical, with a focus on providing context and expert opinions on the topic.
7. The genre of the text is likely news analysis or commentary.

Рис. 24. Предпереводческий анализ публицистического текста от чат-бота Sage.

Meanwhile, across Victoria, over 200,000 hectares have already been burnt in the fires, according to the state's Emergency Management Commissioner, Andrew Crisp. He warned: "It is still a dynamic and dangerous situation."

Find out: 1) who is the author of the text? 2) when was it published? 3) where was the text taken from? 4) who is the target audience of the text? 5) what is the purpose of this text that it was written for? 6) what is the style of the text? 7) what is the genre of the text?

I'm sorry, but I cannot determine the author of the text as it was not provided in the given information. Also, I don't have access to the exact date the text was published, but it appears to be a recent news report.

The text was likely taken from a news website or publication that covers current events.

The target audience of the text is likely the general public who are interested in or affected by the ongoing fires in Victoria and New South Wales.

The purpose of the text is to inform readers about the current situation of the fires in Victoria and New South Wales, including the damage caused, the number of people affected, and the efforts being made to control the fires.

The style of the text is informative and descriptive, providing details about the situation and quotes from eyewitnesses.

The genre of the text is likely news or current events.

Рис. 25. Предпереводческий анализ текста 2019 г. от чат-бота Sage.

"There's probably some scrambling around in Beijing to figure out what this means for Putin going forward, especially if it means a more fractured Russia or a Putin who is very much weakened," said Chong Ja Ian, an associate professor of political science at the National University of Singapore.

Find out: 1) who is the author of the text? 2) when was it published? 3) where was the text taken from? 4) who is the target audience of the text? 5) what is the purpose of this text that it was written for? 6) what is the style of the text? 7) what is the genre of the text?

PERPLEXITY

1. The text does not have a specific author.
2. The date of publication is not provided in the text.
3. The text was taken from the news website, South China Morning Post.
4. The target audience of the text is readers of the South China Morning Post who are interested in international relations and politics.
5. The purpose of the text is to report on China's support for Russia after a short-lived insurrection and to provide analysis on the implications of this event for China's relationship with Russia and the United States.
6. The style of the text is formal and informative, with a focus on providing factual information and expert analysis.
7. The genre of the text is news report or analysis.

Sources:

Рис. 26. Предпереводческий анализ публицистического текста от чат-бота Perplexity AI.

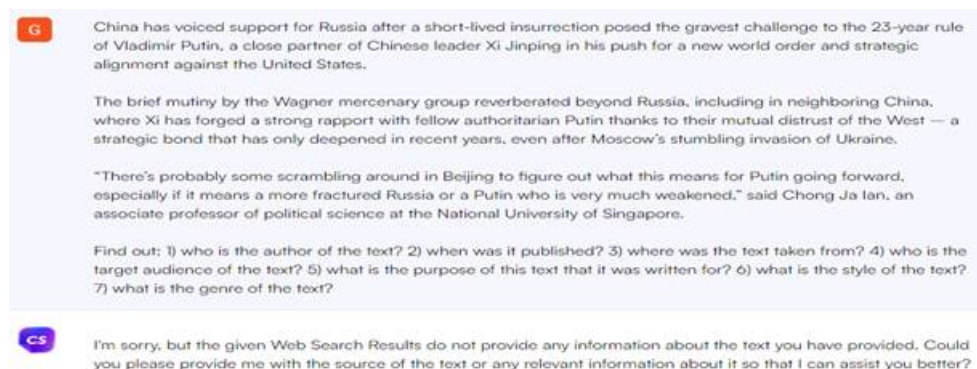

Рис. 27. Предпереводческий анализ публицистического текста от чат-бота Chatsonic.

Обсуждение результатов.

1. Качество предоставляемой информации.

Результаты исследования подтвердили утверждение М. В. Прошиной о том, что нейросети могут генерировать ответы не только соответствующие действительности, но и абсолютно неверные. Все три чат-бота не раз обращались к непроверенным сайтам в процессе поиска либо же на несуществующие источники, даже когда необходимая информация находилась в свободном доступе, как в эксперименте со сравнением двух паронимов. Они могут неверно определять значение слова. Единственный раз, когда ответы чат-ботов полностью удовлетворяли запрос, это поиск синонимов. В этом случае они обращаются к словарям и даже могут верно определить регистр слов несмотря на то, что даже самые проверенные словари не всегда указывают данную характеристику. Не всегда точные ответы были даны на запросы об анализе текста. Таким образом, чат-боты действительно могут быстро искать информацию, какой бы ни был запрос, однако, чтобы получить достоверные данные все еще приходится обращаться к традиционным методам поиска.

2. Способность анализировать информацию и другие возможности.

Выяснилось, что несмотря на то, что GPT-3.5 был обучен на огромном массиве лингвистических данных, чат-боты по какой-то причине не могут подсчитать, сколько раз в текстах было употреблено то или иное слово. Один из них обратился к корпусу английского языка COCA, но выдал недостоверную информацию, что наводит на мысль о том, что чат-бот, не имея возможности пользоваться корпусами, сам сгенерировал цифру. Похожая ситуация произошла и с поиском слов в контексте, когда чат-боты ссылались на специальные сайты для поиска цитат, откуда они якобы нашли предложения. На этих сайтах нам не удалось найти те же примеры, которые приводили чат-боты, что означает, они действительно не могут пользоваться функциями других сайтов. Не совсем понятно, зачем генерировать несуществующую информацию, когда есть множество открытых источников, где не обязательно использовать функции сайта, чтобы найти слова в тексте. Большинство чат-ботов могут правильно определить жанр текста и даже его цель, но не дату публикации или источник. Однако любой переводчик может с тем же успехом самостоятельно ответить на эти вопросы, бегло прочитав текст. Чат-ботами были предприняты попытки подобрать рифму к слову, но ими не были учтены ударения в словах. Тем не менее, полезной функцией чат-ботов остается возможность дополнять свои прошлые запросы, уточняя их.

3. Какой чат-бот лучше?

Начнем с того, что самым неэффективным чат-ботом оказался Chatsonic. Он не разбивал информацию на абзацы, что затрудняло восприятие текста. Кроме того, из трех чат-ботов Chatsonic приводил меньше всего примеров и источников при этом поиск ответа занимал в среднем 1–2 минуты. Хотя разработчики утверждают, что он может использовать актуальную информацию Гугла в поиске, его ответы не были полезнее, чем у других двух чат-ботов. В процессе работы с Chatsonic приходилось не раз столкнуться с ошибками и вводить запрос заново. Вдобавок ко всему этому, Chatsonic не смог провести анализ текста, даже когда вся необходимая информация для ответов на вопросы находилась в свободном доступе.

Sage и Perplexity AI были одинаково удобны в использовании: информация разбита по смыслу, каждый пример пронумерован, быстрые ответы. Тем не менее, мы отдаем предпочтение чат-боту Sage, так его анализ текста оказался самым полным. Недостатком Perplexity является его же преимущество, а именно то, что он всегда оставляет ссылки на то, откуда была взята информация. Когда вопрос касается какой-либо неочевидной информации или информации, которой чат-бот не знает, он генерирует собственную, но продолжает оставлять нерабочие ссылки.

4. Чат-бот на замену словарям и корпусам текстов: удобство в работе.

Сама идея проведения исследований или решения переводческих проблем без помощи каких-либо сложных программ, звучит привлекательно. Однако здесь есть два момента. С одной стороны, гораздо легче пользоваться одним инструментом, а все запросы составлять простым языком вместо того, чтобы изучать функционал нескольких инструментов, чтобы эффективно искать информацию. С другой стороны, научившись пользоваться, например, корпусами, переводчику требуется выполнить меньше действий и при этом получить качественную информацию. Используя чат-бот, пользователь вынужден учесть все, что может повлиять на ответ и выразить это с помощью слов. В итоге составление промпта может занять у переводчика слишком много времени. Кроме того, чат-боты не могут предоставить доступ к полному тексту, в то время как в корпусе практически всегда можно получить более широкий контекст. Стоит отметить, что им хорошо удалось объяснить различие между словами «sensitive» и «sensible», также искать синонимы, поэтому в теории, учитывая, что они оставляют ссылки на словарные статьи, их можно использовать вместо словарей.

Выводы. У диалоговых помощников есть свои плюсы и серьезные минусы. Качество предоставляемой информации, а также источники, к которым обращается искусственный интеллект, зависят от компании, которая разрабатывала чат-бот. Решение большинства переводческих задач все еще им не под силу, а их способность повысить эффективность и продуктивность в поиске информации, о которой утверждают Р. Фираиана и Д. Суливор, остается под сомнением. Любая информация, полученная с помощью чат-ботов, нуждается в проверке на достоверность, что отнимает много времени. Языковая модель GPT-3.5, которую на сегодняшний день использует большинство чат-ботов, не позволяет им стать одним из инструментов в арсенале переводчика. По-прежнему удобнее обращаться к разным ресурсам в процессе перевода, чем составлять длинный запрос с учетом возможного недопонимания со стороны искусственного интеллекта. Тем не менее, у чат-ботов все же есть потенциал, и они могут стать полезными в работе, если будут решены следующие проблемы: а) фальсификация данных; б) неспособность пользоваться функциями поиска других сайтов; в) неспособность подсчитывать частоту употребления слов и выражений в текстах; г) указание ссылок на несуществующие источники; д) отсутствие учета ударений в словах при подборе рифм; е) невозможность получить доступ к полным текстам.

Библиография

1. Артамонова М. В. CAT-системы в подготовке специалистов-переводчиков // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2022. Т. 13. № 2. С. 50–53.
2. Биккулова О. С., Ивкина М. И. Чат-бот в методике преподавания РКИ // Мир Русского слова. 2021. № 1. С. 91–96.
3. Зильберман Н. Н. Использование технологий чат-ботов при формировании говорения в преподавании иностранного языка. На примере русского языка как иностранного начального этапа обучения // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. С. 110–116.
4. Копытова А. В. Лингвопрагматические особенности ситуации общения «человек – чат-бот» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. №2 (54). С. 123–139.
5. Коробова А. Н., Чижик Н. Д. Использование чат-ботов в качестве дополнительного помощника для абитуриентов МРК // Научная конференция учащихся колледжа: материалы 58-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР. Минск, 2022. С. 70–73.
6. Прошина М. В. Современные методы обработки естественного языка: нейронные сети // Экономика строительства. 2022. №5. С. 27–42.
7. Хобсон Л., Ханнес Х., Коул Х. Обработка естественного языка в действии. Санкт-Петербург: Питер, 2020.
8. Aleksandrova E. V., Trofimova N. A., Rubtsova S. Yu., [et al.]. Audiovisual content analysis in the translation process // Journal for Educators, Teachers and Trainers. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 262–268.
9. Firaina R., Sulisworo D. Exploring the Usage of ChatGPT in Higher Education: Frequency and Impact on Productivity // Buletin Edukasi Indonesia. 2023. Vol. 2. No. 1. Pp. 39–46.
10. Javaid M., Haleem A., Singh R. P., Khan S., Khan I. H. Unlocking the opportunities through ChatGPT Tool towards ameliorating the education system // BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 1–12.
11. Luo B., Lau Y. K. R., Li C., Si Y-W. A critical review of state-of-the-art chatbot designs and applications // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2022. No. 12(1). Pp. 1–26.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена одной из актуальных проблем современности – чат-ботам, которые активно занимают действенные позиции в разных сферах жизни человека. Автор работы ориентирован на рассмотрение данных программ в режиме перевода, что поддерживает актуальность исследования, определяет его новизну. Как отмечается в начале труда, «на сегодняшний день достижения в сфере искусственного интеллекта уже давно применяются в переводческой деятельности. Умение работать с Computer-Assisted Translation программами является необходимым навыком переводчика и требованием многих работодателей, так как эта технология значительно облегчает процесс перевода.

Со временем были разработаны Computer-Aided Interpreting системы – программы для устных переводчиков, которые снимают с них часть нагрузки и позволяют сконцентрировать внимание на смысле слов. В основе этих программ лежат технологии Translation Memory, Machine Translation и Speech Recognition». Цель исследования уточнена, конкретизирована: 1) проведение обзора исследований, посвященных чат-ботам, использующим технологии ChatGPT, их применению в переводе и некоторых смежных областях; 2) проведение эмпирического исследования для проверки способности чат-ботов предоставлять переводчику достоверную лингвистическую информацию и решать другие переводческие задачи; 3) выяснить, насколько отличается качество информации, предоставляемой чат-ботами, использующими технологии компании OpenAI, в зависимости от того, кто их разрабатывал; 4) определение и обсуждение ключевых вопросов, связанных с эффективностью применения чат-ботов в переводческой деятельности. Работа имеет завершённый вид, она грамотно составлена, наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы. Практический характер исследования наличен, обозначено, что «эмпирическое исследование проводилось на базе кафедры лингвистики и перевода института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова» в 2023 году. Его целью была проверка способности трех чат-ботов Sage, Perplexity и Chatsonic, основанных на технологии GPT-3.5, эффективно выполнять функции помощников переводчиков, осуществляя поиск информации и решая некоторые другие переводческие задачи, а также определить, какие проблемы и вопросы нужно решить разработчикам GPT и чат-ботов, чтобы сделать использование диалоговых помощников эффективным». Дробность текста на т.н. смысловые блоки позволяет потенциальному читателю двигаться вслед за автором, ступенчато осваивать материал. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, терминологический блок используется верно. Уместно автор включает в работу пиктограммы, она аргументируют анализ, иллюстрируют ход исследования. Например, «кроме частоты употребления той или иной лексической единицы, в процессе работы переводчикам время от времени нужно проверить сочетаемость слов, чтобы избежать ошибок. Итак, чат-ботам было необходимо предоставить список из 10 слов, которые наиболее часто употребляются со словом «pollution». Список должен был быть составлен в таком порядке, где на первом месте находится слово, которое составляет коллокацию с «pollution» чаще всех остальных. На рис. 4 мы видим, что Sage снова обратился к корпусу COCA, но его ответы не соответствуют действительности. И в COCA, и в корпусе британского английского BNC прилагательное «environmental» не находится на первом месте. Результаты на рис. 5–6 были взяты чат-ботами с сайта the Adjective Finder», или «Переводчик, безусловно, должен знать паронимы не только в своем родном языке, но и в том языке, с которым работает. Тем не менее, иногда приходится сравнивать два слова, чтобы лучше понимать, в чем их различия и в каких контекстах они используются. На этот раз чат-ботам было необходимо объяснить разницу между паронимами «sensitive» и «sensible», а также предоставить доступ к полным текстам, как это делают многие корпусы. На рис. 7. Sage действительно объяснил разницу между словами и дал примеры того, как следует использовать их в текстах. Однако чтобы получить доступ к полным текстам, нужно было запросить ссылки на них, что мы и сделали во втором уточняющем вопросе. Тот факт, что вам не нужно писать промпт полностью заново, является особенностью чат-ботов от OpenAI, которые запоминают ваши прошлые сообщения. Таким образом, даже если была совершена ошибка, всегда можно исправить её в следующем запросе. Perplexity AI обычно не нуждается в уточнении о том, что нам необходимы ссылки на исходные тексты, но мы все же сделали это. На рис. 8-9. видно, что напротив каждого предложения есть ссылка на источник, откуда оно было взято» и т.д. На мой взгляд, основная цель исследования достигнута,

поставленные задачи решены. Выводы / итоги по тексту соотносятся с основным блоком: «У диалоговых помощников есть свои плюсы и серьезные минусы. Качество предоставляемой информации, а также источники, к которым обращается искусственный интеллект, зависят от компании, которая разрабатывала чат-бот. Решение большинства переводческих задач все еще им не под силу, а их способность повысить эффективность и продуктивность в поиске информации, о которой утверждают Р. Фираиана и Д. Сулисворо, остается под сомнением. Любая информация, полученная с помощью чат-ботов, нуждается в проверке на достоверность, что отнимает много времени. Языковая модель GPT-3.5, которую на сегодняшний день использует большинство чат-ботов, не позволяет им стать одним из инструментов в арсенале переводчика. По-прежнему удобнее обращаться к разным ресурсам в процессе перевода, чем составлять длинный запрос с учетом возможного недопонимания со стороны искусственного интеллекта. Тем не менее, у чат-ботов все же есть потенциал, и они могут стать полезными в работе, если будут решены следующие проблемы: а) фальсификация данных; б) неспособность пользоваться функциями поиска других сайтов; в) неспособность подсчитывать частоту употребления слов и выражений в текстах; г) указание ссылок на несуществующие источники; д) отсутствие учета ударений в словах при подборе рифм; е) невозможность получить доступ к полным текстам». Работа имеет цельно-завершенный вид, она будет интересна и полезна как профессионалам, так и только начинающим исследователям (переводчикам). Требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую статью «Чат-бот как инструмент в работе переводчика» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ю., Митрофанова И.И. — Представление о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43908 EDN: VMVYLA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43908

Представление о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках

Ян Юнья

аспирант, кафедра РЯМП, РУДН

117198, Россия, г. Москва, ул. Mklukho-Maklaya street, 6, оф. Российский университет дружбы народов

✉ yunya626ya@163.com**Митрофанова Ирина Игоревна**

кандидат социологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Mklukho-Maklaya street, 6, оф. Российский университет дружбы народов

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.8.43908

EDN:

VMVYLA

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2023

Аннотация: В данной статье рассматривается концепт «слава» в русских и китайских поговорках и пословицах. Слава - одна из самых важных тем для человека, так говорили на протяжении веков, и занимает значимое место в нашей жизни. В статье мы сравниваем и анализируем различия между русским и китайским концептом «слава». Цель исследования данной статьи для выявления концепта «слава» в поговорках и пословицах на фоне русской и китайской лингвокультурной традиции. Предмет данного исследования является представлением о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках. Научная новизна исследования состоит в том, что в данной статье рассмотрен и проанализирован концепт «слава» в поговорках, пословицах,

идиомах в русской и китайской языковых картинах мира. В этой работе приводятся результаты анализа устойчивых выражений, пословиц, поговорок двух языков. Сравнив и проанализировав концепт «слава» в русском и китайском языках, можно отметить, что концепт отражает лингвоэтническую культуру России и Китая, что отражает национальные особенности народов. Это имеет большое значение для исследователей китайского и русского языков, и в то же время дает хорошую перспективу для дальнейшего исследования в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

концепт, слава, поговорка, пословица, языковая картина мира, китайский, русский, сходства, различия, лингвокультурология

Языковая картина мира является специфическим уточнением картины мира в языке, и обычно считается, что данная концепция была предложена немецким ученым В.Ф.Гумбольдтом.

В России в 80-е–90-е годы прошлого века данное исследование достигло расцвета и появились многие выдающиеся ученые по исследованию вопросов в данной области, например Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, В. Н. Телия, В. В. Воробьев, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева и т.д. .

Так советский учёный С. А. Аскольдов в первый раз использовал название концепт в своем труде «Слово и концепт». Учёный определил понятие концепта как «индивидуальные представления», которым в некоторых чертах и признаках дается общая значимость. Концепт - мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество одного и того же рода» [1, с. 268]. В лингвистике, разные ученые предлагали различные варианты понимания этой идеи, таким образом, до сих пор не существует единого определения по данному термину.

По словам В.И. Карасика, «концепт - ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизированные фрагменты опыта» [2, с. 59].

Как пишет Ю. С. Степанов, индивид воспринимает культуру умственно в образе концепта. С другой стороны, исследователь считает, что посредством концепта человек сам становится частью культуры и имеет возможность оказывать влияние на формирование культуры [3, с. 43].

С.Г. Воркачёв считает, что концепт, как ментальное образование, подчеркиваемое лингвокультурной спецификой, а также замечает в «авторизации безличного, объективистского понятия» [4, с. 67].

Одним из важных источников материалов концептуального исследования в области лингвокультурологии являются пословицы и поговорки, которые представляют собой важную часть языка. Пословицы и поговорки кратко и ясно выражают различные мысли и имеют важное значение. Русские пословицы и поговорки содержат отличительные национальные особенности и культурные ценности. Исследование пословиц и поговорок, содержащих концепт «слава» может выявить личностные национальные характеристики.

В культуре русского и китайского народов понятие «слава» является сложным и

разнообразным. Материалом исследования послужили идиомы, пословицы и поговорки, взятые из словаря В.И. Даля и электронных ресурсов, разделенные на следующие четыре основные категории.

1. Концепт «слава» очень значим для русского народа.

1. Война оставила глубокий след на русском ландшафте. Для русских «слава» битвы - это честь, которую невозможно заменить. Она не может быть заменена.

Слава — сестра подвига.

Героям слава!

Военная слава.

Слава России!

Этих дней не смолкнет слава.

Слава с победой.

Слава героям России!

2. Кроме того, в русской национальной концепции мужчина должен иметь честь и славу. Например:

Земле нужна влага, мужу — слава.

За девушкой следует приданое, а за джигитом — слава.

Слава герою.

Презрение трусу.

На героя и слава бежит.

Хороший конь рвется вперед.

Добрый молодец возвращается со славой.

Защищать Родину-дело настоящих мужчин.

Есть такая профессия-родину защищать!

3. Труд славен, а лень позорна, поэтому «слава» принадлежит трудолюбивым, а не ленивым:

Кто честно служит, с тем слава дружит.

2. Концепт «слава» имеет определенные фиксированные свойства. В сознании русского народа «слава» — это то, что накапливается постепенно. Она не приходит легко, но может выдержать испытание временем, например:

Богатырь умрёт — слава его воюет.

Слава-навсегда!

Слава и будущее!

Слава остается не зависит от времени.

Жизнь короткая, а слава долгая!

3. Человек, заботящийся о славе, обязан иметь и хорошую репутацию, например:

Добрая слава лучше золота.

4. В отличие от хорошей репутации, плохая репутация также очень важна в российском восприятии и для русского народа плохая репутация быстро распространяется и от нее трудно избавиться; она страшна, как яд, например:

Худая слава — отравка.

Дела славят, а люди величают. Кому работаю, того и славлю! Славили, хвалили, да подгору и свалили!

Добрая слава далеко (ходит), а худая дальше.

Славить себя, хвалиться, превознося заслуги свои.

Добрая слава до порога; а худая. за порог

Хороши ребята, да славушка худа.

5. Русский народ верит, что истинная слава является высшей и принадлежит только Богу. Это привело к появлению ряда идиом, используемых для выражения благодарности Богу за преодоление трудностей, например:

Слава богу.

Богу хвала, а вам (а добрым людям) честь и слава.

Одна на свете слава: слава вышних Богу!

Слава Богу, исполать, хвала и благодарение.

Слава – вечная тема в человеческом обществе. Исследование такого концепта может показать русскую национальную картину мира, что способствует пониманию особенностей национальной культуры и помогает в изучении этнокультурных характеристик концепта «слава» в пословицах и поговорках.

В китайском языке концепт «слава» также имеет несколько значений. Так в «Словаре китайского литературного языка», «Большом китайском словаре», «Словаре китайского языка», можно узнать значения слова, например 1) 受人敬重, 与“辱”相对: уважаемый, в отличие от униженного. 2) 光荣, 荣升: славный. Возвыситься до славы. 3) 荣誉: честь. В словаре китайских поговорок, пословиц и фразеологизмов, концепт «слава» определяет разные лингвокультурные аспекты, например:

1. 生死荣辱, 意思是生存与死亡, 荣耀和耻辱。Это означает, что выживание и смерть, слава и позор.

2. 知荣守辱 означает, что хотя человек умирает, он умирает со славой.

3. 升沉荣辱 Здесь термин «слава» связан с подъемом и падением на карьерном пути. Речь идет о славе, унижении, повышении и понижении, с которыми человек сталкивается в течение своей официальной карьеры.

4 . 荣辱与共, 意思是光荣与耻辱共同分享与承担。荣辱, 荣耀和耻辱。Слава и позор делятся и переносятся вместе.

5 . 知荣守辱, 意思是虽然知道怎样可得到荣誉, 却安于受屈辱的地位。Смириться с унижительным положением, хотя знает, как добиться почета.

6 . 不以为耻, 反以为荣, 意思是不以为耻辱, 反而以为是光荣的。Это означает, что не стыдиться, но считает это почетным.

7 . 虽死犹荣, 意思是指人虽然死了, 但死得光荣。Человек умирает, он умирает со славой.

8 . 成败荣枯, 意思是指人在仕途或事业上的得失荣辱。Это означает, что это относится к успеху или неудаче человека в его карьере.

9 . 本盛末荣, 意思是树根发达, 枝叶才能繁盛。比喻对待事物要着重于根本。Корни дерева хорошо развиты, чтобы его ветви и листья могли процветать. Метафора заключается в том, чтобы сосредоточиться на корне вещей. 出自《泗水亭碑铭》。

10 . 生荣死哀, 意思是用以赞誉受人崇敬的死者。Это означает, что используется в честь почитаемых мертвых. 出自许慕羲《宋代宫闱史》。

11 . 荣辱得失, 意思是荣耀和耻辱, 得到和失去。Это означает, что слава и позор, выгода и потеря. 出自《悼伯承》。

12 . 人生自古谁无死, 留取丹心照汗青。解释: 人生自古以来有谁能够长生不死, 但应死得有价值。С начала времен нет никого, кто мог бы жить вечно, но смерть должна быть достойной.

Анализируя пословицы и поговорки о концепте «слава», можно раскрыть ментальность, идеи патриотизма, черты характера народов.

1. В русской и китайской культурах заслуги и труд являются важными способами достижения почестей.

2. В обеих культурах считается, что мужчины должны иметь «славу» и строить свою работу.

3. «Слава» требует упорства, но в то же время «слава» - это то, что выдержит испытание временем. Даже если герой умрет, «слава», которой он добился, не исчезнет так просто.

4. В русской и китайской концепциях «слава» также является выражением чести народов. Оба народа считают, что слава зависит от поведения человека, и согласны с тем, что она важнее богатства, красоты или жизни.

5. В русской и китайской культурах плохая репутация может оказать огромное влияние на человека, и после того, как он ее приобретет, избавиться от нее очень трудно.

6. Что касается соотношения между хорошей и плохой репутацией, то и русские, и китайцы считают, что хорошая репутация распространяется нелегко, а плохая - легко. Это то, что мы часто называем «хорошие дела остаются незамеченными, а плохие распространяются на тысячу миль». Помимо этих общих черт, между русской и китайской культурами существуют и некоторые различия в понятии «слава».

Вышеупомянутые идиомы, пословицы и поговорки позволяют нам обобщить следующие различия.

1. Подчеркивая необходимость для мужчин иметь «славу», «слава» русского народа в

основном относится к заслугам на поле боя. Китайская идиома «слава», помимо обозначения заслуг на войне, может также относиться к успешной карьере и достижению больших амбиций, например, «平步青云Ping Bu Qing Yun» и «成败荣枯 cheng bai rong ku», которые связаны с идиомой «平步青云Ping Bu Qing Yun» и «成败荣枯cheng bai rong ku» относятся к успешной карьере.

2. Русское понятие «слава» находится под более сильным влиянием религиозной мысли, в то время как в китайском языке нет аналогичного выражения. Китайское понятие «слава» тесно связано с идеей государственного чиновника. В древнем Китае под влиянием господствующей культуры конфуцианства карьера считалась славой для всех учеников, а взлеты и падения чиновничьего мира стали одним из критериев оценки славы. Под влиянием идеи «семья и государство едины» личная честь и слава была неразрывно связана с «процветанием страны» и «подъемом и падением семьи». С русским понятием «слава» дело обстоит иначе.

Таким образом, мы можем выделить концепт «слава» в русских и китайских поговорках, пословицах, идиомах. Сравнив и проанализировав концепт «слава» в русском и китайском языках, можно отметить, что концепт отражает лингвоэтническую культуру России и Китая, что отражает национальные особенности народов. Это имеет большое значение для исследователей китайского и русского языков.

Библиография

1. Аскольдов, 1997 – Аскольдов С.А. Концепт и слово // Рус. речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С. 28–44.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [М]. М.: 2001. 59с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа [Z]. М.: ННН, 2000. 43с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [М]. Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [М]. М.: 1997. С. 41-43.
6. Словарь современного китайского языка / под ред. Люй Шусян. – Пекин: Шану, 1996.
7. Словарь китайского литературного языка / под ред. Чжан Шуянь. – Шанхай: Большой китайский словарь, 2000.
8. Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002.
9. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006.
10. 吕叔湘, 丁声树. «现代汉语词典»第七版. 北京: 商务印书馆, 2016.
11. 罗竹风. «汉语大词典». 上海: 汉语大词典出版社, 1990.
12. 在线成语字典 (Словарь китайских фразеологизмов) [Электронный ресурс]. (дата обращения: 20.07.2023).
13. [Электронный ресурс]. – <https://allposlovcy.ru/slava/> – Дата доступа: 08.07.2023.
14. [Электронный ресурс]. – <https://folkmir.ru/poslovitsy-pro-slavu> – Дата доступа: 08.07.2023.
15. [Электронный ресурс]. – <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovcy-i-pogovorki-pro-slavu/> – Дата доступа: 08.05.2023.
16. [Электронный ресурс]. – <https://allposlovcy.ru/slava/> – Дата доступа: 08.06.2023.
17. [Электронный ресурс]. – <https://dettex.com/poslovcy-i-pogovorki-pro-slavu/> – Дата доступа: 08.08.2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также ввиду того, что сопоставление языков в когнитивном аспекте является одним из перспективных направлений в современной лингвистике и обширной областью для проведения исследований.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии и концептологии через призму лексики двух различных культур. Исследование является сопоставительным, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Практическим материалом исследования послужили идиомы, пословицы и поговорки, взятые из словаря В.И. Даля, Словаря китайского литературного языка, Большого китайского словаря, Словаря китайского языка и электронных ресурсов. Однако автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципыбора.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические выводы иллюстрированы языковыми примерами на китайском и русском языках. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлено всего 4 научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных ученых на языке оригинала, а тем более к работам на китайском языке, несомненно, внесли существенный вклад в теоретическую составляющую настоящего исследования. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа у источников 13-17.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культур, практике китайского языка, а также курсов по

междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о концепте «слава» в русских и китайский пословицах и поговорках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Герасимова А.А. — Современные арабские лингвисты об ударении // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.39828 EDN: VNRNYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39828

Современные арабские лингвисты об ударении

Герасимова Арина Андреевна

аспирант кафедры Арабской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11 стр. 1, оф. стр. 1

✉ gerasimovaaa01@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.39828

EDN:

VNRNYG

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2023

Аннотация: В статье комментируются наиболее значительные фонетические труды, в которых описаны: • теоретические положения о физиологии порождения ударного звука, • его акустические особенности и параметры гласного компонента – слононосителя, • правила расстановки ударения в арабских словах, • особенности и отличия порождения ударения в разных идиомах арабского мира. В работе ставится задача описать основные концепции арабских ученых в отношении ударения в арабском слове. Авторы по-разному смотрят на артикуляторный механизм и акустические характеристики ударения, выделяя различные параметры ударного слога, такие как, усилие, объём выдыхаемого воздуха, интенсивность, тон, длительность и отчетливость. Целью описания является выявление общих черт арабского ударения. В статье исследуются труды Ибрагима Аниса, Мухаммада ан-Нури, Тамама Хассана и Ахмада Мухтара Умара – авторов XX века, когда экспериментальные фонетические исследования среди арабских лингвистов еще не проводились, поэтому в работе описывается чисто теоретическое изучение вопроса. В качестве главного фактора ударного слога арабские авторы выбирают усилие, прилагаемое для его реализации, а также тон – это отмечено в работах всех перечисленных лингвистов. Два автора выделяют характеристики отчетливости и длительности. По мнению всех авторов наименьший вклад в ударность слога вносит интенсивность. Все факторы связываются с

большим усилием на этапе артикуляции. В статье описывается история проявления интереса к ударению в арабских грамматических монографиях, а также основные положения и подходы к его определению, что дало возможность дальнейшего экспериментального исследования вопроса.

Ключевые слова:

ударение, арабский язык, Ибрагим Анис, Мухаммад ан-Нури, Тамам Хассан, Ахмад Мухтар Умар, усилие, тон, отчетливость, длительность

Введение

В данной статье рассматриваются труды современных арабских лингвистов, в каждом из которых описание ударения занимает по крайней мере одну отдельную главу. Параллельно поясняются используемые термины и приводятся объяснения феноменов, приведённых в трудах арабских языковедов. Современные авторы опираются на работы западных (европейских) арабистов и фонетистов. Некоторые из них освещаются более подробно, что позволяет читателю составить себе общее представление о направлении и объёме проведённого исследования.

Ибрагим Анис

Одна из первых крупных работ современной фонетической школы арабского языка датируется серединой прошлого века и связана с именем египетского профессора Ибрагима Аниса.

В своей работе «'Al-'Aṣwāt 'al-luġawiyya» 'Звуки языка' (1958) автор посвящает ударению одну из глав пятого раздела «Супрасегментная фонема» (араб. 'Al-fūnim fawqa 'at-tarkib) наряду с фонологической длительностью, слогом, и интонацией. Термин «ударение» имеет арабский аналог an-naḥr и означает 'ударение, акцент'.

Приводим перевод наиболее важных для нашего исследования фрагментов этой работы на русский язык (комментарии и перевод наш).

Ибрагим Анис начинает главу с определения ударения:

«Ударение – это синхронная активность всех артикулирующих органов. При произношении ударного слога мы замечаем, что все органы речи активны до предела; то есть, активны мышцы лёгких, усиливаются движения голосовых связок, они сближаются друг с другом, чтобы минимизировать проходящий через них объём воздуха, что усиливает амплитуду вибраций. Вследствие этого голос становится высоким и ясным. Так артикулируются сонорные звуки, а что касается глухих, то голосовые связки во время их артикуляции отдаляются друг от друга на большее расстояние. Таким образом, при артикуляции глухих согласных через связки проходит большее количество воздуха.

При произнесении ударного звука отмечается активность и других органов речи, таких как нёбо, язык и губы. Однако во время артикуляции безударного звука отмечается расслабление органов речи. Расстояние между голосовыми связками несколько увеличивается при произнесении звонких, тем самым уменьшая давление воздуха во время его прохождения, и уменьшая амплитуду вибраций. Отметим, что это расстояние во время артикуляции глухих не может быть увеличено настолько, чтобы позволить пройти большему количеству воздуха. Остальные органы речи расслабляются, нёбная

занавеска не закрывает носовой проход плотно, как это происходит во время артикуляции звонких звуков. Отметим также, что положение языка становится менее определённым и напряжённым, ослабевает активность движения губ. Это расслабление мышц артикуляторных органов приводит к снижению ясности звука на слух. Звук становится менее интенсивным, затрудняется его различение на фоне остальных звуков... в противоположность ударному звуку, который хорошо различим на фоне других.

Когда говорящий произносит что-либо на своём родном языке, он склонен усиливать определённый фрагмент слова, выделяя его и делая более ясным для слуха, чем другие фрагменты. Это усиление и есть то, что мы называем ударением» [\[4, с. 169-170\]](#).

В последних двух абзацах Ибрагим Анис одновременно с определением артикуляторно-акустических свойств ударения, если использовать более современную терминологию, описывает его кульминативную (вершинообразующую) функцию [\[2, с. 213\]](#). Другими словами, более ясное произнесение ударного элемента предполагает качественную и/или количественную редукцию безударного окружения. Создание вершин в слове позволяет собеседнику определить, сколько фонетических слов произнесено во фразе.

Отметим, что Ибрагим Анис сделал подобные весьма детализированные выводы о природе арабского ударения на основании материалов об ударении в других языках и собственных ощущений, так как экспериментальных исследований арабского ударения ни он сам, ни другие учёные в то время не проводили.

Продолжая рассуждения о природе ударения, он говорит:

«Языки обычно отличаются местом ударения в слове. Есть такие, которые подчиняются особым законам положения ударения в словах, как арабский и французский, а есть и такие, которые едва подчиняются правилам ударения, такие как английский. Во французском языке обычно производится выделение последнего отрезка слова. Произношение в языке не будет правильным, если не соблюдать правила постановки ударения в нём.

Француз, когда произносит речь на английском, делает упор на последний отрезок слова под влиянием своих языковых привычек. Его произношение режет слух носителю английского языка, что может привести к нарушению понимания. Это происходит потому, что в некоторых английских словах различается место ударения. Например, если мы рассмотрим функционирование английских слов *torment* 'мучение/мучить' и *augment* 'прибавление/прибавлять', то отличить глагол от имени можно только по месту ударения.

У нас нет знака, который указывал бы на положение ударения в арабском слове, начиная с рукописей первых десятилетий исламского периода и по настоящее время, поскольку этого вопроса не касался ни один из древних авторов» [\[4, с. 170-171\]](#).

К этому можно добавить тот факт, что в Коране и в поэзии доисламского и начального исламского периода ударение полностью заменялось понятием просодии. Проследить наличие ударения в произношении носителей того времени сейчас невозможно, однако было бы очень интересно проследить влияние современного разговорного языка на рецитацию 'аруда носителями арабского языка сегодня.

«А что касается того, как ударение используют чтецы в Египте сегодня, то существует правила, которым все подчиняются и из которых почти нет исключений. Можно обобщить эти правила, сказав, что это умение ставить ударение в арабском слове. Сначала

рассматриваем последний отрезок слова, и, если оно четвёртого или пятого типа, то тогда это важный отрезок, который берёт на себя ударение, и как уже говорилось выше, это возможно только в случае паузы» [\[4, с. 171\]](#).

Описание типов финальных слогов, которые упоминаются в этой работе, приведено в Таб. 1. Это Cv, Cvv (=CV), CvC, CvvC (=CVC), CvCC, где C – согласный компонент моры, v – гласный компонент моры, vv или V – геминат гласного, образованный слиянием гласного компонента первой моры и гласного компонента второй моры при отсутствии у второй моры согласного компонента.

Таб. 1. Типы финальных слогов согласно работе [\[4\]](#)

Первый тип слога	Cv
Второй тип слога	Cvv (=CV)
Третий тип слога	CvC
Четвертый тип слога	CvvC (=CVC)
Пятый тип слога	CvCC

«Ударение в арабском слове ставится на последнем слоге только в паузальной форме [\[1\]](#), и тогда, когда последний слог относится к четвёртому – CVC – или пятому – CvCC – типу (см. Таб. 1). Например:

Согласный компонент моры (покоящегося харфа) + долгий гласный звук (геминат гласного) + согласный компонент моры (покоящегося харфа);

или

согласный компонент моры (покоящегося харфа) + краткий гласный компонент моры + два согласных компонента моры (покоящегося харфа) без наличия гласного компонента моры при них» [\[4, с. 171\]](#).

Мы намеренно сохранили в переводе абзаца понятие слога – араб. maqṭa'atun. Само слово «мора» также встречается в трудах арабских лингвистов, хотя и значительно позже – уже в исследованиях 2019 года. Арабскими лингвистами используется транслитерация 'nǧuǧ понятия, взятого из европейской традиции, – mǧrā, в частности, в труде профессора доктора Мухаммада Джаввада ан-Нури (2019). Приводим перевод отрывка из главы «Классификация слогов», где использовано понятие «мора»:

«Мы можем классифицировать различные типы слогов, упомянутые выше, разделяя их на группы в соответствии с некоторыми основаниями и критериями, которыми обычно пользуются языковеды.

Эти основания и критерии заключаются в следующем: есть сильный слог и есть слабый слог. Классификация слогов на сильный и слабый зависит от типа сформированного слогиносителя. Слог считается слабым, если слогиноситель реализуется в виде короткой хараки (краткого гласного звука), за которой следует не более одной короткой паузы, например, три слога в следующей структуре: «вы изучили: da + ras + tum». Время, необходимое для произнесения такого отрывка – [каждого] слога, называется «мора» [\[5, с. 240\]](#) (перевод наш).

«Что касается сильного слога, то он означает слог, который произносится дольше, чем мора, а слогиноситель реализуется в одной из следующих форм:

1. Долгая харака (долгий гласный звук), за которой следует окончание (слога – согласный компонент), или же не следует, например, *māl* 'деньги', частица *mā* 'что'.
2. Короткая харака (краткий гласный звук), за которой следуют два или более согласных звука без гласных компонентов, например, *bint* 'девочка' (в арабском языке), *sixths* 'шестые' (в английском языке).
3. Короткая харака (краткий гласный звук), за которой следует, по меньшей мере, долгое окончание [то есть, долгое окончание слога за счет удвоенного согласного компонента; в данном случае речь идёт о геминате согласного звука], например: *šadd* 'натяжение' (в арабском языке). Это означает долгий согласный звук, удвоенный или усиленный согласный звук. Приводим другой пример, где краткий гласный реализуется дольше, чем в предыдущем слове, однако стоит перед кратким согласным звуком, означающий один согласный компонент, не удвоенный: *ḏa* 'положи'» [\[5, с. 240\]](#).

Далее в тексте Мухаммад ан-Нури использует именно понятие «слога», используя понятие «мора» как меру длительности произнесения краткого слога. Здесь мы можем сделать вывод о том, что в арабской современной фонетической школе используется понятие слога, не идущее вразрез с традиционной арабской грамматической теорией, так как описывает явления фонетического уровня, где в один слог может вмещаться до трех харфов. Отметим также, что в вопросе о соотношении слога и моры рассуждения Мухаммада ан-Нури не противоречат также положениям, высказанным Н.С. Трубецким [1960: 205].

Вернёмся к изложению суждений Ибрагима Аниса:

«В паузальной форме слова «*na'budu*» 'поклоняемся' во фразе *'ūya-ka na'budu wa- 'ūya-ka nasta'in* 'Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного мы молим о помощи' [Коран 2007, 1:5];' или в *'al-mustaḡarru* 'возвращение' во фразе *'ilaa rabbi-ka yawma'zin 'al-mustaḡarru* 'В тот день возвращение будет к твоему Господу' [Коран 2007, 75:12] мы видим, что ударение падает на слоги «'» и «*qarr*» [\[4, с. 171\]](#).

Стоит отметить, что тут Ибрагим Анис смешивает понятие харфа и слога, так как в оригинале мы видим слово *maqṭa'atun*, чему соответствует второй слог «*qarr*», однако первый слог обозначен названием харфа «'аун», который в кораническом тексте идёт без гласного компонента, соответственно, без слогоносителя. Можно было бы предположить, что даже согласный компонент харфа «'аун» воспринимается носителями как слогоноситель (подобно славянским сонорным согласным звукам), однако в последнем примере Мухаммада ан-Нури мы видим его классификацию согласного компонента харфа «'аун» как закрывающий слог согласный звук.

«А если слово не имеет такого окончания, как в этих двух типах слогов, ударение ставится на предпоследний слог, при условии, что этот слог не принадлежит первому типу или не является предшествующим слогу первого типа» [\[4, с. 171\]](#).

Напомним, что тут речь идёт о слоге типа CVV (см. Таб. 1). В арабском языке открытый слог на конце слова – мора CV– реализуется с редукцией краткого гласного, сокращаясь до согласного компонента C. При этом в глаголах, особенно прошедшего времени, чаще всего даже конечный гласный компонент моры реализуется как краткий гласный звук. Поэтому для понимания данного феномена можно приближённо приравнять структуру слога первого типа к открытому слогу.

«Позиция ударения в подавляющем большинстве арабских слов находится на

предпоследнем слоге, например: 'istafh**A**ma 'запрашивать', или yun**Ā**dī 'он вызывает', или «qāt**A**la» 'сражаться', или yakt**U**bu 'он пишет'. В двух последних примерах несмотря на то, что предпоследний слог относится к первому типу, ему не предшествует подобный слог первого типа» [\[4, с. 172\]](#) (типы слогов см. в Таб. 1).

Что касается глагола прошедшего времени из трёх харфов, как kataba 'писать', faraḥa 'радоваться', ṣa'uba 'быть тяжёлым', то ударение в них ставится на третий слог от конца слова, то есть на «ka», «fa», «ṣa». А также в словах по примеру 'iḡtimā 'собрание', 'inkisār 'поломка' или по модели масдара (отглагольного существительного) la'bun 'игра', faraḥun 'радость', или существительных; 'inabun 'виноград', balaḥun 'финики' мы находим ударение на третьем слоге от конца.

Есть и четвёртая позиция арабского ударения, хотя она встречается довольно редко. Для её определения нужно найти три слога, которые предшествуют последнему слогу первого типа в слове, например: balaḥa(tun) 'финик', 'araba(tun) 'вагон', ḥaraka(tun) 'движение'. В этом случае ударение падает на четвёртый слог от конца слова, то есть на «ba», «'a», «ḥa».

У арабского ударения четыре позиции, из которых наиболее распространённая и частотная – на предпоследнем слоге. Эти положения можно свести в алгоритм следующим образом:

чтобы узнать положение ударения в арабском слове, сначала нужно рассмотреть последний слог. Если он относится к четвёртому или пятому типам, то ударение надо ставить на него. А если предпоследний слог относится ко второму или третьему типу, то мы считаем ударным его. Если слог окажется первого типа, то нужно посмотреть на предыдущий слог, и если он подобен ему, то есть первого типа, то ударение ставится на этот третий слог от конца. Ударение не может стоять на четвёртом слоге от конца, кроме одного случая, когда все три слога перед последним относятся к первому типу.

Таковы положения арабского ударения, которым следуют искусные чтецы Корана в Каире.

Что касается положения ударения в других современных диалектах, то они подчиняются другим правилам, которые нет смысла здесь упоминать. Например, мы отмечаем, что жители Верхнего Египта иногда отличаются от каирцев в постановке ударения. Даже в чтении священного Корана они склоняются к ударению на третий слог от конца, когда предпоследний слог принадлежит первому типу. Разница между ними и каирцами проявляется, например, в rabba-nā 'Господь наш' и 'amala-hum 'их деяния', поскольку мы видим, что каирцы и большинство жителей нижнего Египта ставят акцент на предпоследний слог «ba» в первом слове и на «'a» – в втором. А что касается жителей верхнего Египта, то они ставят акцент на слог «rab» в первом слове и на слог «ta» – во втором.

Для большей ясности отметим, что житель верхнего Египта, когда слово не заканчивается слогом четвёртого или пятого типов, и одновременно его предпоследний слог – первого типа, ударение сразу ставит на третий слог от конца, не обращая внимание ни на что другое.

А что касается каирцев и им подобных, то они переносят ударение только тогда, когда два слога (предпоследний и предшествующий ему) относятся к первому типу. Житель верхнего Египта едва ли откажется от ударения на третий слог от конца, но каирец в примере balaḥa(tun) 'финик' будет ставить ударение, считая от конца слова, пока не

дойдёт до четвёртого слога «ба».

Не надо думать, что подобный процесс задействуется во время речи. Это только один из языковых шаблонов, который вошел в обиход и таким образом стал прецедентом. К счастью, значения арабских слов и их словоформы не различаются по ударению» [\[4, с. 172-174\]](#).

После приведенных рассуждений об ударении в классическом варианте арабского языка можно добавить, что в диалектах происходит дополнительная редукция гласных компонентов мор. Говоря о диалектах, А.Г. Белова замечает, что «перестройка слоговой структуры слова направлена на то, чтобы максимально избежать образования краткого открытого безударного слога и создать закрытые слоги, если первое правило вступает в противоречие с запретом на консонантные кластеры в инициали и финали слова» [\[1, с. 46-47\]](#). Тем не менее мы находим данный материал приложимым для нашего исследования, так как, несмотря на влияние диалектов на порождение речи в классическом варианте арабского литературного языка, наши информанты читали текст на чистом литературном языке, соблюдая нормы именно этого варианта языка.

Далее Ибрагим Анис переходит к описанию ударения в предложении, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре названо фразовым или логическим ударением. Этот раздел в меньшей степени приложим к нашему исследованию, поэтому мы сразу перейдем к другой части раздела о супraseгментных единицах – «Перенос ударения».

«Реализация словоформы производится на основе языковых норм, которые могут потребовать переноса ударения из его текущего положения на предшествующий или последующий слоги в этом слове.

Словоизменение, так же, как и словообразование, может привести к изменению позиции ударения. Глагол прошедшего времени *kataba* 'писать' характеризуется ударением на слоге «ка». Если мы образуем от него форму настоящего времени *yaktubu* 'он пишет', то заметим, что ударение переместилось на один слог в направлении конца слова (стало падать на «tu»). Аналогично, если мы образуем от масдара *'inkisār* 'поломка' форму прошедшего времени *'inkasara* 'он сломал', то увидим, что ударение переместилось на один слог по направлению к началу слова. В первом слове оно падало на слог «sā», а во втором слове оказывается на слоге «ка».

На слово могут воздействовать языковые факторы, которые также могут потребовать переноса ударения из его первоначального положения. Это отмечается, в частности, в случае частиц, вызывающих усечённого наклонения глагольной формы. Ударение в слове *yaktubu* 'он пишет' стоит на слоге «tu», а если глагол усекается, то ударение переносится с этого слога на предыдущий слог «yak».

Перенос ударения наблюдается также тогда, когда глагол соединяется с местоимениями или когда он соединяется с местоименным словом в винительном или родительном падеже, при условии, что это изменяет исходное слово. Ударение в глаголе прошедшего времени *kataba* 'писать' находится на слоге «ка», а при соединении глагола с большинством слитных местоимений именительного падежа, ударение переносится на слог, следующий за ним. В словоформах *katabtu* 'я написал' или *katabna* 'мы написали' ударение перемещается на слог «tab». Но оно останется на своём месте в случае соединения с харфом (морфемой) «waw», показателем множественного числа, например, *katabū* 'они написали'. Аналогично, если масдар *'istifhām* 'запрос' соединяется с

местоимением «nā» (первого лица двойственного и множественного числа), и принимает форму 'istifhāmūnā 'наш запрос', ударение переносится со слога «hā» на слог «mū».

Как правило, дистанция, на которую переносится ударение, не превышает одного слога. Однако иногда оно может переноситься на два слога и более. Например, при образовании формы мн. ч. ж. р. samī'atunna 'они слышали' (ж. р.) от глагола прошедшего времени samī'a 'слышать', ударение переносится со слога «sa» на «tun», что превышает дистанцию в два слога. Дистанция переноса ударения редко превышает два слога – это правило, по которому мы узнаём положение ударения и которое применимо ко всем случаям, независимо от того, подвержено ли слово изменению его исходного варианта или нет» [\[4, с. 176-177\]](#).

Очевидно, приведенные теоретические описания ударения в труде Ибрагима Аниса основывались на восприятии арабской речи и чтении Корана на слух. Несмотря на то, что все правила расстановки ударения у Ибрагима Аниса расписаны достаточно чётко, при быстром чтении позиции ударения могут смещаться, в чем мы убедились, проводя запись речи информантов для современного исследования.

Тамам Хассан

Учеником Ибрагима Аниса был талантливый лингвист Тамам Хассан. В своём труде «Manāhiḡ al-baḡṭ fi-l-luḡa» 'Способы изучения языка' [\[1990\]](#) он описывает ударение, помещая его в раздел «Manḡaḡ 'at-taškīl 'aṣ-ṣawtiyyu» 'Метод акустической модуляции', которую также называет кратко – 'al-fūnūlūḡiyā 'фонология'. Наряду с ударением в главе рассматриваются вопросы об исторической классификации харфов с произносительной точки зрения, о длительности звучания и количественных параметрах звука, о звуковых процессах в арабском языке и супрасегментных единицах, таких как интонаемы. Текст данной работы не издавался на русском языке, поэтому нам видится целесообразным перевести его и описать интересующую нас главу максимально подробно.

«Общеизвестно, что слова, которые мы произносим состоят из последовательных звуков, скользящих друг за другом. И эти звуки в слове не обладают одинаковой интенсивностью, а отличаются силой или слабостью в зависимости от их положения. Бóльшая интенсивность одного звука в отличие от остальных звуков в слове называется ударением».

Другими словами, здесь автор считает акустическим коррелятом ударения фактор интенсивности. Как известно, акустический этап речеобразования следует за артикуляторным. Продолжая свои рассуждения, автор приходит к выводу:

«Итак, ударение по местоположению и по форме связано с положением в слове или словосочетании. Его определяет относительная отчётливость одного звука или отрывка по сравнению с остальными звуками или отрывками в слове».

Здесь рассматривается другой этап речеобразования – этап восприятия. На этом этапе коррелятом ударения считается отчётливость звука. Это можно интерпретировать так, что ударный звук отличается от безударных особым спектром. Далее автор возвращается к начальному этапу речеобразования – артикуляторному:

«Это результат одного или нескольких количественных факторов, усилия и тонирования. Усилие не называется ударением, но оно считается одним из его факторов, причём одним из главных факторов. Возможно, это происходит потому, что ударение определяется по степени усилия при произнесении звука в большей степени, чем по

любому другому фактору, или потому что усилие имеет два признака: интенсивность и тон, что расширяет область его влияния на ударение больше, чем действие других факторов».

Другими словами, на артикуляторном этапе речеобразования ударение в большой степени связано с усилием. Таким образом, из работы Тамама Хассана можно понять, что в последовательности этапов: на артикуляторном – ударный слог выделяется бóльшим усилием, чему на акустическом этапе соответствует более высокие тон и интенсивность, а также особый спектр, а на этапе восприятия (перцепции) – более высокая отчётливость. В продолжении своих рассуждений автор пишет:

«Х. Свит считает усилие связанным с синтезом звуков, а не с их анализом, потому что оно всегда относительно... С точки зрения работы мышц давление – это усилие, с помощью которого воздух выводится из лёгких. По этой причине это действие сопровождается мышечными ощущениями, а с точки зрения роли голоса, производится эффект, который определяется диапазоном частот колебаний голосовых связок, что в совокупности приводит к восприятию голоса. Использование Х. Свитом слова «синтез» приводит нас к пониманию значения его позиции по этому вопросу» [\[11, с. 160\]](#).

В этой связи приводим также цитату из работы Х. Свита «A Primer of Phonetics» 'Букварь фонетики':

«Усилие, как и количество, по существу принадлежит синтезу звуков, поскольку оно всегда относительно, всегда подразумевает сравнение, либо двух разных звуков, либо разных частей одного и того же звука, с которым мы здесь имеем дело. Физически это синоним слова сила, с которой выдыхаемый воздух выводится из легких, на которое воздействует восходящее давление диафрагмы, поэтому каждый импульс силы сопровождается отчетливым мышечным ощущением. Акустически это производит эффект, известный как «громкость», который зависит от размера вибрационных волн, которые производят ощущение звука. Поэтому, когда мы говорим, что один звук, или группа звуков, производится с большей силой, чем другой, то при сравнении первого со вторым слогом один из них оказывается «тяжёлым». Здесь мы имеем в виду, что при его реализации воздух выходит из лёгких с бóльшим мышечным усилием, которое в результате увеличивает амплитуду возникающих звуковых волн, производя на слух эффект большей громкости» [\[10, с. 44\]](#) (перевод наш).

Вернёмся к изложению результатов исследования Тамама Хассана:

«Слова – это конструкции из звуковых составляющих, которые имеют свою собственную акцентную систему, независимую от более крупной системы (синтагм-носителей) ударения (предложений и словосочетаний). Действительно, ударение в арабских словах имеет функцию грамматического мерила, а не функцию модели. Если мы взглянем на слово *fā'ala* (третья производная форма глагола 'делать'), то обнаружим, что «*fā*» (первая мора), является более отчётливым элементом этого слова, из-за того, что на него падает ударение. И, рассматривая эту форму как грамматическую модель, мы обнаружим, что во всех словах, построенных по этому образцу, ударение ставится таким же образом, например, *qā'tala* 'сражаться', *ǧā'ala* 'заседать', *nā'qala* 'обмениваться', *rā'aba* 'дислоцироваться', *ā'zala* 'изолировать', *šā'gala* 'давать занятие', *ḥā'zana* 'хранить'. И даже в форме *fā'il* (модель причастия действительного залога от глаголов первой породы), и относящиеся к этой модели построения слова *ǧā'hid* 'подстилка', *sā'fir* 'путешественник', ударение падает на «*fā*» (первая мора) в слове, и наподобие этого в форме *ma'ūl* и всех слов, построенных по этой модели, ударение падает на 'аун (то есть,

на слог, включающий второй корневой). В словах, построенных по модели *mustafal*, ударение ставится на «ta» и так далее. И поэтому, мы не преувеличим, если скажем, что ударение в арабских словах обладает характеристиками позиции, формы и грамматики одновременно. А что касается больших синтаксических единиц (контекстов или, другими словами, предложений и словосочетаний (синтагм-носителей ударения), то соотношение ударений соответствует не чисто грамматическим требованиям, а, напротив, оно оказывается не связанным с ними. Однако мы остановимся и на этом явлении. Это контекстное ударение действительно имеет функцию общего значения, то есть, это указательное ударение. Это означает, что в арабском языке два вида положения ударения в грамматической форме:

1. Грамматическое ударение

2. Указательное ударение

Грамматическое ударение имеет две градации в зависимости от напряжённости произношения и степени выталкивания воздуха: оно бывает первичным и вторичным. Первичное было названо так по двум причинам:

во-первых, потому что оно сильнее вторичного; использование слова «первичный» в этом значении обязательно требует использования слова «вторичный»,

во-вторых, потому что оно определяет отдалённость вторичного ударения в слогах по отношению к первичному ударению.

И если приложить правило расстояния между первичным и вторичным к нескольким слогам, то проявляется особый языковой ритм. Правило грамматического ударения звучит следующим образом:

1. Первичное ударение:

(а) Ударение ставится на последний слог в слове, если принадлежит типу (ص ع ع ص) [CvVC или CVC, то есть с геминатом гласного звука между двух согласных компонентов моры] и (ص ع ص) [CvCC], то есть к долготному типу, например: *qāla* 'сказать', *'istaqāla* 'просить об увольнении', *qalla* 'быть малым', *'istaqalla* 'становиться независимым', а также среднего типа в словах с одним слогом, как например повелительное наклонение от глагола *qāla* 'сказать', его форма повелительного наклонения звучит как *qul*» [\[11, с. 160-161\]](#).

Стоит отметить, что в данном отрывке финальный слог воспринимается как предпоследний слог (без гласного компонента последней моры) или как последний с конца (как это было у Ибрагима Аниса) корневой харф, так как ударение во всех этих примерах падает на гласный звук – геминат или краткий – после согласного компонента первого корневого харфа «q», таким образом: *qāla*, *'istaqāla*, *qalla*, *'istaqalla*.

Ввиду используемой Тамамом Хассаном градации слогов в терминологии – краткий, средний, долгий (или долготный) – обращаем внимание, что кратким слогом считается сочетание согласного и гласного компонента моры или только согласного (или только гласного) [Cv], [C], [v], средним он называет слог состоящий из трех компонентов, например, согласный + гласный + гласный или согласный + гласный + согласный [CvV=CV], [CvC], долготный – сочетание согласного + гласного + гласного + согласного или согласного + гласного + согласного + согласного [CvCC], [CvVC=CVC].

«(б) Ударение ставится на предпоследнем слоге, если предпоследний и последний слоги

оба являются слогами среднего типа, независимо от того, относится ли средний к типу (ص ع ص) [CvC] или (ع ع ص) [Cvv=CV], например: *ʿallama* 'обучать', *sallama* 'приветствовать', *ʿabduka* 'Твой раб', *yatawaffakum* 'Он усыпляет вас', *qātala* 'сражаться', *ġiwārin* 'по соседству'.

Если предпоследний слог относится к короткому типу (ع ص) [Cv], то ударение стоит на слоге, с которого начинается слово, или на слог, которому предшествует стык [корня с добавочным харфом], например: *kataba* 'писать', *ḥasaba* 'считать', *ḥaruma* 'быть заповедным', *muḥtarām* 'уважаемый', *inḥasaba* 'быть исчисленным'.

(в) Ударение ставится на слоге, который предшествует другому, если он связан с предыдущим по одной из следующих моделей:

(1) (ص ع ص) + (ع ص) [Cv + CvC], например: *ʿalamuk* 'твой флаг', *ḥāsibuk* 'твой компьютер'.

(2) (ع ع ص) + (ع ص) [Cv + Cvv = Cv + CV], например: *ʿalimū* 'они знали' (м. р.), *ḥāsabū* 'они рассчитались' (м. р.), *ḍarbuk* 'твой удар'.

2. Вторичное ударение.

Область вторичного ударения в слове уже, чем в предложении или словосочетании, и вместе с этим, вторичное ударение может находиться в словах с двумя слогами и более. Ударный слог с вторичным ударением может находиться в ограниченных первичным ударением областях, например:

(1) вторичное ударение ставится на слоге, который стоит перед ударным слогами с первичным ударением, если у него есть долготное вторичное ударение, как ... *ḥāġġāt* 'паломницы', *mudhāmmāt* 'темно-зелёные' (ж.р.).

(2) ставится на слоге, если между ним и между выделенным первичным ударением есть другой слог, в случае если выделенный вторичным ударением слог составляет с отделяющим его от выделенного первичным ударением одну из следующих структур:

(а) средний слог + другой средний (ع ع ص) + (ص ع ص) [CvC + Cvv = CvC + CV], например: *ʿulamā* 'учёные', *mustabaqīn* 'спешащих' (м.р.), *yastahjifūn* 'скрывающиеся', *ʿāṣarnāhum* 'мы сожительствовали с ними'.

(б) средний слог + короткий слог, например: *mustaqīm* 'прямой', *mustaʿidda* 'готовая', *òāḥabūhum* 'они дружили с ними'.

(3) находится на третьем слоге перед выделенным первичным ударением, если три предшествующих этому первичному ударному слога образуют цепочку средний + короткий + короткий или средний, например: *mustahammīn* 'принимающих ванну' (м.р.), *yastafīdūna* 'они извлекают пользу', *mā ʿarafnāhum* 'мы не знали их', *muḥtamalūhum* 'их потенциал'.

Вторичное ударение не ставится на четвертом слоге, предшествующем первичному ударному в слове» [\[11, с. 161-163\]](#).

Таковы правила расстановки словесного ударения, описанные Тамамом Хассаном. Далее в главе речь идёт о фразовом и логическом ударениях, которую мы пока опускаем ввиду неактуальности для нашего исследования. Приводим, однако, ещё одну заключительную цитату из труда автора относительно изучения и анализа ударения в арабском языке:

«И я не могу не упомянуть здесь, что изучение ударения и просодии в литературном арабском языке сопряжено с некоторым риском, потому что литературный арабский язык не знал подобных исследований в древности, и древние учёные ничего не зафиксировали в этой области. Скорее всего, мы забываем о том, что литературный арабский язык находится под влиянием разговорных диалектов, потому что каждый говорящий на литературном арабском языке в наше время накладывает на него свои привычки разговорного произношения. Я думаю, что читатель знает, что сам священный Коран различается в произношении, ударении и тональности (в частности, в произношении харфов *ḏ*, *ḡ*, *ṭ*, *d*, *z*, *q*, *k*) от одной арабской страны к другой. Это различие свидетельствует о существовании контрастов между разговорными диалектами в различных арабских странах» [\[11, с. 163\]](#).

Эти слова лишь лишний раз подчёркивают актуальность настоящего исследования, так как мы видим, что автор не применял методы экспериментальной фонетики, а значит, все теоретические данные, описанные им, нуждаются в экспериментальном подтверждении.

Ахмад Мухтар Умар

Через год после выхода книги Тамама Хассана другой египетский исследователь Ахмад Мухтар Умар выпустил свою работу «*Dirāsat 'aṣ-ṣawt 'al-luġawīyya*» 'Изучение звуков языка' (1991).

В данном труде автор выделяет главу «*'Al-Fūnīmāt fawqa 'at-tarkībīyya*» 'Супрасегментная фонетика', в которой описывает супрасегментную и плюрисегментную фонему, просодическую фонему и просодему, которые отмечены особыми признаками, туда также вошли главы об интонации, длительности и соединении фонем.

Говоря об особенностях супрасегментных единиц языка, Ахмад Мухтар Умар пишет, что «поскольку эти признаки различают значения языковых сообщений так же, как это происходит на стыке сукунов (мор, состоящих из одного компонента, согласного или гласного, в данном случае имеются в виду согласные) и недостаточных харфов (*ḥurūf 'al-madd wa-l-līn*, описанные в первой главе), то эти признаки так же называются фонемами. Таких показателей много, но самые важные это:

1. Ударение
2. Тон
3. Интонация
4. Стык морфем или морфемный шов
5. Длительность» [\[3, с. 220\]](#)

Ахмад Мухтар Умар помещает ударение на первое место в списке показателей супрасегментных единиц арабского языка и начинает с определения термина. В работе приведены английские аналоги понятий параллельно с арабскими, которые мы сохранили для удобства сопоставления их с европейской лингвистической традицией. Явления, описанные при анализе предыдущих источников, повторно не описываются.

«Есть два английских термина, соответствующих арабскому «*an-nabr*» – stress (ударение) и accent (акцент). Как говорил П. Ладефогед [\[2\]](#): «Определить значение ударения непросто» [\[9, с. 83\]](#). Попробуем вывести некоторые определения согласно его рассуждениям.

1 . Ударение – это добавление некоторого количества физиологической энергии для организации производства речи, распределенной по лёгочным, голосовым и артикуляционным каналам.

2 . Это результат действия добавочной энергии в лёгких при произнесении ударного слога, что приводит к тому, что слог становится ярче и длиннее других слогов в слове.

3 . Это название для самого сильного мышечного усилия, которое мы можем почувствовать при произнесении одних слогов по сравнению с другими.

4 . Это выделение, данное одному слогу, внутри целостной единицы, которая в большинстве языков соответствует тому, что называется словом.

Все эти определения в том или ином виде содержат указание на то, что ударение требует добавочной энергии и дополнительного мышечного усилия. Известный фонетист Д. Джонс говорил: «Ударный слог, произнесённый говорящим, превышает по силе соседние с ним слоги в слове или предложении». Таким образом, ударение – это индивидуальная активность говорящего, в результате которой образуется своего рода выделение (*prominence*), присущее одному из звуков или слогов по отношению к его окружению [\[8, с. 137\]](#). Что касается звукового эффекта, связанного с ударением, то он называется громкостью (*loudness*), а степени ударения, которые мы упомянем позже, для слушающего будут степенями громкости.

Иногда слушающему очень сложно или почти невозможно определить местонахождение ударения. Все это происходит потому, что высота тона является неотъемлемой частью звука. Сильный ударный звук может быть менее громким, чем другой слабый ударный звук.

Не во всех языках ударение играет смысловозначительную роль. Следовательно, не во всех языках оно является супrasegmentной фонемой. Языки, которые используют ударение как фонему, называются акцентными языками, а другие – анакцентными. Языки со связанным ударением отличаются тем, что в них ударение закреплено за определённым местом. Общеизвестно, что в финском и чешском языках ударение падает на первый слог. А в польском языке – на предпоследний. Среди языков, в которых также определено место ударения, французский, венгерский и суахили.

Что касается языков, которые используют ударение как фонему, то положение ударения там свободно. Оно используется для различения значений/смыслов или для различения словоформ путём изменения места ударения.

Английский язык – это хороший пример языка со свободным ударением. Если в слове *import* 'импорт/ввозить' мы поставим ударение на первый слог, то получим имя существительное, а если на второй слог, то глагол. Так же и в словах *concert* 'согласие/договариваться', *subject* 'предмет/подчинять', *present* 'подарок/презентовать', *permit* 'разрешение/позволять', *contract* 'контракт/заключать договор', *increase* 'увеличение/возрастать', *insult* 'оскорбление/наносить оскорбление'.

Роль ударения в английском языке ограничена не только тем, что оно различает формы имён и глаголов. Ударение также является единственным фактором различения двух слов, а следовательно, и двух значений. В слове *August*/Август (название месяца или имя человека) ударение стоит на первом слоге. А в слове *august* 'уважаемый, величественный' наибольший акцент приходится на второй слог. Это так же относится к

двойственности следующих слов:

Below 'под' и billow 'волна, лавина',

Insight 'на виду' и incite 'подстрекать'

Но не каждый сдвиг ударения в английском языке различает значения. В большинстве английских слов изменение положения ударения не приводит к изменению значения. Но приводит к тому, что слушатель в восприятии на слух обнаруживает отклонение от языковой нормы. Например, в английском языке ударение на первый слог ставится в словах pillow 'подушка', sensitive 'чувствительный', на второй слог – в слове polite 'вежливый', и на третий слог – в словах congregation 'собрание', international 'международный', sensitivity 'чувствительность'. Если иностранец изменит место ударения в подобных словах под влиянием своего родного языка, то понимание может сохраниться.

Есть градации ударения, и наиболее часто используемые из них это:

! сильное ударение (главное);

! среднее ударение (вторичное);

! слабое ударение.

Все виды ударения собраны в примере: motor-car designer 'автомобильный конструктор'. Главное ударение здесь приходится на первый слог, вторичное ударение – на второй слог в слове designer 'конструктор', а слабое ударение – на слово car 'автомобиль'.

У ударения есть и другая функция, которая имеет место во всех языках, будь то язык с выраженным или невыраженным словесным ударением. Это дополнительные значения для выражения подтверждения – эмфатическое ударение, или же для выражения эмоций – эмоциональное ударение. Если англоговорящий человек произнесёт предложение come here 'идите сюда' с бóльшим акцентом, чем при обычном ударении, то это означает бóльшую степень императивности, принуждения. А если он произнесёт то же самое с ослабленным ударением, то это укажет на его желание уладить дело.

В различных языках есть разница в силе, с которой произносится ударный слог по сравнению с неударным. Во французском языке слабая разница между такими слогами. А в германских языках ударный слог очень сильный, а неударный – очень слабый.

Существует связь между ударением и длительностью слога. Так, слог in в слове incite 'побуждать' неударный, но этот же слог будет короче в слове insight 'проницательность', в котором он является ударным. Кроме того, ударная фонема в слоге влияет на остальные фонемы. К тому же фонемы в ударном слоге произносятся с большей силой, что делает их более сонорными и слышимыми» [\[3, с. 221-225\]](#).

Для нашей работы представляет интерес пример, приводимый Д. Джонсом. Действительно, в слове qalam 'карандаш, перо' первый слогиноситель – гласный компонент [a] моры обладает ударностью по сравнению со вторым слогиносителем [a], где первый [a] реализуется с меньшей длительностью, а второй [a] как бы восполняет свою ослабленную интенсивность за счёт длительности. Однако, такое положение встречается достаточно редко. Нельзя назвать его регулярно проявляющимся в арабском языке, так как длительность часто бывает признаком ударности слогиносителя.

«И наконец, Дэниел Джонс ввёл такой термин как strone 'строн', как обозначение

существования варианта ударения (в противовес аллофону), и термин *stroneme* 'стронема' (фонема-носитель ударения, наряду с введенными им понятиями хронемы и тонемы, как носителей тона и длительности) для обозначения целостной синтагмы, которая включает два ударения или больше. Он говорил: «Можно объединить виды ударения так же, как объединены группы звуков в фонемы». Поэтому мы видим, как он использовал понятие фонемы по отношению к различиям в ударениях» [3, с. 225].

Здесь мы в очередной раз мы видим, что приведенные Ахмадом Мухтаром Умаром теоретические размышления по поводу ударения в арабском языке основываются лишь на материалах зарубежных лингвистов, проводивших исследования ударения в других языках. Отметим, что до сих пор ни один упомянутый выше арабский автор не обращался к экспериментальному исследованию, а значит, их выводы пока нельзя считать окончательными.

Мухаммад Джаввад ан-Нури

Далее мы рассмотрим труд, который уже был упомянут ранее в связи с понятием «харф», «*Min 'al-lisaniyāt 'al-luġati 'al'arabiyati ('ilm al'aṣwāt)*» [An-Nuri 2019] профессора доктора Мухаммада Джаввада ан-Нури, но уже с точки зрения рассмотрения ударения. Работа увидела свет в 2019 году, а значит, содержит последние теоретические разработки касательно арабского языка. Ввиду отсутствия изданий данного исследования на русском языке приводим максимально подробный перевод интересующего нас отрывка. Он также основывается на трудах Д. Джонса, но автор излагает его своими словами:

«Ударение определяется как усилие, предпринимаемое для выделения одной части сегмента по сравнению с другой. Это делает его более выделенным (*more prominence*). Ударный слог (*stressed syllable*) связан с усиленным грудным импульсом (*reinforced chest pulse*), который сопровождается приложением дополнительной энергии. Знаменитый английский лингвист Дэниел Джонс определил его как «степень силы, которая присуща одному из слогов слова» [8, с. 245]. Одно из положений, которые следует знать, когда мы останавливаемся на ударении, заключается в том, что органы речи или, по крайней мере, некоторые из них, раскрываются в ходе постановки ударения; это одновременная внезапная активность. При произнесении ударного слога очень активна диафрагма, так же, как и мышцы лёгких. И, кроме того, движение голосовых связок также усиливается, что можно наблюдать через сближение голосовых связок друг с другом, так что допускается утечка только небольшого количества воздуха, что повышает уровень их напряжённости, увеличивает частоту голосовых вибраций, тем самым повышая громкость ударного звука. Описанное относится к звонким звукам. При их артикуляции голосовые связки отдаляются друг от друга на расстояние большее, чем в случае с глухими звуками. И таким образом прокачивается больший объём воздуха, вызывая трение или взрыв, делая слог сильнее и громче (*more sonorous*)».

Здесь воззрения Мухаммада Джаввада ан-Нури прямо противоречат мнению Ибрагима Аниса, который считал, что, напротив, при артикуляции звонких голосовые связки сближаются больше, чем при артикуляции глухих, и что больше воздуха покачивается при артикуляции глухих, чем звонких (см. выше). Мухаммад Джаввад ан-Нури продолжает:

«Также замечено, что во время реализации ярко выраженного слога, присутствует активность и в других речевых органах, таких как задняя часть твёрдого неба, язык, губы, а противоположные явления наблюдаются в случае реализации безударного слога. Д. Кристал полагает, что ударные слоги отличаются от безударных слогов

бóльшей выделенностью [\[6\]](#). На это указывает и то, что ударные слоги на письме отмечаются косой чёрточкой (акутом) над слононосителем. Выделение обычно происходит из-за возрастания громкости (loudness), чаще всего, или длительности (length), а также часто и высоты основного тона (pitch). Все эти факторы могут способствовать общему впечатлению выделенности слога. Из сказанного нам ясно, что некоторые понятия, которые были представлены в определении ударения, были сфокусированы на слуховом аспекте (auditory aspect). Очевидно, в вышеупомянутом определении Д. Крестала некоторые из этих определений были ограничены только аспектом громкости, тогда как другие были сосредоточены на артикуляционном аспекте. Другие аспекты деятельности по выделению слога – акустической (acoustic) и слуховой (auditory) – имеют второстепенное значение.

Однако мы исключаем возможность извлечения одного из трех фонемных аспектов из определения. Мы рассматриваем все различные стороны феномена ударения в совокупности, потому что при реализации ударного звука или слога для выдоха прилагается больше усилий, сопровождаемых более сильным выходом воздуха, большей активностью гортани и других органов речи. Конечно, звуковые волны (sound waves) будут отличаться по частоте (frequency), интенсивности (intensity) и подобных им факторов в других случаях. Все это приведёт к соответствующей разнице в высоте тона (pitch) и маркированности при прослушивании сегмента речи. Исходя из этого, мы можем определить ударный слог так: это фрагмент, реализация которого, с одной стороны, отличается от других фрагментов в сегменте речи увеличением активности мышц, которые работают, чтобы вытолкнуть поток воздуха, производящего звук, и увеличением активности различных речевых органов, что придаёт фрагменту особую выделенность (prominence). С другой стороны, это может быть представлено в таких параметрах, как: частота тона (высота тона) и длительность» [\[5, с. 264-265\]](#).

Мы ставим себе задачей рассмотреть применимость всех описанных факторов при проведении настоящего исследования. На этом этапе работы становится очевиден прогресс в понимании феномена ударения в современной арабской фонетической школе.

Ибн Манзур ал-Ансари

Далее Мухаммад ан-Нури приводит высказывание Ибн Манзура ал-Ансари из сводного труда «*Lisānu-l-'arab*» «Язык арабов» (2013), который является одним из самых полных толковых словарей арабского языка. Он приводит толкование ряда слов, основывающегося на том, что арабское слово *naḡr* «ударение, акцент» восходит к глаголу *naḡara* «повышать голос, кричать».

«Древние арабские лингвисты заметили одну примечательную сторону современного понятия ударения. Ибн Манзур в «*Lisānu-l-'arab*» указал на то, что «ударение у арабов – это повышение голоса. Говорится, что человек сделал ударение, если он произнёс слово, в котором есть подъём тона... И ударение у певца – это «повышение» его голоса над «понижением».

Ибн Манзур ал-Ансари приводит также образное сравнение ударения с минбаром:

«*Minbar* «кафедра» – это возвышение в пространстве, с которого произносится речь. Оно называется минбаром за его «возвышенность» и «приподнятость». Эмир взойшёл на минбар: значит поднялся на кафедру» [An-Nuri 2019: 338].

Заключение

Исследования словесного ударения в настоящее время становятся популярными среди арабских лингвистов. Если ранее рассмотрение ударения замещалось описаниями просодического уровня языка ввиду того, что просодия считается основой построения и реализации арабской речи в традиционной арабской грамматической теории, то сейчас ударению посвящаются целые главы фонетических монографий. Изначально арабские лингвисты брали теоретические материалы по ударению из трудов зарубежных коллег, но по мере развития этого направления в текстах арабских лингвистов появляются уже дискуссии с авторами из западных фонетических школ.

Происходит обновление терминологии в трудах арабских лингвистов: от харфа как минимальной единицы языка в фонетических описаниях они сдвигаются к понятию слога, который используется в европейской традиции. Появляется термин мора, как обозначение длительности краткого слога.

Арабское ударение представлено в работах арабских лингвистов как политоническое (полиакцентное) ввиду наличия первичного и вторичного ударений. Оно подчиняется также определённым правилам расстановки ударения в словах, зависящих от типа слогов, входящих в него. Однако арабскому ударению присуща подвижность, обусловленная правилами словоизменения. Примером этого служат однокоренные слова с разными ударными слогаминосителями, употреблёнными в разных формах.

Кратко суммируя основные точки зрения арабских лингвистов в отношении коррелятов арабского словесного ударения, отмечаем:

1. Ударный слог отличается от безударных бóльшим усилием (Ибрагим Анис, Тамам Хассан, Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури).
2. Ударный слог имеет более высокую интенсивность (Тамам Хассан).
3. Ударный слог обладает более высоким тоном (Тамам Хассан, Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури, Ибн Манзур ал-Ансари).
4. Ударный слог имеет бóльшую длительность (Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури).
5. Ударный слог отличается большей отчётливостью (ясностью) по сравнению с остальными звуками в слове (Ибрагим Анис, Тамам Хассан)

Центральным в большинстве описаний ударения является понятие усилия, т.е. большую часть своих исследований арабские авторы основывают на экспираторной теории ударения. В цепочке описанных арабскими авторами этапов речевого общения (артикуляторный, акустический, перцептивный) усилие занимает первое место. Они считают его источником характеристик ударения на последующих этапах. Однако с прагматической точки зрения усилие менее других параметров доступно для измерения.

На следующем акустическом этапе ударному слогу приписывается усиление основных акустических характеристик – интенсивности, длительности и частоты основного тона (F0), которые находятся в причинно-следственной связи с усилием на артикуляторном этапе. Параметр F0 в рассмотренных исследованиях называется просто тоном.

Отмечается также бóльшая отчётливость или ясность ударного слога. Выражаясь более точно, это означает особые спектры ударных гласных, которые противопоставлены спектрам тех же самых гласных, но в безударной позиции. Очевидно, что этот спектральный коррелят мыслится действующим как на акустическом, так и на

перцептивном уровне.

Поскольку ко всем описанным выводам арабские авторы пришли умозрительно, без измерений, причём в некоторых случаях оценки разных авторов противоречат друг другу, становится весьма актуальной задача проведения экспериментального исследования, которое, во-первых, позволило бы проверить высказанные гипотезы, и, во-вторых, определить количественные соотношения параметров ударения.

[1] Паузальная форма – реализация формы в устной речи с редукцией финального гласного словоизменения и нунации при ее наличии: [waladun – walad]

[2] Питер Ладефогед (англ. Peter Nielsen Ladefoged; 1925–2006 гг.) — американский лингвист, специалист в области фонетики. В источнике используются его работы: [Ladefoged 1962], [Ladefoged 1967], [Ladefoged 1971].

Библиография

1. Anis, Ibrahim. 'Al-'Aṣwāt 'al-luḡawīyya. Maktabat Nahḍat Masr wa-maṭba'ātuha bi-Masr, Cairo: 1958. 278 p.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. Москва, 1960.
3. An-Nūri, Muhammad Jawwād. Min 'al-lisaniyāt 'al-luḡati 'al-'arabiyati ('ilm al-'aṣwāt). Dar al kotob al ilmiyah, Beirut, Lebanon, 2019. 480 p.
4. Белова А.Г. Историческая морфология арабского языка. Москва, Восточная литература, 1994
5. Tamam Hassan. Manāhiḡ al-baḥṭ fi-l-luḡa // Maktabat al-Anglo al-Masriyya, Cairo, 1990. 279 p.
6. Sweet H. A Primer of Phonetics. Clarendon Press, Oxford, 1892, 113 p.
7. Ahmad Mukhtar Omar. Dirāsāt 'aṣ-ṣawt 'al-luḡawīyya. Alam Al-Kutub – Masr, Cairo: 1991. 445 p.
8. Ladefoged, Peter. Preliminaries to linguistic phonetics. University of Chicago Press, 1971, 122 p.
9. Jones D. The Phoneme: Its Nature and Use. Cambridge University Press, 1950, 308 p.
10. Crystal, D. A first dictionary of linguistics and phonetics. Andre Deutsch, London, 1980. 390 p.
11. Jamal -ud- Deen Abul Fadhal Muhammad bin Mukarram Ibn Manzour al-Ansari al-Fehri al-Ifriqui al-Misri. Lisan Al-'Arab (Arabic Book). Editor : As-Shaykh 'Amir Ahmed Haydar & 'Abdul Munim Khalil Ibrahim Hardback 8872 Pages. Dar Al-Kotob Al Ilmiyah (DKI), Beirut, Lebanon (2013)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Работы по систематизации научных знаний последнее время становятся неким конгломератом данных. Основной ориентир авторов выбирающих подобную магистраль направлен не только на формальное сведение в единое целое уже имеющихся наработок, но желание определиться с вариантами дальнейшей разверстки той или иной проблемы. Рецензируемая статья касается обзора современных арабских исследований темы т.н. акцента, или ударения. Как отмечается в начале сочинения, «в своей работе

«'Al-'Aṣwāt 'al-luḡawīyya» 'Звуки языка' (1958) автор посвящает ударению одну из глав пятого раздела «Супрасегментная фонема» (араб. 'Al-fūnim fawqa 'at-tarkib) наряду с фонологической длительностью, слогом, и интонацией. Термин «ударение» имеет арабский аналог *an-naḥw* и означает 'ударение, акцент', «ударение – это синхронная активность всех артикулирующих органов. При произношении ударного слога мы замечаем, что все органы речи активны до предела; то есть, активны мышцы лёгких, усиливаются движения голосовых связок, они сближаются друг с другом, чтобы минимизировать проходящий через них объём воздуха, что усиливает амплитуду вибраций» и т.д. Таким образом, практически с самого начала в статье формируется нужный / фактически правильный базис оценки «ударения как такового». Стилистая составляющая исследования выверена, серьёзных сбивов и нарушений нет. Думаю, что и большая часть позиций манифестирована верно: например, «стоит отметить, что тут Ибрагим Анис смешивает понятие харфа и слога, так как в оригинале мы видим слово *maqṭa'atun*, чему соответствует второй слог «*qarr*», однако первый слог обозначен названием харфа «'aun», который в кораническом тексте идёт без гласного компонента, соответственно, без слононосителя. Можно было бы предположить, что даже согласный компонент харфа «'aun» воспринимается носителями как слононоситель (подобно славянским сонорным согласным звукам), однако в последнем примере Мухаммада ан-Нури мы видим его классификацию согласного компонента харфа «'aun» как закрывающий слог согласный звук», или «учеником Ибрагима Аниса был талантливый лингвист Тамам Хассан. В своём труде «*Manāhiḡ al-baḥṡ fi-l-luḡa*» 'Способы изучения языка' он описывает ударение, помещая его в раздел «*Manhaḡ 'at-taṣkīl 'aṣ-ṣawtiyy*» 'Метод акустической модуляции', которую также называет кратко – 'al-fūnūlūḡiyyā 'фонология'. Наряду с ударением в главе рассматриваются вопросы об исторической классификации харфов с произносительной точки зрения, о длительности звучания и количественных параметрах звука, о звуковых процессах в арабском языке и супрасегментных единицах, таких как интонымы. Текст данной работы не издавался на русском языке, поэтому нам видится целесообразным перевести его и описать интересующую нас главу максимально подробно» и т.д. Материал достаточно интересно сконфигурирован, цель исследования как таковая достигнута; практический характер работы заключается в том, что его можно активно использовать в рамках изучения дисциплин лингвистического толка. Усилить исследовательский характер работы можно было бы с помощью схематичных изображений, таблиц, графиков, сводных макетов. Заключительный блок соотносится с основным, разночтений в данной части нет. Автор обозначает, что «исследования словесного ударения в настоящее время становятся популярными среди арабских языковедов. Если ранее рассмотрение ударения замещалось описаниями просодического уровня языка ввиду того, что просодия считается основой построения и реализации арабской речи в традиционной арабской грамматической теории, то сейчас ударению посвящаются целые главы фонетических монографий. Изначально арабские лингвисты брали теоретические материалы по ударению из трудов зарубежных коллег, но по мере развития этого направления в текстах арабских языковедов появляются уже дискуссии с авторами из западных фонетических школ...» и т.д. Думаю, что работу можно воспринимать неким научным импульсом, который даст возможность точно говорить о роли «словесного ударения», о значимости «ударения», функционале ударения в ситуации языкового контакта. Общие требования издания учтены, материал подходит профилю журнала, серьёзной правки не требуется. Рекомендую статью «Современные арабские лингвисты об ударении» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Студеникина Д.Г. — Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Названия общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984») // Litera. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43761 EDN: VOIYHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43761

Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Названия общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»)

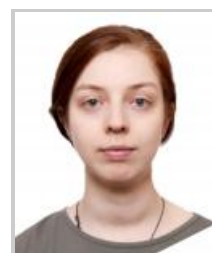
Студеникина Дарья Георгиевна

ORCID: 0000-0001-9236-0051

аспирант, кафедра Общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 стр.51, ауд. 955

✉ studeni-kina@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43761

EDN:

VOIYHU

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2023

Аннотация: Данное исследование направлено на изучение механизмов формирования авторской лексики в тексте антиутопии, которые именуют несуществующие денотаты литературной действительности. На формирование авторских неологизмов влияют внелингвистические факторы. Одним из факторов является культура, оказавшая влияние на формирование языкового сознания. Литературное произведение является пространством, которое фиксирует лингвистическое воплощение образа мира автора, его лингвокультуры. Материалом исследования является текст романа-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла. Антиутопия представляет интерес как один из фантастических поджанров, структура мира которого конструируется на фантазии автора, иллюстрирует несуществующие вещи. В силу этой жанровой специфики с лингвистических позиций происходит именование денотатов, не имеющих материальное воплощение в реальном мире. В композиции романа значимым для конструирования мира является изображение

противоречий в жизни социума и политической системы, представляющихся нежелательными. В связи с этим целью исследования является описание лексико-тематической группы «Название общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», выявление продуктивных элементов для создания лексики данной группы. В работе используется описательный метод, применяемый в ономазиологическом подходе. В результате исследования отобраны единицы, составляющие лексико-тематическую группу «Название общественно-политических организаций», выявлены продуктивные элементы для создания исследуемых именовании и охарактеризовано их лексическое значение. Также можно сделать вывод, что текст антиутопии является тем пространством, в котором реализуется воображение автора при создании несуществующего мира, так как этот мир не является копией объективной реальности. При этом лексическая номинация фрагментов новой действительности основана на знаниях, содержащихся в сознании автора.

Ключевые слова:

Антиутопия, фантастика, образ мира, лингвокультура, языковая личность, образ автора, окказионализм, семиозис, лексическая номинация, лексико-тематическая группа

Специфика языка антиутопии

Внешняя сторона художественного произведения сконструирована с помощью языковых средств, которые содержат в себе уникальные лингвокультурные черты своего создателя. Художественный текст является пространством для словотворчества. Каждое художественное произведение есть авторский вымысел, при создании которого используется допущение. Произведение конструируется посредством способности воображения, которую И. Кант подразделял на два вида: продуктивную и репродуктивную [5, с. 636]. Способность воображения делает возможным создавать допущения при создании художественного произведения. Некоторые тексты художественной литературы классифицируются в особые жанры из-за большого объема допущений. Например, фантастические жанры, в которых сюжет и вся композиция произведения построена на вымысле. Фантастический жанр понимается широко и имеет большое поджанровое разнообразие. В словаре литературоведческих терминов приведены примеры произведений, отвечающих данному жанру: народные сказки, сочинения Франсуа Рабле и Томаса Мора, научная фантастика. Как правило, фантастика понимается как произведение о волшебном или о будущем, наполненным развитыми технологиями [12, с. 432], основным методом которого является воображение. [12, с. 432]. Антиутопия, являясь противоположностью утопии, также формируется за счет большого содержания вымысла [12, с. 429]. Антиутопический жанр изображает инверсию реальности, её переделывание [2, с. 61]. Исходя из этих данных, устройство художественного мира фантастики и антиутопии как ее подвида являются продуктом внеопытного воображения.

Стоит подробнее остановиться на особенностях текста антиутопии и ее соотношения с фантастикой. Для авторов научной фантастики, где фигурировали межзвездные полеты, необходимым смысловым фактором также было изображение социальных противоречий [14, с. 209]. Политолог Л.Г. Фишман отмечает, что И. Ефремов и братья Стругацкие – авторы произведений социальной фантастики, и их произведения изображают антиутопическую модель внеземных обществ [13, с. 35].

В известных произведениях научной фантастики изображаются миры с антиутопическими чертами, поднимаются острые социальные темы. Б.А. Ланин утверждает, что научная фантастика стала базой для утопических мотивов в литературе [\[8, с. 162\]](#). На замыслы авторов фантастики влияла техническая модернизация и изменения в политической и социальной сферах [там же]. Маркерами социальной фантастики являются изображение гипотетического будущего и непреодолимых социальных противоречий. Такими же признаками обладает антиутопия. Таким образом, жанр антиутопии в основополагающих аспектах совпадает с социальной фантастикой и является результатом крайней степени авторского допущения. Понятия *утопия* и *антиутопия* синонимичны понятию социальной фантастики.

Из-за высокой степени допущений в фантастических текстах словотворчество есть текстообразующий фактор. В вымышленной реальности формируются значимые для неё явления, именования которых является продуктом деятельности языковой личности автора.

Авторы фантастики создают новый мир и наполняют его новыми объектами и явление, но создание нового базируется на образе мира самого автора. Создание новых лексических единиц также строится на моделях, существующих в знакомых авторам языках. Именования, которые создает автор, являются фактором семиозиса для читателей, которые воспринимают и познают авторскую действительность. Авторское словотворчество тот механизм, который концептуализирует положение дел в художественном пространстве. В.В. Виноградов отмечал, что именно номинативные единицы, в частности ономастические, формируют основные характеристики устройства художественного мира, отношение к его элементам [\[4, с. 720\]](#).

Фантастика и антиутопия имеют общую особенность в процессе создания окказионализмов: при стандартной номинации происходит договоренность, соотнесение обозначаемого объекта со звуковым рядом [\[11, с.84\]](#), а окказионализмы в этих жанрах помогают вообразить, «построить» объект. Но несмотря на отнесение антиутопии к поджанром фантастики, антиутопия имеет значимое отличие от научной фантастики в лексическом аспекте [\[16, p. 111\]](#). Научная фантастика использует специфическую лексику, ставшую маркером жанра, например, *звездолёт*, *бластер*. Также большой пласт лексики в научной фантастике составляют именования внеземных миров. Антиутопический жанр не является настолько креативным в создании новой лексики, так как специфика жанра диктует сохранять связь с объективной реальностью, а новые лексические единицы сохраняют правдоподобие [\[16, p. 111\]](#). Поэтому образование новой лексики в антиутопии происходит по моделям естественного языка [\[16, p. 112\]](#).

Д.С. Лихачев, рассуждая о структуре мира художественного произведения, указывает, что он ««отражает» мир действительности» [\[9, с. 76\]](#). При этом автор активно «преобразовывает» действительный мир, адаптируя его к художественным задачам [\[9, с. 76\]](#). Художественная реальность антиутопии требует интенсивного преобразования, искажения многих аспектов знакомой действительности.

Как уже было отмечено, утопия и антиутопия являются видами фантастического жанра, которые в центр своей проблематики ставят социальные вопросы. Вымысел в антиутопии является «надстройкой» объективного мира. Из-за данной специфики в текстах утопии и антиутопии подробно описывается общественно-политический строй и его механизмы.

«1984» Дж. Оруэлла обладает признаками социальной фантастики, в поле зрения которой гипотетическое развитие общества. В антиутопии типичным является изображение общества, тотально контролируемого государством. В «1984» большой пласт авторской лексики – названия ведомств, единиц государственной системы. Именно демонстрация функционирования системы государственных органов дает основное представление о положении дел в мире романа.

При рассмотрении процесса создания новой лексики уместно обратиться к теории языковой личности Ю.Н. Караулова, который указывает, что языковая личность, то есть носитель языка, является не только пользователем, но и создателем языковых единиц [6, с. 22]. Языковая личность формируется под воздействием окружающего общества и значимых для этого общества исторических факторов [6, с. 22]. Это влияние выражается в том, что носитель национального языка владеет стереотипными знаниями своей культуры. Из-за жанровой специфики антиутопия является пространством для словотворчества. Но образ мира в сознании автора оказывает влияние на творческую деятельность автора, который создает новую лексику, опираясь на опыт, по существующим в языке моделям.

С точки зрения исследований в области лексикологии значимым является то, что для нынешнего этапа развития современных языков словообразование есть не только формирование новой лексемы, но и формирование нового смысла [8, с.8]. Происходит вторичная номинация, при которой существующая звуковая оболочка соотносится с новым образом. Можно сказать, что в текстах антиутопического жанра активно используется вторичная номинация. При этом она не только именуется вымышленный объект, но и создает представление об этом объекте. Таким образом, в рамках антиутопии лексическая единица выполняет несвойственную ей функцию – не только повторно именуется явление, но и является одним из инструментов формирования этого явления в сознании носителя языка.

Содержание ЛТГ «Названия общественно-политических организаций»

Для построения мира «1984» одним из ключевых аспектов была демонстрация политической системы и общественного строя. Значимое количество авторской лексики относится к названиям органов государственного управления. Данные единицы можно определить в лексико-тематическую группу «Названия общественно-политических организаций». К этой группе относятся названия министерств, например, *the Ministry of Truth* [11] (Министерство правды [21]), *The Ministry of Peace* (Министерство мира), *The Ministry of Love* (Министерство любви), *the Ministry of Plent* (Министерство изобилия). Для Оруэлла, как для жителя Соединённого Королевства, существование министерств в системе государственного управления естественно. К моменту публикации романа в 1949 году образцом такого ведомства в политической системе Соединенного Королевства может служить *Министерство образования (Ministry of Education)*. Его название является составным наименованием, вторая часть которого определяет сферу деятельности ведомства.

Для изображения сферы занятости автор задействовал лексику *Department* (департамент). В толковом словаре английского языка определяется как часть или секция крупной организации (one section of large organization) [15, p. 127]. В пространстве романа автор создал следующие названия: *The Records Department* (отдел документации/документальный отдел), *Fiction Department* (отдел литературы), *the Research Department* (исследовательский отдел). Образцы этих названий также служили

реальные именования, например, *Department of diabetes King's College Hospital* (диабетологическое отделение больницы Королевского Колледжа), *Oxford's Department of Chemistry* (кафедра химии Оксфордского университета).

В тексте романа фигурируют общественные организации и движения, созданные энтузиастами. Примером такого движения является *the Junior Anti-Sex League* (Молодежный антиполовой союз). Основополагающей лексемой в данном названии является *League*, которая образует значение 'объединение'. Толкование данной лексемы в словаре происходит с помощью понятий «group», «teams» (группа, команда), словосочетанием «to work together» (работать вместе) [15, p. 263]. Примером названия общественной организации из актуальной автору действительности может являться *The Women's Loyal National League* (Женская лояльная национальная лига), которое именovalo одну из организаций активного в начале 20 века движения суфражисток.

Другой лексемой, образующей название общественной организации, является *Committee* (комитет). Согласно словарной статье *Committee* (комитет) – a group of people appointed to deal with something (группа людей, назначенная для решения чего-либо) [15, p. 281]. В «1984» фигурирует название *Chess Committee* (шахматный комитет). Организация, которую именует это название, представляет собой объединение по интересам. Объединения с лексемой *Committee* можно встретить в действительности. Например, *Book Committee of Society for Industrial and Applied Mathematics* (книжный комитет общества промышленной и прикладной математики), *Music Committee of Ellington Congregational Church* (музыкальный комитет Эллингтонской конгрегационалистской церкви).

Из описания авторских названий следует, что лексемы *Ministry*, *Department*, *League*, *Committee* (министерство, департамент, лига, комитет) явились продуктивными основами для составления названий общественно-политических организаций в романе Дж. Оруэла «1984». Стоит отметить, что конструирование художественной реальности в фантастике или антиутопии реализуются с помощью творческого воображения автора, которое И. Кант назвал продуктивным. Положение дел в выдуманном мире вне опыта и памяти автора [3, с. 17]. При этом именовании объектов новой реальности происходит за счет репродуктивной способности воображения, так как воспроизводит уже имеющиеся знания [3, с. 17]. Создание новой лексики происходило по модели, существующей в языке автора.

В заключении можно сделать вывод, что антиутопический текст является результатом взаимодействия продуктивного и репродуктивного воображения. Основная задача автора – создание образа нового мира. Он создает мысль о несуществующих объектах. Следующая его задача – концептуализация вымышленного мира, происходящая с помощью выражения его объектов в языке. Как было продемонстрировано, продуктивными элементами авторских именовании являются уже существующие единицы. В пространстве антиутопии создается знание о несуществующих объектах, которые затем выражаются в языке. В этом проявляется специфики антиутопии и других фантастических жанров, так как в нефантастических произведениях положение дел изображено с помощью существующих мест, объектов и их именовании, что соответствует естественному процессу номинации, при котором именование получают сами объекты и явления и мысли, знания о них [7, с. 61]. При вторичном использовании номинаций в антиутопии происходит обратный процесс: номинирующая единица создает когнитивный образ о вымышленном объекте, помогает его представить и узнать, сделать «осознаваемым». Также использование характерной для лингвокультуры автора лексики

способствует эффективному процессу семиозиса у читателя. Наличие общих языковых единиц у автора и читателя в концептуальной системе помогает познать вымышленный мир и интерпретировать его. Таким образом, авторское творчество по наименованию фрагментов художественной действительности оказывается познавательным актом, который с помощью языковых знаков транслирует информацию о несуществующем мире [7, с. 62].

[1] В статье использованы примеры из Orwell George, *Nineteen Eighty-Four*. London: Penguin Books Ltd, 2008.

[2] Здесь и далее приводится перевод Виктора Голышева. Оруэлл Джордж. 1984. Пер. Виктора Голышева. М.: Издательство АСТ, – 2021. – 192 с.

Библиография

1. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 2. С. 7-14.
2. Антропова Е.В. Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии (на материале русского и английского языков) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 60-71.
3. Белоусова, Ю. В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Русский язык, 2001.
5. Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 8 т. Т. 3. Москва: ЧОРО, 1994.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Издательство ЛКИ, 2010.
7. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 27-302.
8. Ланин Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 161-169.
9. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
11. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. Москва: Просвещение, 1974.
12. Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.
13. Фокин А. Художественный текст — окно в «светлое будущее»: литература, кинематограф, идеология на рубеже 50-60-х гг. XX века // Сборник материалов Международной научной конференции «Фантастика и технологии (памяти С. Лема)». Самара, 2009. С. 209-216.
14. Хокинс Дж., Делаханты Э., Макдональд Ф. Толковый словарь английского языка. М.: АСТ, Астрель. Oxford: Oxford University Press, 2008.
15. Millward Julie. *Dystopian wor(l)ds: language within and beyond experience*. PhD thesis. Sheffield: School of English Literature, Language and Linguistics The University of

Sheffield, 2006.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Названия общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к специфике языка утопии и, собственно, к вышеназванному произведению. Кроме того, работа привносит определенный вклад в развитие лексикологии.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим языковым материалом из произведения и сопровождаются русским переводом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и английском языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Названия общественно-политических организаций» в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Italian «erudite comedy» in the sociocultural and linguistic context of the 16th century

Kuteko Daria Andreevna

Postgraduate of Roman Languages Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ kuteko_darja@rambler.ru

Abstract. The Italian «erudite comedy» was an important stage in the development of the Western European theater, a kind of mediator between ancient dramaturgy and the dramaturgy of the New Age, and although its artistic merits are ambiguously assessed, its appearance and flourishing in the era of the formation of the literary Italian language give to the modern researcher a happy opportunity to get acquainted with different registers of the Italian language during this period. Thus, the subject of this article is the development and the peculiarities of the genre of «erudite comedy» in the Central regions, in the North and in the South of Italy in the XVI century. The purpose is to identify the main trends of its formation. The main research methods are the comparative method, the method of linguistic and cultural interpretation and sociolinguistic methods. Earlier comedies often became subject of literary analysis, but were not used as a source useful for sociolinguistic research. The results of the work consist in generalizing existing and obtaining new information about the development of «erudite comedy» in different regions of Italy and can be applied in further sociolinguistic research because to present the linguistic situation of the XVI century in its entirety it is necessary to take into account both its participants and data about them – territorial features, regional characteristics, level of education.

Keywords: sociolinguistic analysis, sociolinguistic situation, speech characteristics, dialect literature, parlato-recitato, evolution of the comedy genre, Italian language, Italian comic theatre, 16th century theatre, erudite comedy

References (transliterated)

1. Andreev M.L., Khlodovskii R.I. Ital'yanskaya literatura zrelogo i pozdnego Vozrozhdeniya. Moskva: Nauka, 1988.
2. Dzhivelegov A.K. Ital'yanskaya narodnaya komediya. Commedia dell'arte. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954.
3. Cerruti M. Il parlato regionale oggi: un italiano composito? LId'O XV, 2020. P. 15-31.
4. Trifone P. L'italiano a teatro // Serianni L., Trifone P. (a cura di) Storia della lingua italiana. Vol. II. Torino: Einaudi, 1994. P. 81-161.
5. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Milano: BUR, 1994.
6. Machiavelli N. Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua. Torino: Einaudi, 1976.
7. Zholudeva L.I. K voprosu o ponyatii italiano neostandard. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 22. №2. 2020. C. 499-506.
8. De Mauro T. Storia linguistica dell'Italia unita. Laterza. 20216.
9. Krysin L.P. Ocherki po sotsiolingvistike. Moskva: FLINTA, 2021.

10. Marcucci M. Accademia Senese degli Intronati // Accademie e istituzioni culturali in Toscana. Florence, Leo S. Olschki, 1988.
11. Dizionario Biografico degli Italiani <https://www.treccani.it/biografico/index.html> [data poslednego obrashcheniya 03.08.2023]
12. Shishmarev V.F. Ocherk istorii ital'yanskogo yazyka: ot istokov do XIX stoletiya. Izd. stereotip. – M.: LENAND, 2022.
13. Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.
14. Ghirlanda D., Collarile L. Parabosco, Girolamo // Dizionario biografico degli italiani, vol. 81, Roma, Istituti dell'Enciclopedia Italiana, 2014.
15. Tomasin L. Tracce napoletane nella lessicografia veneziana // Saggi di linguistica e storia della lingua italiana per Rita Librandi, a cura di D. D'Aguanno, M. Fortunato, R. Piro, C. Tarallo, Cesati, 2022. P. 345-352.
16. Kuteko D.A. Diskursivnye markery v komediyakh ital'yanskikh avtorov XVI veka v sopostavlenii s fenomenami italiano neostandard // Vestnik filologicheskikh nauk. 2023. Tom 3. №3. C. 73-78.
17. D'Onghia L., Marinai E. Ripensare Dario Fo. Teatro, lingua, politica. Con una testimonianza di Eugenio Allegri e Matthias Martelli. Milano, Mimesis, 2020.
18. Kuteko D.A. Emfaticheskie konstruksii dislocazione a destra i dislocazione a sinistra v komediyakh toskanskikh avtorov XVI veka // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. Udmurtskii gosudarstvennyi universitet (Izhevsk). 2022. Tom 32. №5. S. 978-983.
19. Piccolomini A. L'Amor Costante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 1-123.
20. Belo F. Il Pedante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. P. 83-163.
21. Mel'nikova L.S., Kashina E.A. Tipichnye cherty novogo standarta ital'yanskogo yazyka na sintaksicheskoy urovne // Romaniya: yazykovoe i kul'turnoe nasledie: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., BGU, 2021. S. 30-34.
22. Della Porta G. La Fantesca. Sessa, Venezia, 1597.
23. Dolce L. Il Ragazzo // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 205-295.
24. De' Medici L. L'Aridosia // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912. P. 125-205.
25. Shugaeva A.S. Diskursivnye markery kak mekhanizm tekstopostroeniya [Elektronnyi resurs] // Ogarev-Online. – 2020. – №6.
– URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroeniya> [data poslednego obrashcheniya 03.08.2023]

English terminology of aircraft engines: lexical-semantic, structural-grammatical and pragmatic features.

Solovyeva Alexandra

Educator, Department of foreign languages, Syzran branch of the Military Educational and Scientific Center of the

Air Force of the "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin"

ul. marshala Zhukova 320- 66, Samarskaya oblast, Syzran, Russia

✉ sandraS91@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the English terminology of aircraft engines. The subject of the study is the structural-semantic and pragmatic features of the terms. Accordingly, the purpose of the article is to analyze terminology in semantic, syntagmatic and pragmatic aspects. The tasks can be formulated as follows: 1. Determine the structure of terminological units, find out from which components it is formed. 2. To identify how synonymy and ambiguity are inherent in terminology. 3. Identify the pragmatic component based on the structural components of the terms. The relevance of the study is due to the growing public interest in the aviation industry. The work was carried out using statistical methods, as well as methods of analysis and synthesis. The novelty of the research lies in the attempt to use a comprehensive (three aspects) approach to the study of a highly specialized group of terminological vocabulary. During the analysis, it was found that the terminology describing aircraft engines (types and design) is represented by multicomponent (mainly three- and four-component) terminological phrases. A number of syntactic models participate in their formation, each of which is one or another variant of the combination of adjectives, nouns and numerals. Adjectives, nouns and numerals should be recognized as carriers of terminological information that has pragmatic significance. This significance lies in the fact that information, being correctly orienting, guides specialists in their professional activities and promotes effective communication.

Keywords: pragmatics, syntactic, aviation, semantics, terminology aircraft engines, aircraft engine, gas turbine engine, term, terminology, english terminology

References (transliterated)

1. Averbukh K.Ya. Obshchaya teoriya termina. Ivanovo. 2004. – 324 s.
2. Volodina M.N. Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya: Diss. ... d-ra. filol. nauk. – M., 1998. – 345 s.
3. Volodina M.N. Teoriya terminologicheskoi nominatsii. M., 1997. – 179 s.
4. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie. M.: Nauka, 2014. – 221 s.
5. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh. M.: Vyssh. shk., 1987. – 103 s.
6. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie. M.: Mosk. Litsei, 1993. – 309 s.
7. Danilenko V.P. Russkaya terminologiya (Opyt lingvisticheskogo opisaniya). M.: Nauka, 1977. – 246 s.
8. Kandelaki T.L. Semantika i motivirovannost' terminov. M.: Nauka, 1977. – 167 s.
9. Leichik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. M.: URSS, 2007. – 254 s.
10. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii. M.: URSS, 2012. – 243 s.
11. Shelov S.D. Eshche raz ob opredelenii ponyatiya «Termin» // Vestnik NNGU. 2010. №4-2. – S. 795-799.
12. GOST 23851-79 Dvigateli gazoturbinnye aviatsionnye. Terminy i opredeleniya. M.: Izdatel'stvo standartov, 1980. – 101 s.

13. Crane D. Dictionary of Aeronautical Terms. Washington: Aviation Supplies & Academics, Inc., 2018. – 805 p.
14. De Remer D. Aircraft Systems for Pilots. Washington: Aviation Supplies & Academics, Inc., 2018. – 450 p.
15. Gunston B. The Cambridge Aerospace Dictionary. New York: Cambridge University Press, 2009. – 816 p.

The concept of "love" in the artistic world of V. Tokareva: the specifics of the embodiment, varieties and connection with the conceptual sphere of A. P. Chekhov

Kondrasheva Ekaterina Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of Journalism, Pacific State University

680035, Russia, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, ul. Pacific, 136

✉ 000555@pnu.edu.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the concept of LOVE as a macro concept of the artistic world of V. Tokareva, which includes many layers and varieties, which contributes to a deeper penetration into the artistic conceptual sphere of the writer, helps to understand the internal laws by which the characters of the work live and act. The research is based on the material of the writer's stories published in different years. The research methodology is based on a component analysis of the text, conceptual and functional methods, there are elements of comparative and descriptive methods. The scientific novelty of the research consists in the fact that the author for the first time attempts to analyze the artistic concept of LOVE in the works of V. Tokareva from the point of view of its content and varieties, and also traces the continuity with the conceptual sphere of A. P. Chekhov at the level of this concept. The results showed that the concept of LOVE is explored by the writer not only at different levels of human relationships, but also at the level of love for creativity. The concept of LOVE organically combines the individual author's perception with the ideas of the predecessor author. The practical significance lies in the fact that the research materials can be used in the practice of university teaching of special courses devoted to the problem of the functioning of artistic concepts in the works of Russian authors of the second half of the XX – first quarter of the XXI centuries, as well as in conducting seminars on the history of Russian literature. The relevance of the research is determined by the interest of modern literary criticism to the artistic concept, as well as the fact that the work of V. Tokareva from the point of view of the content of the artistic concept of LOVE has been studied incompletely and requires further development.

Keywords: succession links, concept formation, the specifics of the incarnation, artistic concept sphere, figurative content, concept LOVE, artistic concept, A. Chekhov, Victoria Tokareva, the connection of creativity

References (transliterated)

1. Volodina N. V. Kontsept v sisteme kognitivnogo literaturovedeniya: opyt metodologicheskogo podkhoda // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2018. №2-1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-v-sisteme-kognitivnogo-literaturovedeniya->

- opyt-metodologicheskogo-podhoda (data obrashcheniya: 07.07.2023).
2. Zhirkov D. D., Gulyaeva M. V. «Chekhovskii tekst» v rasskaze V. S. Tokarevoi "Anton, naden' botinki!" // Nauka bez granits. 2019. № 7 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chehovskiy-tekst-v-rasskaze-v-s-tokarevoy-anton-naden-botinki> (data obrashcheniya: 02.06.2023).
 3. Zaitseva T. B. Kontsept «Lyubov'» v tvorchestve A. P. Chekhova (dlya antologii «Khudozhestvennye konstanty russkoi literatury») // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2011. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lyubov-v-tvorchestve-a-p-chehova-dlya-antologii-hudozhestvennye-konstanty-russkoy-literatury> (data obrashcheniya: 08.07.2023).
 4. Zusman V. G. Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya // Voprosy literatury. 2003. № 2. S. 3–17.
 5. Kondrasheva E. V. Lyubov' kak makrokontsept khudozhestvennoi kontseptosfery V. Tokarevoi (na primere sbornikov proizvedenii «Korotkie gudki», «O tom, chego ne bylo», «Skazat' – ne skazat'...») // Litera. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-kak-makrokontsept-hudozhestvennoy-kontseptosfery-v-tokarevoy-na-primere-sbornikov-proizvedeniy-korotkie-gudki-o-tom-chego-ne> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
 6. Markova T. N. Sovremennaya proza: konstruktsiya i smysl (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): Monografiya. M.: Izd-vo Mosk. Gos. obl. un-ta, 2003. 268 s.
 7. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobie [Tekst]. M.: Tetra Systems, 2004. 256 s.
 8. Murtazaeva F. Khudozhestvennyi mir Viktorii Tokarevoi // Inostrannaya filologiya: yazyk, literatura, obrazovanie. 2019. № 4 (73). S. 98–102.
 9. Rusinova L. V. Lyubov' kak lingvokul'turnaya dominanta sovremennoi zhenskoi prozy (na materiale tekstov V. Tokarevoi, N. Gorlanovoi i L. Ulitskoi) // Russkii yazyk i kul'tura v prostranstve Russkogo mira. Materialy II Kongressa Rossiiskogo obshchestva prepodavatelei russkogo yazyka i literatury. Sankt-Peterburg, 26–28 oktyabrya 2010 g. / Pod red. E. E. Yurkova, T. P. Popovoi, I. M. Voznsenskoi, A. S. Shatilova. V dvukh chastyakh. T.2. SPb.: «MIRS», 2010.
 10. Samorukova Ya. A. K voprosu ob analize khudozhestvennogo kontsepta // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. 2008. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-analize-hudozhestvennogo-kontsepta> (data obrashcheniya: 12.06.2023).
 11. Selemenova M. V. Gorod kak tema i tekst v proze Viktorii Tokarevoi // Litera. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-tema-i-tekst-v-proze-viktorii-tokarevoy> (data obrashcheniya: 09.06.2023).
 12. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop [Tekst] / Yu.S. Stepanov. M.: Akademicheskii proekt, 2001. 590 s.
 13. Tarasova I. A. Khudozhestvennyi kontsept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2010. № 4 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-kontsept-dialog-lingvistiki-i-literaturovedeniya> (data obrashcheniya: 11.06.2023).
 14. Tertychnaya N. N. Psikhologizm prozy V. Tokarevoi (o nekotorykh aspektakh problemy) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 9(27) 2013, chast' 1. C. 161–165.
 15. Tokareva V. Krugom odin obman: Rasskazy i ocherki. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020. 256 s.
 16. Tokareva V. Mozhno i nel'zya: Povesti i rasskazy. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015.

256 s.

17. Tokareva V. *Moi muzhchiny: Povest', rasskazy, interv'yu*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 256 s.
18. Tokareva V. *Svolochei tozhe zhalko: Rasskazy, povesti, kinostsenarii*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 240 s.
19. Tokareva V. *Etot luchshii iz mirov: Rasskazy*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 256 s.
20. Khalizev V. E. *Teoriya literatury: ucheb. dlya studentov vuzov*. Izd. 4-e, ispr. i dop. Moskva: Vyssh. shk., 2004. 404 s.
21. Chekhov A. P. *Ariadna. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh: sochineniya v 18 tomakh // A. P. Chekhov ; AN SSSR, In-t mirovoi lit-ry im. A. M. Gor'kogo; [redkol.: N. F. Bel'chikov (gl. red.) i dr.]. M.: Nauka, 1983. Tom 8. S. 107–132.*
22. Chekhov A. P. *Volodya bol'shoi i Volodya malen'kii. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh: sochineniya v 18 tomakh // A. P. Chekhov ; AN SSSR, In-t mirovoi lit-ry im. A. M. Gor'kogo ; [redkol.: N. F. Bel'chikov (gl. red.) i dr.]. M.: Nauka, 1983. Tom 8. S. 214–225.*
23. Chzhan Shaopin. *Retseptsiya A. P. Chekhova v russkoi «Zhenskoi proze» kontsa XX–nachala XXI vekov // Nauchnyi dialog. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-a-p-chehova-v-russkoy-zhenskoy-proze-kontsa-xx-nachala-xxi-vekov> (data obrashcheniya: 06.06.2023).*
24. Shestikh O. V. *Chekhovskie traditsii v rasskazakh Viktorii Tokarevoi // Tvorchestvo A. P. Chekhova: mezhvuz. sb. nauch. tr. Taganrog: Izd-vo TGPI, 2004. S. 100–103.*

Current concepts of political discourse in modern Russian and Chinese media

Kha Tsun

Postgraduate student at the Department of General and Russian Linguistics, Philology Faculty, Peoples' Friendship University of Russia

119361, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10-2A

✉ 1042218071@pfur.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the most important concepts of political discourse in Russian and Chinese media for the modern society of these two countries. The article discusses various approaches to the interpretation of political discourse in Russia and China, reveals their similarities and differences, analyzes the key concepts of political discourse and draws conclusions about the specifics of their functioning in the context of modern leading print media in Russia and China. The relevance of this topic is due to the importance of analyzing and understanding the media environment in Russia and China, which nowadays plays a significant role in shaping public opinion and broadcasting state policy both inside and outside the country. The subject of the study is the most relevant concepts of the mass media of the Russian Federation and China, as well as methods for creating political discourse in these countries. As a result of the study, a list of relevant concepts of Russian and Chinese media is proposed, a list of common and distinctive features of the political discourse of the two countries is given, and the reasons for the uniqueness of the national political discourse of Russia and China, due to their national characteristics, political system, ideology, and finally, cultural differences between the two peoples, are indicated. At the same time, an analysis of the publications of the leading media in the Russian Federation and China

showed that the common topics of articles in the two countries are the role of language and state ideology in the life of modern society.

Keywords: concept, language contacts, non-verbal means of communication, verbal means of communication, language unit, notion, mass media, Russia, China, political discourse

References (transliterated)

1. 吕文澎. 用中国政治话语解释中国实践 // 社会科学报, 2020-4-30(02). (Lyu Ven'pin. Ob'yasnenie kitaiskoi praktiki s pomoshch'yu kitaiskogo politicheskogo diskursa // Obshchestvennye nauki. 2020. № 2020-4-30.).
2. 汪少华, 张薇. 论中国政治话语体系的认知建构 — 以习近平 2017年瑞士两场演讲为例 // 南京师大学报(社会科学版), 2017(5): 146–153. (Van Shaokhua, Chzhan Vei. O kognitivnom postroenii sistemy politicheskogo diskursa Kitaya - na primere dvukh vystuplenii Si Tszin'pina v Shveitsarii v 2017 godu // Vesnik Nankinskogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 2017(05). S. 146-153.).
3. Shmeleva T. V. Zhanrovaya sistema politicheskogo obshcheniya / T. V. Shmeleva // Politicheskoe povedenie i politicheskie kommunikatsii: psikhologicheskie, sotsiologicheskie i filologicheskie aspekty. Krasnoyarsk, 1994. S. 55–57.
4. Kokhtev N. N. Kul'tura oratorskoi rechi // Kul'tura russkoi rechi: uchebnik dlya vuzov / S. I. Vinogradov [i dr.]; pod red. L. K. Graudinoi, E. N. Shiryayeva. Moskva: NORMA-INFRA-M, 1999. S. 56–88.
5. Gavrilova M. V. Politicheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza [Elektronnyi resurs] / M. V. Gavrilova // Polis. 2004. S. 127–139. Rezhim dostupa: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/3/Polis-2004-3-Gavrilova.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2023).
6. Parshin P. B. Ponyatie idiopoliticheskogo diskursa i metodologicheskie osnovaniya politicheskoi lingvistiki [Elektronnyi resurs] / Parshin P. B. 1999. Rezhim dostupa: www/elections.ru/biblio/parshin/htm/Arkhiv (data obrashcheniya: 20.06.2023).
7. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya 20.07.2023).
8. Natsional'nyi korpus kitaiskogo yazyka. Rezhim dostupa: <http://www.cnccorpus.org> (data obrashcheniya 20.07.2023).
9. Pak E. M. Osobennosti politicheskogo yazyka v KNR // Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. 2017. № 1. S. 88–92. DOI: 10.31775/2305-3100-2017-1-88-92.
10. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2004. s. 326.

Binary opposition heaven-earth in Russian and English

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanities, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

625049, Russia, Tyumen region, Tyumen, Amurskaya str., 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

Abstract. In the article, the author explores the semantic behavior of representatives of such

fundamental concepts as "heaven" and "earth" in the Russian and English language spaces. This binary opposition, despite its ancient origin, demonstrates both interaction with relevant concepts and a tendency to nominate phenomena of a universal or particular nature. The pragmatics of each lexeme is determined not only by the realization of connotative potential, but also by the projection of actual meanings on a fragment of the universe. It should be noted the priority of differential characteristics that verbalize the functionally demanded spectrum of the semantic field. Each semantic derivative of the sky lexeme is characterized by a set of implication connections motivated by hypo- and hyperonymy phenomena. In the logical and meaningful space of English linguoculture, the concept of "sky" implements the values of the visible space above the earth and the equivalent-the religious name paradise, which illustrates the unification of each case of the development of the original meaning by a sign of height, location in the supramundane space. The linguosemiotic variation of the concept of "earth" in the English language picture of the world is associated with its functioning in topographic, legal and agricultural discourses. In the conceptual sphere of the Russian language, the mental unit of the sky provides information of a religious, spatial, physical or climatic nature, while the earth nominates phenomena of an astronomical, administrative-territorial, linguistic, ideal nature. This behavior of each of the pairs allows us to talk about nomination processes motivated by understanding the processes and phenomena of the universe through the prism of naive consciousness, as well as the desire of the language to use existing lexical units to express as many meanings as possible through association mechanisms.

Keywords: webization of concepts, linguoculturology, typology, comparison method, contrastive linguistics, content, concept sphere, semantic behavior, comparative historical linguistics, binary opposition

References (transliterated)

1. Glebkin, V.V. Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskii podkhod. – M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. – 256 s.
2. Dobrokhotoy, A.L. Filosofiya kul'tury. – M.: ID VShE, 2016. – 560 s.
3. Kasevich, V. B. Kognitivnaya lingvistika: v poiskakh identichnosti. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. – 185 s.
4. Kelle, V.Zh. Intel'ktual'noe i dukhovnoe nachala v kul'ture. – M.: IFRAN, 2011. – 218 s.
5. Kudishina, A.A. Gumanizm – fenomen sovremennoi kul'tury. – M.: Akademicheskii Proekt, 2005. – 504 s.
6. Kustova, G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 472 s.
7. Mikhailova, O.A. Ogranicheniya v leksicheskoi semantike: Semasiologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1998. – 240 s.
8. Neretina, S.S., Ogurtsov A.P., Murzin N.N., Pavlov-Pinus K.A. Aporii diskursa. – M.: IFRAN, 2017. – 119 s.
9. Nikitin, M.V. Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii: Spetskurs po obshchei i angl. leksikologii. – Vladimir: Vladimir. gos. ped. in-t im. P.I. Lebedeva-Polyanskogo, 1974. – 222 s.
10. Shagbanova Kh.S. Kontsepty «emotsiya» i «emotion» v russkoi i angliiskoi yazykovykh kartinakh mira [Elektronnyi resurs] // Litera. 2023. № 6. – С. 98-106. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41025 (data obrashcheniya:

12.06.2023).

11. Shilyaev, K.S. Osnovnye kontseptsii kognitivnoi semantiki. – Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – 45 s.
12. Evans, V. Kontseptual'naya i mezhslovnaya polisemiya: analiz v terminakh teorii leksicheskikh kontseptov i kognitivnykh modelei (LKKM) // Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015. – S. 350-387.
13. Wierzbicka, A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9 (2–3). – Pp. 145-178.

The poetics of the author's situativeness in the story "The Sisters of the Cross" by A.M. Remizov

Guseva Ekaterina Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language, Literature and Journalism; Mari State University

424002, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Pushkin str., 30

✉ ekatguseva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the poetics of the author's situativeness in the story "The Sisters of the Cross" by A. M. Remizov. Methods (historical and literary, structural, semantic) and methodological basis of the research are the works of Russian and Western scientists in the field of philology (M. M. Bakhtin, B. O. Korman, Y. M. Lotman), Russian theology (N. O. Lossky, P. A. Florensky, L. I. Shestov) and remizology (I. A. Ilyin, Greta Slobin, A.M. Gracheva, E. V. Tyryshkina, etc.). The result of the work is that the situations in the story "The Sisters of the Cross" were highlighted, their classification and a detailed analysis of the poetics of the author's situativeness by A.M. Remizov were made. The scientific novelty of the work lies in the fact that the poetics of the author's situativeness is analyzed in detail within the framework of a global problem in the work of A.M. Remizov – the author's duality. All this allows us to conclude that the author's situativeness of A.M. Remizov is the author's individual view of the world order and man, it is a reflection of all the extra-textual factors that influenced the writer in different periods of his life and found artistic embodiment on the pages of the writer's works. The practical scope of the results of the work is seen in the possibility of using this material for deep understanding and studying such courses as "Literature of the Russian abroad", university historical and literary courses, during independent research work of students, when writing term papers and diploma projects.

Keywords: the fortune-telling situation, poetics, the author's duality, the situation of prayer, author's situativeness, author, Remizov, a miracle situation, chronotope, the story

References (transliterated)

1. Il'in, I. A. Sobr. soch.: v 10 t. T. 6. Kn. 1: O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin – Remizov – Shmelev. – M.: Russkaya kniga, 1996. – 560 s.
2. Aleksei Remizov. Issledovaniya i materialy. Aleksei Remizov. Studi e materiali inediti / Ros. akad. nauk. In-t rus. lit., Univ. degli studi di Salerno. Dip. di studi ling. e lett. ;

- Otv. red. A. M. Gracheva i A. d'Ameliya. – SPb.; Salerno, 2003. – 405 s. – (Europa orientalis; 4).
3. Slobin, Greta N. Proza Remizova 1900-1921. – SPb., «Akademicheskii proekt», 1997. – 206 s.
 4. Katalin Seke. Sud'ba bez sud'by. Problemy poetiki Alekseya Remizova. – Budapest, 2006. – 154 s.
 5. Gracheva, A. M. Aleksei Remizov i Drevnerusskaya kul'tura. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2000. – 333 s.
 6. Gracheva, A. M. «Teoriya russkogo lada» Alekseya Remizova (1930–1950-e gody) // Problemy istoricheskoi poetiki. – 2021. – T. 19. – № 1. – S. 347–374.
 7. Blishch, N. L. Avtobiograficheskaya proza A. M. Remizova (problema mifotvorchestva). – Mn.: EGU, 2002. – 116 s.
 8. Karpov, I. P. Avtorologiya russkoi literatury (I. A. Bunin, L. N. Andreev, A. M. Remizov): monografiya. – Ioshkar-Ola, 2003. – 447 s.
 9. Starygina, N. N. «Petushok» A. M. Remizova i narodnaya religioznaya kul'tura // Andreev L. N. Krasnyi smekh. Remizov A. M. Petushok: Teksty, kommentarii, issledovaniya, materialy dlya samostoyatel'noi raboty, modelirovanie urokov: nauch.-metod. posobie dlya vuza i shkoly / pod red. I. P. Karpova, N. N. Staryginoi. – M.: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2000. – 384 s.
 10. Guseva, E. V. Roman «Prud» A. M. Remizova: Poetika dvoemiriya: monografiya / Mar. gos. un-t; E. V. Guseva. – Ioshkar-Ola: 2011. – 187 s.
 11. Ivanov-Razumnik. Tvorchestvo i kritika: Stat'i kritich. 1908-1922. – Peterburg: Kolos, 1922. – 258 s.
 12. Karpov, I. P. Avtorologicheskie paradigmy russkoi literatury (aspekty, paradigmy): monografiya / Mar. gos. un-t; I. P. Karpov. – 2010. – 384 s.
 13. Karpov, I. P. Slovar' avtorologicheskikh terminov (Uchebno-metodicheskii variant): Kniga dlya uchitelei, studentov, преподаvatelei, aspirantov / Mar. gos. un-t; I. P. Karpov. – Ioshkar-Ola, 2012. – 212 s.
 14. Zhernova, N. S. Obraz zhenshchiny v proizvedeniyakh A.M. Remizova: k probleme tipologii: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 / Zhernova Natal'ya Sergeevna; [Mesto zashchity: Vologod. gos. un-t]. – Vologda, 2018. – 29 s.
 15. Slobin, Greta N. Proza Remizova 1900-1921. – SPb., «Akademicheskii proekt», 1997. – 206 s.
 16. Remizov, A. M. Sobr. soch.: v 10 t. – M.: Russkaya kniga, 2001. – T. 4. – 560 s.
 17. Krivosheya, N. A. Povest' A. M. Remizova «Krestovye sestry» v aspekte ideino-khudozhestvennogo svoeobraziya tvorchestva pisatelya i literaturnykh traditsii // Vestnik NVGU. – № 4. – 2014. – S. 49-56.
 18. Prakticheskaya entsiklopediya. Pravoslavie ot A do Ya. – SPb.: SATIS"", DERZhAVA. – 2005. – 509 s.
 19. Arkhimandrit, Tikhon (Shevkunov). «Nesvyatye svyatye» i drugie rasskazy. – M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2014. – 640 s.
 20. Prakticheskaya entsiklopediya. Pravoslavie ot A do Ya. – SPb.: SATIS"", DERZhAVA. – 2005. – 509 s.
 21. Tyryshkina, E. V. «Krestovye sestry» A. M. Remizova: kontseptsiya i poetika: Monografiya. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 1997. – 234 s.

History and modification of modern cinematic vocabulary

Ilin Aleksandr Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of Germanistics and Linguodidactics, Moscow City University

105064, Russia, Moscow, lane. Small State, 5, of. B

✉ sashailin98@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the diachronic modification of the cinematic vocabulary of the modern German language. The relevance of this study is determined by the insufficient study of the formation and development of German film lexicon in the XXI century, which contributes to new research on this issue in modern linguistics; as well as the need to study the process of formation and evolution of the German language film lexicon to identify linguistic and cultural features of this area of vocabulary. The purpose of the study is to determine the semantic features of the lexical units of the German language, representing the cinematic vocabulary in the framework of the historical development of the language. To achieve this research goal, the following tasks were set and solved: 1) the modern scientific linguistic literature has been studied and analyzed in order to form a theoretical basis for this research problem; 2) the semantic field of cinematography has been considered and the analysis of individual lexical units of German cinematography has been carried out and the modification of lexemes in the context of the historical development of the language in relation to modern trends has been described; 3) the nature of borrowing in the German language of film terms from other languages and the analysis of their structure is made. The article discusses the interpretation and definition of the semantic content of the German language film lexicon. The scientific novelty of the research lies in the fact that the grammatical and lexical modification of the German language film terminology based on the diachronic aspect is described for the first time in Russian linguistics, as well as the synchronic correlation of film vocabulary with modern trends is traced. As a result, it was revealed that the semantic group denoting the professions of performing skills in modern German is represented by the word composition of nouns, as a rule, one of which is a verbal noun. The German film language tends to use borrowed synonyms for the original word in communication, the vast majority of these borrowings came from Latin, French and English.

Keywords: borrowings, film terminology, film lexicon, diachrony, film course, semantic analysis, semantics, cinema, German language, linguistics

References (transliterated)

1. Arnol'd I. V. Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike. M.: Vysshaya shkola, 1991. 140 s.
2. Batura T.V. Metody i sistemy semanticheskogo analiza tekstov // Programmnye produkty, sistemy i algoritmy. 2016. №4. S. 5.
3. Denisova, G.V., Matasov R.A. Iskusstvo kino i voprosy interpretatsii kinoteksta // Teoriya i istoriya iskusstva. – 2021. – № 1-2. – S. 246-255.
4. Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Nikolina N.A., Shcheboleva I.I. Sovremennyyi russkii yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits. 2-e izd. M.: Akademiya, 2006. 480 s.
5. Evtikhova I. M, Lebedeva A. V "Denglisch" v sovremennom nemetskom yazyke // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2016. №1. S. 54–62.

6. Zhilyuk S. A. Ispol'zovanie zaimstvovaniy v sisteme nemetskogo slovoobrazovaniya: dis. kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb. 2015. 231 s.
7. Zabolotkina V.I. Vliyaniye kognitivno-diskursivnoy paradigmy na razvitiye pragmalingvistiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2014. №17. S. 69–76.
8. Kobenko Yu. V. "Volny" angloyazychnykh zaimstvovaniy v istorii nemetskogo yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 298. S. 36–39.
9. Levitskii V.V., Sternin I.A. Eksperimental'nye metody v semasiologii. Voronezh: VGU, 1989. 192 s.
10. Mednikova E. M. Znachenie slova i metody ego opisaniya. M.: Vysshaya shkola, 1974. 202 s.
11. Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-Tekst». M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 346 s.
12. Mironova A.A. Semantika i semasiologiya v sovremennoi nauchnoi paradigme. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii nauchnyi tsentr RAO, 2021. 96 s.
13. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 608 s.
14. Prokof'eva V. Yu., Nazarov M.A. Professional'naya leksika v sfere kino-i teleindustrii // Slavyanskoe chteniye – 2022. Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, Sterlitamaskii filial, 2022. S. 39-43.
15. Rubashkin V.Sh., Lakhuti D.G. Semanticheskii (kontseptual'nyi) slovar' dlya informatsionnykh tekhnologii: metody formirovaniya i vedeniya slovarya // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy. 2000. № 7. S. 1–9.
16. Sternin I.A., Salomatina M.S. Semanticheskii analiz slova v kontekste. Voronezh: Istochniki, 2011. 149 s.
17. Stepanov Yu.S. Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 784 s.
18. Tarlanov Z. K. Metody lingvisticheskogo analiza. 2-e izd. M.: Yurait, 2023. 236 s.
19. Shchelok T. I., Gostishcheva D.P. Zaimstvovannaya leksika rubriki „Kino“ (na materiale statei nemetskoyazychnoi internet-versii zhurnala Spiegel) // Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaniiya. Biisk: Altaiskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet imeni V.M. Shukshina, 2022. – S. 168-172.
20. Shchur G. S. Teorii polya v lingvistike. M.: Nauka, 1974. 255 s.
21. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg: Winter, 1924. S. 200-237.
22. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning: A Study of The Influence of language upon Thought and of The Science of Symbolism. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Co.; New York, Harcourt, Brace & Co., 1936. 363 p.

Interactive documentaries: definition of the concept in Russian and foreign studies

Associate professor, Department of Journalism, Pacific National University

680035, Russia, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, ul. Pacific, 136

✉ chchenko@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of modern Russian and foreign studies considering the concept of "interactive documentary" (interactive documentary, i-docs, idoc) and related terms: "web documentary" (web documentary, web-doc, webdoc), "interactive documentary". Theoretical foundations are given, approaches to the definition of these concepts are briefly described. The study uses descriptive, informative, comparative and structural-functional methods to solve a scientific problem. The research material was the works of Russian, American, British, Spanish, Turkish and Chinese scientists from 2011-2023. The most common, frequently cited and used definitions were selected for the review. The author of the article draws attention to the terminological uncertainty in the field under study, identifies the problems associated with defining the boundaries of the concept of "interactive documentaries", highlights the most promising aspects in identifying the characteristics of this new phenomenon and outlines directions for further research. As a result of the research, the author comes to the conclusion that due to the multimodality, complexity, openness and dynamism of the form of interactive documentaries, it would be appropriate to designate this phenomenon as a meta-genre. The proposed research lays the prerequisites for further search for the most accurate definition of interactive documentaries, corresponding to the current level of media development, accumulated theoretical and creative experience.

Keywords: multimedia, hybrid media, interactivity, new media, interactive documentary film, web-doc, i-docs, web documentary, interactive documentary, meta-genre

References (transliterated)

1. Amirkhanova, G. 3 prostykh ob'yasneniya, chto takoe web documentary // Best app: blog Gulim Amirkhanovoi. – 2015. – 21 apr. – URL: <http://bestapp.menu/3-prostykh-obyasneniya-chto-takoe-web-documentary/> (data obrashcheniya: 08.07.2023).
2. Amirkhanova, G. Web documentary – novyi format vizual'nykh istorii vebinara // Best app: blog Gulim Amirkhanovoi. – 2015. – 11 apr. – URL: <http://bestapp.menu/web-documentary-novyj-format-vizualnykh-istorij/> (data obrashcheniya: 08.07.2023).
3. Amirkhanova, G. Web documentary: vebinar // Internews Kazakhstan: ofitsial'nyi kanal na YouTube. – 2016. – 15 yanv. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1mrXcoyPC8> (data obrashcheniya: 08.07.2023).
4. Antonova, A. V. Sotsial'naya sushchnost' veb-dokumentalistiki v ramkakh teorii novykh media // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya. – 2016. – № 2. – S. 186–188.
5. Baidina, V. S. Sozdanie dokumental'nogo fil'ma-portreta v distantsionnom formate: paradigma i napisanie stseneriya / V. S. Baidina, V. V. Kishen'ko // StudNet. – 2020. – № 10. – S. 154–164.
6. Beinenson, V. A. Vozmozhnosti interaktivnykh videoformatov v formirovanii mezhnatsional'nogo i mezhdunarodnogo dialoga // Zhurnalistska kak vazhnyi faktor mezhdunarodnogo sotrudnichestva: vektory razvitiya. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii kafedry zhurnalistski. – N. Novgorod: NNGU, 2018. – S. 80–89.

7. Buntasanakul, S. Veb-dokumentalistika: vyrazitel'nyi potentsial mul'timediinoi sredy // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2013. – №9. – S. 155–157.
8. Buntasanakul, S. Interaktivnaya dokumentalistika: novye vozmozhnosti tsifrovoy sredy i osobennosti deyatel'nosti rezhissera // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2014. – №3. – S. 258–259.
9. Buntasanakul, S. Interaktivnyi dokumental'nyi fil'm: tvorcheskoe ispol'zovanie mul'timedii nykh sredstv ekrannoi vyrazitel'nosti: dis... k-ta iskusstvovedeniya. – M., 2014. – 156 s.
10. Dvorko, N. I. Interaktivnyi dokumental'nyi fil'm kak fenomen tsifrovoy epokhi // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2014. – №5. – S. 302–306.
11. Dvorko, N. I. Interaktivnyi dokumental'nyi fil'm: tvorcheskaya interpretatsiya deistvitel'nosti / N. I. Dvorko // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – №6. – S. 105–108.
12. Dvorko, N. I. Sovremennyy interaktivnyi dokumental'nyi fil'm: mirovoy opyt v oblasti teorii i praktiki // Massmedia v mul'timedii noi srede. Osnovnye problemy i zony riska. Nauchnyi sbornik pod redaktsiei S. L. Urazovoi. Seriya «Prostranstvo media-kommunikatsii». – M.: Akademiya mediaindustrii, 2014. – 129 s. – S. 116–126.
13. Dvorko, N. I. Sovremennoe sostoyanie web-dokumentalistiki: master-klass // KiT TV: ofitsial'nyi kanal Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kino i televideniya. – 2020. – 16 noyab. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rd49yPgaVWc> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
14. Doroshchuk, E. S. Kreativnaya dokumentalistika kak novyi format dokumental'nogo kinematografa // Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv : sbornik statei VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 15 maya 2023 g.) / redkol.: E.A. Astrakhantseva [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2023. – S. 64–68.
15. Ekimova, A. V. Interaktivnyi dokumental'nyi fil'm: dokumental'nost' i virtual'nost' // Nauka televideniya. – 2019. – №15. – S. 97–98.
16. Zubko, D. V. Web-documentary v otechestvennoi zhurnalistike // Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikatsionnykh protsessov. – 2016. – №3. – S. 118–119.
17. Kachkaeva, A. G. Ot redaktora. Dogonyaya budushchee // Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediinye / A. G. Kachkaeva, I. V. Kiriya, K. G. Kolomeets, N. G. Loseva, O. M. Silant'eva, L. O. Telen', T. B. Tikhomirova, M. G. Filimonov. – Moskva: FOKUS-MEDIA, 2010. – 200 s. – S. 5–11.
18. Milovidov, S. V. Metod protsedurnoi ritoriki dlya analiza transmediinykh proizvedenii // Nauka televideniya. – 2019. №15.3. – S. 147–168.
19. Nikitenko, A. A. Interaktivnost', mul'timediinnost', gipertekstual'nost' kak determiniruyushchie tipologicheskie priznaki setevykh izdaniy // Vestnik VGU. – 2009. – №1. – S. 159–166.
20. Rusakov, E. F. Interaktivnyi mul'timediinyi dokumental'nyi fil'm-novyi sposob rasskazat' istoriyu // Innovatsionnaya deyatel'nost'. – 2015. – № 3(34). – S. 125–133.
21. Chernavskii, A. S. Web documentary kak osobyi potentsial razvitiya novykh media v nachale XXI veka // Media-2022: teoriya i praktika: k 150-letiyu MPG : Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 03 marta 2022 goda / Pod obshchei redaktsiei T.N. Vladimirovoi, V.A. Slavinoi, N.V. Kodola. – Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 216–219.

22. Shapkina, E. V. Internet v sisteme sredstv massovoi informatsii i osobennosti ego vospriyatiya v obshchestvennom soznanii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – №2. – S. 94–98.
23. Sheremet'eva, P. R. Transformatsiya zhurnalistiki kak professii v sovremennom informatsionno-kommunikativnom obshchestve (na primere Frantsii) // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – №7. – S. 73–85.
24. Yarygina, D. «Shestnadsat' minus». Interaktivnyi fil'm o rannem materinstve // RIA Novosti. – 2013. – 29 apr. – URL: <https://ria.ru/20130429/934551592.html> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
25. Alkarimeh, B., Boutin, E. Interactive Documentary: A Proposed Model and Definition // French Journal for Media Research. – 2017. – V. 7. – URL: <https://frenchjournalformediaresearch.com/lovel-1.0/main/index.php?id=1062> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
26. Aston, J., Gaudenzi, S. Interactive documentary: setting the field // Studies in documentary film. – 2012. – V. 6. – №. 2. – P. 125–139.
27. Aston, J., Gaudenzi, S., Rose, M. (ed.). i-Docs: the evolving practices of interactive documentary. – Columbia University Press, 2017. – 312 p.
28. Cao, L. When Documentaries Meet New Media: Interactive Documentary Projects in China and the West. Doctoral thesis. – Springer Nature, 2023. – 178 p.
29. Dowling, D. O. Interactive documentary and the reinvention of digital journalism, 2015–2020 // Convergence. – 2022. – V. 28. – №. 3. – P. 905–924.
30. Favero, P. Getting our hands dirty (again): Interactive documentaries and the meaning of images in the digital age // Journal of Material Culture. – 2013. – Vol. 18. – Is. 3. – P. 259–277.
31. Gaudenzi, S. The I-Doc as a Relational Object / S. Gaudenzi // I-Docs. – 2011. – 9 Aug. – URL: <http://i-docs.org/the-i-doc-as-a-relational-object/> (data obrashcheniya: 12.08.2023).
32. Gaudenzi, S. The interactive documentary as a living documentary // Doc On-line: Revista Digital de Cinema Documentário. – 2013. – №. 14. – P. 9–31.
33. Gaudenzi S. The Living Documentary: From Representing Reality to Co-creating Reality in Digital Interactive Documentary. – In: Doctoral thesis Goldsmiths, University of London, Goldsmiths, 2013. – 308 p.
34. Gifreu-Castells, A. The interactive documentary. Definition proposal and basic features of the new emerging genre // McLuhan Galaxy Conference, Conference Proceedings. – 2011. – P. 367–378.
35. Gifreu-Castells, A. The interactive multimedia documentary. A proposed model of analysis // Arnau Gifro. – 2009. – 9 p. – URL: http://www.agifreu.com/web_dmi/articles/Interactive_multimedia_documentary_PrePHD_Index_Arnau_Gifreu.pdf (data obrashcheniya: 22.08.2023).
36. Hiller, F. Interview with Katerina Cizek: Out My Window // Vervephoto. – 2012. – 13 Dec. – URL: <https://vervephoto.wordpress.com/2012/12/13/interview-with-katerina-cizek-out-my-window/> (data obrashcheniya: 22.08.2023).
37. Mu, C. A Research on Storytelling of Interactive Documentary: Towards a New Storytelling Theory Model // Interactive Storytelling: 11th International Conference on Interactive Digital Storytelling, ICIDS 2018, Dublin, Ireland, December 5–8, 2018, Proceedings 11. – Springer International Publishing, 2018. – P. 181–184.
38. Munday, R. A Guide to Interactive Documentary: Structure, Tools and Narrative //

- Journalism Tips. – 2016. – URL: <https://directorsnotes.com/2016/08/08/interactive-documentary-guide/> (data obrashcheniya: 22.08.2023).
39. Nash, K. Clicking on the real: telling stories and engaging audiences through interactive documentaries // *Impact of Social Sciences Blog*. – 2014. – P. 1–3. – URL: <https://eprints.lse.ac.uk/71175/> (data obrashcheniya: 21.08.2023).
 40. Nash, K. Clicking on the world: documentary representation and interactivity // *New documentary ecologies: emerging platforms, practices and discourses*. – London : Palgrave Macmillan UK, 2014. – 254 p. – P. 50–66.
 41. Nash, K. i-Docs and the documentary tradition: exploring questions of engagement // *i-Docs: The evolving practices of interactive documentary*. – Columbia University Press, 2017. – P. 9–25.
 42. Nash, K. Modes of interactivity: analysing the webdoc // *Media, culture & society*. – 2012. – V. 34. – №. 2. – P. 195–210.
 43. Nash, K. What is interactivity for? The social dimension of web-documentary participation // *Continuum*. – 2014. – V. 28. – №. 3. – P. 383–395.
 44. Perlmutter, T. The Interactive Documentary: A transformative art form // *Policy Options: digital magazine of the Institute for Research on Public Policy*. – 2014. – 2 Nov. – URL: <https://policyoptions.irpp.org/magazines/policyflix/the-interactive-documentary-a-transformative-art-form/> (data obrashcheniya: 15.08.2023).
 45. Podara, A. et al. Digital storytelling in cultural heritage: Audience engagement in the interactive documentary new life / A. Podara, D. Giomelakis, C. Nicolaou, M. Matsiola, R. Kotsakis // *Sustainability*. – 2021. – V. 13. – №. 3. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/3/1193/html> (data obrashcheniya: 15.08.2023).
 46. Video interview. Mandy Rose defines interactive documentary // *Open Documentary Lab*. – 2014. – 30 Jan. – URL: <http://opendoclab.mit.edu/video-interview-mandy-rose-defines-interactive-documentary/> (data obrashcheniya: 15.08.2023).
 47. Video Interview. Mike Robbins defines interactive documentary // *Open Documentary Lab*. – 2014. – 11 May. – URL: <http://opendoclab.mit.edu/video-interview-mike-robbins-defines-interactive-documentary/> (data obrashcheniya: 15.08.2023).
 48. Wiehl, A. Approaching Participatory documentary networks and networking From Actor Network Theory to Interventionist Networking Methodology // *Interfaces numériques*. – 2018. – V. 7. – №3. – URL: <https://www.unilim.fr/interfaces-numeriques/3635> (data obrashcheniya: 15.08.2023).
 49. Gifreu-Castells, A. El documental interactivo como nuevo género audiovisual. Doctoral thesis. – Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. – 2013. – 663 p.
 50. Gifreu-Castells, A., Sánchez-Castillo, S., Galán, E. Aproximación al documental interactivo como formato nativo transmedia / A. Gifreu-Castells, S. Sánchez-Castillo, E. Galán // *Pasavento. Revista de Estudios Hispánicos*. – 2019. – V. 7. – №. 2. – P. 275–302.
 51. Zambrano, V. M., Castells, A. G. Aproximación al potencial colaborativo de la narrativa documental interactiva en los procesos de cambio social / V. M. Zambrano, A. G. Castells // *Cultura, lenguaje y representación: revista de estudios culturales de la Universitat Jaume I*. – 2016. – V. 15. – P. 153–169.

Mythopoetics of Images in Olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by K. Orosin and P. Oyunsky

Savvinova Gul'nara Egorovna

PhD in Philology

Senior Researcher, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677009., Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. F. popova, 16, building 3, sq. 40

✉ savgul6767@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the mythopoetics of images in the Yakut heroic epic olonkho "Nyurgun Bootur the Impetuous" – an archaic version of the storyteller K. G. Orosin and the author's version of olonkho "Nyurgun Bootur the Impetuous" by the Yakut writer, poet P. A. Oyunsky. Comparative analysis of archaic and author's olonkho texts does not involve consideration of the volumes of olonkho, which differ greatly in the style of presentation and detail in them; there is no goal to determine the algorithm of comparative characteristics, since the texts have different chronological, historical conditions of creation. The purpose of the study is to determine the role and significance of the mythopoetics of images in the olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by K. G. Orosin and P. A. Oyunsky. Special attention is paid to the interpretation of traditional images in Olonkho. The scientific novelty of the presented research consists in an attempt to analyze and compare the images in the olonkho "Nyurgun Bootur the Impetuous" by K. G. Orosin and P. A. Oyunsky with the definition of their significance in the conceptual picture of the world reflecting the ethical and aesthetic representations of the people, their ethno-cultural consciousness.

It is known that in the epic science of the same name olonkho K. Orosin and P. Oyunsky are assigned to the group of the central local tradition of Yakutia. At the same time, the conducted research has shown that olonkho has a complex historical origin, as evidenced by the revealed differences in the creation of mythological images-characters.

Keywords: history, writer, Yakut literature, the picture of the world, myths, characters, mythological image, research, poetics, olonkho

References (transliterated)

1. Pukhov, I. V. Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Osnovnye obrazy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 256 s.
2. Ergis, G.U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. M.: Nauka, 1974. – 400 s.
3. Emel'yanov, N.V. Syuzhety yakutskikh olonkho o zashchitnikakh plemeni. Novosibirsk: Nauka, 2000. – 192 s.
4. Danilova, A.N. Obraz zhenshchiny-bogatyarki v yakutskom olonkho. Novosibirsk: Nauka, 2014. – 166 s.
5. Kuz'mina, A.A. Olonkho Vilyuiskogo regiona: bytovanie, syuzhetno-kompozitsionnaya struktura, obrazy. Novosibirsk: Nauka, 2014. – 160 s.
6. Orosina, N.A. Tattinskaya lokal'naya traditsiya yakutskogo eposa olonkho: formy bytovaniya, osnovnye obrazy i motivy: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, 2015. – 25 s.
7. Oiunskii, P.A. Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie, Soch., t. 7. Yakutsk, 1962. S. 128-205.
8. Pekarskii, E.K. Obraztsy narodnoi literatury yakutov. Ch. 1 Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk, 1911. – 475 s.
9. Sleptsov, P.A. Yakutskii literaturnyi yazyk: istoki, stanovlenie norm. Novosibirsk: Nauka (Sibirskoe otd-nie), 1986. – 260 s.

10. Nyurgun Bootur Stremitel'nyi = D'uluruiar N'urgun Bootur. Yakutskii geroicheskii epos. Vossozhdal na osnove narodnykh skazanii P. Oiunskii. Perevel na russkii yazyk V. Derzhavin. – Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1975. – 432 s. (na rus. yaz.)
11. Sleptsov, P.A. Tvorchestvo P.A. Oiunskogo i literaturnyi yazyk // Yakutskii yazyk: istoriya i aktual'nye voprosy: Sb. nauchnykh trudov. Yakutsk: YaF SO AN SSSR, 1986. – S. 12 (S. 3–16).
12. Makarov, S.S. Mifologicheskie motivy v olonkho P. A. Oiunskogo «NyurgunBootur Stremitel'nyi» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 3 (21). S. 109.
13. Pripuzov, N.P. Svedeniya dlya izucheniya shamanstva u yakutov Yakutskogo okruga // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva. 1884, t. XV, vyp. 3/4. – S. 43–65.
14. Khudyakov, I.A. Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga. L.: Nauka, 1969. – 440 s.
15. Ionov, V.M. Dukh-khozyain lesa u yakutov. Petrograd: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1916. – 45 s.
16. Alekseev, N.A. Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 2008. – 494 s.
17. Nyurgun Bootur Stremitel'nyi = D'uluruiar N'urgun Bootur: [olonkho] / Tekst K. G. Orosina. Yakutsk: Gosizdat YaASSR, 1947. – 409 s. (na yakut. i rus. yaz.)
18. Emel'yanov, N.V. Syuzhety yakutskikh olonkho / N.V. Emel'yanov. Moskva: Nauka, 1980. – 375 s.
19. Srednekolymskie olonkho = Orto Khalyma olonkholoro-Yakutsk: Bichik, 2016. – 277 s. (na yak. yaz)
20. Kulakovskii, A.E. Nauchnye trudy. Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1979. – 484 s.
21. Kuz'mina, A.A. Obrazy abaasy v yakutskom geroicheskom epose. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. v 3-kh ch. Ch. 3. № 7(61) Tambov: Gramota, 2016. C. 28–30.
22. Neklyudov, S.Yu. Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoi slovesnosti // Vostochnaya demonologiya: Ot narodnykh verovaniy k literature / Otv. red. N.I. Nikulin, A.R. Sadokova. M.: Nasledie, 1998. S. 6–43.
23. Savvinova, G.E., Zhirkova, E.E. «Model' mira» nebesnykh chudovishch-abaasy v yakutskom geroicheskom epose olonkho // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. № 4. – M., 2019. S. 91–99.

The Image of a Fountain in the Selected Lyrics of Pernette du Guillet and Maurice Scève

Prihod'ko Kseniya Olegovna

Postgraduate student, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ beatrixter862@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the image of a fountain – or a spring – in the lyrics of the poets of the Lyon School Pernette du Guillet and Maurice Scève. A clear spring as a symbol of love became widely known thanks to “The Romance of the Rose”, a French allegorical poem of the 13th century. The article provides a comparative analysis of selected lyrics by Pernette du Guillet and Maurice Scève, mostly from poetry collections “Rymes” and “Délie”. The purpose

of the study is to compare the artistic motifs and imagery built by the poets around a fountain, which is a significant topos of courtly poetry. For this purpose, detailed comparative analysis of the lyrics of Maurice Scève, the head of the Lyon School of Poets, and Pernette du Guillet, his student, is carried with the help of poems with the image of a fountain. The novelty of the study is attributed to the fact that the lyrics of Pernette du Guillet with its problems and interpretation are practically unexplored in Russian literary studies. "Délie" by Scève is analyzed and interpreted in the dissertation of V.P. Avdonin dated 2013. The lyrics of Lyon poets' and the comparison of the concepts of love philosophy are topical themes in Russian literary studies.

A fountain has several guises in the studied poems. The first is the healing from the fire of pernicious passion that can be found in its waters. While the water does save the lyrical heroine of Pernetta from the flames (as can be seen in the elegy plot), Scève pictures inextinguishable flames (continuing to burn even in water). They both – in their own way based on their gender roles – touch upon the motif of a naked lady bathing, which traces back to the myth of Actaeon. The fountain water is a soul mirror and a vessel of divine wisdom, it is an intermediary between a lover and a loved one.

Keywords: Rymes, The Romance of the Rose, Marsilio Ficino, Francesco Petrarca, The Lyon School, Maurice Scève, Pernette Du Guillet, Délie, Neoplatonism, Petrarchism

References (transliterated)

1. Afanas'ev A. Franchesko Petrarka. // URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/afanasev-franchesko-petrarka.htm> [data poslednego obrashcheniya 02.09.2023]
2. Gil'om de Lorris, Zhan de Men. Roman o Roze. Perevod so starofrantsuzskogo N. V. Zababurovoi na osnove podstrochnika D. N. Val'yano. Rostov-na-Donu, 2001. S. 26-70. // URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=132#:~:text=Fontan%20Nartsissa%20—%20eto%20poeziya%20sozertsaniya,on%20izgnan%20iz%20raya-sada%2E> [data poslednego obrashcheniya 02.09.2023]
3. Gil'om de Lorris, Zhan de Men. Roman o Roze. Srednevekovaya allegoricheskaya poema. Perevod i kommentarii I.B. Smirnovoi – M.: GIS, 2007. – 671 s.
4. Fichino M. Kommentarii na «Pir» Platona // Estetika Renessansa, pod red. V. P. Shestakova. M., 1981. V 2-kh t. T. 1. S. 144-241.
5. Ebreo L. Dialogi o lyubvi // Estetika Renessansa, pod red. V. P. Shestakova. M., 1981. V 2-kh t. T. 1. S. 310 – 341.
6. Yakushkina T.V. Printsipy izobrazheniya zhenskoi krasoty v poezii ital'yanskikh petrarkistov XVI v. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Vyp. 1 (Ch. II). – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2008. – S. 61-69.
7. Du Guillet Pernette. Rymes (1545). Edition critique par Elise Rajchenbach. Genève, Droz, 2006.
8. Marot Clément. Le Temple de Cupidon. // Oeuvres Complètes de Clément Marot. Rapilly, 1824. pp. 33-65.
9. Mathieu-Castellani Gisèle. La parole chétive : les Rymes de Pernette du Guillet. In: Littérature, №73, 1989. Mutations d'images. pp. 47-60.
10. Rodríguez-Navarro María Victoria. «L 'Amour à deux visages» : el agua en Pemette du Guillet como reflejo del diálogo amoroso // Palabras e imaginarios del agua: XXV Coloquio AFUE, Valencia 20-22 de abril de 2016. pp. 573-581

11. Scève M. *Délie, objet de plus haute vertu*. Édition critique avec une introduction et des notes par Eugène Parturier. Paris, Hachette, 1916. // URL: <https://archive.org/details/delieobjectdeplu00scve/page/n21/mode/2up> [data poslednego obrashcheniya 02.09.2023]

Motives and Images of Medieval Mysticism in the Works of Nikolai Gumilyov

Pisarenko Alena Yur'evna

Graduate student, Department of History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov

111024, Russia, Moscow, highway Entuziastov, 21

✉ kadiya@mail.ru

Abstract. This scientific article is devoted to the study of the influence of mystical motifs and images of the Middle Ages on the work of the Russian poet Nikolai Gumilev. The central task of the study is to analyze the specific works of the poet, in which the influence of mystical themes is most clearly traced. The article draws attention to various aspects of the interaction of mysticism and creativity, including structure, rhythm, language and images in Gumilev's works. The article uses methods of comparative analysis, textual interpretation and cultural and historical contextualization. Particular attention is paid to the reception of mystical elements in Gumilev's work among his contemporaries and critics, such as Marina Tsvetaeva and Anna Akhmatova.

One of the conclusions of the study is that mystical motifs and images not only enrich Gumilev's creative world, but also serve as a key factor in the formation of his unique style. This, in turn, allows us to consider him one of the most significant and interesting authors of Russian literature of the early XX century. The novelty of the study is a detailed analysis of mystical elements in the context of Gumilev's general style and aesthetic principles, which was not previously considered in such completeness. These results may be useful for further study of the influence of mystical themes on Russian literature in general and on Gumilev's work in particular.

Keywords: symbolism, silver Age, contemporaries, criticism, medieval mysticism, poetry, Russian literature, mysticism, Gumilev, duality

References (transliterated)

1. Belyi A. *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma*, t. 2. – M., 1994. – C. 267.
2. Bogomolov N.A. *Gumilev i okkul'tizm // Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm*. – M., 1999. – c. 562.
3. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy*, t. 1. – M.: Voskresenie, 1998. – C. 502.
4. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy*, t. 2. – M.: Voskresenie, 1998. – C. 344.
5. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy*, t. 3. – M.: Voskresenie, 1999. – C. 464.
6. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy*, t. 4. – M.: Voskresenie, 2001. – C. 394.

7. Gumilev N.S. Stikhotvoreniya i poetry. Vstup. st. A. I. Pavlovskogo. – L., 1988. – C. 632.
8. Derina N. Khudozhestvennoe mirozhdanie N. Gumileva i romanticheskaya ideya. – M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – C. 184.
9. Kikhnei L.G. Pod znakom akmeizma. – M.: Azbukovnik, 2017. – C. 608.
10. Kikhnei L.G. Akmeizm. Miroponimanie i poetika. M., 2001. – C. 183.
11. Malykh V.S. Poetika uzhasnogo i «strakh pustoty» v rannem tvorchestve N.S. Gumileva. Iskustvo slova – SPB., 2017. – S. 69-77.
12. O Gumileve. Iz dnevnikov Pavla Luknitskogo. — «Literaturnoe obozrenie» 1989, № 6. C. 89.
13. Polushin V.L. Poet dal'nikh stranstvii: Dokum. povestvovanie o zhizni i tvorchestve N.S.Gumileva // Kodry. 1988. - №6.
14. Timenchik R.D. Istoriya kul'ta Gumileva. – M.: Mosty kul'tury, 2018. – C. 640.
15. Timenchik R. D. Nikolai Gumilev i Vostok // Pamir. – 1987. – №3 – S. 123 –136.
16. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. M., 1995. - C. 624.
17. Eshel'man R. Gumilevskoe «Slovo» i mistitsizm. — «Russkaya mysl'», 1986. 29 avgusta. № 3836.

Genre-Thematic Originality of F. A. Iskander's Animalistic Works

Kirova Mariia Mikhailovna

Postgraduate student, Department of Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Kolmogorova str., 1, p. 51, 1st academic building, room 933

✉ mariakirova709@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the genre-semantic specificity of F. A. Iskander's animalistic prose. The object of research is four of his works: "Rooster", "Uncle Kazim's Horse", "The Story of the mule of the old Habug" and "Broad-brow". The author examines in detail such aspects of the topic as the peculiarities of the functioning of animal images, as well as fable and novelistic features in the poetics of Iskander's animalistic works. The influence of the novel genre determines the interest in the unique and the presence of affective contradiction. Hidden didacticism, expressed in the recurring motif of separation of man and animal, and poorly structured detailing refer to the genre of fable. Special attention is paid to the genesis of the above-mentioned phenomena. The author made the following conclusions. Firstly, the animalistic images of Iskander do not have obvious folklore roots: animals do not perform the function of a magical assistant, their intelligence is not connected with the cult of ancestors or werewolves. Secondly, the allegorical nature of the narrative is destroyed due to psychologism in the description of animals. A special contribution of the author to the study is the comparison of Iskander's animalism with the works of Ch. Darwin. The novelty of the study lies in the fact that several well-established positions among Iskander scholars have been reinterpreted. Firstly, the analyzed works of Iskander are not just short stories, but are a synthesis of a short story and a fable. Secondly, the analogism of animals and humans, the ability of animals to metaphysical reflection are not an individual feature of Iskander's poetics, but are due to the influence of the works of Ch. Darwin. Thirdly, an attempt has been made to challenge the well-established opinion that animals in Iskander's works are more moral than people. In fact, they are true to the natural laws that

people have stopped following. Iskander portrays the political regime as an aggressive biological environment, to which it is more difficult for animals to adapt than for humans. The analysis of Iskander's work clearly shows that Darwinism gives scope for new interpretations of literary animalism.

Keywords: anthropocentrism, the great chain of being, Charles Darwin, fable, allegory, short story, animal studies, ecocentrism, Fazil Iskander, organicism

References (transliterated)

1. Ivanova N.B. Smekh protiv strakha, ili Fazil' Iskander / M.: Sovetskii pisatel', 1990. 320 s.
2. Komovskaya E.V. Zhanrovaya spetsifika sovremennogo romana // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. №12-2. С. 138-146.
3. Petrovskii M. A. Morfologiya novelly / Pod red. M.A. Petrovskogo. M.: Ars poetica, 1927. 140 s.
4. Yankovskaya L. S. Avtobiografizm ili avtopsikhologizm? k voprosu avtorskogo prisutstviya v khudozhestvennom povestvovanii // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2018. №1. S. 87 – 91.
5. Reformatskii A. A. Opyt analiza novellisticheskoi kompozitsii / M.: Proftekhshkola, 1922. 20 s.
6. Vygotskii L. S. Psikhologiya iskusstva. Analiz esteticheskoi reaktsii / M.: ACT, 2018. 416 s.
7. Iskander F. A. Sobranie. Tom 4. Sandro iz Chegema. Kn. 1. M.: Izdatel'skii dom «Vremya», 2003. 689 s.
8. Iskander F. A. Sobranie. Tom 6. Sandro iz Chegema. Kn. 3. M.: Izdatel'skii dom «Vremya», 2003. 673 s.
9. Ivanova N. B. Mir i mif Fazilya Iskandera // Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo. 2019. № 4. S. 8–12.
10. Iskander F. A. Sobranie. Tom 1. Put' iz varyag v greki. M.: Izdatel'skii dom «Vremya», 2003. 705 s.
11. Glazkova M. M. Rol' prirody v tvorchestve F. Iskandera // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2019. № 9. S. 139–148.
12. Iskander F. A. Sobranie. Tom 9. Kozy i Shekspir. M.: Izdatel'skii dom «Vremya», 2004. 705 s.
13. Beer G. Darwin's Plots: Evolutionary Narrative in Darwin. George Eliot and Nineteenth-Century Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 330 p.
14. Danta C. Animal Fables after Darwin: Literature, Speciesism, and Metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 216 p.
15. Tskoliya K.R. Razmyshleniya o chelovechnosti v khudozhestvennoi literature. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Nauchnyi zhurnal. Seriya: Voprosy obrazovaniya: Yazyki i spetsial'nost'. Nauchnyi zhurnal. M.: RUDN, 2013 g. №4. S. 170-173.
16. Archibald, D. J. (2014). Aristotle's Ladder, Darwin's Tree: The Evolution of Visual Metaphors for Biological Order (Illustrated ed.). Columbia University Press. 256 p.
17. Diniejko A. Charles Darwin's Theory of Evolution and the Intellectual Ferment of the Mid – and Late Victorian Periods, 2010. Rezhim dostupa: URL: <https://victorianweb.org/science/darwin/diniejko.html> (Data obrashcheniya:

18.08.2022).

18. Belogurova S. P. Animalisticheskaya proza kak fenomen obshchestvennogo soznaniya na rubezhe XIX-XX vv // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. №4. S. 115-123.
19. Carroll J. Literary Darwinism: Evolution, Human Nature, and Literature. New York: Routledge, 2004. 304 p.
20. Ballou E. Darwin as Metaphor // 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century, 2010. Rezhim dostupa: URL: <https://19.bbk.ac.uk/article/id/1656/> (Data obrashcheniya: 18.08.2022).

Media Narrative: On the Question of Structure and Functions

Pavlov Dmitrii Nikolaevich

Postgraduate Student, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, A. S. Griboyedov Moscow University

111024, Russia, Central Federal District, Moscow, Sh. Enthusiastov str., 21

✉ dima2011211@gmail.com

Golovanov Aleksandr Nikolaevich

Postgraduate Student, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, A. S. Griboyedov Moscow University

111024, Russia, Central Federal District, Moscow, Sh. Enthusiastov str., 21

✉ headmanjr@yandex.ru

Tyrkalova Varvara Vyacheslavovna

Postgraduate Student, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, A. S. Griboyedov Moscow University

111024, Russia, Central Federal District, Moscow, Sh. Enthusiastov str., 21

✉ vasviva@ya.ru

Abstract. As a research task, the authors made an attempt to analyze the phenomenon of the media narrative in the structural and functional aspect. The selected research material includes the following phenomena: Soviet posters, publications in the mass media (MSK) and videos (motivational content) posted on the TikTok platform. The subject side of the study includes narrative motifs presented in the relevant materials.

The relevance of this scientific research is due to the fact that the media narrative has a large "manipulating resource" and can affect the individual or society. The manipulative "power" of the media narrative is increasing in direct proportion to the development of information technologies in modern society. The research methodology is based on the narrative theory of V. Ya. Propp, which involves the decomposition of the plot into composite invariant motifs. The analysis showed that the motive of struggle in the studied media narratives is the key one, it is repeated in all plot constructions - from the narrative of the Soviet poster to modern narrative forms. The importance of this motive is explained by the fact that it is associated with the goals of media exposure, and the recipients begin to reproduce the motives from the materials studied by the authors in reality. That is, we can say that the audience, consuming information containing this kind of media narrative, begins to become a part of it itself, but in reality.

Keywords: social networks, motive, poster, manipulation, fairy tale, smk, mythology, Propp, media, Narrative

References (transliterated)

1. Abul'khanova K.A. Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): Izbrannye psikhologicheskie trudy. – M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 1999. – 224 s.
2. Osipova N.O. Strukturno-semioticheskii podkhod kak aspekt metodologii gumanitarnogo znaniya // Kul'turologicheskii zhurnal, 2011. – №3. – S. 1-11.
3. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. – M.: Labirint, 2005. – 332 s.
4. Bart R. Mifologii [Tekst] / Rolan Bart; per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. – Moskva: Akademicheskii Proekt, 2010. – 351 s.
5. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Progress, 1989. – 616 s.
6. Plakat «Okno ROSTA» №313 «Serye! K vam orem vniz my...» [Elektronnyi resurs]. // Folkacademy.1c-umi.ru: Akademiya Narodnogo Iskusstva Rossii. URL: https://folkacademy.1c-umi.ru/literaturno-fol_klornaya_galereya/vladimir_vladimirovich_mayakovskij_poet_i_hudozhnik_rossiya_moskva/41/ (data obrashcheniya: 12.06.2023).
7. Mayakovskii V. Grozny smekh: Okna satiry ROSTA. – M., L. : Iskusstvo, 1938 – 232 s., s il.
8. Mayakovskii V. Grozny smekh: Okna satiry ROSTA. – M., L. : Iskusstvo, 1938 – 232 s., s il.
9. Plakat «Okno Glavpolitprosveta» «Mir stoit na vulkane...» [Elektronnyi resurs]. // Plakaty.ru: virtual'naya galereya. URL: https://artchive.ru/artists/32944~Vladimir_Vladimirovich_Majakovskij/works/507127~Mir_stoit_na_vulkane_Okno_glavpolitprosveta (data obrashcheniya: 12.06.2023).
10. Bednyi D. Sobranie sochinenii v 5 tomakh. – M.: GIKhL, 1954. – T. 2. – 468 s.
11. Plakat «Okno ROSTA» №62 «Ukrainskikh i russkikh klich odin: "Da ne budet pan nad rabochim gospodin!"» [Elektronnyi resurs]. // Plakaty.ru: virtual'naya galereya. URL: https://artchive.ru/artists/32944~Vladimir_Vladimirovich_Majakovskij/works/539241~Ukraintsev_i_russkikh_klich_odin_da_ne_budet_pan_nad_rabochim_gospodin (data obrashcheniya: 12.06.2023).
12. Mayakovskii V. Grozny smekh: Okna satiry ROSTA. – M., L. : Iskusstvo, 1938 – 232 s., s il.
13. Deni V. N. Plakat «Speshi pana pokrepche vzdut'! Barona tozhe ne zabud'!» [Elektronnyi resurs]. // Plakaty.ru: virtual'naya galereya. URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fartchive.ru%2Fartists%2F30887~Viktor_Nikolaevich_Deni%2Fworks%2F540114~Speshi_pana_pokrepche_vzdut%27_Barona_tozhe_ne_zabud%27 (data obrashcheniya: 12.06.2023).
14. Deni V. N. Plakat «Dorogu mirovomu oktyabryu» [Elektronnyi resurs]. // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. 2004-2017: RSFSR. URL: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fold.bigenc.ru%2Ftext%2F5031961> (data obrashcheniya: 12.06.2023).
15. Moor D. S. Plakat «Ty zapisalsya dobrovol'tsem?» [Elektronnyi resurs]. // Plakaty.ru:

- virtual'naya galereya. URL: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fartchive.ru%2Fartists%2F2169~Dmitrij_Stakhievich_Moor_Orlov%2Fworks%2F607716~Ty_zapisalsja_dobrovol%27tsem (data obrashcheniya: 12.06.2023).
16. Istoriya aktsii protesta v Belorussii protiv rezul'tatov vyborov prezidenta // TASS URL: <https://tass.ru/info/9191791> (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 17. Skazki Korneya Chukovskogo-Tarakanishche // CHUKFAMILY URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/tales/tarakanishhe-2> (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 18. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3996 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 19. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3459 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 20. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3662 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 21. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/939 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 22. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3424 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 23. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3207 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 24. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/3271 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 25. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/5228 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 26. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/5275 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 27. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/10170 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 28. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/9876 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 29. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/984 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 30. Telegram URL: https://t.me/nexta_live/31220 (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 31. V Belorussii zapretili "Tarakanishche" Korneya Chukovskogo // Panorama URL: <https://panorama.pub/41331-v-belorussii-zapretili-tarakanishhe.html> (data obrashcheniya: 31.05.2023).
 32. Bugaeva L.D. Narrativ, media i emotsii // Russkii sled v narratologii: mater. mezhhdunarodnoi nauch.-praktich. konf., 2012. – S. 12-16.
 33. Nagovitsyn A.E., Ponomareva V.I. Skazkoterapiya: teoriya i praktika. Tipologiya skazki. – M.: Genezis, 2011. – 336 s.
 34. Lyashenko D.N. Semioticheskoe modelirovanie real'nosti. Odessa: Pechatnyi dom, 2015. – 168 s.
 35. Samsonova E. Roli, kotorye igrayut lyudi. Sygrai zhizn' po svoim pravilam. – SPb: Piter, 2013. – 256 s.
 36. Dreik i Lil Wayn pered tolpoi fanatov // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYJVuJA/> (data obrashcheniya: 13.06.2023).
 37. Propp V.Ya. Voprosy poetiki. Morfologiya skazki. SPb.: ACADEMIA, 1928. – 152 s.
 38. Elon Mask zaryazhaet na deistviya // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYeDL4L/> (data obrashcheniya: 13.06.2023).
 39. Kak devochka iz krokhotnogo ostrova stala mirovoi zvezdoi? // TikTok URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLYupqbM/> (data obrashcheniya: 13.06.2023)

Culturological approach to the development of a general civil culture of Internet communications security

Bylevskiy Pavel Gennadievich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Information Culture of Digital Transformation; Department of International Information Security, Moscow State Linguistic University

119034, Russia, Ostozhenka str., 36, office 106

✉ pr-911@yandex.ru

Abstract. The problem solved in this article is to determine the possibilities and advantages of a culturological approach to solving the problem of developing a general civil culture of Internet communications security. The subject of the study is the structural and functional features of this culture, and the object is the evolution of the formation of the corresponding complex of beliefs, knowledge, skills and abilities. The topic of expanding from a highly professional to a general civil culture of Internet communications security is considered. The increase in the share and importance of socio-cultural aspects compared with technical factors is analyzed. Particular attention is paid to the substantive aspects of the general civil culture of Internet communications security: the insufficiency of methods for broadcasting rules and relevant examples to a mass audience, as well as the underestimation of the formation of intuitive caution, the ability to recognize threats in a timely manner and respond correctly to incidents. The novelty lies in the postulation of the high representativeness of the security culture of financial Internet services, due to the combination of the mass nature of civilian users and transactions with funds that are highly attractive to intruders. It was here that mass Internet crime was first formed, threats and methods of attacks and, accordingly, security tools evolved. The conclusion is made: the experience of countering "social engineering" in the field of mass financial services is useful as a basis for the formation and development of a general civil culture of Internet communications security, including socio-cultural threats: fake news, disinformation, destructive and prohibited content, and others.

Keywords: destructive content, disinformation, social engineering, socio-cultural threats, mass civil culture, information security, Internet communications, fake news, hybrid warfare, safety culture

References (transliterated)

1. Guitton M., Fréchette J. Facing cyberthreats in a crisis and post-crisis era: Rethinking security services response strategy // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 10. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100282
2. Vasil'eva Ya.V., Kalinyuk E.V. Problemy razvitiya sistemy obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Ekonomika i pravo. 2023. №3. S. 94-99. DOI: 10.37882/2223-2974
3. Kuzior A., Vasylieva T., Kuzmenko O., Koibichuk V., Brožek P. Global Digital Convergence: Impact of Cybersecurity, Business Transparency, Economic Transformation, and AML Efficiency // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8. Iss.4. DOI: 10.3390/joitmc8040195
4. Chizhikov V.V. Informatsionnye tekhnologii kak translyatory kul'tury i iskusstva v virtual'noi real'nosti // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2023. № 1 (111). S. 89-97. DOI: 10.24412/1997-0803-2023-1111-89-97
5. Bylevskii P.G. Pol'zovatel'skie i personal'nye dannye – analiz riskov izvlecheniya znanii // *Voprosy zashchity informatsii*. 2023. № 1 (140). S. 35-40. DOI: 10.52190/20732600_2023_1_35
6. Bogoudinova R.Z., Borodina S.D., Mansurova A.R. Informatsionnaya bezopasnost' v

- sovremennom mire: metodologicheskii aspekt // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2022. № 4. S. 16-20. EDN: IHZDFC
7. Taherdoost H. Cybersecurity vs. Information Security // Procedia Computer Science. 2022. Vol. 215. Pp. 483-487. DOI: 10.1016/j.procs.2022.12.050
 8. AlDaajeh S., Saleous H., Alrabae S., Barka E., Breiting F., Choo K.-K. The role of national cybersecurity strategies on the improvement of cybersecurity education // Computers & Security. 2022. Vol. 119. DOI: 10.1016/j.cose.2022.102754
 9. Uzlova N.V. Dukhovnye i kul'turnye tsennosti v paradigme natsional'noi bezopasnosti // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 4 (108). S. 89-92. DOI: 10.24158/fik.2023.4.12
 10. Prokhorov Yu.N. Predotvrashchenie ushcherba potrebiteli ot ispol'zovaniya instrumentov tsifrovizatsii: metodologicheskie osnovy formirovaniya etiki primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta // Finansovye rynki i banki. 2023. № 2. S. 35-41. EDN: RVDWWN
 11. Timofeyev Yu., Dremova O. Insurers' responses to cyber crime: Evidence from Russia // International Journal of Law, Crime and Justice. 2022. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2021.100520
 12. Miloslavskaya N., Tolstaya S. Information Security Management Maturity Models // Procedia Computer Science. 2022. Vol. 213. Pp. 49-57. DOI: 10.1016/j.procs.2022.11.037
 13. Nagovitsyn R.S., Krivonogov A.D. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie studentov vuza kul'tury s ispol'zovaniem veb-saitov na osnove iskusstvennogo intellekta // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2023. № 1. S. 21-26. EDN: BKIXDN
 14. AlGhanboosi B., Ali S., Tarhini A. Examining the effect of regulatory factors on avoiding online blackmail threats on social media: A structural equation modeling approach // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 144. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107702
 15. Rodivilin I.P. Sovremennaya spetsifika determinatsii prestuplenii v sfere obrashcheniya okhranyaemoi zakonom informatsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2021. T. 31. № 2. S. 305-311. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-305-311
 16. Danielyan Z.V. Informatsionnaya kul'tura uchitelya kak faktor profilaktiki podrostkovogo kiberbullinga // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. 2021. № 1 (144). S. 64-70. EDN: FIVVJU
 17. Malysheva I.V. Sotsial'nye seti kak pravovoi fenomen // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2023. № 2 (101). S. 10-16. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.2.10
 18. Francisco M. Artificial intelligence for environmental security: national, international, human and ecological perspectives // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2023. Vol. 61. DOI: 10.1016/j.cosust.2022.101250
 19. Fedorov A.V. Dezinformatsiya kak instrument i sostavnaya chast' informatsionnogo protivoborstva Zapada // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2022. T. 23. № 2. S. 18-36. DOI: 10.31429/26190567-23-2-18-36
 20. Lapshinova K.V., Podol'skaya A.A. Fenomen informatsionnoi voyny v otsenkakh molodezhi Moskovskogo regiona // Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii. 2022. № 3 (23). S. 11-16. EDN: XITITL
 21. Dement'ev S.A. Bezopasnost' cheloveka v seti internet: problemy i perspektivy // Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2023. T. 16. № 2. S. 229-235. DOI:

10.17213/2075-2067-2023-2-229-235

22. Berestok T.B. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v prosotsial'nom povedenii sub"ektov 60+ // Obzor pedagogicheskikh issledovaniy. 2021. T. 3. № 8. S. 227-237. EDN: CJMQE

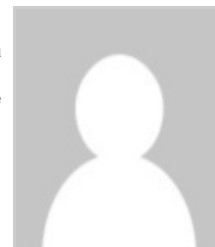
The reception of "Sketchers of a hunter" in USA, or I.S. Turgenev against slavery

Tyunyaeva Olga Dmitrievna

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Chair of History of Russian literature

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ tyunuaeva@list.ru

Abstract. The following article contains a research of the reasons for Turgenev's "Sketches of a hunter" popularity in XIXth century USA. It is considered the general reasons for the interest of Russia and the United States in each other, and the immediate reasons for Turgenev's popularity in America in the 1850s. The author analyses early American reviews on this book and finds out that the cause for such popularity was the common social problem of slavery in the USA and serfdom in Russia. The first few reviews of Americans on Turgenev's book indicate that the author of "Sketches of a hunter" was initially perceived in the New World as a writer who raises only social problems. Some of Turgenev's texts were compared with the works of American writers, for example, with Harriet Elizabeth Beecher Stowe's "Uncle Tom's Cabin". The aesthetic meaning of "Sketches of a hunter" became clear to American critics only in the late 19th century due to some Turgenev-influenced American writers, such as George Cable, Hamlin Garland, Sherwood Anderson. At this time, the first complete English translation of "Sketches of a hunter" was made by Constance Garnet.

Keywords: short story, reception, Russia, literary critic, XIXth century, America, serfdom, slavery, USA, Turgenev

References (transliterated)

1. Yachnin R., Stam D.H. Turgenev in English: a checklist of works by and about him. New York: The New York Public Library, 1962.
2. Nikolyukin A.N. Literaturnye svyazi Rossii i SShA: Stanovlenie literaturnykh kontaktov. M.: Nauka, 1981.
3. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M.: Nauka, 2002. T. 13.
4. Gertsen A.I. Poln. sobr. Soch.: V 30 t. M.: Nauka, 1961. T. 25.
5. Alekseev M.P. Mirovye znachenie «Zapisok okhotnika» // «Zapiski okhotnika» I.S. Turgeneva: stat'i i materialy. Orel: Orlovskaya pravda, 1955. С. 36–117.
6. Makarova E.V. Zhanrovye osobennosti knigi rasskazov v tvorchestve I. S. Turgeneva i Sh. Andersona (na materiale knig rasskazov "Zapiski okhotnika" i "Uainsburg, Ogaio" (1919 g.)). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Vladimir: 2014.
7. Makarova E.V. Istoriya vospriyatiya knigi rasskazov "Zapiski okhotnika" I. S. Turgeneva v SShA k kontse XIX – nachale XX vv. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 2. S. 224-227.

8. Robinson E. Slavery in Russia // The North American Review Vol. 82. No. 171. April, 1856. p. 293-314.
9. Tourgueneff N.I. La Russie et les russes. 1–3 volumes. Paris. 1847.
10. Anonymous Serfdom and the Emancipation Laws in Russia // The North American Review Vol. 105, No. 216. July, 1867. p. 41-88.
11. Kurilla I.I. Rabstvo, krepostnoe pravo i vzaimnye obrazy Rossii i SShA. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 6. S. 425–440.
12. Tseitlin A.G. Primechaniya // Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. Sochineniya: V 12 t. M.: Nauka, 1979. T. 3.
13. Etkind A.M. Tolkovanie putesthestvii. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
14. Annenkov P.V. Pis'ma k I.S. Turgenevu. Kn. 1. 1852–1874. SPb.: Nauka, 2005.
15. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M.: Nauka, 1982. T. 2.
16. Turgenev I. S. Fathers and Sons: A Novel // Translated from the Russian with the Approval of the Author by Eugene Schuyler. N. Y.: Leypoldt and Holt, 1867.
17. James H. Ivan Turgeneff // James H. French Poets and Novelists. London: Macmillan and Co, 1878. p. 269–321.

The works of M. Y. Lermontov in the religious and philosophical criticism of V. S. Solovyov, D. S. Merezhkovsky and V. V. Rozanov

Balabaeva Angelina Sergeevna

Research associate, AM Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

121069, Russia, Moscow, Povarskaya 25a

✉ angelinabalabaeva@gmail.com

Abstract. The article discusses literary and critical articles by representatives of religious and philosophical criticism dedicated to M. Y. Lermontov. The works are united not only by the subject of analysis and the commonality of methodology, but also by the internal controversy that unfolded against the background of increased interest in the personality and creativity of the poet at the turn of the XIX-XX centuries. The author analyzes how the ethical work of V. S. Solovyov influenced his idea of Lermontov's "three demons", how the religion of the Third Testament of D. S. Merezhkovsky determined his search for Sophia, Eternal Femininity in Lermontov's work and how pantheism and anti-Christian sentiments of V. V. Rozanov were reflected in his analysis of the poet's God-fighting and demonic motives.

The main conclusions of the study are the following: each of the three interpretations is based on the philosophical beliefs of each of the critics. All three are united by the desire to actualize Lermontov's work in the context of his modern era, moreover, they all view Lermontov's personality and work from neo-Christian positions. V. S. Solovyov interprets Lermontov negatively, due to the fact that he sees in him the ancestor of Nietzscheanism, which spread at the turn of the XIX-XX centuries, including in Russia. Merezhkovsky, on the contrary, sees Lermontov as a model for inspiration when creating a renewed, "improved" Church of the Third Testament – with attention to the issue of gender, to the ontological equivalence of Good and Evil. Rozanov also assesses Lermontov positively from the point of view of the need to turn to the pagan-Jewish foundations of religion, as opposed to traditional

Christianity.

Keywords: third Testament, demonism, Lermontov, eternal femininity, religious philosophical literary criticism, Rosanov, Merezhkovsky, Solovyov, God-fighting motives, pantheism

References (transliterated)

1. Abramovich D. I. Obzor izdaniy sochineniy M. Yu. Lermontova // Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochineniy: V 5 t. T. 5. 1913. S. 60–67.
2. Glukhova E. V. Lermontov i mifologemy religiozno-filosofskoi i simbolistskoi kritiki kontsa XIX – nachala XX veka // Solov'evskie issledovaniya. Vyp. 1 (45) 2015. 131–147.
3. Bogatyreva L. V., Isupov K. G. Nasledie M. Yu. Lermontova i sovremennoe lermontovedenie // Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v kontekste sovremennoi kul'tury. SPb., 2014. S. 5–17.
4. Oblasova T. V. Religiozno-filosofskoe napravlenie v literaturnoi kritike rubezha XIX–XX vekov, Tyumen', 2012.
5. Losev A. F. Vladimir Solov'ev i ego vremya. M., 2009.
6. Solov'ev V. S. Lermontov // Sobranie sochineniy V. S. Solov'eva. T. 9. SPb., 1913.
7. Krasitskii Yan. Bog, chelovek i zlo. Issledovanie filosofii Vladimira Solov'eva, 2009.
8. Merezhkovskii D. S. M. Yu. Lermontov (Poet sverkhchelovechestva) // Polnoe sobranie sochineniy D. S. Merezhkovskogo. T. 16. M., 1914.
9. Solov'ev S. M. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva. Bryussel', 1977.
10. Yanishevskaya I. V. Religioznye iskaniya D. Merezhkovskogo i Z. Gippius: ot simbolizma k religii Tret'ego Zaveta // Solov'evskie issledovaniya. Vyp. 3(27) 2010. S. 64–77.
11. Solov'ev V. S. Smysl lyubvi // Sobranie sochineniy V. S. Solov'eva. T. 7. SPb., 1913.
12. Bonetskaya N. K. V poiskakh Nevedomogo Boga. Merezhkovskii – myslitel'. M., SPb., 2017.
13. Telegina S. M. Lichnost' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova v literaturno-kriticheskom nasledii V. V. Rozanova // Khristianskoe chtenie. 2015. S. 121–185.
14. Rozanov V. V. «Vechno pechal'naya duel'» // Sobranie sochineniy. Legenda o velikom inkvizitore. T. 7.. M., 1996.
15. Rozanov V. V. K lektsii g. VI. Solov'eva ob Antikhriste // Sobranie sochineniy. Vo dvore yazychnikov. T. 10. M., 1999.
16. Golubkova A. A. Lermontov kak obraztsovyi poet v ierarkhii Rozanova [http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika/golubkova-kriterii-ocenki/3-lermontov-kak-obraztsovyj-poet.htm] (data obrashcheniya: 17.08.2023)

E. F. Rosen in Pushkin's Sovremennik

Kuts Nikolai Viktorovich

Postgraduate student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ nikolaikuts@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the literary relationship of Baron E. F. Rosen (1800-

1860) – poet, playwright, translator and critic, author of the libretto for the opera by M. I. Glinka "Life for the Tsar" (1836) – with the Pushkin circle. The object of the study was the history of Rosen's collaboration in *Sovremennik* (1836). The material was Rosen's publications in the Pushkin magazine and his correspondence of the 1830s. Special attention is paid to Pushkin's assessments of Rosen's work. Rosen's works published in *Sovremennik* are analyzed: the article "On Rhyme" and a fragment from the historical tragedy "The Daughter of John III". It is considered which of the writer's materials Pushkin printed and which he rejected, in accordance with the magazine's program. The novelty of the research lies in a holistic analysis of Rosen's participation in Pushkin's *Sovremennik*, which has not been conducted before. As a result, it turns out that Rosen is close to Pushkin and his entourage in some literary assessments (the problem of rhymeless verse, the work of N. V. Kukolnik). It is shown that Pushkin did not accept Rosen's acrimonious articles, not wanting to turn *Sovremennik* into a platform for magazine abuse. At the same time, Pushkin was genuinely interested in Rosen's dramatic work. He placed in the magazine an excerpt from the tragedy "The Daughter of John III", in which John III and Aristotle Fioravanti are having a conversation about politics, probably noticing in it a roll call with "Boris Godunov".

Keywords: literary relationship, rhyme, literary criticism, Kukolnik, Kireyevsky, magazine, Pushkin, Rosen, Ivan III, Boris Godunov

References (transliterated)

1. Arkhangel'skii A. N. V toške po kontekstu (Ot Gavriily Derzhavina do Timura Kibirova) // Arkhangel'skii A. N. U paradnogo pod'ezda: Literaturnye i kul'turnye situatsii perioda glasnosti (1987–1990). M.: Sov. pisatel', 1991. S. 158–214.
2. Vatsuro V. E., Gillel'son M. I. Skvoz' «umstvennyye plotiny». M.: Kniga, 1986.
3. Vatsuro V. E. Rozen Egor (Georgii) Fedorovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 5. M.: Sov. entsiklopediya, 2007. S. 341–344.
4. Vatsuro V. E. «Severnye tsvety». Istoriya al'manakha Del'viga – Pushkina // Vatsuro V. E. Izbrannyye trudy: Yazyki slavyanskoi kul'tury. M., 2004. C. 3–222.
5. Gessen A. I. «Vse volnovalo nezhenyi um...»: Pushkin sredi knig i družei. M.: Nauka, 1965.
6. Gillel'son M. I. Pushkinskii «Sovremennik» // «Sovremennik», literaturnyi zhurnal, izdavaemyi A. S. Pushkinym. Prilozhenie k faksimil'nomu izdaniyu. M.: Kniga, 1987. S. 3–42.
7. Gukovskii G. A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya. M.: OGIZ, 1948.
8. Iz bumag Stepana Petrovicha Shevyreva // Russkii arkhiv. 1878. № 5. S. 47–87.
9. Literaturnoe nasledstvo. T. 4–6 [I. V. Gete]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1932.
10. Literaturnoe nasledstvo. T. 58 [Pushkin. Lermontov. Gogol']. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952.
11. Nikitenko A. V. Dnevnik. T. 1. 1826–1857. L.: Goslitizdat, 1955.
12. Okhotin N. G., Ranchin A. M. Kukol'nik Nestor Vasil'evich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 3. M., 1994. S. 212–215.
13. Piskunov N. K. Nesostoyavshayasya gazeta Pushkina «Dnevnik» (1831–1832) // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya / Komis. dlya izd. soch. Pushkina pri Otd-nii rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk. SPb., 1907. Vyp. 5. S. 30–74.
14. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniya. 1948.

15. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 11. Kritika i publitsistika, 1819–1834. 1949.
16. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 12. Kritika. Avtobiografiya. 1949.
17. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. T. 15. Perepiska, 1832–1834. 1948.
18. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 16. Perepiska, 1835–1837. 1949.
19. Pis'ma Rozena Egora Fedorovicha k Kireevskomu Ivanu Vasil'evichu s prilozheniem perevoda stikhotvoreniya V. Gete «Bayadera» // RGALI. F. 236. Op. 1. Ed. khr. 127.
20. Rozen E. F. Ioann III i Aristotel' (Iz tragedii «Doch' Ioanna III») // Sovremennik. 1836. T. II. S. 194–205.
21. Rozen E. F. Iz stat'i «Ssylka na mertvykh» // A.S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov. T. 2. M.: Khud lit-ra, 1974. S. 271–278.
22. Rozen E. F. O rifme // Sovremennik. 1836. T. I. S. 131–154.
23. Frizman L. G. Ivan Kireevskii i ego zhurnal «Evropeets» // «Evropeets», zhurnal I. V. Kireevskogo. 1832 / izd. podg. L. G. Frizman. M.: Nauka, 1969 (Literaturnye pamyatniki). S. 385–479.

Linguistic picture of the world on the example of the diplomatic discourse of the Russian and Arabic languages

Al-Lami Furkan Abdulsalam

Postgraduate Student, Department of Higher School of Translation, Lomonosov Moscow State University

117321, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Ostrovityanova 16 Building, 16

✉ allamiffff@spbu.su

Abstract. Cultural differences are exacerbated when relations between ethnic groups are not uniform and ideal. In today's uncertain political environment, especially taking into account the Middle East, it is usual to use various methods and strategies to create clarity and confidence to exit the "emergency" in communication processes, regardless of specific political events and circumstances. The author notes that the genre of political discourse has its own vocabulary, which includes certain routine lexical devices and clichés. However, in modern languages (including Arabic), words lose their uniqueness and become polysemic, given the globalized environment and the world in which modern man lives. The study of some languages used in political discourse and the identification of linguistic features in this area are important for linguistics due to the small number of scientific studies in the field of political discourse in Arabic and Russian. It is also noted that today there are few scientific works devoted to some aspects of modern diplomatic issues. The study notes that some linguistic activities aimed at studying and clarifying the meaning of the form of political discourse are important, especially those related to the linguistic picture of the world, Arabic and Russian languages and methods of studying political discourse.

Keywords: linguistic anthropology, international relations, political diplomacy, intercultural communication, translation, cultural specificity, Arabic language, Russian language, diplomatic discourse, language picture of the world

References (transliterated)

1. Avad Akhmed Mokhamed. Osobennosti razvitiya SMI arabskikh stran v usloviyakh globalizatsii na rubezhe XX–XXI vv.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2003. 165 s.
2. Akhmed M.Sh. Yazyk russkoi diplomatii v arabskom vospriyatii: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 155 s.
3. Mikhaleva O.L. Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.
4. Finkel'berg N. D. Arabskii yazyk. Teoriya i tekhnologiya perevoda. M., 2010. 400 s.
5. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa / In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. Gos. Ped. Un-t. Volgograd: Peremena, 2000. S. 328-365.
6. Versteegh, K. The Arabic Language / K. Versteegh, H. M. Corneilis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. 416 p.
7. Balandina L.A. Yazyk diplomatii: traditsii i sovremennost' / L.A. Balandina, G.F. Kurachenkova // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviya: materialy mezhdun. nauch.-prakt. internet-konferentsii / otv. red. V.Yu. Melikyan. Rostov n/D: Rostizdat, 2011. 202 s.
8. Volkova T.A. Diplomaticheskii diskurs: leksiko-semanticheskie osobennosti i strategii perevoda. Samara: Samar. gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2007. 231 s.
9. Naser Falikh M. Osobennosti diplomaticheskogo diskursa na arabskom i russkom yazykakh (lingvokul'turologicheskie aspekty) / Izvestiya VGPU, №3 (284). 2019. 112-117 s. Elektronnyi resurs:
[http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2019_v284_N3/Izv%20VGPU%202019%20Is sue%203%20\(284\)_112-117.pdf](http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2019_v284_N3/Izv%20VGPU%202019%20Is sue%203%20(284)_112-117.pdf)
10. Terentii L.M. Diplomaticheskii diskurs kak osobaya forma politicheskoi kommunikatsii // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. No 1. Tambov. 2010. Elektronnyi resurs: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskii-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii/viewer>
11. Trabelsi Kh. Vopros terminologii v arabskom diplomaticheskom yazyke [Tekst] // European Applied Sciences. Lei ptsig, 2012. Elektronnyi resurs:
https://www.academia.edu/2437503/Vopros_terminologii_v_arabskom_diplomaticheskomo_yazyke
12. El' Sabruti R.R. K voprosu o funktsionirovanii sovremennoi arabskoi terminologii // Yazyk i kul'tura. 2016. No3 (35). Elektronnyi resurs: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-sovremennoy-arabskoy-terminologii/viewer>
13. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'; Gl. red. I. Lapina. M.: AST, 2003. 1248 s.
14. Borisov V.M. Russko-arabskii slovar' [Tekst] / V.M. Borisov. M., 1995. 1120 s.
15. Diplomaticheskii slovar' // Gl. red. A. A. Gromyko. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, M., 1960, T. 1. 752 s.
16. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'; Gl.red. V.N. Yartseva. M.: Sov. Entsiklopediya, 1990. 683 s.
17. Ozhegov S.I. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. M.: AST Mir i Obrazovanie, 2014. 1376 s.
18. Ushakov D.N. Tolkovy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 10 000 slov. – M.: Dom. XXI vek RIPOL klassik, 2010. 800 s.

Greek borrowings and glosses in the translation of "Epitomy"

by Constantine Harmenopoulos, made by Epiphanius Slavnetsky

Ivanova Elizaveta Vyacheslavovna

Postgraduate student, Department of Russian Language, M. V. Lomonosov Moscow State University, assistant of the Department of foreign languages of MREA- RTU

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51, room 950

✉ atonical@mail.ru

Abstract. The object of the study was the Greek phrases used in glosses in the Slavic literature of the second half of the XVII century, the subject is their implementation in the translation of the Epitomes by Konstantin Armenopoul, made by Epiphanius Slavnetsky, and the relationship with other works of this scribe. The purpose of the study is to identify the features of the use of Greek phrases in glosses in this translation. Particular attention is paid to the compilation of their own classification of marginalia based on available research. Adapting glosses, foreign-language equivalents to Slavic variants in the main text are considered separately, the characteristics of glossaries are given, the data are compared with the material of lexicons that were used by scribes. The novelty of the research consists in the introduction into scientific circulation of manuscripts not previously considered by scientists in the linguistic aspect. The main results of the analysis are to identify the role played by marginalia in the translation of "Epitomes": some of them are aimed at adapting the text for the reader, some are aimed at bringing the text closer to the original and are due to the Greek orientation of the translator. The description of the specifics of the work of the Moscow reference man with marks also clarifies the methodology of editing and searching for a more accurate translation, and also sheds light on the lexical and grammatical features of translations of the Chudovsky Book School of the second half of the XVII century.

Keywords: translation studies, Old Church Slavonic Language, translations from Greek, Nikon's book reforms, Chudov's book school, glosses, marginalia, greek borrowings, Constantine Harmenopoulos, Epiphanius Slavnetsky

References (transliterated)

1. Ivanova E.V. Printsip gretsizatsii v perevode "Epitomii" Konstantina Armenopula, vypolnennom Epifaniem Slavnetskim // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Gorno-Altaysk: tom 100, № 3, 2023.
2. Korogodina M.V. Arkhiepiskopy Afanasii Kholmogorskii i Aleksandr Ustyuzhskii – sobirатели kanonicheskikh rukopisei // Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisei BAN. Sankt-Peterburg: BAN, 2013.
3. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2003–2023. Dostupen po adresu: ruscorpora.ru // URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkcqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKLSH0%2B2BubIIQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCGwoZChcKA3JlcRIQCg7RiNC%2F0LjQu9C80LDQvTAB> (data obrashcheniya: 31.05.23.)
4. Nimchuk V. Leksikoni E. Slavnets'kogo ta A. Korets'kogo-Satanovs'kogo / Pidgotuvav do vidannya V. Nimchuk. Kiiv, 1973.
5. Pentkovskaya T. V. "Slovo o milosti" v tserkovnoslavyanskom perevode vtoroi poloviny XVII v. i ego pol'skii original: peredacha realii. // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut slavyanovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, M.: Tom 6, №

2. 2017.
6. Pentkovskaya T. V. Korrektorny ekzempliyar Ostrozhskoi Biblii kak istochnik svedenii o rabote nad Moskovskoi Bibliiei 1663 goda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, № 3. 2023.
7. Sapozhnikova O.S. Russkii knizhnik XVII v. Sergei Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'. SPb.: Izd-vo Al'yans-Arkheo, 2010.
8. Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3-kh tomakh. Moskva: GIS, 1958.
9. Stolyarova L. V. Eshche raz o protografe Ryazanskoi kormchei 1284 g. // Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo. Ekaterinburg: 2008.
10. Tsypin V. Armenopol // Pravoslavnyaya entsiklopediya. T. 3, 2008.
11. Clarke Adam (1831). The Holy Bible: containing the Old and New Testaments: the text carefully printed from the most correct copies of the present Authorized translation, including the marginal readings and parallel texts : with a commentary and critical notes designed as a help to a better understanding of the sacred writings (8 volumes). New York: Daniel Hitt and Abraham Paul // URL: <https://sacred-texts.com/bib/cmt/clarke/index.htm> (data obrashcheniya: 31.05.23.)
12. Ivanov S. A. An Anonymous Byzantine Geographical Treatise // Revue des études byzantines: t. 60, 2002.
13. Swain Simon. Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Word // Simon Swain, J. Maxwell Adams, Mark Janse. Oxford [Oxfordshire]: Oxford University Press, 2002.
14. William Smith. Dictionary of Greek and Roman Geography, illustrated by numerous engravings on wood., LLD. London. Walton and Maberly, Upper Gower Street and Ivy Lane, Paternoster Row; John Murray, Albemarle Street. 1854.
15. Thayer Joseph Henry. A Greek-English lexicon of the New Testament. New York American Book, 1889.

Images of women in the plays of A.N. Ostrovsky

Gaipova Nafisa Ulugbekovna

Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia

119618, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 7

✉ nulugbekovna@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of female images and suggests the continuation of the conversation about the study of the social portrait of women in A.N. Ostrovsky's dramaturgy. The growing interest in the study of female characters is the most important direction in modern Russian literature. The object of the study is the dramatist's plays written in different periods of creative activity. The purpose of this work is to identify the transformation of the way of thinking and family life of a Russian woman against the background of gradual social development in the XIX century. To achieve this goal, the work uses cultural-historical and comparative methods, the method of analysis and generalization. As a result of the conducted research, the types of female characters were identified as,

victim, moralist, ideologue, fighter, Protestant and educated woman. The analysis showed that A.N. Ostrovsky is the creator of versatile characters of Russian women, who are distinguished by an exceptional moral appearance and spiritual purity. The conclusions can be used in subsequent analyses devoted to the Russian literature of the XIX century, the dramaturgy of A.N. Ostrovsky, gender studies. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the socio-psychological and spiritual characteristics of female images are revealed, as well as the factors that most influence the formation of personality and the predestination of fate.

Keywords: morality, values, sociocultural changes, relationship, dramaturgy, play, personality, fate, hero, image

References (transliterated)

1. Ostrovskii A. N. Polnoe sobranie sochinenii: V 12 t. / Pod obshch. red. G. I. Vladykina [i dr.] T. 7: P'esy 1874-1878.-M.: Goslitizdat, 1960. 481 s.
2. Ostrovskii A. N. Polnoe sobranie sochinenii: V 12 t. / Pod obshch. red. G. I. Vladykina [i dr.] T. 8: P'esy 1879-1885.-M.: Goslitizdat, 1960. 550 s.
3. Kropachev N.A. A.N. Ostrovskii // A.N. Ostrovskii v vospominaniyakh sovremennikov. Seriya literaturnykh memuarov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1966. S. 204-226.
4. Boiko V. P. Russkoe kupechestvo v p'esakh A. N. Ostrovskogo i v stat'yakh ego kritikov // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. 2017. №48. S. 6-13.
5. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka). SPb.: Azbuka; Azbuka/Attikus, 2015. s. 544
6. Khloponina O. O. Zhenskii mir v sovetskom plakate 1910-1930-kh godov: evolyutsiya mifologicheskikh konstruktov. Znanie. Ponimanie. Umenie, №4, 2017, s. 287-295.
7. Nagradova L.S. Osobennosti kontseptualizatsii ponyatiya «Russkaya dusha» posredstvom FE s komponentom «Dusha» v p'esakh A.N. Ostrovskogo // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2009. № 1. S. 81-85.
8. Suvorova A.V. Zhenskoe litso intrigi u A.N. Ostrovskogo i literaturnaya traditsiya // Shchelykovskie chteniya 2015. A.N. Ostrovskii v kontekste literatury: Konflikt, fabula, tsitata, tematika: Sbornik statei / Nauch. red., sost. Edoshina I.A. – Kostroma: Avantitul, 2016. – S. 57-71.
9. Kostelyanets B.O. «Bespridannitsa» A.N. Ostrovskogo [Tekst] / B.O. Kostelyanets. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. – 192 s.
10. Tugarina N.S. Imya – geroi – obraz // Shchelykovskie chteniya 2002. Problemy poetiki i estetiki tvorchestva A. N. Ostrovskogo. Kostroma: Avantitul, 2003. S. 194 – 205.
11. Isakova I. N. Antroponimy v sotsial'no-bytovykh p'esakh A. N. Ostrovskogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya.-2009.-№5. – S. 142-150.
12. Alpers B.V. Teatral'nye ocherki: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1977.
13. Shtein A.L. Master russkoi dramy. M.: Sovetskii pisatel', 1973. 432 s.
14. Lakshin V.Ya. Ostrovskii (1878-1886) // Ostrovskii A.H. Poln. sobr. soch.: v 12 t. / pod obshch. red. G.I. Vladykina. M.: Iskusstvo, 1975. T. 5. S. 475-499.
15. Ermolaeva N.L. «Nevol'nitsy» A. N. Ostrovskogo i «Gore ot uma» A. S. Griboedova // Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2021. – №1. – S. 16-22.
16. Ostrovskii A.H. Poln. sobr. soch.: v 12 t. / pod obshch. red. G.I. Vladykina. M.: Iskusstvo, 1975-1980.

The Role of Cognitive Metaphor in Chinese and Russian Languages

Xiuqing Chen

Master's Degree, Department of Linguistics, Tianjin University of Foreign Languages

300204, Kitai, Tyan'tszin' oblast', g. Tyan'tszin', ul. Machandao, 117

✉ chenxiuqing007@mail.ru

Abstract. Communication refers to cognitive activity, therefore it is necessary to comprehensively investigate its individual aspects. The purpose of this article is to study the role of cognitive metaphor in Russian and Chinese. The subject of the study is cognitive metaphor in Russian and Chinese languages. The object of the study is the meaning of cognitive metaphor in Russian and Chinese. The author used methods of deduction and induction, comparative, contextual analysis. The author examines in detail the stages in the study of metaphor. Translation is a special act of retransmission in the form of international communication, in which the transfer of thoughts, feelings, and cultural experience is especially important. Through language it is possible to reflect the system of spiritual culture. The main content of the moral foundation of the Russian cultural tradition is the principles of Orthodoxy. Chinese traditions are based on a powerful moral experience, the basis of which are the ideas of Confucianism. The scientific novelty of the study consists in the analysis of specific examples of cognitive metaphors in the text materials of Chinese-Russian intercultural communication. The concept of metaphor is investigated, its characteristics in the cognitive approach are revealed. A metaphor is a universal sign that performs an epistemological function in the process of transmitting information. Cognitive metaphor allows you to know and describe the unknown through acquired experience, is a key element of the thought process. Cognitive metaphor is of great importance in economic and political international translations. Most concepts in the commercial sphere are multi-component and difficult to perceive. The specific examples of cognitive metaphors in the materials of Chinese-Russian intercultural communication are analyzed. Practical recommendations on the correct understanding and use of cognitive metaphors in the translation process are offered.

Keywords: transmission of information, russian cultural tradition, spiritual culture, retransmission, linguistics, language theory, Russian-Chinese communication, intercultural communication, metaphor, cognitive metaphor

References (transliterated)

1. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. M.: Mezhd. otnosheniya, 1975. 240 s.
2. Borovikova N. A., Li Ven'lu. Metafora v kitaiskikh frazeologizmax, oboznachayushchikh vneshnost' cheloveka // Russkii yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte: materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii. Ekaterinburg: UrFU, 2015. S. 12-20.
3. Velichkovskii B.M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya: v 2 t. T. 1. M.: Smysl; ITs «Akademiya», 2006. 448 s.
4. Kravchenko A.V. Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii. 2 izd., ispr. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2004. 206 s.

5. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem. Teoriya metafory. M., 1990. 245 s.
6. Fosenko T.A. Modelirovanie protsessa perevoda v kontekste materii soznaniya // Sb. nauch. tr. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i problemy natsional'noi identichnosti. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2002. S. 125-134.
7. Fei Ts. Metaforicheskaya kognitsiya v kitaisko-russkoi mezhekul'turnoi kommunikatsii // Innovatsii v nauke: nauchnyi zhurnal. № 4(92). Novosibirsk., Izd. ANS «SibAK», 2019. S. 10-14.
8. Chzhao Aigo. Ocherki po lingvokul'turlogii. Kharbin: Kheiluntszyanskoe Narodnoe Izd-vo. 2006. 197 s.
9. Meison K. - Metafora i perevo // Mezhdunarodnyi zhurnal perevoda 1982. №28. s. 149.
10. N'yumark P. - Perevod metafory // Mezhdunarodnyi zhurnal perevoda 1982. №16. S. 93-100.
11. Naida E. - Stremyas' k nauke perevoda // Brill, Leiden. 1982.
12. Dagut M. - Mozhet li metafora byt' perevedena? // Mezhdunarodnyi zhurnal perevoda. 1976. № 32. C. 22.
13. Spinolo N. - Metaformy v sinkhronnom perevode // Mezhdunarodnyi zhurnal interpretatsii i perevoda. 2010. №3(1), S. 181-211.

Chatbot as a translation tool

Artamonova Maria Valerievna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 26, office 230

✉ m.artamonova@magtu.ru

Mambetov Akbar Azamatovich

Student at the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 26

✉ akb.mambetov@mail.ru

Tulina Ekaterina Valer'evna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 26, office 230

✉ tulina78@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study and analysis of modern technologies, namely artificial intelligence as an auxiliary tool in the work of a translator. The purpose of the study is to find out whether chatbots based on GPT-3.5 technology can be used in translation activities. The article compares the capabilities of chatbots and online text corpora, as well as checks their analytical abilities and ability to rhyme. Dialog assistants are given a task to find information or analyze it based on a query given to them. At the same time, it is checked whether chatbots developed by different companies provide the same information. The

scientific novelty of the work lies in the attempt to find a universal tool that can automate the routine work of the translator. A special contribution of the authors of the study is an attempt for the first time to compare and analyze the rapidly developing functionality of chatbots in the context of translation activities and to identify key problems that do not allow the effective use of this technology in translation. As a result, it was determined that the modern GPT language model has many limitations and disadvantages that stop chatbots from becoming a reliable source of information and an efficient translation tool. Problems were identified, the solution of which would make it possible to use Chat GPT and other chatbots in translation activities.

Keywords: Chatsonic, Sage, Perplexity, text corpora, pre-translation analysis, neural networks, Computer-Aided Interpreting systems, Chat GPT, artificial intelligence, chatbot

References (transliterated)

1. Artamonova M. V. CAT-sistemy v podgotovke spetsialistov-perevodchikov // Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya. 2022. T. 13. № 2. S. 50–53.
2. Bikkulova O. S., Ivkina M. I. Chat-bot v metodike prepodavaniya RKI // Mir Russkogo slova. 2021. № 1. S. 91–96.
3. Zil'berman N. N. Ispol'zovanie tekhnologii chat-botov pri formirovanii govoreniya v prepodavanii inostrannogo yazyka. Na primere russkogo yazyka kak inostrannogo nachal'nogo etapa obucheniya // Gumanitarnaya informatika. 2007. № 3. C. 110–116.
4. Kopytova A. V. Lingvopragmaticheskie osobennosti situatsii obshcheniya «chelovek – chat-bot» // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2023. №2 (54). S. 123–139.
5. Korobova A. N., Chizhik N. D. Ispol'zovanie chat-botov v kachestve dopolnitel'nogo pomoshchnika dlya abiturientov MRK // Nauchnaya konferentsiya uchashchikhsya kolledzha: materialy 58-i nauchnoi konferentsii aspirantov, magistrantov i studentov BGUIR. Minsk, 2022. S. 70–73.
6. Proshina M. V. Sovremennye metody obrabotki estestvennogo yazyka: neironnye seti // Ekonomika stroitel'stva. 2022. №5. S. 27–42.
7. Khobson L., Khannes Kh., Koul Kh. Obrabotka estestvennogo yazyka v deistvii. Sankt-Peterburg: Piter, 2020.
8. Aleksandrova E. V., Trofimova N. A., Rubtsova S. Yu., [et al.]. Audiovisual content analysis in the translation process // Journal for Educators, Teachers and Trainers. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 262–268.
9. Firaina R., Sulisworo D. Exploring the Usage of ChatGPT in Higher Education: Frequency and Impact on Productivity // Buletin Edukasi Indonesia. 2023. Vol. 2. No. 1. Pp. 39–46.
10. Javaid M., Haleem A., Singh R. P., Khan S., Khan I. H. Unlocking the opportunities through ChatGPT Tool towards ameliorating the education system // BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 1–12.
11. Luo B., Lau Y. K. R., Li C., Si Y-W. A critical review of state-of-the-art chatbot designs and applications // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2022. No. 12(1). Pp. 1-26.

The concept of "glory" in Russian and Chinese proverbs and sayings

Yan Yun'ya

Postgraduate student, RIAMP Department, RUDN

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya street, 6, of. Peoples' Friendship University of Russia

✉ yunya626ya@163.com

Mitrofanova Irina Igorevna

PhD in Sociology

Associate Professor, Department of Russian language and teaching methodology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya street, 6, of. Peoples' Friendship University of Russia

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru

Abstract. This article discusses the concept of "glory" in Russian and Chinese sayings and proverbs. Fame is one of the most important topics for a person, it has been said for centuries, and occupies a significant place in our lives. In the article we compare and analyze the differences between the Russian and Chinese concept of "glory". The purpose of the research of this article is to identify the concept of "glory" in sayings and proverbs against the background of Russian and Chinese linguistic and cultural traditions. The subject of this study is the idea of the concept of "glory" in Russian and Chinese proverbs and sayings. The scientific novelty of the research is that this article examines and analyzes the concept of "glory" in sayings, proverbs, idioms in Russian and Chinese language pictures of the world. This paper presents the results of the analysis of stable expressions, proverbs, sayings of two languages. Comparing and analyzing the concept of "glory" in Russian and Chinese, it can be noted that the concept reflects the linguistic and ethnic culture of Russia and China, which reflects the national characteristics of the peoples. This is of great importance for researchers of Chinese and Russian languages, and at the same time provides a good prospect for further research in the field of intercultural communication.

Keywords: differences, linguoculturology, similarities, Russian, Chinese, linguistic picture of the world, adage, proverb, glory, concept

References (transliterated)

1. Askol'dov, 1997 – Askol'dov S.A. Kontsept i slovo // Rus. rech'. Novaya seriya.Vyp. 2. L., 1928. S. 28–44.
2. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii[M]. M.: 2001. 59s.
3. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Z]. M.: NNN, 2000. 43s.
4. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs[M]. Volgograd: Peremena, 2002. – 477s.
5. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury[M]. M.: 1997. S. 41-43.
6. Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka / pod red. Lyui Shusyan. – Pekin: Shanu, 1996.
7. Slovar' kitaiskogo literaturnogo yazyka / pod red. Chzhan Shuyan'. – Shankhai: Bol'shoi kitaiskii slovar', 2000.
8. Slovar' kitaiskogo yazyka. – Pekin: Shanu, 2002.

9. Slovar' kitaiskikh poslovits / pod red. Chzhou Tszintsi. – Pekin: Shanu, 2006.
10. 吕叔湘, 丁声树. «现代汉语词典»第七版. 北京: 商务印书馆, 2016.
11. 罗竹凤. «汉语大词典». 上海: 汉语大词典出版社, 1990.
12. 在线成语字典 (Slovar' kitaiskikh frazeologizmov) [Elektronnyi resurs]. (data obrashcheniya: 20.07.2023).
13. [Elektronnyi resurs]. – <https://allposlovicy.ru/slava/> – Data dostupa: 08.07.2023.
14. [Elektronnyi resurs]. – <https://folkmir.ru/poslovitsy-pro-slavu> – Data dostupa: 08.07.2023.
15. [Elektronnyi resurs]. – <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-slavu/> – Data dostupa: 08.05.2023.
16. [Elektronnyi resurs]. – <https://allposlovicy.ru/slava/> – Data dostupa: 08.06.2023.
17. [Elektronnyi resurs]. – <https://dettex.com/poslovicy-i-pogovorki-pro-slavu/> – Data dostupa: 08.08.2023.

Modern Arabic Scholars on Stress

Gerasimova Arina Andreevna

Post-Graduate Student of the Arabic Philology Department of Lomonosov Moscow State University

125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 11 p. 1, of. p. 1

✉ gerasimovaaa01@my.msu.ru

Abstract. The article comments on the most significant phonetic works, which describe:

- theoretical provisions on the physiology of percussive sound generation,
- its acoustic features and parameters of the vowel component - syllabic carrier,
- rules for placing stress in Arabic words,
- Peculiarities and differences in the generation of stress in different idioms of the Arab world.

The aim of the paper is to describe the basic concepts of Arab scholars regarding the stress in the Arabic word. The authors take a different look at the articulatory mechanism and acoustic characteristics of stress, highlighting various parameters of the stressed syllable, such as effort, exhaled air volume, intensity, tone, duration and distinctness. The purpose of the description is to identify the common features of Arabic stress.

The article examines the works of Ibrahim Anis, Muhammad al-Nuri, Tamam Hassan and Ahmad Mukhtar Umar – authors of the 20th century, when experimental phonetic studies among Arabic linguists were not yet carried out, therefore, the paper describes a purely theoretical study of the issue.

As the main factor of the stressed syllable, Arabic authors choose the effort applied for its implementation, as well as the tone – this is noted in the works of all the listed linguists. Two authors highlight the characteristics of distinctness and duration. According to all authors, intensity makes the least contribution to the stress of a syllable. All factors are associated with great effort at the stage of articulation.

The article describes the history of interest in stress in Arabic grammatical monographs, as well as the main provisions and approaches to its definition, which made it possible to further experimental study of the issue.

Keywords: Ibrahim Anis, distinctness, tone, effort, Ahmad Mukhtar Umar, Tamam Hassan, Muhammad al-Nuri, Arabic, stress, duration

References (transliterated)

1. Anis, Ibrahim. 'Al-'Aṣwāt 'al-luġawiyya. Maktabat Nahḍat Masr wa-maṭba'atuha bi-Masr, Cairo: 1958. 278 p.
2. Trubetskoi N.S. Osnovy fonologii. Moskva, 1960.
3. An-Nūri, Muhammad Jawwād. Min 'al-lisaniyāt 'al-luġati 'al'arabiyati ('ilm al'aṣwāt). Dar al kotob al ilmiyah, Beirut, Lebanon, 2019. 480 p.
4. Belova A.G. Istoricheskaya morfologiya arabskogo yazyka. Moskva, Vostochnaya literatura, 1994
5. Tamam Hassan. Manāhiġ al-baḥṭ fi-l-luġa // Maktabat al-Anglo al-Masriyya, Cairo, 1990. 279 p.
6. Sweet H. A Primer of Phonetics. Clarendon Press, Oxford, 1892, 113 p.
7. Ahmad Mukhtar Omar. Dirāsāt 'aṣ-ṣawt 'al-luġawiyya. Alam Al-Kutub – Masr, Cairo: 1991. 445 p.
8. Ladefoged, Peter. Preliminaries to linguistic phonetics. University of Chicago Press, 1971, 122 p.
9. Jones D. The Phoneme: Its Nature and Use. Cambridge University Press, 1950, 308 p.
10. Crystal, D. A first dictionary of linguistics and phonetics. Andre Deutsch, London, 1980. 390 p.
11. Jamal -ud- Deen Abul Fadhal Muhammad bin Mukarram Ibn Manzour al-Ansari al-Fehri al-Ifriqui al-Misri. Lisan Al-'Arab (Arabic Book). Editor : As-Shaykh 'Amir Ahmed Haydar & 'Abdul Munim Khalil Ibrahim Hardback 8872 Pages. Dar Al-Kotob Al Ilmiyah (DKI), Beirut, Lebanon (2013)

Linguacultural prerequisites for the creation of new lexical units in dystopias (on the example of the lexical-thematic group "Names of socio-political organizations" in George Orwell's dystopian novel "1984")

Studenikina Daria Georgievna

Postgraduate student, The Department of General and Comparative Linguistics, M. V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 p.51, room 955

✉ studeni-kina@mail.ru

Abstract. This research studies the mechanisms of the formation of the author's vocabulary in the text of a dystopia. This vocabulary is called non-existent designations of literary reality. Extra linguistic factors influence the formation of the author's neologism. One of the factors is culture, which influenced the formation of linguistic consciousness. A literary work is a space in which the linguistic embodiment of the author's image of the world, his linguistic culture is concentrated. The material of the research is the text of the dystopian novel "1984" by George Orwell. Dystopia is of interest as one of the fantastic subgenres. The structure of the dystopian world is constructed on the author's fantasy, demonstrating non-existent things. Non-existent denotations are named according to this genre specificity. In the composition of the novel, the depiction of contradictions in the life of society and an undesirable political system is significant for building the world. In this regard, the purpose of the study is to describe the lexical-thematic group "Names of socio-political organizations" in George Orwell's dystopian novel "1984" and to identify productive elements for creating the vocabulary of this

group. The paper uses the descriptive method used in the onomasiological approach. As a result of the research, the units that make up the lexical-thematic group "Names of socio-political organizations" were selected, productive elements for creating the studied names were identified, and their lexical meaning was characterized. It can also be concluded that the text of a dystopia is the space in which the author's imagination is realized when creating a non-existent world. This world is not a copy of objective reality. At the same time, the naming of fragments of the new reality is based on the knowledge contained in the mind of the author.

Keywords: linguistic culture, lexical nomination, semiosis, occasionalism, narrator, linguistic personality, image of the world, fiction (science fiction), Dystopia, the lexical-thematic group

References (transliterated)

1. Abrosimova L.S. Teoretiko-metodologicheskie ustanovki kognitivnogo podkhoda k izucheniyu slovoobrazovaniya // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2014. № 2. S. 7-14.
2. Antropova E.V. Zhanrovye osobennosti nominatsii v tekstakh antiutopii (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2021. № 2. S. 60-71.
3. Belousova, Yu. V. Genezis obraza i ego funktsionirovanie v mediaprostranstve. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2015.
4. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moskva: Russkii yazyk, 2001.
5. Kant I. Kritika chistogo razuma. Soch. v 8 t. T. 3. Moskva: ChORO, 1994.
6. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2010.
7. Kubryakova, E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. C. 27-302.
8. Lanin B.A. Russkaya utopiya, antiutopiya i fantastika v novom sotsial'no-kul'turnom kontekste // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2014. № 1. S. 161-169.
9. Likhachev D.S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74-87.
10. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. Moskva: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.
11. Timofeev L.I., Turaev S.V. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. Moskva: Prosveshchenie, 1974.
12. Fishman L. G. Fantastika i grazhdanskoe obshchestvo. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002.
13. Fokin A. Khudozhestvennyi tekst — okno v «svetloe budushchee»: literatura, kinematograf, ideologiya na rubezhe 50-60-kh gg. XX veka // Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fantastika i tekhnologii (pamyati S. Lema)». Samara, 2009. S. 209-216.
14. Khokins Dzh., Delakhanti E., Makdonal'd F. Tolkovyi slovar' angliiskogo yazyka. M.: AST, Astrel'. Oxford: Oxford University Press, 2008.
15. Millward Julie. Dystopian wor(l)ds: language within and beyond experience. PhD thesis. Sheffield: School of English Literature, Language and Linguistics The University of Sheffield, 2006.